

В. К О Т В И Ч

ИССЛЕДОВАНИЕ
ПО АЛТАЙСКИМ
ЯЗЫКАМ

W. KOTWICZ

STUDIA NAD JĘZYKAMI
AŁTAJSKIMI

KRAKÓW, 1953

В. КОТВИЧ

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ПО АЛТАЙСКИМ
ЯЗЫКАМ**

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1962

Перевод А. И. Толкачева

Общая редакция и предисловие Н. А. Баскакова

Примечания Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева

АННОТАЦИЯ

В. Котвич — виднейший польский ученый, широко известный специалист по алтайскому языкознанию. Данное исследование В. Котвича посвящено сравнительной грамматике алтайских языков (в основном морфологии). Автор использует в нем свои многолетние исследования в данной области и все достижения современной алтаистики, опираясь при этом на русскую, советскую и западноевропейскую литературу. Основные достоинства книги — образцовая систематизация фактического материала, ясность и наглядность изложения, оригинальность положений автора.

Предназначенная для специалистов в области алтайских языков, книга представляет также несомненный интерес для лингвистов всех специальностей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание труда В. Котвича «Исследование по алтайским языкам», опубликованного на польском языке в «Востоковедном ежегоднике» в 1953 году в Кракове¹, является продолжением серии переводов трудов зарубежных алтаистов и тюркологов по алтайскому² и тюркскому³ сравнительно-историческому языкознанию, интерес к которому широко проявляется среди советских лингвистов, занимающихся тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Владислав Людвилович Котвич (20/III—1872—3/X—1944), член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Польской Академии наук (Polskiej Akademii Umiejętności), профессор Львовского университета (Uniwersytetu Jana Kazimierza) — крупнейший исследователь в области монгольского и алтайского языкознания.

Поступив в 1891 году на факультет восточных языков Петербургского университета, он работал под руководством крупнейших профессоров того времени — С. Георгиевского, Д. Пещурова, А. Ивановского, В. Васильева, К. Голстунского, А. Позднеева и др., и окончил его в 1895 году по специальности дальневосточных языков: китайского, маньчжурского и монгольского.

Начиная с 1896 по 1924 год В. Л. Котвич ведет интенсивную научно-исследовательскую и педагогическую работу на факультете восточных языков (до 1919 года),

¹ W. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi*, RO, т. XVI, 1950, Kraków, 1953.

² Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, М., ИЛ, 1957.

³ М. Ряснен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., ИЛ, 1955.

затем на факультете общественных наук, в Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока и в Петроградском, а позже Ленинградском институте живых восточных языков, одним из организаторов и первым директором которого он был до 1924 года.

В 1924 году В. Л. Котвич был избран заведующим кафедрой филологии Дальнего Востока Львовского университета им. Яна Казимира, а позже — членом Польской Академии в Кракове, в связи с чем и переехал из СССР в Польшу.

Исследования в области сравнительно-исторической алтаистики были начаты В. Л. Котвичем еще в 1902 году в связи с его лекциями по грамматике монгольского языка¹ и продолжены им во множестве других более поздних монографий и рецензий, содержащих сравнительно-исторические экскурсы и сопоставления монгольских языков с другими алтайскими языками. Однако серия обобщающих и специальных трудов по сравнительно-историческому изучению алтайских языков была начата В. Л. Котвичем в 1931 году изданием первого выпуска его алтаистических этюдов² — работ лексико-грамматического характера, посвященных: 1) общему методологическому введению в сравнительное изучение алтайских языков (вып. I); 2) именам числительным (вып. II); именам прилагательным, выражающим названия цвета (вып. III).

Издание этих этюдов было продолжено в 1932 году выпуском, положившим начало новой лексикологической серии алтаистических исследований, состоящих из двух частей; первая из них была посвящена терминам, относящимся к обслуживанию почтовых станций, вторая — феодальным титулам тюрк. *bäg*, монг. *begi* и маньч. *beile*³.

¹ В. Котвич, Лекции по грамматике монгольского языка, изданные студентами Э. Маурингом и Э. Беренсом, СПб, 1902 (литографированное издание).

² W. Kotwicz, Les Contributions aux études altaïques, I (Notice préliminaire), II (Les noms de nombre), III (Les noms de couleurs), RO, VII, стр. 130—234, Kraków, 1931.

³ W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques, A — B, CO, 1932; второе издание, дополненное и переработанное, RO, XVI, Kraków, 1953, стр. 325—368.

В 1936 году первая лексико-грамматическая серия пополнилась новым изданием¹, состоящим из двух частей: первая содержала дополнения к первым трем частям (вып. IV), вторая — монографический анализ именного аффикса -п (вып. V).

Большое количество сведений по сравнительной грамматике и лексикологии алтайских языков содержат и другие работы и рецензии В. Л. Котвича; в частности, работы, касающиеся тюркско-монгольских языковых аналогий и взаимодействия этих языков².

Однако итогом всех исследований В. Л. Котвича по алтаистике следует считать его фундаментальный труд «*Studia nad językami altajskimi*», перевод которого и предлагается в настоящем издании. «Исследование по алтайским языкам» — посмертное издание, подготовленное одним из ближайших учеников В. Л. Котвича, покойным монголистом Марианом Левицким, который предпослал работе свое большое предисловие и список трудов В. Л. Котвича.

«Исследование» В. Л. Котвича открывается теоретическим введением, где автор касается истории вопроса и общих проблем алтаистики. Наиболее полно в этом введении представлены сведения о структуре слова в тюркских и монгольских языках, о специфике суффиксов имен и глаголов в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, о частях речи, о гармонии гласных и о некоторых других основных проблемах алтаистики.

Вторая часть работы, состоящая из нескольких глав, посвящена в основном вопросам морфологии алтайских языков. Разделяя все слова на три грамматических разряда — имена, глаголы и частицы, — автор анализирует соответствующие этим группам частей речи аффиксы

¹ W. Kotwicz, Contributions aux études altaïques, IV—V, RO, XII, Kraków, 1936.

² W. Kotwicz, Z badań nad językami altajskimi; VI Zjazd orientalistów polskich, Wilno, 1937; W. Kotwicz, Kilka uwag o turecko-mongolskich analogiach językowych; VII Zjazd orientalistów polskich Kraków, 1938; W. Kotwicz, Les éléments turcs dans la langue mandchoue, „Rocznik Orientalistyczny“, XIV, стр. 91—102, и др.

имен, аффиксы глаголов и способы образования различного рода частиц, к которым, кроме собственно частиц, относит также послелогии и союзы. В разделе имен, кроме аффиксов словообразовательных, автор подробно рассматривает также аффиксы словоизменительные, к которым относит аффиксы принадлежности, аффиксы предикативности и аффиксы падежей, а в разделе глаголов, соответственно, кроме словообразовательных глагольных аффиксов, — аффиксы спряжения глаголов.

Автор дает не только описание значений аффиксов и их сравнительно-исторический анализ на материале тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — он устанавливает их происхождение, приводит все гипотезы их генезиса, высказанные русскими и зарубежными алтаистами, тюркологами, монголистами и тунгусо-маньчжуроведами.

В своем капитальном труде автор, опираясь на труды предшествующих исследователей, приводит все имеющиеся соответствия грамматических аффиксов как по всем алтайским языкам, так и по отдельным группам языков.

«Исследование» отличается систематичностью, чрезвычайной осторожностью в заключениях и выводах; автор основывается лишь на достоверных, строго установленных фонетических закономерностях. Особенно интересны главы, посвященные глагольному словообразованию и словоизменению, в частности сведения о личных формах глагола. Здесь исследователи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков найдут много нового материала, интересные выводы.

Отрицая генетическую общность алтайских языков и объясняя близость их типологическими схождениями и длительным взаимодействием, автор не устанавливает каких-либо общих закономерностей их развития, отказывается от реконструкции языков-предшественников и общего для всех алтайских языков языка-основы.

Вместе с тем в своем заключении В. Л. Котвич устанавливает, исходя из сравнений, сопоставлений и всего доступного ему материала, что общий фонд схождений между монгольскими и тюркскими языками равен в морфологии около 50%, в лексике — 25%, а между тунгусо-маньчжурскими, с одной стороны, и тюркскими и мон-

гольскими — с другой — 10% в лексике и около 5% в морфологии.

Труд В. Л. Котвича, выражающий и обосновывающий точку зрения о типологическом схождении этих языков, в отличие от исследований, утверждающих генетическое их родство, является по сравнению с другими исследованиями этого плана наиболее полным; он опирается на обширный фактический материал и характеризуется отличной техникой сравнительно-сопоставительного анализа.

Проблема алтайской семьи языков до сих пор является спорной и неразрешенной. Не касаясь общих вопросов развития алтайской теории и основной историографии алтаистики, изложенных нами ранее¹, мы дадим здесь лишь анализ основных направлений этой теории, сопоставив методы и приемы исследования крупнейших ее представителей, в частности В. Л. Котвича и Г. И. Рамштедта; попутно мы выскажем некоторые критические замечания, относящиеся к общей оценке данного труда В. Л. Котвича.

В современной алтаистике существует несколько основных направлений и методов исследования родства алтайских языков, которые базируются на двух различных теориях: 1) теории генетического родства алтайских языков и 2) теории типологического сходства, согласно которой алтайские языки приобрели в результате постоянного контакта и взаимодействий также и материальную общность в фонетике, лексике и грамматике.

Если выразителями первой теории являлись Б. Я. Владимирцов, Е. Д. Поливанов и Г. И. Рамштедт, то одним из крупнейших представителей второй является В. Л. Котвич.

«Исследование по алтайским языкам» В. Л. Котвича не только воссоздает общую картину сходства и различия основных групп языков алтайской семьи — тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, — но и формулирует общий ход их развития.

Сущность теории В. Л. Котвича о развитии алтайских языков заключается в следующем: в далекую эпоху, за

¹ См. предисловие к книге Г. И. Рамштедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 5—20.

несколько веков до нашей эры, к северу от Китая обитали тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские племена, говорившие на различных, но структурно сходных языках. В процессе передвижения отдельные группы этих племен выделялись и изолировались, а их языки под влиянием новых субстратов приобретали свои специфические черты. К таким изолированным этническим группам В. Л. Котвич относит, например, протобулгаров и предков современных чувашей, язык которых под влиянием финского субстрата приобрел особые черты, или предков современных якутов, в языке которых в результате значительного воздействия монголов и тунгусо-маньчжуров также появились специфические черты.

Аналогичные явления наблюдались также в монгольских и тунгусо-маньчжурских племенах.

Таким образом, В. Л. Котвич считает, что факт постоянного перемещения различных по языку этнических групп и часто возникающих языковых контактов позволяет с уверенностью говорить о тюркских заимствованиях в монгольских и маньчжурских языках, равно как и о значительном влиянии этих языков на тюркские языки.

Однако В. Л. Котвич допускает также предположение, что все эти три группы языков могли иметь в древнейшие времена единый язык-основу, который позже, в результате воздействия различных субстратов, дифференцировался, образовав три группы: тюркских, монгольских и маньчжурских языков.

Значительное сходство в фонетике тюркских, монгольских и маньчжурских языков весьма убедительно и красноречиво подтверждает мысль о единой алтайской семье языков, наличие которой не отрицает и В. Л. Котвич, оговаривая становление этой семьи на базе типологического сходства этих языков между собой.

Таким образом, представители как генетической теории, так и типологической согласны с тем, что общность алтайских языков существует, хотя объясняют они эту общность различно, а следовательно, расходятся и в методах исследования самого фактического материала.

Различия методов в анализе языковых фактов алтайских языков Г. И. Рамстедта и В. Л. Котвича заключаются в том, что Г. И. Рамстедт использует живые факты

тюркских, монгольских и маньчжурских языков для реконструкции праязыковых форм, устанавливая вместе с тем закономерности развития фонетического и грамматического строя этих языков, в то время как В. Л. Котвич пользуется лишь методикой анализа лексических и грамматических заимствований одних языков из других, сопоставляя специфику фонетических и грамматических законов развития одного языка по отношению к другим.

Различные методы подхода к исследуемым фактам обуславливают и различную структуру их исследований. Если работу Г. И. Рамстедта можно характеризовать в большей ее части как своеобразный морфологический словарь разнообразных словообразовательных и словоизменятельных аффиксов, то работа В. Л. Котвича является опытом построения общей сравнительно-сопоставительной грамматики алтайских языков, имеющей определенную схему и план построения, который отражает весь грамматический строй этих языков.

Характеризуя особенности «Исследования» В. Л. Котвича как общей грамматики алтайских языков, необходимо прежде всего отметить учет огромной специальной литературы по всем группам языков алтайской семьи. В отличие от многих исследований зарубежных алтаистов В. Л. Котвич широко использует труды советских тюркологов, монголистов и тунгусо-маньчжуристов. Благодаря полному объему использования известных науке фактов и явлений живых языков алтайской семьи труд В. Л. Котвича изобилует весьма интересными и тонкими замечаниями и наблюдениями. Обширный фактический материал, привлекаемый автором, позволяет ему привести много интересных предположений и гипотез о развитии отдельных грамматических форм слов и других явлений.

Весьма интересна и убедительна, например, теория В. Л. Котвича о более древней краткой форме тюркских корней слов по отношению к тем же монгольским корням, усложненным конечными гласными. Пристального внимания заслуживает гипотеза В. Л. Котвича о структуре знаменательных слов и аффиксов в алтайских языках.

Много интересных и вполне аргументированных предположений мы находим о происхождении отдельных грамматических формантов в конкретных алтайских

языках. Ср., например, его предположения об общем происхождении тюркской условной формы глагола на -sa/-sä и монгольской формы на -yasaj/-gäsāj, или о происхождении некоторых аффиксов побудительного залога в тюркских и монгольских языках из повелительной формы вспомогательного глагола, например oqut- < oqu tā- «учить» (букв. «учись! — говорить») и пр.

В. Л. Котвич приводит много вполне обоснованных выводов, характеризующих общую структуру алтайских языков, их синтаксический строй и специфику морфологических формантов, отражающих структуру предложения и словосочетания в алтайских языках. Так, весьма верным и продуктивным является его положение о происхождении преобладающего большинства спрягаемых форм глагола от причастий. Следует лишь отметить, что в тюркских языках не большинство, а все спрягаемые формы глагола восходят к причастиям. Продуктивность этого положения в том, что оно позволяет по-новому подойти к сравнительно-историческому изучению синтаксиса алтайских языков, объяснить структуру предложения и словосочетания в этих языках.

В связи с теорией происхождения предикативных форм глагола от причастий В. Л. Котвич отмечает невозможность наличия посессивных местоименных аффиксов в спрягаемых формах глагола, то есть в *verbum finitum*. Таким образом, все лично-предикативные аффиксы — и полные и усеченные — как в старых, так и в новых языках не могут выражать посессивных отношений и имеют явно предикативный характер. Посессивные же местоименные аффиксы характерны только для определенных словосочетаний.

Однако причастная основа всех спрягаемых форм глагола не говорит еще о чисто именном характере спряжения в алтайских языках, что неоднократно отмечает автор. Напротив, причастие, являясь производной формой глагола, представляет собой наиболее полную глагольную форму, так как только оно обладает всеми признаками глагола и служит выражением наиболее характерных для глагола грамматических категорий залога, вида, наклонения и времени; только причастие, по крайней мере в тюркских языках, обладает возможностью изме-

няться по лицам, так как все сказуемые в тюркских предложениях, а в том числе и в предложениях с так называемым именным сказуемым, выраженным именем со связкой, исторически восходят к причастным формам, поскольку связка в этих сказуемых исторически представляет собой причастную форму от вспомогательного глагола *tur* (< *turur*).

Таким образом, в тюркских языках каждый предикат реально или реконструктивно является всегда глагольным. Характеристика же спряжения в тюркских языках как именного основана в значительной степени на недоразумении.

Анализируя в общих чертах правильно строй алтайских и в том числе тюркских языков, В. Л. Котвич говорит также о некоторых спорных и дискуссионных моментах.

Совершенно справедливо определяя границы между словообразованием и словоизменением в алтайских языках и вполне убедительно аргументируя отнесение к категориям словоизменения только категорию принадлежности, склонение (т. е. категорию падежей) и спряжение (т. е. категорию лица)¹, автор вместе с тем несколько упрощает структуру слова в алтайских языках и, расчлняя слово на его основные структурные элементы, находит, что «слова могут иметь в своем составе или только корень, или корень и суффикс...»²

Вместе с тем в алтайских языках, характеризующихся наиболее ярко выраженной агглютинацией, структура слова более сложна. Так, в тюркских языках слово, содержащее несколько различных словообразовательных и словоизменительных аффиксов, как правило, разлагается на четыре основных элемента, или группы морфем: 1) корень, состоящий из неразложимой морфемы, выражающей знаменательное, реальное его значение; 2) аффиксы лексико-грамматического словообразования, модифицирующие лексическое значение слова и определяющие его отношение к другим лексико-грамматическим разрядам

¹ К категориям словоизменения, по нашему мнению, следовало бы отнести также и категорию числа, поскольку последняя выражает согласование в числе подлежащего и сказуемого предложений в алтайских языках.

² Стр. 30.

лексики; вместе с корнем они составляют первую основу слова, определяющую конечный итог словообразования и окончательно устанавливающую лексическое значение слова; 3) аффиксы функционально-грамматического словообразования, которые определяют роль слова в составе словосочетания или предложения и составляют вместе с первой основой вторую основу слова, выражающую либо определяемый, либо определяющий член словосочетания или предложения, и, наконец, 4) аффиксы словоизменения, определяющие отношения данного слова в составе словосочетания и предложения, то есть устанавливающие функцию его в предложении как подлежащего, сказуемого, дополнения или обстоятельства.

Таким образом, слово в алтайских языках с точки зрения его морфологической структуры представляет собой не простое сочетание корня и суффикса, а сложное сочетание морфем со строго закрепленными за ними лексическими и грамматическими значениями.

Не менее спорной теорией В. Л. Котвича и его последователей¹ является теория о первичной двузвуковой структуре тюркского корня, который якобы первоначально состоял для многих слов из двух фонем типа *sg*, то есть из согласного и гласного. Сторонники этой теории приводят обычно в качестве доказательств ограниченное количество корней, зарегистрированных в старых письменных (орхонских, енисейских, древнеуйгурских) памятниках, и на этом основании предполагают, что многие из наиболее часто встречающихся трехзвучных корней типа *sgc* также представляют позднейшие основы, исторически восходящие к сложным сочетаниям первичного корня *sg* + аффикс *c*.

Действительно, в старых огузских (орхонских), киргизских (енисейских) и древнеуйгурских письменных памятниках на «руническом» и древнеуйгурском алфавитах, как известно, не отражающих полного звучания слова, мы встречаем основы слов, состоящие из *sg*, например *ba-* «перевязывать», *su-* «ломать, разрушать», *sa-* «считать, думать», *tu-* «запрудить», *tü* «различный», *to* «количество,

¹ Б. М. Юнусалиев, Киргизская лексикология, I, Фрунзе, 1959; А. Зайончковский, к вопросу о структуре корня в тюркских языках, ВЯ, № 2, М., 1961.

число», *su* «вода», *bi* «кобыла», *jä-, ji-* «есть, кушать», *dä-, di-, tä-, ti-* «говорить», *ja* «лук, оружие», *bu* «этот», *pā, pi* «вещь», *ju-* «мыть», и даже из одного гласного (*ə*), например: *u* «сон», *u-* «мочь», *o* «он», *ö-* «думать», *ä-* «быть», *u* «кустарник» и некоторые другие.

Однако, учитывая несовершенство передачи полного звучания слог на старых несовершенных алфавитах (руническом, древнеуйгурском < согдийском и даже арабском) и более древние фонетические формы тех же слов-корней, сохранившиеся в современных языках и диалектах, мы можем при более тщательном рассмотрении этих слов-корней легко установить, что все перечисленные выше корни имеют в исходе более полную фонетическую форму, обычно со слабым согласным на конце, который в процессе фонетического развития либо слился с предшествующим гласным, образуя вместе с ним долгий гласный, либо полностью исчез. Этот процесс превращения сочетаний краткого гласного со слабым согласным (*γ, w, j, ł, l, r, ɾ*) в долгий гласный и последующего превращения долгого гласного в краткий наблюдается часто и в современных живых тюркских языках.

Так, всем известно, что такие корни, как *ja* «лук (оружие)», *su* «вода», *u-* «мочь», *ju-* «мыть», восходят к более полным фонетическим формам *su* > кирг. *sū* > казах. *suw* > н.-уйг. *suγ* и форма *su*, следовательно, является более поздней по отношению к *suγ*; *ja* «лук (оружие)» > алт. *djä* > абак. *jaγ* (Вербицкий, 65)¹; *u-* «мочь» > тур. *uγ* || н.-уйг. *uq-* «понимать», *uqut* «сознание»; *ju-* «мыть» < кирг. *ǰū* < казах. *ǰuw* < абакан. *ǰuγ* (Вербицкий, 101). Тот же процесс фонетического развития претерпели и корни: *sy-* «ломать, разрушать», исторически восходящий к *sū-* (ср. туркм. *sūp-* «ломаться») < н.-уйг. *siq-* «давить, сжимать», *+·un-* < **suγun-* «сжиматься, трескаться, ломаться» (ср. Вербицкий, стр. 318 и 320: *suγun-* || *sun-* «прижаться к стене»); *ba-*, восходящий к **baγ-* (ср. Малов² др.-уйг. *baγ-už* «веревка у юрты, связь, связка»). Что же касается слова *baγ* «завязка», то исторически оно восходило к ос-

¹ В. Вербицкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884.

² С. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

нове с долгим гласным (ср. туркм. *bāy*) и далее к **baγ-yū*, последнее позже в силу гаплогической элизии слогов стянулось в *bāy*. Эту форму мы и встречаем в современном туркменском языке; производные же от корня *baγ* «связывать» составляют обычно словообразовательную парадигму: др.-уйг. *baγ-yū* «веревка»; *baγ-yū* > *bāy* «связка», *baγ-yū-la-* > *bāy-la-* «связывать». *sa-* «считать», восходящий к *saγ-* (ср. Вербицкий 282, абакан. *saγ-yp* «думать, размышлять», *saγ-yū* «ум, мысль»; ср. Малов *saγyū* «арифметика, счет»), что же касается слова *saп* «число», то оно так же восходило к основе с долгим гласным (ср. туркм. *sāp*), которая в свою очередь образовалась от более сложной основы **saγ-yp*, в которой сочетание слабого коренного согласного и гласных *aγy* дало долготу в туркменском. Таким образом, от основы **saγ-* «думать, считать» произошли и производные *saγyū* «дума, счет», *saγyp* > *sāp* «число», *saγ-yp-la-* > *sāp-la-* > *sāp-na* «считать».

Несколько иные фонетические явления мы наблюдаем в корнях типа *tā-* (с вариантами) «говорить, сказать» *jā-* (с вариантами) «есть, кушать», которые в исходе имели конечный *j*, то есть восходили к полному типу корней *tāj-* «говорить», *jāj-* «кушать» (ср. в н.-уйг. *imeka* действия *tāj-iš* «говорение», *jāj-iš* «процесс еды» и проч.).

Все приводимые сторонниками данной теории двузвучные «корни» имеют, как правило, в исходе либо долготу гласного, либо производные словообразовательные формы, не подтверждающие теорию о первичной двузвучности корня, ср., например, *ō-* «думать» (<*ög-*, МК¹ и производные *ög-üt* «наставление» МК (453) или *üg-üt* в киргизском языке); *pā* «вещь», (печ «вещь» МК (419); *bi* «кобыла» (казак. *bije*); *bu* «этот» (<каракалп. *bul*), *ā-* «быть» (<*āγ-* др.-тюрк.), *to* «количество, число» (<кирг. *tō*) и т. д.

В. Л. Котвич идет в теории двузвучности первичного корня еще дальше, видя в таких словах, как *tuγ-* «стоять, жить», *āγ-* «быть» и т. д. не первичные корни, а сочетания корня *tu-* и *ā-* + аффикс причастия *-γ*, хотя ни в древних, ни в живых языках подтверждения тому не видно.

¹ [Mahmud-al-Kaşğari] *Divanü lûgat-it-türk tercümesi*, Endeks. yazan Besim Atalay, Ankara, 1943, стр. 451.

поскольку известно, что причастие на -г от первого глагола *tug-ug* и от второго *äg-üg* являются нормой как для древних языков, так (в отношении *tug-ug*) и для современных. Более того, все словообразовательные производные исходят из основ *tug-* и *äg-*, но не из основ *tu-* и *ä-*, ср., например, *tugmüš* «жизнь», *ägmiš* «был» и пр.

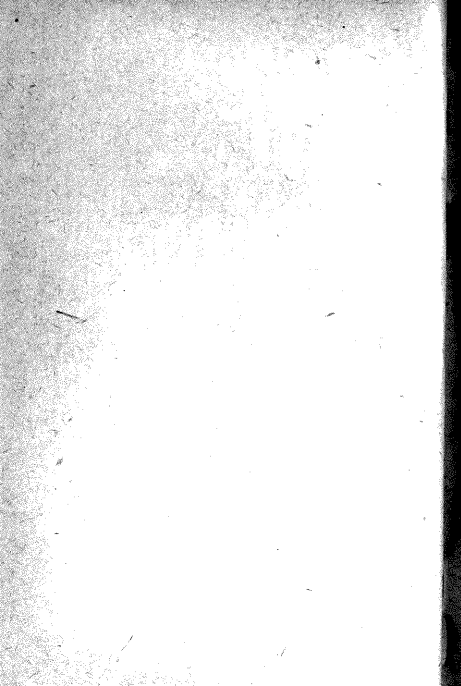
Таким образом, теория о первичности двузвучных корней остается пока слабо мотивированной и факт наличия во всех приводимых сторонниками этой теории примерах долгих гласных (например, в туркменском языке) не подтверждает, а противоречит действительному положению вещей и указывает на более сложный процесс образования в некоторых языках корней типа *cg*.

Несмотря на некоторые дискуссионные положения, неизбежные для обобщающих исследований, книга В. Л. Котвича является в настоящее время одним из основных и капитальных научных трудов по алтаистике.

В ней автор не только приводит значительный фактический материал по алтайским языкам, излагая его в сравнительно-сопоставительном аспекте, но и дает теоретически обоснованную грамматическую схему алтайских языков, весьма тонко им продуманную и точно отражающую их структуру.

Книга В. Л. Котвича безусловно окажет значительную помощь алтаистам в дальнейших исследованиях и решении проблемы генетического родства алтайских языков.

Н. Баскаков

ОТ АВТОРА

В 1930 году я начал сравнительно-историческое исследование алтайских языков в области трех групп: тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. Целью моей было последовательное освещение отношений, которые существовали и существуют между этими группами, причем я не предрешал заранее, основаны ли эти отношения на родстве или же только на взаимовлияниях. В своей работе я опирался на исследования моих предшественников, а также пользовался всеми доступными мне новыми материалами и дополнял результаты, достигнутые другими учеными, собственными наблюдениями.

При существовавшем в то время состоянии изучения алтайских языков я не мог и мечтать о сколько-нибудь систематических разысканиях. Мне пришлось ограничить свои исследования отдельными темами, которые определялись имеющимися в моем распоряжении материалами. Наиболее широко я мог исследовать числительные и местоимения, поскольку по этим вопросам уже существовали ценные работы, созданные Г. И. Рамstedтом, который по справедливости считается творцом алтайского сравнительно-исторического языкознания.

Несколько моих заметок вышло под общим заглавием «Contributions aux études altaïques», другие — под разными заглавиями. До начала второй мировой войны были опубликованы следующие работы:

Contributions aux études altaïques. I — Notice préliminaire; II — Les noms de nombre; III — Les noms de couleurs («Rocznik Orientalistyczny», VII, 1931, стр. 130—234); IV — Sons intercalaires; V *n* nominal («Rocznik Orientalistyczny», XII, 1936, стр. 22—142); A. Les termes concernant le service des relais postaux, B. Les titres prin-

ciers turc båg, mo. begi, ma. bejle (Collectanea Orientalia, nr. 2, 1932, стр. 54).

Les pronoms dans les langues altaïques («Prace Komisji Orientalistycznej PAU», nr. 24, 1934, 80 стр.).

Les éléments turcs dans la langue mandchoue («Rocznik Orientalistyczny», XIV, 1939, стр. 91—102).

Названные работы были доброжелательно приняты рядом востоковедов, которые посвятили всем им в целом или затронутым в них проблемам отдельные заметки, предлагая в ряде случаев собственные наблюдения и замечания. С благодарностью я должен упомянуть имена В. Банга («Ungarische Jahrbücher»), П. Пеллио («T'oung Pao»), А. Габэн («Polski Biuletyn Orientalistyczny»), Т. Ковальского («Orientalische Literaturzeitung»), Мухаммеда Фуада Кёпрюлю («Köprösi Csoma Archivium»), Э. Хениша («Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen») и С. М. Широкогорова.

В 1938 году я подготовил к печати отдельное исследование о долгих гласных в алтайских языках, которое должно было появиться в журнале «Prace Komisji Orientalistycznej». Однако мне стало известно, что Л. Лигети опубликовал в венгерском журнале «Magyar Nyelv», XXXIV, 1938, свое исследование о долгих гласных в тюркских языках¹ и что оно должно было появиться в переводе на французский язык с добавлением нового раздела. Поэтому я отложил публикацию своей работы, намереваясь познакомиться с точкой зрения Л. Лигети по данному вопросу. Начавшаяся вскоре война разрушила мои планы, и только осенью 1942 года я смог познакомиться благодаря резюме, которое мне любезно сообщил Т. Ковальский, с французским вариантом этой статьи, опубликованным в «Journal Asiatique»². О печатании моего исследования уже не могло быть и речи.

Дальнейшая работа в данной области представляла известные трудности в связи с событиями военного времени. Чрезвычайно ощутимым для меня неудобством было то, что, оказавшись вдали от университетской кафедры,

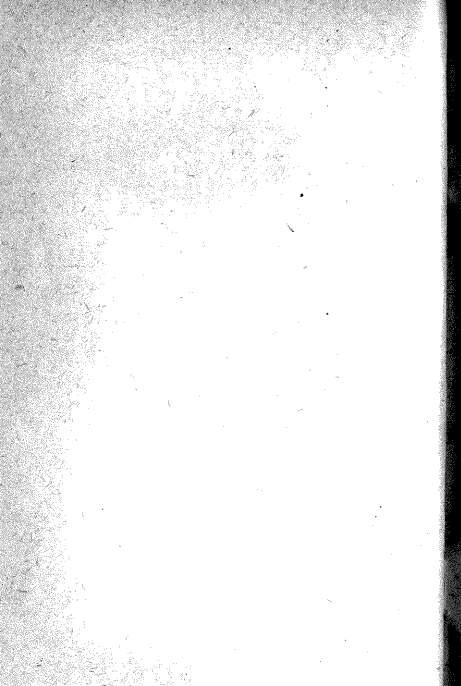
¹ L. Ligeti, A török hosszú magánhangzók, „Magyar Nyelv”, XXXIV, 1938, стр. 65—76.

² L. Ligeti, Les voyelles longues en turc, „Journal Asiatique”, avril-juin, 1938, стр. 177—204.

я уже не мог пользоваться той специальной литературой, которой располагала библиотека Университета Яна Казимира и Польского ориенталистического общества, а также книгами своей собственной библиотеки, большая часть которой осталась там, где я работал до войны. К счастью, уже во время войны я получил новейшие работы русских ученых по алтаистике — ценные исследования Г. Д. Санжеева, Н. К. Дмитриева, К. К. Юдахина, И. А. Батманова, Г. М. Василевич, А. Ф. Бойцовой, Н. П. Дыренковой, В. М. Насилова, Н. А. Баскакова и других. Это дало мне возможность снова вернуться к исследованию алтайских языков и даже обратить внимание на те области, которыми я до того времени не мог заняться ввиду отсутствия соответствующего материала и литературы.

Так возник ряд моих новых исследований, которые на этот раз касаются главным образом явлений морфологии. Эти исследования, так же как и уже опубликованные, тесно связаны между собой. Однако, стремясь дать краткий общий обзор некоторых проблем, я добавил для ориентации читателя несколько очерков, хотя ни в одном из них не претендовал на исчерпывающее изложение предмета, потому что этого не позволяли мне ни уровень научных исследований в области алтаистики, ни те условия, в которых я работал.

В. Котвич

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Попытка пересмотра грамматической схемы алтайских языков

1. Строй алтайских языков обладает специфическим характером, и развитие их идет особым путем. Несмотря на это, в них выработалось и продолжает вырабатываться значительное количество грамматических категорий, близких категориям индоевропейских языков и даже часто полностью соответствующих им. Поэтому нет ничего удивительного в том, что новые европейские грамматики алтайских языков: турецкого (H. Megiser, 1612), маньчжурского (F. Verbiest, около 1685) и монгольского (I. J. Schmidt, 1829) были разработаны по образцу грамматик классических языков, хотя, естественно, принимали во внимание в общих чертах особенности рассматриваемого материала. Впоследствии ученые углубили исследование этих особенностей, а некоторые из них, например А. Казембек, составивший грамматику турецкого языка (1848), и А. Бобровников — монгольского языка (1849), подошли к материалу более самостоятельно, попытавшись во многих случаях представить его по-новому, отходя от принятой традиции. Тем же путем пошел О. Бётлингк в своей грамматике якутского языка. Пример этих ученых оказал некоторое влияние на позднейшие работы, которые, впрочем, остались в целом верными классическим образцам — их авторы подгоняли алтайские языки под общеизвестные грамматические категории, иногда лишь видоизменяя их в той мере, в какой это было неизбежно и необходимо. При надлежащем рассмотрении вопроса это не представляло никаких трудностей, и даже старая терминология, не всегда точно отражавшая характерные

черты этих языков, не вызвала сколько-нибудь серьезных сомнений и осложнений.

2. В последние годы перед второй мировой войной русские исследователи поставили перед собой задачу пересмотреть существующую схему грамматик разных языков, в том числе и алтайских, и разработать ее исключительно на основе исследуемого материала, не боясь установления новых категорий и введения в научный обиход новой терминологии. В этом отношении они могут (и это необходимо с признательностью отметить) гордиться определенными успехами. Им удалось разрешить немало проблем, которым раньше не уделялось достаточного внимания, а также собрать много новых данных для решения ряда трудных вопросов.

Больше всего внимания уделялось установлению и разработке грамматических категорий, которые и до сих пор еще недостаточно ясно определены и которые еще не успели приобрести столь характерную для соответствующих категорий индоевропейских языков точность и ясность. В алтайских языках почти на каждом шагу встречаются формы, с точки зрения индоевропейских языков недостаточно отделяемые одна от другой; они могут выступать в совершенно разных типах предложения то в одном, то в другом значении. Укажем важнейшие моменты, на которые следует обратить особое внимание.

До сих пор еще не произошло окончательного разграничения частей речи: в алтайских языках некоторые корни, основы и слова могут выступать в роли разных частей речи и в соответствии с этим употребляться в качестве разных членов предложения. Подобное явление характерно также для словообразовательных и словоизменятельных суффиксов (склонения и спряжения). Правда, имена в алтайских языках более или менее точно отграничены от глаголов и неизменяемых слов, так что говорящие на этих языках совершенно отчетливо сознают разницу между ними, однако с формальной точки зрения это различие не всегда бывает точно обозначено. Такое положение наиболее ярко выявляется в тунгусских языках, в значительно меньшей степени в языках тюркских и еще меньше — в монгольских. В первых двух языковых группах встречается много корней и слов, которые могут выступать

без каких бы то ни было морфологических изменений даже в таких различных функциях, как именные и глагольные.

Следует, правда, заметить, что описанная выше неопределенность касается главным образом формальной стороны языка и выявляется при аналитическом исследовании отдельных слов и форм. Однако в живой речи подобная неопределенность не ощущается, потому что для ясной передачи мысли используется ряд других средств: постоянный порядок слов в предложении, акцентуация, модуляции голоса, мимика, жестикуляция. Поэтому основное значение для исследователя имеет система синтаксиса алтайских языков, так как специфика ее такова, что грамматическая форма слова, недостаточно внешне определенная, становится совершенно ясна из синтаксического строя предложения.

С другой стороны, многие слова, выступающие обычно в роли существительных, могут также употребляться и как прилагательные; к числу их во всех алтайских языках относятся слова, обозначающие материал, его природу, количество, меру, объем и т. п., например золото, дерево, названия мер и т. д.

Много хлопот доставляют наречия и вообще части речи, рассматриваемые как неизменяемые, потому что в алтайских языках они недостаточно отграничились от существительных; прежде всего это касается слов, которые имеют склонение, хотя и представленное лишь несколькими падежами. Между тем слова, употребляющиеся в значении прилагательных, не подвергаются никаким изменениям (исключение составляют только северотунгусские языки, а также в известной мере монгольский) и в формальном отношении ничем не отличаются от наречий.

Неточно квалифицировано различие формы склонения и спряжения; впрочем, многие из них, очень важные с точки зрения индоевропеиста, часто вообще отсутствуют. Так, например, творительный падеж выделился из совместного только в некоторых языках, например в монгольском; формы дательного и местного падежей тоже часто совпадают.

Недостаточно определились и придаточные предложения; нередко их порядок слов совпадает с порядком слов

главного предложения или даже его части, так что бывает трудно установить, с какими предложениями мы имеем дело — с придаточным или же частью главного; иногда даже возникает вопрос, существуют ли вообще в этих языках собственно придаточные предложения и как их следует называть — предложениями или словосочетаниями.

Принимая во внимание описанные факты, русские исследователи алтайских языков единодушно говорили о необходимости обращать при рассмотрении морфологии больше внимания на синтаксический строй языка. Правда, исследователи прежних лет, несмотря на старания строго разграничить морфологию и синтаксис, часто бывали вынуждены и в разделе морфологии касаться в той или иной степени синтаксических вопросов; некоторые в этом отношении заходили так далеко, что даже утверждали, что синтаксис не нужно выделять в особый отдел грамматики, поскольку содержание грамматики полностью исчерпывается анализом форм и их особенностей¹. Однако большинство ученых рассматривало каждую грамматическую форму в одном разделе с точки зрения морфологии, а в другом — с точки зрения синтаксиса, причем основная морфологическая классификация на части речи оставалась нетронутой.

Некоторые исследователи (И. А. Батманов, Н. К. Дмитриев) сделали попытку отказаться от этой классификации, как слишком формальной, и заменить ее разделением слов на грамматические формы в зависимости от их функциональной роли. Это привело к разделению морфологии на три отдела: имена (слова склоняемые), глаголы (слова спрягаемые) и неизменяемые слова (т. е. несклоняемые и неспрягаемые). О частях речи говорят только в рамках этих отделов, да и то с известными ограничениями. Некоторые исследователи, например Дмитриев, оправдывают подобное понимание вопроса мериторическими причинами, другие, например Батманов, ссылаются на причины практического характера — на стремление собрать в одном месте все, что следует сказать о той или иной форме как с морфологической, так и с синтаксической точек зре-

¹ И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб, 1879, стр. 323

ния. Именно по такому принципу эти авторы составили свои не раз упоминавшиеся нами грамматики, первый — кумыкского языка¹, второй — киргизского².

Видимо, теми же самыми положениями руководствуется Г. М. Василевич в своем очерке эвенкийского (тунгусского) языка³, где она также старается выделить в особые группы основы и суффиксы с неопределенным значением; однако в остальном она рассматривает свой предмет более или менее в соответствии с классификацией слов на части речи.

Кроме названных, есть еще и специальные исследования, посвященные новой классификации и терминологии грамматических категорий, главным образом частей речи⁴.

3. Впрочем, эти опыты, кажется, не удовлетворили и самих авторов. Прежде всего разделение грамматики на указанные выше три отдела было хорошо известно и прежним исследователям и, собственно, ничего нового не содержит. Кроме того, оно не решает вопроса о взаимных отношениях частей речи даже в тех скромных границах, которые были теперь для них определены, в разделе же об именах почти все, собственно говоря, остается по-старому; не предпринимаются попытки выделить новые части речи или отказаться от каких-либо из существующих. В конце концов вся реформа сводится к тому, что прежние неизменяемые части речи (предлог, союз и даже звукоподражательные слова) собраны в одну группу под общим названием «частицы», а наречия включены в состав имен. Любопытно, что самые ярые сторонники таких тенденций уже с самого начала вынуждены были

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940.

² И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, НИИ киргизского языка и письменности, вып. I, 1. Введение. 2. Элементы фонетики, Фрунзе — Казань, 1939; вып. II, Имена, Фрунзе, 1940; вып. III, Типы отглагольных образований и их функции, Фрунзе, 1940.

³ Г. М. Василевич, Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, М., 1940.

⁴ А. К. Боровков, О частях речи в языках тюркской системы; И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936.

поставить рядом с разными «частицами» также и старую часть речи — союз с одним только примером *ba*, а несколько позднее признали возможным выделить еще раздел о послелогах (5 примеров); в одной из последних работ о частях речи было полностью восстановлено старое разделение слов на десять частей речи и сделаны лишь кое-где небольшие перестановки. Однако многие монголисты (например, Г. Д. Санжеев) уделяют большое внимание пересмотру терминологии, пытаясь приспособить ее к тому неопределенному положению вещей, которое характерно для монгольских и вообще алтайских языков. Вместе с ними выступает и Батманов¹, а исследователь тюркских языков Сибири (телеутского и шорского) Н. П. Дыренкова² в своих работах пользуется как старой, так и новой терминологией.

Собранный вышеуказанными авторами материал, а также их замечания имеют определенную ценность и должны быть приняты во внимание при дальнейшем исследовании алтайских языков; не дав самого решения проблемы, авторы этих первых опытов по перестройке грамматики выявили скорее трудности в достижении поставленных целей. Во многих случаях им действительно удалось добиться большей конкретизации материала, однако они не избежали необходимости отсылать читателя от одного раздела грамматики к другому, а тем самым вообще лишили ее той стройности, которая столь характерна для грамматик старого типа. Даже подробные указатели содержания не облегчают поисков интересующих нас форм и не спасают от необходимости тщательно изучить для этого самые разные части грамматики. Что же касается новой терминологии, то она, собственно, так же неточна и условна, как и прежняя; если, например, мы имеем дело с близкими друг другу частями речи, такими, как существительные и прилагательные, то использование для обозначения их новых терминов: «имя предметное», «имя качественное», существа дела, собственно, не меняет, потому что эти новые термины не выражают всех осо-

¹ В упомянутой выше «Грамматике киргизского языка».

² Н. П. Дыренкова, Грамматика ойротского языка, М.—Л., 1940.

бенностей данных частей речи. То же самое можно сказать и о придаточных и главных предложениях; если в алтайских языках имеется два типа предложений: главные с *verbum finitum* в конце предложения и придаточные с конечным причастием, то такое положение вещей позволяет назвать придаточные предложения с равным успехом как предложениями, так и словосочетаниями.

Вероятно, наиболее убедительна среди всех предложенных проектов некоторая перегруппировка слов, принадлежащих к неизменяемым частям речи. Например, наречия места и времени, которые частично склоняются и в то же время управляют падежами, можно выделить в особую группу слов. Они играют большую роль во всех алтайских языках, и до сих пор исследователи рассматривали их по-разному. Тюркологи относили их к числу послелогов, соответствующих индоевропейским предлогам. Г. М. Василевич¹ (и даже Дмитриев²) были склонны рассматривать их как существительные, однако этому противоречит тот факт, что их основы не выступают в виде самостоятельных слов, хотя иногда (например, в калмыцком и бурятском языках) приобретают не только суффиксы склонения, но также и суффиксы, не имеющие к ним никакого отношения; поэтому в своей грамматике калмыцкого языка³ я оставил их в разделе наречий, подчеркнув только их специфический характер. С другой стороны, нет необходимости увеличивать число неизменяемых частей речи путем включения в их состав таких форм, которые лишь иногда выполняют их функции, но образованы от слов, принадлежащих к другим частям речи и до сих пор выступающих самостоятельно. К числу таких форм относятся, например, деепричастия монг. *kiged* и *boɮuŋ*, которые часто выступают в роли союза «и», но образованы от глаголов *ki-* «делать» и *boɮ-* «становиться», до сих пор самостоятельно употребляющихся в языке. Вообще же в данном вопросе, может быть, следует

¹ Василевич, Очерк, стр. 51—56. Далее по всей книге все наиболее часто повторяющиеся ссылки на литературу даны в сокращениях; список сокращений см. на стр. 365. — *Ред.*

² Дмитриев, Служ. имена, стр. 129—145.

³ Котвич, Опыт, стр. 319—342.

дать полную свободу исследователям отдельных языков, поскольку степень развития различных групп так называемых неизменяемых слов не всегда одинакова.

Слова, их строение и фонетическое развитие

1. Алтайские языки, как языки агглютинативные, имеют в их современном состоянии много черт, характерных, с одной стороны, для аналитических языков Дальнего Востока, а с другой — для языков флективных (индоевропейских). Трудно сказать, выделились ли эти языки из первой группы, то есть имели ли они в какой-либо период развития в качестве основы моносиллабы как в корнях, так и в служебных элементах, однако несомненно, что развитие алтайских языков, особенно в отношении флексии, идет чуть ли не на наших глазах в сторону увеличения черт, характерных для индоевропейских языков.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса, считаем необходимым указать, что в основе строения слова в современных алтайских языках лежит односложный неизменяющийся корень и односложный суффикс, изменяющийся в зависимости от фонетической структуры корня. Строение обоих этих элементов в значительной мере аналогично, о чем свидетельствует сопоставление существующих в настоящее время типов:

корни: *г, сг, гс, ссг, (с)гсс*

суффиксы: *с, г, сг, гс, ссг, ссг(с)*

Слова могут иметь в своем составе или только корень, или корень и суффикс ⁽¹⁾, причем один корень может иметь несколько, а теоретически даже неограниченное число суффиксов. Вследствие этого слова часто чрезмерно удлиняются и становятся многосложными, но совершается это лишь одним путем, а именно путем присоединения суффиксов.

Особенностей форм корней и суффиксов мы коснемся ниже в специальных разделах.

Префикс в алтайских языках не используется. Правда, существует специальный способ усиления прилагательных путем удвоения начала слова (до первой гласной включи-

тельно) и присоединения согласного *b* (иногда *m*, *s* или *k*), в результате чего образуется нечто вроде префикса: тур. *qага*, монг. *хага* «черный», тур. *qаб qага*, монг. *хаб хага* «очень черный», однако мы имеем здесь дело не с каким-нибудь морфологическим элементом, который сочетался бы в одной и той же форме с различными прилагательными, а только с одним из способов усиления их значения; во всяком случае, это единственное в своем роде явление.

Соединение двух корней в одно слово не чуждо алтайским языкам. Широко используются, например, в них сочетания двух самостоятельных слов для передачи какого-то понятия или для образования определенной грамматической формы; используются также так называемые парные слова с более или менее одинаковым звучанием и значением, — они применяются для передачи понятий с более общим или со специальным значением. Иногда одно из этих самостоятельных слов утрачивает свое первоначальное значение и тогда уже становится непонятным. Это явление, естественно, должно было привести к слиянию обоих слов в одно; например, на месте слов: монг. *da-yun yаgхи* «раздается звук» образуется единое целое монг. *daууyаgхи*; в живых диалектах: калм. *dūyгхь*, ордос. *дūгаг*¹²¹. Чаше всего природа этого процесса фонетическая: монгольское *yaуun geged* «сказав: почему?» дает в калмыкском языке одно слово *yūngād* «почему?»; монгольское *aysan аژیуи* дает в калмыкском *sanži* «было». Иногда при этом происходят и семантические изменения. Так, например, в монгольском языке объединение двух слов ведет к некоторому изменению значений каждого из них: *jarliу boйba* буквально означает «слово изреклось», но употребленные вместе эти слова могут означать «сказал»; монг. *хауап jarliу boйba* дословно, как изафетная конструкция¹, имеет значение «государь, слово произнесено» или «царское слово произнесено», на самом же деле оно обозначает «государь сказал» и слово *хауап* выступает в данном случае уже в роли не определения как первоначально, а подлежащего.

В подобных словосочетаниях часто выделяются новые суффиксы, о чем речь будет идти ниже.

¹ См. ниже, в разделе, посвященном синтаксису.

2. Корни, первоначально не подвергавшиеся никаким изменениям, даже в том случае, если к ним присоединялись различные суффиксы, начали со временем видоизменяться под влиянием либо внутренних причин, либо присоединившегося суффикса. Это наблюдается в диалектах, где корни слов по истечении известного времени подверглись ряду далеко идущих изменений, причем изменились не только согласные, но и гласные. Согласные претерпевали изменения в степени звучности в начале и конце слова: параллельно звонким (слабым) вариантам возникали глухие (сильные) варианты, а с течением времени к ним присоединились и придыхательные. Аффрикатy утрачивали первый составной элемент, так что рядом с \check{z} и \check{s} появлялись \check{z} и \check{s} , а при z и s появлялись z и s . Возникали и такие параллели, как $b||m$, $\check{z}||y$, $\check{z}||z||y$, $b||y$, $b||g$, $y||y$, $g||y$ и т. п. Гласные, которых в алтайских языках было сначала, по всей вероятности, восемь, начали расщепляться: например е дало два варианта: более широкое — \ddot{a} и более узкое — е (\acute{e}); в то же время другие гласные, как, например, \ddot{i} или \ddot{y} , стали исчезать. В результате такого рода процессов число гласных в одних диалектах даже удвоилось, а в других, наоборот, сократилось до пяти-шести. Присоединившийся суффикс приспособлялся к фонетической природе корня, в результате чего чрезвычайно развилась ассимиляция как гласных, так и согласных, которая нашла свое выражение в явлениях так называемого сингармонизма. Особое значение приобрела гармония гласных в двух направлениях артикуляции: по нёбности (нёбная) и участию губ (губная). В результате гармонии согласных суффиксы стали выступать в четырех вариантах с разными согласными вначале: с l , n , t , d в зависимости от исхода корня, а в результате гармонии гласных каждый данный вариант мог иметь до четырех разновидностей.

Подчинившись с самого начала могущественному влиянию корней, суффиксы в свою очередь начали с течением времени оказывать влияние на корни, в которых тоже, хотя и менее активно, стали изменяться не только согласные, но и гласные; например, гласные заднего ряда замещались гласными переднего (\ddot{a} , \ddot{o} , \ddot{y} вместо a , o , u). Гласный o не получил распространения в суффиксах,

по крайней мере в тюркских и монгольских языках, и в течение долгого времени выступал только в первом слоге, то есть в корнях; постепенно от этого ограничения освободилось несколько тюркских и большинство монгольских языков, в которых в настоящее время о (собственно ö) употребляется во всех позициях.

Утрата некоторых гласных или ограничение их употребления пробили брешь в первоначальной регулярной системе восьми гласных, и благодаря этому, например, *i* (в языках монгольских и нескольких тюркских) или *u* (в тунгусо-маньчжурских языках), не имеющие соответствующих параллелей, освободились от гнета закона гармоний гласных и стали нейтральными.

В результате всего этого алтайские корни теперь можно только с оговорками называть неизменяемыми, а соблюдение закона гармонии гласных и согласных в суффиксах — абсолютно строгим.

Структура корней

1. Обычно считают, что в алтайских языках корни состоят из одного или двух слогов. Вопрос этот интересовал многих ученых, но специально им никто не занимался; впрочем, существовавший до сих пор уровень знаний не позволял решить проблему окончательно. Сейчас она может рассматриваться следующим образом.

Слог в алтайских языках представляет собой минимальную языковую единицу; существует два основных типа слога: *сg* (открытый) и *сгс* (закрытый). В начале корня могут появляться еще и слоги без начального согласного, то есть типа *г* и *гс*. Кроме того, в тюркских языках существует еще тип *(с)гсс*, в котором предпоследний согласный обычно бывает сонантом *г* или *ʃ* (ʃ). Как правило, этот тип слога представлен односложными словами и встречается в конце многосложных слов.

В результате объединения такого типа слогов в более сложные комплексы два гласных звука не могли оказываться рядом, образование же сочетаний согласных было явлением обычным, причем из сочетающихся согласных один звук принадлежал предшествующему слогу, а другой — последующему^[3].

2. Из слогов указанных выше типов состоят слова во всех алтайских языках; разница лишь в том, что в тюркских и монгольских языках число употребляемых открытых и закрытых слогов примерно одинаково, а в языках тунгусских явно преобладают открытые слоги.

Во всех алтайских языках мы найдем большое количество односложных слов; более всего их в тюркских языках, значительно меньше в монгольских и еще меньше в тунгусских.

Следовательно, во всех языках есть односложные корни. Кроме того, односложные корни входят в состав значительного числа двусложных слов; в некоторых из них всегда явно замечен представленный частично или полностью морфологический элемент; в других он уже не ощущается, но может быть восстановлен, хотя и путем кропотливых исследований.

Следует также принять во внимание слова из односложных корней, которые впоследствии удлинились в результате внутренней эволюции чисто фонетического характера.

Тип (с)сс, вероятно, не совсем соответствовал основным принципам строения слов в алтайских языках. Пока еще трудно сказать, каково происхождение этого типа: звукоподражательное, морфологическое или какое-либо иное, однако нет никакого сомнения в том, что он был чужд алтайским языкам и они стремились освободиться от него или ограничить область его проявления. Теперь мы находим его только в тюркских языках, преимущественно в форме *toŋt* ~ *toŋt*; в языках индоевропейских она подверглась ряду изменений, в результате которых количество слогов увеличилось до двух. Значительно реже встречаются другие видоизменения этого типа, в которых на предпоследнем месте находится какой-либо другой сонант, кроме *ŋ* и *ʃ*, спирант *s* или *ʃ*, или же на последнем — аффриката *s* (*ts*). Монгольские языки уже давно — вероятно, еще в прамонгольский период — избавились от этого типа слога во всех его видоизменениях, и это послужило, как видно, одной из главных причин отделения их от тюркских языков; ни в одном из памятников и ни в одном из диалектов этот тип уже не встречается, а если и встречается, то как вторичное явление более позднего характера. Трудно сказать, существовали ли рассматриваемый

тип в какой-либо форме в тунгусских языках; современное их состояние говорит скорее не в пользу подобного предположения.

Устраняя из употребления тип (с)гсс, алтайские языки стремились отделить друг от друга два согласных звука каким-нибудь гласным или же добавить гласный звук в конце слога, то есть изменить тип (с)гсс в (с)гсгс или (с)гссг, или, иначе говоря, образовать на месте одного слога два. Монгольские языки избрали второй путь. Приведем несколько примеров:

тюрк.	монг.	
ärk	erke	„сила, власть“
qırq-	kiŋa-	„стричь овец“
kärt-	kerči-	„резать, рубить“
yort-	yorči-	„ехать на коне“
ant	andayar	„клятва“
saç-	saçu-	„рассыпать“

В тюркских языках надежных примеров подобного явления мы теперь не имеем, однако в них существует немало двусложных слов, которые мы с достаточной долей уверенности можем возводить к двусложным корням, например:

тюрк.	монг.	основа	
baŋı	baŋasun	*baŋ-	„город“
kärgäk	kereg	*kerg-	„потребность, дело“ ^[1]

Можно предполагать, что и такие тюркские слова, как *buŋut* «облако», *tarıq* «кислое молоко», тоже имели первоначально форму **buŋt*, **tarq*; ср. *yurt* «страна, отчизна».

Возможно, эти примеры свидетельствуют о том, что тюркские языки избрали первый путь: *гсс > гсгс*.

В этом отношении характерен тот факт, что в алтайских языках имеется большое количество суффиксов с одним согласным звуком. В тюркских языках в роли суффиксов могут выступать почти все согласные, кроме аффрикат, а именно *l ~ l*, *m*, *n*, *ŋ*, *y*, *r*, *p ~ b*, *q ~ ɣ* (*k ~ g*), *t ~ d*, *s ~ z*. В монгольских языках количество подобных суффиксов значительно меньше: *l ~ l*, *m*, *n*, *s*, иногда *ɣ ~ g*, *d*. Тунгусские же языки вообще избегают подобных суффик-

сов и даже стремятся освободиться в конце слова от других согласных, кроме сонантов п, г, 1. Можно предполагать, что такие состоящие из согласного звука суффиксы присоединялись к корню непосредственно, независимо от характера его исхода, благодаря чему число слов с двумя согласными на конце увеличилось; однако с течением времени корни, оканчивавшиеся согласным звуком, стали при этом употреблять соединительную гласную *ï* или *и*, что положило конец дальнейшему развитию рассматриваемого явления. Соединительные гласные мы находим не только в монгольских языках, но также и в тюркских.

Принимая во внимание рассмотренные выше обстоятельства, мы должны признать, что в большинстве случаев алтайские корни были односложными, однако путем нормальной эволюции они превращались в двусложные и даже трехсложные. Кроме того, имеется много двусложных и трехсложных корней и основ, возникших, по-видимому, морфологическим путем, которые теперь нельзя разложить. Наконец, следует принять во внимание также большое количество иноязычных элементов того же строения; с точки зрения языков, в которые они проникли, их рассматривают чаще как неразложимые единицы, в результате чего число неразложимых двусложных и трехсложных элементов в языке значительно возрастает.

Каждая из вышеуказанных групп многосложных корней требует специального исследования. В этих целях мы попытаемся соответствующим образом сгруппировать излагаемый ниже материал.

3. В тюркских языках существует большое количество односложных слов, главным образом корней имен существительных и глаголов с конечным согласным, имеющих в монгольском одинаково звучащие параллели, удлиненные, однако, присоединенным в конце гласным звуком, в результате чего в этих языках образуются односложные и двусложные основы или слова.

На это явление уже в 1911 году обратил внимание Б. Я. Владимирцов и в качестве иллюстрации привел несколько примеров¹. Впоследствии, в 1927 году, он вер-

¹ Владимирцов, Турецкие элементы, стр. 157.

нудся к этому вопросу, привел новые примеры и высказал ту мысль, что тюркские языки утратили в большинстве слов этого типа конечный согласный и что оставшийся гласный открытого слога сохранился в монгольском языке, который в этом отношении близок к состоянию праязыка ¹.

Один из исследователей предложил аналогичное объяснение, согласно которому более краткие, тюркские формы возникли в результате утраты конечного гласного во втором безударном открытом слоге.

В. Банг, подчеркивая тот момент, что фактические отношения между тюркскими и монгольскими формами неясны, был склонен считать, что пратюркский язык утратил конечный гласный звук в двусложных словах ².

К. Менгес стремился свести это явление в тюркских языках к проблеме чисто количественной. По его мнению, утрата конечного гласного могла повлечь за собой удлинение гласного в предшествующем слоге. Свою мысль он обосновывает на одном примере: тюрк. *kök* (**kök* < **köbäk*, чув. *kəvax*) «голубой», монг. *köke* ³.

Не расходится в своих взглядах с предшественниками и Н. К. Дмитриев. По его мнению, старшими являются формы с большим количеством слогов, сохранившиеся только в монгольском языке ⁴.

Значение рассматриваемого вопроса чрезвычайно велико, поскольку он касается первоначального строения алтайских корней. Если, следуя за упомянутыми учеными, предположить, что не только в монгольском, но и в тюркских языках слова имели в конце гласный звук, количество двусложных корней надо будет считать значительно большим; в то же время предположение, что алтайские корни были преимущественно односложными, почти потеряет силу, поскольку уже вообще не будет подкреплено фактами. Поэтому данный вопрос требует самого тщательного исследования.

¹ Владимирцов, Тюркские элементы, стр. 323—324 (§ 174).

² W. Bang. Manichäische Erzähler. „Museum“, XLIV, 1931, стр. 32.

³ См. изложение работы G. Farring. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, помещенное в журнале „Göttingische Gelehrte Anzeigen“, 1934, стр. 365.

⁴ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 157.

Рассмотрим изложенные выше гипотезы. Прежде всего — о предположениях К. Менгеса. В подкрепление своего мнения автор привел только один пример: $k\ddot{o}k < *k\ddot{o}k$, — пример часто разбиравшийся, но еще недостаточно выясненный. Для решения данного вопроса пример этот не может быть надежным, потому что ни для одного из слов, приведенных Б. Я. Владимирцовым и другими исследователями, мы не сможем найти в каком-нибудь из тюркских диалектов форму с долгим гласным.

Большее значение могло бы иметь предположение, что утрата конечного гласного произошла под влиянием передвижения ударения в тюркских языках.

Нам кажется вполне правдоподобным мнение Ф. Е. Корша¹, Х. Педерсена² и Е. Д. Поливанова³, считающих, что ударение в тюркском вначале падало на первый слог, как и в монгольском; передвижение ударения на конечный слог произошло, вероятно, еще в пратюркском языке, до того, как он распался на диалекты, так как во всех диалектах ударение падает именно на последний слог слова. Однако такое передвижение, естественно, не могло ослабить гласного в конечном слоге и быть причиной его утраты. Скорее наоборот, в тюркском этот гласный должен был бы сохраниться; утрата его была бы более легкой в монгольском, где ударение сохранилось на первом слоге. Иначе говоря, следовало бы ожидать совершенно обратного явления. Поэтому мы должны предположить, что формы более краткие были известны уже пратюркскому языку и, наоборот, формы удлиненные, монгольские, представляют собой явление более позднее³¹.

Но каким образом эти монгольские формы могли возникнуть? Из трудов вышеупомянутых ученых нам стало известно большое количество монгольских и тюркских слов, имеющих отношение к данному явлению. Однако до сих пор никто не пытался их классифицировать. Между тем эта классификация дает любопытные результаты.

¹ Ф. Корш, Древнейший народный стих турецких племен, ЗВРАО, XIX, 1909, стр. 166—167.

² Н. Pedersen, Türkische Lautgesetze, ZDMG, LVII, 1903, стр. 541.

³ Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков, ИАН СССР, 1927, стр. 1197—1198.

Большая часть собранных до сих пор в монгольском языке слов имеет в исходе -а ~ -е, но существует большое число слов с конечным -и (-о), -і:

-а ~ -е	тюрк.	монг.	
	ab. av	aba	„охота“
	ār	ere	„муж“
	ög	eke	„мать“
	kök	köke	„голубой“
	tün	tüne	„ночь, темный“
	māj	mānge	„знамя, знак от рождения“
	öŋ	öŋge	„цвет (качество), лицо“
	qır	kira	„взгорье“
	qat-	χata-	„сохнуть“
	say-	say-	„доить“
	uq-	uχa-	„понимать“
	sıq-	şıχa-	„бросить“
	küs-	küse-	„хотеть“
sıŋ-	şinge-	„всасывать“	
qap-	χaya-	„закрывать“	
tap-	taya-	„найти, угадать“	
köp-	köge-	„пухнуть“	
-и ~ -ü	bas-	basu-	„бросить, придавить“
	saç-	saçu-	„рассыпать“
	suç-	suçu-	„бежать, склонившись“
āt-	ädü-	„творить“	
qan-	χanu-	„быть удовлетворенным“	
büt-	bütü- ~ bü-	„исполниться“	
te-			
-о	qon-	χono-	„ночевать“
	boz	boro	„серый“
-і	saq-	saki-	„оборонять, стеречь“
	çaq-	çaki-	„обтесывать, обру- бать“
çoq-	çoki-	„ударять, ушибать,	

soç-	soçi-	толкать“	„дрожать“
quç-	çuçi-	(со страха)“	
sür (кирг.)	süri	„запутывать, при- крывать“	
bäg	begi	„величие“	
bäk	beki	„бей“ (гитул)	
çab	çabi	„мощный“	
		„пах“ (у коня)	

Наиболее интересную группу составляют те пары слов, в которых турецкие параллели имеют два конечных согласных:

тюрк.	монг.	
ärk	erke	„сила, власть“
ürk-	ürge-	„лугаться“
bärk	berke	„трудный“
qoŋq-	oŋu-	„лугаться, убежать“
qırq-	kirya-	„стричь (овец)“
ırq	iru(ya)	„предсказание“
baŋq	baraŋa	„домашняя утварь“
kärt-	kerçi-	„резать, рубить“
yort-	yorçi-	„ехать верхом“
tart-	tata-	„тянуть, влечь“

Выше, говоря о двух группах слов — о словах, оканчивающихся в тюркском 1) на два согласных и 2) на аффрикату ç, мы также старались показать, что в монгольском языке проявляется тенденция освободиться от подобного исхода слова путем добавления после аффрикаты главным образом узких гласных (i, u), а после других согласных — широких гласных (a, e).

Можно также понять появление гласного звука в тюркских словах, оканчивающихся на заднеязычный согласный. Как известно, тюркские языки имеют в конце слова обычно глухие (q, k) и только изредка звонкие (ŋ, g), в монгольском же, наоборот, конец слова бывает звучным, хотя и несколько умеренно. Можно поэтому предположить, что монголы, стремясь сохранить различие между звонкими и глухими согласными, добавляли к концу слова гласный, благодаря которому различие становилось совершенно явным.

Наконец, следует считаться с общей тенденцией монгольского языка к удлинению слов; с этой целью к ним добавлялись отдельные гласные и согласные, а иногда и целые слоги. Теперь мы не всегда можем понять природу этих дополнительных элементов, однако, несомненно, они представляют собой как фонетические, так и морфологические элементы, восходящие к разным периодам монгольского языка.

Самым важным и в то же время наиболее распространенным, но не постоянным является элемент *и* с предшествующим гласным, характерный для существительных, местоимений и других имен; он был рассмотрен нами в специальной статье¹. Приведем несколько примеров:

тюрк.	монг.	
bai	bayan	„богатый“
küč	küčün	„сила, мощь“
yos	yosun	„закон, обычай“
yüz	ÿisün	„цвет, масть, лицо“
say	sayin	„здоровый, правильный, хороший“
qoi, qoi	xonin	„овца“
tuz	dabusun	„соль“
tay	dabayan	„гора, перевал“
biq, miq	miqyan	„тысяча“
ot	očin	„огонь, искра“
oi	oyun	„разум, мысль“
muz, buz	mösün	„лед“

Кроме того, некоторые корни в монгольском языке удлиняются за счет элементов неясного происхождения:

тюрк.	монг.	
qut	çutuy	„счастье, святость“
ant	andayag	„присяга“
qaz	çalayun	„гусь“
taş	çitayun	„камень“
qoş	çoziyun	„отдел“, „корзина“
at	adayun	„конь“
yaş	çalayun	„молодой“

¹ Kotwicz, Les Contributions, IV — V, RO, XII, 1936, стр. 132—142.

äb, äw	egüden	„дом, юрта, двери“
üm	ömüdün	„брюки“
qıñ	kilyasun	„конский волос“
bäl	belkegüsün	„талия, стан“
toy-	toyurbi-	„родить, начинать“

Аналогичным образом удлиняются не только односложные, но и двусложные корни и основы:

тюрк.	монг.	
qatıy	хатауу	„твердый“
quñaq	хуñауу	„ухо“
bızay	birayy	„теленок“
yuduruq	nıdurıya	„кулак“
qudurıq	худурıya	„хвост“
köprüg	kögerge	„мост“
taquq, tayuq, } tawuq	takiya	„курица“
yüräk (уйг.)	žirüken	„сердце“
arıy (уйг.)	arıyın	„чистый, святой“
qoyuz	хоyosun	„пустой“
bañiq	bañıyasun	„город“
qayız	хайудасун	„лист бумаги“
qadaq	хадаясун	„гвоздь“
otuz	отогуyın	„грудь“ (у коня)

Таким образом, в монгольском языке, видимо, существовала тенденция удлинять как односложные, так и двусложные основы не только путем прибавления гласных, но также и другими способами. Однако она охватила не все основы и не может рассматриваться как явление, характерное исключительно для монгольского языка. Об этом свидетельствуют приведенные ниже группы примеров.

Прежде всего — это корни, которые на почве монгольского языка в одних случаях выступают с добавочным гласным в конце слова, в других — в своей первоначальной форме:

тюрк.	монг.		монг.	
kör-	köge-	„пухнуть“	köbke	„мех“
qaq-	хайу-гай	„сухой“	хайса-	„сохнуть“
qan-	хайу-	„быть удовлетворенным“	хайуа- (< хайуа-)	„удовлетворить“

Многие односложные основы сохранили свою первичную форму не только в тюркском, но и в монгольском языке:

тюрк.	монг.	
yit	žil	„год“
bat	bat	„мед“
čaq	čay	„мера, время“
kāp	keb	„форма“
sir	šir	„цвет, краска“
sał	sał	„плот“
yol	žol	„дорога, счастье“

Еще чаще выступают в одинаковой форме двусложные слова:

тюрк.	монг.	
qaga	χaga	„черный“
čana	čana	„сани“
yaqa	žaxa	„воротник“
qada, qaya	χada	„скала“
yara	yara	„рана“
yala	yala	„вина, наказание“
taqa	taχa	„подкова“
tākā	teke	„козел“
qada-	χada-	„втыкать, вбивать“
tani-	tani-	„узнать“
yaŋi	žangi	„новый“
ati	ači	„внук“
böksä	bögse	„нижняя часть тела“
bökä	böke	„сильный“
qobuz	χuyug	„скрипка“
adaq, ayaq	adaγ	„нога, конец, низ“

4. В этой связи любопытное явление наблюдается в чувашском языке. Как известно, в нем имеется ряд черт, сближающих его с монгольским языком; в данном случае мы тоже имеем много общетюркских односложных корней, удлиненных при помощи гласного или согласного (-к, -х). Иногда чувашский язык идет дальше монгольского — в нем имеются удлиненные формы, соответствующие кратким монгольским. Приведем несколько примеров, подчерпнутых из работ Н. Ашмарина и др.:

тюрк.	чув.	монг.	
it	yəbə, yïdə		„собака“
ot	ubə	otaçi	„трава“, „врач“
oq	uhə		„стрела“
sař	suřə	sař	„плот“
tat	tudə	dad-, das-	„вкус“, „привыкать“
āl	ařə	ařaya	„рука, ладонь“
kōl	kūlə		„озеро“
bit	pïdə	bögesün	„вошь“
üç	wizə		„три“
aj	ujəx		„месяц“
bāl (bel)	pillək	belkegesün	„стан, талия“
qīt	çəřəç	kilyasun	„конский волос“
bāř (beř)	pillək		„пять“
kir	kirək	kkir	„грязь“
tuř	təřəç		„вдова“

С другой стороны, в чувашском языке существует много двусложных слов, которые соответствуют тюркским и монгольским формам, расширенным за счет согласного:

тюрк.	чув.	монг.	
quřyaq, quřaq	çəřha	çuřçayu	„ухо“
adaq, ayaq	ura	aday	„нога“
quduruq	çüre	çuduruça	„хвост“
inäk	əne	üniyen	„корова“
topraq	təpra	(toyosun)	„земля“
barmaq	pürne		„палец“
itäk	adə		„башмаки“
sünük	şəmtə	çimügen	„кость“

Некоторые исследователи (З. Гомбоц, М. Рясянен) предполагают, что чувашские слова этой группы возникли из удлинённых форм в результате утраты конечных согласных; однако допустимо и другое предположение, а именно: что более краткие чувашские формы более архаичны, в то время как в других тюркских и монгольских языках они получили другие морфемы. В таком случае эта черта явилась бы дополнительной архаической чертой из числа тех, что сохранились в чувашском языке.

5. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что к односложным тюрко-монгольским корням на

монгольской почве (а может быть, иногда и на почве тюркских языков) добавлялись все гласные, которые только могли находиться в этой позиции, а именно $a \sim e$, i , $u \sim \ddot{u}$, o (отсутствие звука).

Вопросом о монгольских конечных согласных пристально заинтересовался в 1933 году один из ученых, который, исследовав 60 примеров, пришел к выводу, что к некоторым корням монгольского языка могут в конце присоединяться разные гласные, в результате чего возникают параллельные формы корней. Таким образом, мы находим в его трудах два корня с четырьмя, десять с тремя, а сорок восемь корней с двумя вариантами. Это явление уже рассматривалось в литературе. О смене отдельных гласных достаточно много писал Б. Я. Владимирцов¹; он привел также ряд примеров. Мы тоже сопоставили несколько слов, дающих полный комплекс параллелей², однако один из исследователей пошел в своих гипотезах еще дальше, чем мы оба, и высказался в том смысле, что в монгольском языке существовала регулярная смена конечных гласных, которые он представил в виде двух рядов:

$$a \sim u \sim i \sim o \quad (\text{нуль звука}),$$

$$e \sim \ddot{u} \sim i \sim o \quad (\text{нуль звука}).$$

Он не склонен рассматривать эти гласные как какие-то морфологические элементы или же соединительные гласные; он считает их скорее составными частями корней, а чередование их объясняет (правда, очень осторожно) семасиологическими причинами, приписывая языку тенденцию к образованию таким именно способом корней с различным значением. Несмотря на то что полная смена может быть проиллюстрирована только на двух примерах, а чаще наблюдается чередование только двух гласных, этот же исследователь все-таки считает чередования, по общему мнению, чуждые алтайским языкам, присущими именно монгольскому, в котором они играют большую роль, сближая его тем самым с флективными языками.

¹ Владимирцов, Сравн. гр., стр. 20 (§ 113), 317—323 (§ 170—173).

² Kotwicz, Les Contributions, A—B, CO, 2, 1932, стр. 9—12.

Данные предположения вызывают, однако, много возражений. Прежде всего не все приведенные примеры надежны, а поскольку в данном случае речь идет о явлении, в достаточной степени важном, нужно было бы лучше исследовать материал, приводимый для доказательства этих положений. Даже беглого взгляда достаточно, чтобы усомниться в надежности уже почти двадцати примеров. Так, в словах, указанных при корнях *paуа-, *qaуа-, выявляется параллелизм не в корнях, а в суффиксах; слово *anda- (№ 10) иноязычного происхождения; в группе с *nabu- (№ 26) автор собрал слова с такими различными значениями, как «zittern», «Blatt», «Sprößling», в группе с *nawi- (№ 38) — «Friede», «Fest», «Ehrlichkeit», «Partei», в группе с *ede- (№ 47) — «gesund», «Herr», «Hab», «Gut» и т. д. Кроме того, 15 примеров можно отнести и к корням с конечным гласным или без него, следовательно, они имеют чередование *sui generis*. Таким образом, объем приведенного автором в доказательство материала сокращается; в настоящее время решение этой проблемы не кажется нам удовлетворительным, хотя автор и утверждает, что число приведенных примеров может быть увеличено. Кроме того, не удалось установить, каким образом возникло рассматриваемое явление и как язык его использовал.

При таких условиях трудно допустить, чтобы явление это было каким-либо особенным, аналогию для которого следует искать во флективных языках. Скорее можно предполагать, что мы имеем здесь дело попросту с тем же самым удлинением корней за счет фонетических и морфологических элементов, о котором мы говорили выше и которое дает нам те же ряды гласных, что были установлены ранее.

Формы и происхождение суффиксов; их гнезда

Как уже говорилось, суффиксы имеют варианты формы, различаясь как по гласным, так и по согласным. Рассмотрим более внимательно их изменения; начнем с гласных.

1. В существующих до сих пор исследованиях по вокализму алтайских языков утверждается, что в них

существовал, по всей вероятности, более или менее одинаковый, регулярный комплекс гласных. Всего гласных было восемь, причем они делились на несколько соотносительных пар:

	задние		передние	
	негубные	губные	негубные	губные
широкие	а	о	ä (е)	ö
узкие	ĩ	и	і	й

Такая строгая система гласных не была обособленной, она согласовывалась с общей тенденцией алтайских языков к установлению нормы в комплексах гласных отдельных слов.

Корни — первый слог алтайских слов — могли иметь в своем составе любой из вышеуказанных гласных, но при присоединении суффиксов выявлялась тенденция к согласованию гласного суффикса с корневым гласным. Самым простым решением задачи было бы, естественно, употребление первого гласного и во всех последующих слогах. Действительно, такой способ не чужд алтайским языкам; в известной мере его используют соседние палеоазиатские языки, а также языки японский и корейский, влиянию которых, несомненно, обязано своим существованием подобное же явление в тунгусских языках, прежде всего в маньчжурском. Можно также найти некоторые следы этого явления в других алтайских языках, и прежде всего в тюркских, где имеются группы суффиксов с шестью вариантами гласных (и даже с восемью, если мы примем во внимание более редкие формы с о~ö), теперь уже, правда, разграниченными по употреблению. Однако это действительно лишь следы, которые дают простор для всевозможных домыслов. Фактически же в известных нам алтайских языках мы находим иные способы согласования гласных внутри слов. Гласные определяют два физиологических фактора: ассимиляция нёбная (палатальная) и губная (лабиальная). Первая требует, чтобы все гласные отдельного слова были или заднего, или переднего ряда; вторая — чтобы все гласные отдельного слова были или лабиализованными, или нелабиализованными. Первое правило проявляется совершенно последовательно, зато

второе куда более слабо, в одном языке оно соблюдается чаще, в другом — реже, бывает, что лабиализованные гласные употребляются после нелабиализованных, и наоборот. Практически же взаимодействие обоих факторов породило две группы суффиксов; каждая из них охватывает суффиксы с четырьмя разными гласными — двумя лабиализованными и двумя нелабиализованными:

	лабиализованные	нелабиализованные
широкие	о ö	а ä (e)
узкие	и ü	ї і

Яснее всего это вырисовывается в тюркских языках, где мы имеем варианты суффиксов с широкими гласными: -lag ~ -läg ~ -log ~ -lög и с узкими: -sün ~ -sün ~ -sun ~ -sün.

Подобное строение суффиксов могло существовать только до тех пор, пока не произошло нарушений в самой системе восьми гласных; как мы увидим ниже (когда будем говорить о губной ассимиляции), в разных областях распространения алтайских языков число употребляемых гласных в суффиксах свелось к четырем: гласные о, ö, и, ü перестали выступать в суффиксах. Это, естественно, нарушило регулярность суффиксов. В тех языках, где исчезли разновидности суффиксов с широкими губными гласными (о~ö), то есть в большинстве тюркских, возник новый тип суффиксов, а именно суффиксы с одним вариантом в двух разновидностях: гласными а~ä, например -lag ~ -läg. В тех же языках, которые утратили и другие гласные (и, ü), оказался разрушенным ряд суффиксов не только с широкими, но и с узкими гласными; в результате эти языки стали употреблять почти всегда суффиксы с одним вариантом в двух его разновидностях, например: -pag ~ -peg, -cü ~ -cū, и даже с одной разновидностью: -ki. К числу таких языков принадлежат главным образом языки монгольские, тюркские языки Восточного Туркестана, а также местные (иранизированные) говоры узбекского языка.

2. Изменение начальных согласных суффиксов не носит характера всеобщего явления; мы встречаемся с ним в отдельных диалектах или группах диалектов в рамках либо одной группы алтайских языков, либо различных языковых групп. Эти изменения происходят главным образом

под влиянием исхода корня или основы и являются результатом прогрессивной ассимиляции или диссимиляции. В некоторых диалектах действует также и регрессивная ассимиляция. Мы не будем здесь касаться изменений, которые претерпевают отдельные суффиксы в различных диалектах, но рассмотрим наиболее характерные изменения начального согласного суффикса.

а) Чередование звонких и глухих согласных широко распространено во всех алтайских языках и касается преимущественно следующих пар: $\gamma - q$, $g - k$, $d - t$, а также $\dot{z} - \dot{c}$. Оно наблюдается во всех монгольских языках (главным образом чередование $d - t$, $\dot{z} - \dot{c}$), хотя памятники старой письменности отражают здесь значительные отклонения, во многих тюркских диалектах (главным образом $\gamma - q$, $g - k$), а также в некоторых тунгусских языках, прежде всего в северных (главным образом $d - t$, $\dot{z} - \dot{c}$, $g - k$). Варианты с глухим согласным встречаются там сравнительно редко, потому что в тунгусских языках основы с конечным глухим согласным вообще немногочисленны, монгольскому же языку, в котором вообще неизвестны слова с конечным согласным, рассматриваемые формы совершенно чужды.

б) Чередование $q(\chi)$, γ , \dot{l} с согласными k , g , l совершается таким образом, что первые выступают в словах с гласными заднего ряда, а вторые — с гласными переднего ряда. Это чередование присуще всем алтайским языкам, хотя в некоторых случаях наблюдаются незначительные отклонения, особенно в отношении \dot{l} и l .

в) Изменение $\dot{l}(l) > p$, d , t свойственно некоторым тюркским языкам, главным образом языкам Сибири, тувинскому и якутскому: $\dot{l}(l)$ сохраняется после гласных (в якутском также после \dot{l} , l), но переходит в p после носовых согласных (m , n , η), в d — после звонких согласных (в якутском после g , γ , в тувинском после \dot{l} , l , γ , g) или в t после всех глухих согласных. В казахском и киргизском языках, в западносибирских и некоторых приволжских диалектах изменения \dot{l} более ограничены: \dot{l} переходит там в d и t — в d после звонких согласных, в t — после глухих; после гласных \dot{l} не изменяется.

Восточные диалекты (Восточного Туркестана), а также южные и западные описанного изменения не знают. С ними

в этом отношении сходны монгольские языки, где переход $\dot{\iota}$, $\dot{\iota} > \text{п}$ наблюдается только в качестве исключения (после носовых согласных), например калм. empe- (вместо emle-) «лечить». В кумыкском языке также после носовых согласных вместо d выступает n : $\text{ondan} > \text{онпан}$ «от этого», $\text{kim-d\ddot{a}(n)} > \text{kimn\ddot{a}(n)}$ «от кого?».

г) Изменение $\text{п} > \text{d}$, t имеет место в вышеупомянутых северотюркских диалектах, главным образом в суффиксах родительного и винительного падежей: $-\text{n}\ddot{\iota}\text{ŋ} \sim -\text{n}\ddot{\iota}\text{ŋ}$ и $-\text{n}\ddot{\iota} \sim -\text{n}\ddot{\iota}$, которые при соответствующих фонетических условиях принимают формы: $-\text{d}\ddot{\iota}\text{ŋ} \sim -\text{d}\ddot{\iota}\text{ŋ}$, $-\text{t}\ddot{\iota}\text{ŋ} \sim -\text{t}\ddot{\iota}\text{ŋ}$ и $-\text{d}\ddot{\iota} \sim -\text{d}\ddot{\iota}$, $-\text{t}\ddot{\iota} \sim -\text{t}\ddot{\iota}$.

д) Чередование m с b , p в северотюркских языках (ойротском, киргизском, казахском, алтайском и других) идет следующим образом: m выступает после звонких согласных, а p — после глухих: например, вопросительный суффикс имеет три варианта: $-\text{m}\ddot{\iota}$, $-\text{b}\ddot{\iota}$, $-\text{p}\ddot{\iota}$.

е) Чередование b с $\text{ŷ} \sim \text{g}$, y наблюдается в монгольском литературном языке в притяжательно-возвратном суффиксе $-\text{ban}$, $-\text{ŷan}$, $-\text{yan}$ и в творительном падеже $-\text{bag}$, $-\text{ŷag}$, $-\text{yag}$.

ж) Чередование r с п , $\dot{\iota}$, t присуще главным образом тунгусским языкам; оно наблюдается преимущественно в суффиксе причастия настоящего времени $-\text{r}\dot{\iota}$ и в форманте аориста $-\text{ra}$: $-\text{r}\dot{\iota}$, $-\text{ra}$ после гласных и звонких согласных (g , w , r , y), $-\text{li}$, $-\text{la}$ после $\dot{\iota}$, $-\text{pi}$, $-\text{pa}$ после носовых согласных и $-\text{ti}$, $-\text{ta}$ после глухих согласных (k , p , t , s). В чувашском языке суффиксы местного и исходного падежей и перфекта имеют две формы: $-\text{ra}$, $-\text{rap}$, $-\text{r\ddot{a}p}$ (после гласных и согласных, кроме $\dot{\iota}$, п , r) и $-\text{ta}$, $-\text{tap}$, $-\text{t\ddot{a}p}$ (после $\dot{\iota}$, п , r).

з) Аналогичная особенность тунгусских языков — чередование s(h) с п (более редко также с d) — после п , с $\dot{\iota}$ — после $\dot{\iota}$ (формант множественного числа) и с r (формант множественного числа). Этому чередованию подлежат притяжательно-личные суффиксы 2 лица: $-\text{si}(-\text{hi})$, $-\text{pi}(-\text{di})$, $-\text{li}$, $-\text{ri}$; $-\text{sun}(-\text{hun})$, $-\text{nun}(-\text{dun})$, $-\text{fun}$, $-\text{run}$ ¹.

При рассмотрении комбинаторных изменений звуков в суффиксах следует помнить, что звонкие согласные, имеющие глухие параллели в исходе, а в данном случае

¹ А. Ф. Бойцова, стр. 101—117.

в конце основы, произносятся обычно с очень ослабленным дрожанием голосовых связок; только в небольшом числе диалектов встречаются действительно звонкие согласные, например *z* в различных тюркских языках. Любопытно, что оглушается даже сонант *g*, причем в некоторых языках, например в монгольском (иногда также в казахском и киргизском), он не всегда вызывает в суффиксах те изменения, которые обычно вызываются влиянием звонкого согласного: монг. *ger-te* «в доме» (вместо **ger-de*).

В тюркских языках начальный согласный суффикса иногда полностью утрачивается. В наиболее характерной форме это явление выступает в южных диалектах, в которых утрачивается общетюркское *q*: дат. п. *-qa* > *-a*, *participium perfecti -qan* > *-an*.

Общее воздействие явления сингармонизма, а также чередование согласных породили многие варианты и формы суффиксов, часто значительно различающиеся между собой. Особенно многочисленны варианты в тюркских языках; например, суффикс *-lar*, который, как мы уже видели, имеет в результате явления сингармонизма два варианта и четыре разновидности, может, кроме того, иметь еще четыре варианта, вызванные чередованием согласного *l* (*-lar*, *-nar*, *-tar*, *-dar*; *-lär*, *-när*, *-tär*, *-där*; *-lor*, *-nor*, *-tor*, *-dor*; *-lör*, *-nör*, *-tör*, *-dör*); всего восемь главных вариантов, или шестнадцать разновидностей (с гласным переднего и заднего ряда). Таким образом, суффиксы алтайских языков могут иметь от одного варианта с одной формой до восьми вариантов с шестнадцатью формами. Не являясь неизменными, они могут иметь много форм, каждая из которых выступает при соответствующих фонетических условиях. Объединяются эти формы не по их звуковой структуре, а по семантической роли. Дальнейшее увеличение разновидностей суффиксов ограничивается тем, что оно определяется наличием широких или узких гласных.

3. Каково же происхождение суффиксов? Специально этот вопрос не исследовался, и поэтому он пока еще не может быть решен окончательно. Об одном, правда, уже сейчас можно говорить с уверенностью: мы имеем в данном случае дело с элементами разного происхождения, природу которого далеко не всегда удастся определить с достаточной долей вероятности.

Прежде всего имеются суффиксы первообразные, которые возникли совершенно так же, как и корни слов¹⁹⁾. Сюда относятся одногласные суффиксы, например *m*, *b*, *t*, *d*, *č*, *š*, *z*, *q* (*k*), *γ* (*g*), *l*, *γ*, *u* (более всего их в тюркских языках), а также суффиксы, состоящие из одного гласного: *ī*, *u*, *a*. Такие суффиксы могли чисто фонетически осложниться за счет гласного или согласного, что характерно главным образом для монгольского языка, где, например, встречаются:

-ya (-ge)	вместо тюрк.	-γ (-g)
-χα (-ke)	" "	-q (-k)
-či	" "	-č
-ba	" "	-b

К числу первообразных принадлежит также большая группа суффиксов типов *сg*, *гс*, *сгс*. В тунгусских языках преобладают суффиксы с открытым слогом: *г*, *сг*. Тип *сгс* там мало распространен, поэтому в качестве конечного элемента в суффиксах этого типа выступает обычно согласный *-п* (-*lāp*, *-пап*, *-пип* и т. п.).

Наряду с первообразными суффиксами имеются производные. Они разделяются на ряд типов, однако чем проще их форма, тем труднее сказать что-нибудь об их происхождении; прежде всего трудно выделить их в особую группу. Однако можно проследить путь их развития, который приведет к самостоятельным словам; став энклитикой, самостоятельное слово сначала не подчиняется закону гармонии гласных, но постепенно нормализуется и становится обычной энклитикой. В алтайских языках мы можем отметить разные стадии этого процесса.

а) Именно так образуются суффиксы из вспомогательных слов (главным образом вспомогательных глаголов); здесь можно различать два пути.

В роли суффикса выступает выделившийся из вспомогательного слова корень или какая-либо его часть. Предполагается, что именно так произошел маньчжуро-тунгусский суффикс *-па~не~по*, образующий глаголы со значением «отойти, чтобы что-нибудь сделать», а также маньчжурский суффикс *-γgi*, при помощи которого образуются глаголы со значением «послать, чтобы что-нибудь

сделать». Первый возник из глагола *цепе-~gene-* «уходить, отправляться в путь», второй — из глагола *циги-* «посылать». По мнению И. Захарова¹, таким же образом следует объяснять возникновение маньчжурского суффикса каузативно-пассивных глаголов *-bi* (от глагола *bu-* «давать»).

В других случаях вспомогательный глагол сливается с соответствующей формой основного глагола, причем столь тесно, что суффикс или даже все окончание основного глагола и часть вспомогательного глагола преобразуются в новый суффикс, в результате чего употребление вспомогательного слова уже излишне. Например, в калмыкском языке словосочетание типа *abci bāwə* (монг. *abci bayiba*) «все еще брал» или *sūzi bāwə* (монг. *sayuzi bayiba*) «все еще сидел» слились в одно целое: *abčāwə* и *sužāwə*, в котором выделился суффикс *-čā, žā*, образующий *continuativa* и заменяющий собой вспомогательный глагол *bā-* (монг. *bayi-* «быть, стать»). Словосочетания типа *abci okəwə* (монг. *abci orkiba*) «взял все без остатка», *kelzi okəwə* (монг. *keleži orkiba*) «все высказал до конца» породили формы *abčəkəwə* и *kelčəkəwə*, которые в свою очередь дали суффикс *-čək, -čк*, образующий глаголы со значением законченности действия² и заменяющий вспомогательный глагол *ogki-* «бросать»¹⁷¹.

Таким же путем возник суффикс маньчжурского языка *-zi*, образующий глаголы со значением «приходить для выполнения какого-нибудь действия»: *ałame žimbi > *ałam-žimbi > ałanžimbi* «прийти, чтобы сказать», а также суффиксы тюркских языков: кирг. *-(a)ta ~ -(e)ta*, восходящий к глаголу *yat-* «лежать»: *bara yatat > baratat* «идет»; *kele yatat > keletat* «приходит» и тур. *-uog*, происходящий от глагола *uog-*, о котором мы еще будем говорить ниже.

б) Другую группу составляют наречия места и времени, которые во всех алтайских языках имеют тенденцию превращаться в суффиксы; однако этот процесс находится еще в зачаточном состоянии. В калмыкском языке к этой группе принадлежат наречия (литературная форма): *dogo* (монг. *douga*) «внизу», *dere* (монг. *degere*) «наверху», *tała* «сторона, в сторону», *dotogo* «внутри, внутрь», которые в

¹ Захаров, стр. 159 (§ 130).

² Котвич, Опыт², стр. 227—228 (§ 199—200).

живом языке выступают в качестве энклитик: *dog^o, dēr^o, taɪ, dotɪ*¹.

в) Наконец, встречаются и отдельные слова, которые тоже постепенно начинают выступать в роли суффиксов. Приведем несколько примеров из тюркских языков.

Существительное *saγ* «мера, время» становится энклитикой *sa, ʒa*, которая сначала не подчиняется закону гармонии гласных, а затем начинает нормализоваться и таким образом превращается в суффикс *-sa ~ -cā* (даже *-cō ~ -cö*) и т. д.

Самостоятельный глагол-связка *tur, dur* «стоит, есть» превращается в неизменяемую энклитику *tur, dur* или *tir, dir*, после чего в результате действия закона гармонии гласных образует четыре разновидности суффикса, а затем, утратив конечное *-r* или *-r* с предшествующим гласным, редуцируется, образуя формы *-tu, -du, -tī, -dī, -to, -do* или (в киргизском и алтайском) *-t*.

Послелог *birlā(n)* «вместе с» переживает следующую эволюцию: *birlā(n) > bilā(n) > mlā(n) > mnā(n)* и т. д.

Монгольские языки также дают ряд подобных примеров.

В калмыцком языке имеется местоимение-наречие со значением утверждения: *mōp, min, mən > mṅ > ṅ*. Есть предположение, что слово *umṅ* (<монг. *yaγuma*) «что-то» тоже преобразуется в аналогичный суффикс: *-imṅ > -mṅ > -ṅ* и выступает в конце глагольных форм на *-däk, -ksṅ, -x^o ~ -k^o* с более или менее близким значением; однако маловероятно, чтобы вопросительное или неопределенное местоимение могло быть употреблено в значении утвердительном. Следует скорее полагать, что в обоих случаях мы имеем одинаковый элемент, образовавшийся из местоимения *mōp* «тот самый», которое употребляется и как наречие в значении «так же, действительно, именно» и как глагол-связка в значении «есть, действительно есть»².

Упомянутое выше существительное *saγ* функционирует в монгольском языке в качестве суффикса *aequativus* (*-cāγa ~ -cege*, калм. *-cā ~ -cā*).

Интерес исследователей не раз привлекал тюркский суффикс *-daʒ*, при помощи которого образуются от существительных существительные со значением «товарищ, со-

¹ Котвич, Опыт², стр. 194—195 (§ 170).

² Котвич, Опыт², стр. 276—278 (§ 246—247), 328—329 (§ 307).

юзник в чем-нибудь». Однако он находится еще в стадии энклитики и не подчиняется закону гармонии гласных; впрочем, кое-где он выступает в двух формах: *-daš* ~ *-däš*, а в киргизском имеет уже полный комплекс фонетических вариантов: *-daš*, *-taš*, *-jaš* с соответствующими двенадцатью формами¹. По вопросу его этимологии высказывались В. Радлов, К. Залеман, В. Банг, И. Дени. Они единодушны в мнении о том, что суффикс *-daš* выделился из самостоятельного слова, однако расходятся во взглядах на его природу и происхождение. Одни считают, что *-daš* выделился из существительного *adaš* «товарищ, тезка», которое, видимо, представляет собой соединение двух существительных: *at* «имя» и *äš* «товарищ» (Радлов²), другие — что он выделился из слова *adaš*, которое, вероятно, является отглагольным существительным (на *-š*) от глагола **ada* > *ada-* (=маньч. *ada-* «приспособиться, образовать товарищество»), третьи возводят его к *ata-* «называть» (Дени³).

Залеман⁴, В. Банг⁵ и И. Немет⁶ берут в качестве исходного пункта своих гипотез сочетание местного падежа *yoš* с существительным *äš*: *yošda+äš* «товарищ в пути, спутник» > *yošdaš*. Несколько позже Банг изменил свои взгляды, так как считал возможным рассматривать слово *yošdaš* как образования на *-š* от глагола *-yošda-*⁶.

Как видим, расхождения во взглядах довольно значительны, а приводимые аргументы не слишком убедительны. Поэтому к попыткам установления этимологии суффикса *-daš* следует пока относиться очень сдержанно. Заслуживает, однако, внимания то, что почти все исследователи возводят этот суффикс к самостоятельному слову. Слово *äš*, *iš* «товарищ» можно проследить и в других случаях,

¹ Батманов, Грамматика, II, стр. 12.

² W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften den Mongolei, NF, St.-P., 1897, стр. 54—55.

³ Дени, стр. 347 (§ 546), прим. 1.

⁴ Взгляды К. Залемана и И. Немета резюмирует А. Н. Кононов: А. Н. Кононов, Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 64, прим. 1.

⁵ W. Bang, Studien zur vergleichenden Grammatik der Türk-sprachen. SPAW, 1916, XXXVII, стр. 925.

⁶ Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, IV, Brief: Das privative Suffix *-siz*, UJb, VII, 1927, стр. 41, прим. 3.

например: *хапış* «жена хана (крымского)», буквально «подруга хана», *виказ* «жена князя», буквально «подруга бея»¹ [8].

Морфологическую функцию приписывают другому тюркскому слову, имеющему аналогичное звучание, но иное значение. Таким словом является *із* «действие, труд», от которого, возможно, происходит суффикс *-з*, образующий отглагольные существительные².

Еще В. Томсен высказывал предположение, что тюркский суффикс родительного падежа *-ің* ~ *-ің*, *-пін* ~ *-пін* возник на месте существительного *пән* «вещь, предмет» (*пән* > *-пін* > *-ің*). Это предположение приняли К. Грэнбек и Н. Дмитриев [9]. Однако ему можно противопоставить другую гипотезу (В. Богородицкого и В. Котвича), согласно которой первоначальное *-ің* изменилось фонетическим путем в *-пін*, подобно тому как изменился суффикс винительного падежа: *-і* ~ *-і* > *-пін* ~ *-пін*; эту гипотезу нельзя оставить без внимания, потому что она сближает тюркские суффиксы указанных падежей с монгольскими³.

Благодаря тому что к отдельным корням можно добавлять по несколько суффиксов, часто два или даже три близких по значению и постоянно употребляющихся суффикса столь тесно сливаются друг с другом в фонетическом и семантическом отношениях, что образуют как бы новую односложную или даже двусложную морфему. Такими морфемами являются, например, монг. *-үдә*, *-іча*, *-үсан*, *-үтун*, *-мізі*, существующие наряду с *-да*, *-ча*, *-сан*, *-тун*, *-сі*; монг. *-үсаяг*, тунг. *-пасаі* образовались из трех элементов: *ү+сан+яг*, *па+са+і*. Особую группу составляют сложные суффиксы двойного склонения, например монг. *-дача*, тюрк. *-ягу*, тунг. *-кля*, *-кли*, *-дула*, *-дүлі*, *-т(і)кі*, *-гіт(гізі)* и ряд других.

Вообще, как правило, суффиксы, имеющие вначале два согласных или состоящие из двух слогов, — элементы сложные.

4. Как мы уже видели, алтайские суффиксы выступают в многочисленных вариантах, и часто тождество их трудно

¹ Kotwicz, CO, 2, стр. 47—48.

² Е. Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков, ИАН СССР, 1927, стр. 1251.

³ Kotwicz, RO, XII, 1936, стр. 128—132.

установить исходя только из внешней формы. И наоборот, разные суффиксы иногда настолько совпадают фонетически и семантически, что создается впечатление общности их происхождения. Чаще всего это наблюдается в суффиксах, которые отличаются друг от друга только по степени открытости образования входящих в них гласных; например, суффиксы *-га* и *-гĭ*, *-ги* как будто одинаково выражают пространственные отношения, но с разных точек зрения: *-га* несет значение состояния покоя, а *-гĭ*, *-ги* — состояния движения в каком-нибудь направлении. Подобным чередованием узких и широких гласных следует, возможно, объяснять тот труднопонижаемый факт, что некоторые общетюркские варианты суффиксов с узким гласным имеют в якутском языке параллельный вариант с широким гласным, например посессивный суффикс *-ġiŋ*, каузативный суффикс *-tġg*, *-tug* имеют в якутском параллели *-ŋax*, *-taŋ* и т. п.

Есть, однако, многочисленные группы суффиксов, разграничивающиеся по другим признакам. Например, имея одинаковые согласные или близкие им варианты, они различаются не только по гласным, но и по дополнительным (в исходе) согласным, например *g*, *p*, *j*, *k*, *g*; объединяет же их какая-нибудь общая идея, хотя тоже в известной мере разграничивающая их. Сюда относятся, между прочим, суффиксы, выражающие понятие собирательности, множества или же понятие посессивности; группируются они вокруг элемента *ġ*, который в этом случае играет роль как бы базы («корня») более чем для десятка морфем.

Известное сходство существует даже в суффиксах, принадлежащих к разным морфологическим категориям, например в именных и глагольных, хотя эти категории по своей основе совершенно различны (ряд примеров будет приведен ниже). Однако такое сравнение требует большой осторожности. В. Радлов указывал, например, на совпадение суффикса *-s* взаимных глаголов с суффиксом *-š*, образующим существительные от именных основ¹. А. Зайончковский без оговорок принял предположение, что тут представлен один суффикс². Между тем сравнение с *mon-*

¹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 57—58.

² Zajączkowski, Suffiksy, стр. 169 (§ 4).

гольскими морфемами показывает, что тюркскому суффиксу существительных $-\ddot{s}$ соответствует на почве монгольского языка $-\dot{s}$, а глагольному $-s$, как полагает Г. И. Рамстедт, — $-\dot{s}a$ или, быть может, скорее $-\dot{s}a^1$ либо $-\dot{s}a$.

На это явление обратили внимание уже давно. Из исследователей последних лет можно указать В. Банга, который собрал в различных своих работах, а особенно в «*Turkologische Briefe*», большой материал. Однако первую серьезную попытку сведения обширного морфологического материала в одно целое дал, как известно, только Дени. Именно он смело пытается вывести из одного источника почти все глагольные суффиксы, начинающиеся с согласных q, k (и даже γ , g) или утратившие эти начальные согласные и начинающиеся теперь в разных языках, прежде всего в турецком, с гласного \ddot{a} . Таким общим источником был, по всей вероятности, суффикс $-qaj$, $-q\ddot{u}$; из него Дени выводит также различные варианты с глухими и звонкими согласными и с широкими и узкими гласными или же суффиксы без начальных согласных, а только с гласными, причем конечное $-i$ есть, по его мнению, не постоянный элемент, образующий формы со значением приказа, необходимости, возможности, намерения и будущего времени; среди возникших на его основе суффиксов самым важным, вероятно, является суффикс деепричастия настоящего времени $-a$ со всеми его вариантами.

Подобную же гипотезу предложил в свое время турецкий грамматист Абд ар-Рахман-эфенди; Дени же, который в начале своей научной деятельности считал ее, как сам признается, очень рискованной ², впоследствии изменил свое мнение и посвятил в своей грамматике много места ее обоснованию. Не ограничиваясь одной этой гипотезой, Дени высказал мысль о возможности существования связей между суффиксами, группирующимися вокруг $-qaj$, и суффиксами, имеющими в качестве основы аналогичную глагольную морфему $-qan$. Однако эту мысль он высказал

¹ Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre, стр. 29—32.

² Denu, стр. 920—939 (§ 1342—1343), 1000—1012 (§ 1393—1396).

³ Denu, стр. 923.

очень осторожно, ясно представляя себе, какие семантические различия существуют между обеими морфемами: ведь суффикс *-qaj* обозначает действия желательные или возможные и вообще те, которые должны совершиться в будущем, тогда как *-qap* — действия, совершившиеся в прошлом¹. Десять лет спустя тот же путь широких морфологических сравнений избрал и Зайончковский. Правда, он ограничил свое исследование областью словообразовательных суффиксов, но зато подверг анализу не только морфемы, группирующиеся вокруг заднеязычных согласных, но и все другие, если только их можно было использовать для тех или иных сопоставлений².

Оба эти автора опирались главным образом на материал одного языка: первый — турецкого, второй — западно-караимского, однако и тот и другой постоянно учитывали также данные других тюркских языков и диалектов. Значительную часть сделанных ими сопоставлений и высказанных теорий можно принять без оговорок, однако, вообще говоря, они в своих выводах идут дальше, чем то позволяет современное состояние тюркологических исследований. Кроме того, эти выводы должны быть проверены на материале алтайских языков, где мы находим много суффиксов из числа тех, что исследованы обоими авторами. В этом направлении работал Г. И. Рамstedт, который сравнивал глагольные суффиксы (словообразовательные и словоизменяемые) тюркских и монгольских языков, учитывая в определенных случаях также данные тунгусских языков³. В отличие от Г. Рамstedта, другие ученые исследовали монгольские и тюркские именные (словообразовательные) суффиксы. Предрешать окончательные результаты этих исследований трудно, но уже теперь можно заметить, что не все выводы могут выдержать испытание временем. При таких условиях, нам кажется, более разумно ограничиться при сравнении более узким материалом и исследовать группы морфем меньшие, но зато более тесные и монолитные с фонетической и семантической точек зрения. Подобные группы суффиксов, связанных между

¹ Deny, стр. 1011 (§ 1396).

² См. А. Zajączkowski, Sufiksy, стр. 37, прим. 2.

³ Ramstedt, Konjugation; Ramstedt, Zur Verbstammbildungslehre.

собой общим происхождением от одной базы, можно было бы назвать гнездами суффиксов по аналогии с гнездами слов, происходящих от одного и того же корня и объединенных каким-то общим значением.

Ниже мы дадим достаточно обширный список гнезд суффиксов, не стремясь, однако, к исчерпывающему своду фактов. Одни из этих гнезд рассматриваются дополнительно в специальных разделах, другие — должны служить только для иллюстрации положения вещей, существующего в данной области. Это относится к гнездам тех суффиксов, между которыми связь либо очевидна, либо доказана различными исследователями, либо же в настоящее время еще ничем не подтверждается.

И м я

Суффиксы, имеющие в основе:

í — выражают значение собирательности или множественности, а также имеют посессивное значение. Самым главным представителем является (тюрк.) -íü и его варианты (фонетические и семантические) в различных тюркских и алтайских языках.

*δ — тоже выражают значение собирательности и множественности

признак мн. ч. тюрк. -z, -s

монг. -d, -s

тунг. -r

d — суффикс дат.-местн. п.

тюрк.-монг., маньч. -da (-ta; в маньч. только -de)

монг.-тунг. -du (-tu, кроме тунг.)

суффикс местн. п. (элатива)

тюрк. -dan (-tan)

тюрк. (уйг.) -d'in (-t'in)

прилагательные со значением «находиться где-нибудь с чем-нибудь»

монг. -du (> -ǰi)

ča (< čaу «единица времени») —

суффикс или энклитика меры, образа или способа

тюрк. -ča (-ǰa)

уравнит. (aequativus)
монг. *ᠰаᠭа* (калм. -сá)

составная часть суффикса глаголов со значением подобия

тюрк. -*čula* (-*žula*)
тюрк. -*čila* (-*žila*)

č, s — служат для образования окончаний склонения и спряжения

суффикс элатива	монг. - <i>ča</i>
	маньч. - <i>či</i>
суффикс усл. накл.	маньч. - <i>či</i>
	тюрк. - <i>sa</i>
	монг. - <i>su</i>

Г л а г о л

Суффиксы, имеющие в основе:

ld, nd — суффиксы взаимных глаголов

монг.	- <i>lda</i>
монг.	- <i>ldu</i>
тунг.	- <i>ldi</i>
тунг.	- <i>nda</i>
маньч.	- <i>ndu</i>
тунг.	- <i>ndi</i>

γ(g) + гласный, q(k) + гласный —

суффиксы каузативных и пассивных глаголов

монг.	- <i>γa</i> , - <i>hγa</i>
монг.	- <i>γuł</i>
тюрк.	- <i>qir</i> (- <i>γir</i>)

t(d) — суффикс каузативных и пассивных глаголов

тюрк.	- <i>t</i>
тюрк.	- <i>tir</i> (- <i>dir</i>)
монг.	- <i>da</i> , - <i>γda</i>
монг.	- <i>ci</i> (<*-ti)

a —

суффикс дуративных глаголов тюрк., монг. (бурят. -a)

-*qa*, -*γa* (тюрк.), *γa* > -*a* (монг.) —

суффикс желательного наклонения

-а, -i — (тюрк.), -ya (монг.) —
 суффикс деепричастия настоящего времени (тюрк.)
 суффикс причастия прошедш. незаконченного (монг.)

-qa, -yai (тюрк.) -yai (монг.) —
 суффикс причастия возможности (тюрк.)
 суффикс форм, выражающих повеление (монг.)

-di, -diq (тюрк.), -day (монг.) —
 суффикс причастия прошедш. законченного (тюрк.)
 суффикс *po men usus* (монг.)

-yu > ū, -w (тюрк.), -yu (монг.) —
 суффикс инфинитивов (инф. II) и имен состояния
 (тюрк.)
 суффикс прилагательных (монг.); он входит в состав:
 суффиксов, обозначающих деятеля и орудие действия

тюрк: -yucī

-yuc

монг. -yul

-yug

-qī, -qi, -yī, -yi (тюрк.), -chi (монг.) —
 суффикс существительных и прилагательных с раз-
 личным значением (тюрк.)

суффикс *po men futuri* (монг.); входит в состав:
 суффиксов существительных и прилагательных с раз-
 личным значением

тюрк. -qīn

-qīc

-qur

суффикса *po men futuri*

монг. -chiп

chi

суффиксов прилагательных, обозначающих состояние
 или склонность к чему-нибудь

монг. -yar

-gir

-qač (тюрк.), -yad (монг.) —

суффикс деепричастия прошедшего времени

-yafī, -aīa (тюрк.) —

суффикс деепричастия, обозначающего цель (супин) или начало действия («с определенного момента, с определенного времени»)

-г — суффикс аориста

тюрк. -г
суффикс настоящего времени

тунг. -га
суффикс причастия настоящего времени
маньч. -га
тунг. -gi

суффикс супина

монг. -га

суффикс деепричастия предшествующего действия
монг. -гун

р. -b —

суффикс деепричастия предшествующего действия
тюрк. -p(-b)

суффикс деепричастия прошедшего времени
монг. -fi
-pi (редко)

суффикс перфекта изъявительного наклонения
монг. -ba

-та — послужило основой для образования суффиксов различных форм, главным образом именных форм глагола: причастия (иногда деепричастия), инфинитива и даже существительного:

тюрк. -та, -таq, -таdın, -таqsız(ın), -үта

монг. -та, -тау, -тауца, -таci, -таr, -таf, -msar

маньч. -те

тунг. -ti

Н а р е ч и я и ч а с т и ц ы

Суффиксы, имеющие в основе:

-г — выражают пространственные и временные отношения
суффикс, обозначающий место и время в состоянии покоя («где?», «когда?»)

тюрк., монг. -га

суффикс, обозначающий место в состоянии движения («куда?», «в каком направлении?»)

тюрк., монг. -gi

тюрк. -gī

-ĭ — с тем же самым значением

суффикс, обозначающий место и время в состоянии покоя

тюрк., монг., тунг. -ĭa

суффикс, обозначающий место в состоянии движения («каким путем?», «куда?»)

тунг. -li

-m, -b — служат для образования ряда суффиксов, которые соответствуют частицам других языков и имеют значение:

обобщения

тюрк., монг. -ma

тюрк., монг. -ba

монг. -bar

-mar

тунг. -mät, -mäti

вопроса

тюрк. -mi

-mī

-bu

монг. (калм., бурят.) -b(-m)

отрицания

тюрк. -ma

В заключение этой главы можно добавить, что точно так же группируются в гнезда корни вспомогательных глаголов алтайских языков:

тюрк. bar «есть, существующий, бытие, существование»

монг. buĭ «есть»

тюрк. ä-, äg-, i- «быть»

монг. a- «быть, существовать»

маньч., тунг. o-, ö- «быть, становиться, сделать»

Слова и части речи

1. Алтайские корни как таковые или вместе с суффиксами являются самостоятельными словами, имеющими определенное значение. В зависимости от значения их можно разделить на группы, соответствующие частям речи индоевропейских языков. Однако полного совпадения тут нет, хотя можно предполагать, что существующие в настоящее время различия раньше были более значительными и что, следовательно, в результате последующей эволюции они в большей или меньшей степени сгладились. Вероятно, в какой-то период развития алтайских языков лишь некоторые группы слов, обозначавших конкретные предметы и движения, имели определенный семантический характер; другие же различались в зависимости от занимаемого в предложении места (как в аналитических языках). Поэтому некоторые части речи недостаточно четко разграничивались в формальном отношении; с течением времени, в результате эволюции языков, между ними постепенно возникла «демаркационная линия», главным образом за счет элементов морфологических.

Тунгусские языки значительно отличаются по своей системе корней от других алтайских языков, сохраняя тем самым как бы более исконное состояние языка. Прежде всего, в них не существует исключений для несамостоятельных корней и основ: как словообразовательные, так и словоизменяемые суффиксы могут присоединяться ко всем основам. Поэтому в них и нет еще достаточно четкого разделения слов на части речи — нет даже разделения на существительные и глаголы (так же как в английском языке). В результате исследования морфологии тунгусских языков складывается впечатление, что к каждому неизменяемому корню или основе могут присоединяться суффиксы, как именные (суффиксы склонения), так и глагольные (суффиксы спряжения); например, слово *сика* может и склоняться и спрягаться. В первом случае оно имеет значение имени: «трава, зеленый», а во втором — глагола: «пасть на траве». Очевидно, *сика* — общее обозначение понятия зелени, семантически конкретизирующееся только с прибавлением того или иного суффикса.

Разумеется, часто тот или иной корень имел совершенно конкретный характер имени или глагола; в таких случаях между ними уже с самого начала существовало известное разграничение, а присоединение того или иного суффикса выражало это разграничение еще более ярко.

Все это и позволяет установить, что суффиксы в алтайских языках возникли очень давно и были дифференцированы. Одни служили для образования форм, характерных для имен (форм словообразования и склонения), другие — форм, характерных для глаголов (форм словообразования и спряжения). Однако полной и окончательной дифференциации ни корней или основ, ни самих суффиксов на этой стадии развития языков еще не существовало. В зависимости от назначения корня и суффиксы могли нести как именное, так и глагольное значение; впрочем, постепенно такие явления становились все более редкими и во вновь нарождавшихся суффиксах проявлялась большая тенденция к разграничению. То же самое происходило и на последующих стадиях словообразования.

При таких условиях совершенно естествен тот факт, что все глагольные формы (за исключением повелительной) имеют в алтайских языках именную характер¹⁰¹ и что в тунгусских и тюркских языках столь мало так называемых *verba finita* — они употребляются только в конце главных или независимых предложений, в то же время дееспричастия там иногда употребляются с различными местоименными суффиксами. Только в монгольском языке имеется некоторое число настоящих *verba finita*, а также неизменяющихся дееспричастий, которые употребляются в придаточных предложениях. Это заставляет предполагать, что все алтайские языки прошли определенную ступень развития, следы которого еще и теперь сохранились в тунгусских языках.

Следует, однако, заметить, что эта картина может дать лишь общее, даже схематическое представление о существующем положении вещей; в отдельных областях морфологии (даже тунгусских языков) уже существует более или менее строгая дифференциация, выявляются также расхождения между отдельными диалектами, но о разделении слов тунгусских языков на части речи можно гово-

рить только с серьезными оговорками. Особое же внимание следует обратить на то, что тунгусские первообразные корни и основы, не имеющие словоизменительных формантов, могут выступать только в роли имен; выступая же в роли глаголов, они должны всегда иметь соответствующий суффикс — даже в повелительном наклонении, которое в других алтайских языках не имеет никаких суффиксов.

Что же касается тюркских и монгольских языков, то здесь в настоящее время выступают три группы слов: имена, глаголы и частицы (не считая звукоподражательных слов чисто вспомогательного характера). В основе этого разделения лежит семантический принцип, который позволяет включать без особых колебаний отдельное слово в ту или иную группу. Кроме того, слова первой и второй группы имеют еще свои комплексы суффиксов, выполняющие определенные функции только в пределах данной группы; слова третьей группы в сущности не подвержены морфологическим изменениям и своих особых суффиксов не имеют.

Есть свидетельства тому, что в прошлом суффиксы, так же как и корни, подвергались эволюции; она продолжается и в настоящее время, хотя темп ее, несомненно, замедлился. По-видимому, прежде суффиксов было значительно меньше и они не были строго дифференцированными; роль их определялась в зависимости от корня; некоторые из них могли служить образованию грамматических категорий в обеих группах, другие — в одной из них. Следы этого мы находим во всех алтайских языках, более всего в тунгусо-маньчжурских, которые, как видно, ярче, чем другие языки, отражают древнейший период развития языков.

Приведем в качестве примеров ряд корней или самостоятельных основ, а также суффиксов.

Прежде всего отметим корни и основы, выступающие в роли как существительных, так и глаголов, не имея при этом никаких морфологических элементов.

Меньше всего подобных корней и слов сохранили монголы, однако вот несколько примеров из их литературного языка:

šinži	„черта“, „наблюдать“
baļu	„глоток“, „выпить глоток воды“

adxu	„горсть“, „брать в горсть“
aʎxu	„шаг“, „шагать“
asxa	„копь, каменоломня“, „рассы- пать, вылить“

Несколько больше примеров мы находим в тюркских языках; приведем ряд слов из киргизского языка:

toʎ	„праздник“, „насытиться“
oʎ	„углубление“, „сделать углубление“
ač	„голодный“, „голодать“
köč	„кочевье“, „кочевать“
tīn	„дыхание“, „дышать“
qoʎ	„пара, парный“, „добавить, удвоить“
oʎ	„правильный, соответствующий“, „удаться, иметь успех“
tīt	„полено“, „раскалывать“
īq	„направление по ветру“, „идти по ветру“ ¹

Много примеров можно привести из маньчжурского языка:

aʎa	„дождь“, „лить (о дожде)“
boʎo	„град“, „падать (о граде)“
ya	„мгла, туман“, „подниматься (о ту- мане)“
yaʎʒi	„вечер“, наступать“ (о вечере)
use	„зерно, семя“, „сеять“
uʎa	„мука“, „молоть“
paʎa	„борона“, „боронить“
oʎoʎo	„горсть“, „брать в горсть“
piʎa	„тери, колючка“, „колоть“
pukte	„кочевье“, „кочевать“
qamni	„овраг, ущелье“, „стеснять, су- жать“
kutule	„слуга“, „вести (коня)“
weʎe	„дело, вина“, „делать“
dube	„конец“, „кончиться“
suʎa	„свободный“, „быть свободным“
boʎo	„чистый“, „очищать“
aʎsi	„польза, помощь“, „помочь“

¹ Батманов, Части речи, стр. 15—16; Юдахин.

Более всего примеров этого явления в северотунгусских языках, приведем несколько слов для иллюстрации:

in	„жизнь“	inmī	„жить“
igin	„холод“	iginmī	„о стыннуть“
sagdan	„старость“	sagdānmī	„стареть“
čuka	„трава“	čukamī	„пасться на траве“
xumte	„крошки“	xumtemī	„крошить“
koŋto	„кулак“	koŋtomī	„бить кулаком“ ¹

В обратной ситуации, когда переход идет от глагола к существительному, глагольная основа не всегда имеет значение самостоятельного существительного. К ней часто присоединяются именные суффиксы, например:

sokomī	„черпать“	sokowūp	„черпак“
xurgumī	„растирать, молоть“	xurguwūp	„жернова“
uŋemī	„копать“	uŋewūp	„лопата“
		uŋegēr	„яма“ ²

Особую группу составляют корни и основы неопределенные или, скорее, нерасчлененные, которые не выступают в качестве самостоятельных слов. Они дают самостоятельные имена и глаголы только в результате присоединения именных или глагольных суффиксов; потребности обозначения специальными суффиксами перехода от одной части речи к другой при этом не возникает. Наиболее распространенными во всех алтайских языках словами этой группы являются те, что определяют взаимное положение предметов в пространстве, по отношению друг к другу, или движение от какого-нибудь предмета в том или ином направлении. Например, основа монгольского языка *dege-*, имеющая общее значение «верхняя часть, верх», самостоятельно в языке не выступает, однако является исходной формой для многих слов, образованных при помощи суффиксов: *dege-re* «вверху, над»; *dege-dū* «верхний, высший, лучший»; *dege-gši* «вверх»; *deg-de* «подняться вверх»; *dege-ži* «жертвоприношение из лучшей части пищи, лучшая часть». Здесь представлены существи-

¹ В а с и л е в и ч, Словарь.

² Там же.

тельные, прилагательные, глаголы, наречия и послелогои, образованные непосредственно от основ. Особо следует отметить тот факт, что такого рода неопределенные основы содержат некоторые вопросительные и указательные местоимения: они получили также распространение при посредстве суффиксов -г и -w, имеющих значение места: тунг. а- (aw-) «какой?, как?», i- (ig-) «который?, где?», ä- (äw, äg-) «этот, здесь», ta- (tag-) «тот, там».

Наиболее употребительные основы этого типа в разных алтайских языках мы рассмотрим ниже.

Кроме основ этой группы, существуют также и другие несамостоятельные основы; они распространены в основном в тунгусских языках. Приведем несколько примеров.

а) Основы с глагольным значением. К их числу принадлежат основы, обозначающие времена года, дня, ночи и т. п. От них образуются непосредственно существительные, прилагательные, наречия и глаголы:

tuge — понятие «состояние зимы»

tuge-nī	(маньч. tuweri)	„зима“
tuge-mī		„наступает зима“
tuge-sik		„зимняя одежда“
tuge-ptin		„запасы питания на зиму“
tuge-žëk		„зимнее логово“
tuge-r		„зимний“

bolo — понятие «состояние осени»

boło-nī	(маньч. bołori)	„осень“
boło-mī		„наступает осень“
boło-žëkīt		„осеннее логово“
boło-r		„осенний“

dołbo — понятие «ночное время»

dołbo-nī	(маньч. dołbori)	„ночь“
dołbo-mī		„наступает ночь“
dołbo-r		„полуночный“ ¹

б) В тунгусо-маньчжурских языках есть другие особенности, на которые до сих пор не всегда обращали внимание.

¹ Василевич, Словарь.

В маньчжурском языке прилагательные, выступая в роли существительных, получают суффикс *-ŋge* (не подчиняющийся закону гармонии гласных) либо частицу *ŋge* или *ba*¹:

onŋo «широкий», *onŋonge*, *onŋo ŋge*, *onŋo ba* «ширина; то, что широко; тот, который широк», *amba* «большой, великий», *ambange*, *amba ŋge* «величина; то, что велико; тот, который велик».

saŋn «добрый», «хороший», *saŋn ŋge*, *saŋn ba* «доброта, то, что хорошо; тот, который хорош».

Маньчжурские причастия при употреблении в роли существительных также получают суффикс *-ŋge* или частицу *ba*:

yabuŋe «ходящий», *yabuŋenge* «хождение; тот факт, что кто-то ходит; тот, который ходит», *yabuŋe ba* «хождение».

yabuŋa «тот, который пошел», *yabuŋange* «тот факт, что кто-то пошел; тот, который пошел», *yabuŋa ba* «тот факт, что кто-то пошел».

tuwara «смотрящий», *tuwaraŋe* «смотрение; то, на что смотрят; тот, который смотрит», *tuwara ba* «смотрение».

tuwaŋa «тот, который взглянул», *tuwaŋange* «тот факт, что кто-то взглянул; то, на что взглянул; тот, который взглянул», *tuwaŋa ba* «взгляд».

в) Названия родства; тунгусы употребляют их почти всегда только в сочетании с суффиксом со значением притяжательности, который указывает, о чьем родственнике идет речь². Таким путем от общей основы *ami*, обозначающей «отца», но самостоятельно не употребляющейся, образуются слова: *amiw*, *amis*, *amin* «мой, твой, его отец». Когда же, однако, тунгус обращается непосредственно к какому-нибудь своему родственнику, он употребляет соответствующую основу без суффикса, но с особым ударением, которое как бы заменяет суффикс и придает основе характер звательной формы.

Эта группа слов представляет собой любопытный материал для исторической морфологии алтайских языков.

¹ Захаров, стр. 76 (§ 44), 80 (§ 50, 2), 114 (§ 86), 116 (§ 93), 117—118 (§ 96), 188—190 (§ 160—162), 322 (§ 230, 6).

² Василевич, Очерк, стр. 31, прим. 2.

Следует предполагать, что наряду с терминологией родства существуют и другие группы понятий, которые осознаются говорящим конкретно только в соединении с притяжательными или какими-нибудь другими суффиксами. Сюда могут включаться не только термины родства, но и названия частей тела, предметов домашнего обихода и т. п. Таким образом, не исключена возможность, что конечное -п, которое очень часто выступает в глаголах алтайских языков, чаще же всего монгольского, представляет собой собственно суффикс 3 лица. Во всяком случае, это является тем обстоятельством, которое, кажется, подтверждает наше предположение о его происхождении¹.

г) Самую многочисленную группу составляют тунгусские глаголы. Чистые основы этих глаголов в качестве самостоятельных слов вообще не употребляются (см. выше, стр. 67).

В монгольских языках мы также находим большое количество производных слов, образованных от корней и основ, самостоятельно не употребляющихся. Сюда относятся по преимуществу собирательные существительные. По образующим суффиксам их можно разделить на несколько групп.

а) Слова с суффиксом -γун ~ -gün; некоторым из них в архаических диалектах (среднемонгольском, то есть в памятниках, записанных письмом 'phags-ра, и в китайской транскрипции, монгуор, дагурском) и в турецком соответствуют формы без этого суффикса:

монг.	монгуор.	дагур.	тюрк.	
čifaγun			ta:	„камень“
γaɮaγun			qaz	„гусь“
adaγun			at	„табун коней“
χoziγun	γoɮe		qo:	„род войска, кош“
šibaγun	šū			„птица“
χurγun	χurɨ			„палец“
niγun	nurɨ			„позвоночник, хребет“
baraγun		baraγ		„правильный, западный“

б) Слова с суффиксом монг. -γана ~ -gene; обычно названия малых существ, а также растений, произрастающих большой массой:

¹ RO, XII, 1936, стр. 132—142.

хулұяна	„мышь“
batayana	„муха“
gedegene	„жук“
türgene	„овод (слепень)“
хауираяна	„чайка“
kögülžirgene	„голубь“
хараяна	„степной кустарник“
aftaryana	то же
bölžirgene	„земляника, клубника“
žedegene	„костяника“

в) Слова с суффиксом -sun ~ -sün; обозначают обычно растения, живые существа, живущие группами, предметы, состоящие из нескольких мелких частиц, жидкости и т. п.:

ebesün	„трава, сено“
deresün	„бурьян“
хулусун	„камыш“
buryasun	„ива, ракета“
uliyasun	„тополь“
olirsun	„дикая яблоня“
mayifasun	„черемуха“
parasun	„сосна“
bögesün	„вошь“
žiyasun	„рыба“
puyasun	„утка“
görügesün	„дикие животные“
aduyusun	„домашние животные“
elesün	„песок“
toyosun	„пыль“
ünesün	„пепел“
dabusun	„соль“
darasun	„вино“
čisun	„кровь“
nilbusun	„слеза“
šilüsün	„слюна“
širbüsün	„сухожилие“
sormusun	„ресницы“ (или „ряска“? бот.)
puřyasun	„шерсть“
ürgesün	„кольца (у растений)“
kilyasun	„волос (конский)“
bařyasun	„город“

г) Слова с суффиксом $-\text{çay} \sim -\text{çeg}$ — названия плотных предметов и предметов округленной формы, обычно имеющих собирательное значение:

burçay	„город“
boıorçay	„клецки, тесто“
bodonçay	„картофель“
xoııorçay	„кисть, гроздь (винограда)“
toıııçay	„сердцевина (цветка), шишка“
bomborçay	„шар, пуля“
moıoıçay	„клубок, шар“
tegelçeg	„четыреугольник“
çayıgçay	„шкатулка“
yungıgçay	„вьючное седло“

Суффиксы $-\text{çay}$ $\sim -\text{çeg}$ и $-\text{çay} \sim -\text{çeg}$ известны и тюркским языкам, но там они выступают в качестве обычных морфем при самостоятельно употребляющихся основах, придавая им уменьшительное или ласкательное значение. Суффикс $-\text{çay} \sim -\text{çeg}$ можно сопоставить с тюркским суффиксом $-\text{çay} \sim -\text{çeg}$ (в словах iniıııgün , atquıun), являющимся, по мнению К. Грөнбека, архаическим признаком имен собирательных¹.

Наконец, следует принять во внимание монгольские числительные, которые также образуются от самостоятельно не употребляющихся основ. В известной мере то же свойственно и числительным других алтайских языков, особенно тюркских.

Перейдем теперь к суффиксам, имеющим одинаковую фонетическую форму, но различающимся по сфере употребления, а следовательно, и по значению. Приведем несколько примеров из монгольского литературного языка.

Имена	Глаголы
	$-\text{juıa} \sim -\text{lüge}$
совместный падеж	перфект
	$-\text{yuı} \sim -\text{göl}$
имя действующего лица и орудие действия	каузативные глаголы
	$-\text{yad} \sim -\text{ged}$

¹ Grönbech, стр. 59—60.

собираемые числительные деепричастия прошедшего времени

Ср. еще:

-sun ~ -sün

Имена

Глаголы

имена, образованные от имен: имена, образованные от глаголов:

aduysun (< aduyun) „скот“
ayugasun (< ayuga) „домаш-
няя утварь“

kögesün „пена“ (< köge-
„вздыхаться“)
šigesün „моча“ (< šige-
„мочиться“)
sakiyułsun „страж“ (< sa-
kiyuł- „приказать сте-
речь“)

-či

названия действующих лиц названия действующих лиц = причастия настоя-
щего времени: -yči ~ -gči

-ga ~ -ge

отыменные глаголы

глаголы, образованные от других глаголов

таyuga- „ослабеть“ (< таyу
„злой“)

ebdere „испортиться“
(< ebde „испортить“)

öpečire- „осиротеть“ (< öpe-
čip „сирота“) ⁽¹¹⁾

Аналогичные суффиксы можно найти и в тунгусо-маньчжурских языках:

а) маньч. -či; образует аблатив-элатив в склонении существительных и условное наклонение в спряжении глаголов;

б) тунг. -kākū (~-kēkū~-kōkū) и -māt (~-mēt~-mōt); служат: первый — для усиления основ существительных (-kākūn~-kēkūn~-kōkūn) и глаголов (-kākūt~-kēkūt~-kōkūt), а второй — для обобщения (по преимуществу при отрицании);

в) тунг. -маньч. -га~ -ге~ -го; образует существительные и глаголы состояния.

2. Корень, переходящий из одной части речи в другую (например, корень существительного, ставший базой для образования глагола, или наоборот), снабжается обычно каким-нибудь суффиксом. В связи с этим суффиксы разделены на именные, образующие имена от глаголов, и глагольные, образующие глаголы от имен.

Глагольные суффиксы малочисленны; самым старшим из них, пожалуй, будет -*la~le* (~*lo*), который образует действительные глаголы, обозначающие действие, совершающееся при помощи какого-нибудь предмета, и -*ga~ge* (~*go*), который образует глаголы страдательные (*neutra*), обозначающие действие присвоения или приобретения какого-либо предмета. Они широко употребляются во всех алтайских языках. Со временем они приобрели специфический оттенок, особенно в языках монгольских, и стали иногда служить — первый для образования переходных глаголов, а второй — непереходных. Так, например, с помощью суффиксов -*la* и -*ga* от многочисленных звукоподражательных слов, обозначающих усиление движения, образуются параллельные пары переходных и непереходных глаголов: *suu* — движения выравнивания или выравнивания (*suuila* — «вырвать», *suuga* — «вырваться, вылезть»), *xaqa* — движение ломания (*xaqala* — «ломать», *xaqaga* — «ломаться»).

В противоположность глагольным именным суффиксам значительно больше, к тому же они с самого начала были, несомненно, более строго дифференцированы. На первом плане стояли, по-видимому, те, что обозначали само действие, процесс его совершения или его непосредственные результаты. В этом отношении языки менее сходны между собой: тюркские используют суффиксы -*q~k*, -*m*, -*z*; монгольские — -*l*, -*y~g*, -*ya~ge*, -*m*; маньчжурские, а в известной мере и тунгусские — -*n*. Наряду с ними выступают суффиксы с более конкретным и специальным значением (действующего лица, предмета, подвергающегося действию, места совершения действия, орудия и т. п.).

В результате этого в алтайских языках возник основной фонд слов, принадлежащих к категории имен и гла-

голов: с одной стороны, это слова корневые, с другой — производные: отыменные или отглагольные. На втором плане словообразование совершается уже в границах или имен, или глаголов, то есть, иначе говоря, с помощью суффиксов возникают новые имена от имен и новые глаголы от глаголов, образуются основы, которые можно назвать вторичными. При дальнейшей дифференциации понятий они приобретают новые суффиксы; на каждой стадии словообразования глагольные основы могут благодаря суффиксам переходить в категорию имен, а именные — в категорию глаголов.

Все самостоятельные слова подвержены изменениям: имена — склонению, глаголы — спряжению; такие изменения совершаются при помощи суффиксов, имеющих более или менее ту же структуру, что и морфологические. О них речь пойдет ниже, в специальных разделах. Суффиксы словоизменительные отличаются от словообразовательных только тем, что присоединяются после них, причем всегда непосредственно.

При одном корне может выступать несколько как словообразовательных, так и словоизменительных суффиксов; количество их теоретически неограниченно и зависит только от категорий понятий и тех смысловых оттенков, которые должны или могут выражать отдельные слова.

Каждый суффикс имеет, как правило, только одно значение, выражает какое-то одно определенное понятие или смысловой оттенок либо создает какую-то определенную грамматическую категорию¹¹². Суффиксов, выполняющих более сложную роль, то есть служащих для выражения разных понятий и категорий, что характерно для индоевропейских языков, алтайские языки не знают. Вообще в принципе каждый суффикс можно легко отграничить и точно установить его значение. Однако практически при этом встречаются трудности, потому что эволюционные изменения в языке, отмирание одних форм и возникновение других с новыми суффиксами, диалектные различия и, наконец, самые разные посторонние влияния затемняют картину развития слов и их форм.

3. Поскольку глаголы, лишь немногие формы которых (причастия) имеют некоторые черты имен, оформились,

как и в других языках, в самостоятельную часть речи, постольку и имена, отличающиеся большим разнообразием, издавна начали дифференцироваться и разделяться на группы, более или менее соответствующие частям речи индоевропейских языков, — на существительные, прилагательные, местоимения и числительные. В современных алтайских языках мы уже во всех этих частях речи находим большие группы строго дифференцировавшихся слов, не выходящих за пределы соответствующих категорий. С этой точки зрения не совсем точны утверждения, высказанные в последнее время различными исследователями, будто, например, все существительные в этих языках могут выступать в роли прилагательных, и наоборот; ведь здесь существуют как конкретные, так и одновременно специальные группы уже окончательно дифференцировавшихся слов. Впрочем, следует признать, что во всех частях речим можно выделить группы слов, которые действительно и до сих пор могут выступать в роли разных частей речи. Среди существительных такую группу составляют слова, обозначающие материал и размер, способные при известных условиях выступить в роли прилагательных; в то же время все слова, обозначающие качество предмета или принадлежность, тоже в определенных случаях могут выступать в роли существительных. Что же касается местоимений и числительных, то отдельные слова и даже группы их (например, личные местоимения) являются по своему характеру существительными, другие же (например, порядковые числительные) — прилагательными.

Это функциональное разделение всех слов, принадлежащих к именным категориям частей речи, на существительные и прилагательные установилось в алтайских языках не только синтаксическим, но и морфологическим путем^[12]. Именно в тех случаях, когда данные слова выступают в предложении как подлежащие, сказуемые и определения (не только при существительных, но, как увидим ниже, и при глаголах), они не имеют никаких специальных морфологических признаков и их роль существительного или прилагательного определяется порядком слов в предложении; зато, употребляясь в качестве дополнения или обстоятельства, они получают

соответствующее окончание склонения, наличие которого и свидетельствует о функции существительного.

Аналогичную роль играют также притяжательные суффиксы, а там, где их нет, — соответствующие формы личных местоимений или энклитики:

калм. *zaŋū* «молодость», *zaŋūmŋ* «моя молодость, мой юноша», *zaŋūcŋ* «твоя молодость, твой юноша», *zaŋūni* «его молодость, его юноша»;

монг. *sayin* «добрый», *sayin mīnu* «моя доброта», *sayin cīnu* «твоя доброта», *sayin inu* «его доброта».

Чаще всего, естественно, употребляется суффикс 3 лица. Иногда даже можно заметить как бы тенденцию к превращению его в отдельный суффикс существительного, утративший в большей или меньшей степени характер притяжательности. Очень далеко пошли в этом отношении монгольский и чувашский языки. Из форм *inu* и *apu* возник в живых монгольских диалектах суффикс *-ni*, который монголоеды, начиная с А. Попова и А. Бобровникова, рассматривают как признак подлежащего¹. В чувашском такой серьезный исследователь, как Н. Ашмарин, выделяет даже отдельно категорию прилагательных, имеющих суффикс 3 лица и выступающих со значением существительного («тот, который...»): *uzaŋ* «злой», *uzalli* «тот, который злой»².

В качестве отдельной группы можно указать прилагательные и соответствующие им слова, обозначающие известную группу предметов, обособившихся потому, что они обладают особенностями, присущими прилагательному или другому аналогичному слову. В тюркских языках в этой роли очень часто выступают числительные с притяжательным суффиксом, например *birisi* «один из них», *ikisi* «два из них» и т. п. В монгольском мы имеем слова *olaŋ-kīni* и *uekerkīni* «большинство из них». В чувашском языке подобную функцию выполняет суффикс *sker* («один из тех, кто имеет известную черту»³): *uzalsker* «один из тех, которые злы». Происхождение этого суффикса до сих пор еще не выяснено, так что трудно сказать, имеет ли он что-либо общее с притяжательными суффиксами. Можно

¹ Попов, стр. 298 (§ 51); Бобровников, стр. 78 (§ 144).

² Ашмарин, стр. 169 (§ 18), 169—176 (§ 21).

³ Там же.

даже поставить вопрос, не соответствует ли он монгольскому суффиксу *-duyar* (*-tuyar*), образующему порядковые числительные, хотя и его происхождение тоже не ясно, почему и интересующий нас вопрос пока остается нерешенным¹⁴⁴.

Специальный семантический оттенок, который получил алтайский суффикс принадлежности 3 лица, почти полностью соответствует роли определенного артикля в некоторых индоевропейских языках; например, французское *le* в соединении с притяжательными местоимениями придает им субстантивированное значение: *le mien, le tien* и т. д. Поэтому не следует удивляться, что некоторые языковеды и тюркологи (В. Богородицкий и К. Грөнбек) склонны считать, что алтайский суффикс 3 лица, кроме своего исконного, основного значения, может выступать в значении соответствия индоевропейскому артиклю¹⁴⁵.

Как мы уже видели, маньчжурские причастия могут выступать в роли существительных в результате присоединения суффикса *-ŋge* или частицы *ba*, которая употребляется обычно для образования существительных, означающих действие (на различных стадиях его совершения) и его результат. В этих случаях лицо, производящее действие, обозначает, ввиду отсутствия суффиксов притяжательности, родительный падеж личных местоимений, употребленный в роли определения: *mini uabuŋa ba* «мой приход; то, что я пришел». Зато тюркские языки, некоторые монгольские и северотунгусские диалекты используют для этой цели притяжательные суффиксы. Монгольский литературный язык занимает промежуточное положение, а именно использует родительный падеж личных местоимений, однако после формы причастия с явной тенденцией к преобразованию родительного падежа местоимения в энклитику.

Все это можно показать на следующей таблице:

тур.	монг.	маньч.		
<i>aldiyim</i>	<i>abuysan</i>	<i>minu</i>	<i>mini yaixa ba</i>	„мое (взятие)“
<i>aldiyig</i>	<i>abuysan</i>	<i>činu</i>	<i>sini yaixa ba</i>	„твое (взятие)“
<i>aldiyi</i>	<i>abuysan</i>	<i>inu</i>	<i>ini yaixa ba</i>	„его (взятие)“

¹ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1934, стр. 109—111; Grønbek, стр. 92—100.

С совершенно другой особенностью мы встречаемся в северотунгусских языках. В них прилагательные, употребляющиеся в качестве определений при существительных, согласуются с ними по форме, используя те же самые, что и у существительных, падежные суффиксы, весьма возможно, даже суффиксы множественного числа. Это явление вообще неизвестно тюркским и монгольским языкам (подробнее об этом см. в разделе синтаксиса).

Подобно индоевропейским языкам, прилагательные в алтайских языках выходят за пределы собственно имен и, объединяясь с глаголами для более точного определения характера или интенсивности действия, приобретают значение наречий. В этих случаях прилагательное остается неизменным и роль наречия определяет только порядок слов в предложении (а иногда к тому же соответствующая интонация). Но если много раз употреблявшиеся в такой роли прилагательные получают суффиксы склонения, то ими служат чаще всего суффиксы дательного или творительного падежа (монг. *uekede*, бурят. *uehe*, *ueheg*, *baɣa*, *baɣar*)¹. Употребление суффиксов склонения свидетельствует о том, что к роли наречий прилагательные пришли через стадию существительных (прилагательное—существительное—наречие).

Таким образом, собственно прилагательные, обозначающие качество подлежащего, могут выступать — в той мере, в какой это допустимо с семантической точки зрения, — в роли трех частей речи: прилагательных (при существительных), наречий (при глаголах) — в виде корня или основы (без суффиксов) — и, наконец, существительных (с суффиксами склонения).

В устной речи отношения между словами выражаются в алтайских языках синтаксическим путем — с помощью определенного порядка слов в предложении — или морфологическим — с помощью суффиксов; вспомогательных слов употребляется очень мало. Именно поэтому в алтайских языках почти нет относительных слов (местоимений и наречий) и весьма мало первообразных союзов и частиц. Скромное их число иногда пополняют вспомогательные слова, заимствованные из других частей речи. Редко

¹ Санжеев, Грамматические приемы, стр. 206.

встречаются в них и корневые послелогои, соответствующие индоевропейским предлогам; такие послелогои обычно становятся энклитиками и, наконец, суффиксами склонения. Процесс преобразования их до сих пор еще не закончился, и в настоящее время мы можем его наблюдать на живых примерах, так как в различных языках имеются формы, относящиеся к различным его фазам; иногда даже разные фазы выступают в одних и тех же языках¹. Численность этой части речи тюркологи, а вслед за ними и другие исследователи склонны увеличивать за счет наречий с пространственным значением.

На переходной ступени от неизменяемых частей речи к изменяемым находятся наречия, поэтому точно определить границы этой части речи довольно трудно. Во всяком случае, в группе наречий должны находиться на положении гостей прилагательные в виде основы без каких бы то ни было суффиксов, другие имена с суффиксами склонения и специальными суффиксами, имеющими известную, более или менее установившуюся форму, а также глаголы в форме некоторых деепричастий². Среди последних особенно важны так называемые вспомогательные глаголы «быть», «становиться», «говорить», «делать», и прежде всего глаголы, образующиеся от корней вопросительных и указательных местоимений и имеющие значение «что делать?», «как поступать?», «поступать так или иначе?». До сих пор на эти глаголы обращали мало внимания, возможно, потому, что в тюркских и тунгусских языках они представлены слабо (тюркские языки, особенно анатолийско-турецкий, используют здесь преимущественно слова иноязычного происхождения). Между тем в монгольских языках они выступают часто, о чем мы уже имели случай писать³. Наречиям и специальным наречным суффиксам мы посвящаем особую главу.

Замечания о лабиальной ассимиляции

1. Выше мы уже говорили, что регулярная система гласных в алтайских языках способствовала развитию в

¹ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 50—54.

² Котвич, Опыт², стр. 319—324 (§ 299—304).

³ Там же, стр. 308—318 (§ 282—298).

них гармонии гласных, а следовательно, и лабиальной ассимиляции. Поскольку эта система лучше всего сохранилась в тюркских языках, можно думать, что в них имеются самые благоприятные условия для проявления лабиальной ассимиляции, согласно которой после лабиализованных гласных должны следовать только лабиализованные, а после нелабиализованных — только нелабиализованные. Однако уже Радлов¹ особо отметил физиологические факторы, осложняющие это явление. Не вдаваясь в оценку его взглядов, мы, однако, полагаем, что здесь следует также учитывать два конкретных факта фонетического характера.

Полное подчинение языка явлению лабиальной ассимиляции (наряду с палатальной) могло бы послужить причиной того, что в отдельных словах выступали бы только два разных гласных, например а, *ï*, о, и, или только одинаковые гласные. Это было бы очень однообразно.

Тюркские языки свели все употребление о ~*ö* до употребления лишь в первом слоге. Причина этого явления до сих пор еще не выяснена. Дени² объясняет его тем, что тюркские корни первоначально состояли только из одного слога и что случаи употребления о ~*ö* ограничивались этими корнями. Безотносительно к тому, как этот факт объясняется в науке, такое употребление о привело к нарушению в системе гласных — к сокращению числа неограниченных по употреблению лабиализованных гласных только до одной пары (и ~*ï*), выступавшей не только после лабиализованных, но и после нелабиализованных гласных. Прежде всего это отразилось на строении суффиксов. Если бы язык имел в своем распоряжении все гласные, то суффиксы могли бы выступать в двух вариантах с четырьмя формами: один с лабиализованным гласным, другой с нелабиализованным, то есть, например, один с о ~*ö*, другой — с а ~*ä*, или один с и ~*ï*, другой с *ï* ~*i*, и т. д. С выпадением же из этой системы о ~*ö* остались только две пары чередований: и, *ï* и *ï*, *i*; а ~*ä* остались

¹ W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1883, стр. 23 (§ 34).

² J. Deny, *Le turc était-il à l'origine une langue monosyllabique?* Actes du XVIIIe Congrès International des Orientalistes, Leiden, 1932, стр. 112.

без параллелей с лабиализованным гласным и могли входить в состав суффиксов, которые нужно было присоединять к темам как с лабиализованным, так и с нелабиализованным гласным.

Если мы перейдем от теоретических рассуждений к рассмотрению фактического положения вещей, мы сможем заметить, что тюркские языки считаются с вышеуказанными обстоятельствами, однако до сих пор не выработали единого отношения к ним. Одни языки подчиняются в большей, другие — в меньшей степени. При этом бросается в глаза тот факт, что древние памятники, видимо, указывают на меньшее влияние лабиализации, чем современные литературные языки и даже живые диалекты. Это явление уже давно интересует тюркологов, и теперь мы располагаем обширным материалом для его оценки.

Из числа старых памятников исследованы с этой точки зрения орхонские надписи (В. Радлов, В. Томсен, П. Мелиоранский, В. Грэнбек), тюркские памятники из Восточного Туркестана (уйгурские; В. Радлов, М. Ряснен), некоторые чагатайские тексты (Г. Вамбери, П. Мелиоранский, М. Ряснен), а также старотурецкие (К. Залеман, Г. Вамбери, М. Ряснен, А. Зайончковский, Г. В. Дуда)¹, причем всюду картина примерно одинакова; историю же этого явления можно представить следующим образом:

- а) Гласный о ~ö выступает только в первом слоге.
- б) В качестве соединительных гласных употребляются обычно и ~ï, ĩ ~i в соответствии с лабиальной ассимиляцией (Ряснен), но иногда преобладают и ~ü (Зайончковский).
- в) Известное число суффиксов имеет два варианта: с лабиализованным и нелабиализованным гласным с четырьмя формами.

¹ Большинство работ, в которых рассматривается интересующий нас вопрос, хорошо известно. Поэтому мы ограничимся указанием лишь тех работ, на которые мы чаще всего ссылаемся: W. Radloff, *Altürkische Studien*, V, Bull. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Petersbourg, 1911, стр. 429. К. Залеман, реферат о книге А. Мюллера: A. Müller, *Türkische Grammatik mit Paradigmen, Literatur, Chrestomatie und Glossar*, ЗБОРАО, III, 1889, стр. 391—394; G. Duda, *Die Sprache der Qyryq Vezir-Erzählungen*, I, Leipzig, 1930; M. Räsänen, *Beiträge zur Frage der türkischen Vokalharmonie*, JSFOu, XLV, 3, 1932; A. Zajaczkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim*, I, Kraków, 1934; II, Kraków, 1937.

г) Значительное число суффиксов, имеющих в своем составе гласные $u \sim \ddot{u}$, $\ddot{i} \sim i$, $a \sim \ddot{a}$, выступает только в одном варианте с лабиализованным или нелабиализованным гласным, как бы, мало считаясь с лабиализацией. Радлов и Ряснен отмечают при этом, что гласный $\ddot{i} \sim i$ выступает в том случае, когда суффикс сам представляет собой открытый слог, а $u \sim \ddot{u}$ — когда суффикс представляет собой закрытый слог.

д) Кроме вариантов с $u \sim \ddot{u}$, $\ddot{i} \sim i$, встречается еще и третий вариант с $a \sim \ddot{a}$: например, $-ug \sim -\ddot{u}g$, $-\ddot{i}g \sim -ig$, $-ag \sim -\ddot{a}g$.

е) После $a \sim \ddot{a}$ довольно часто выступает суффикс с $u \sim \ddot{u}$, а после o — суффикс с $a \sim \ddot{a}$.

Правда, отдельные группы памятников имеют те или иные отклонения, характер которых определить довольно трудно, так как системы алфавитов, которыми пользовались турки, обозначали гласные обычно неточно. Насколько можно судить теперь, эти отклонения, по-видимому, идут по двум направлениям: во-первых, существующие параллельно два варианта с $u \sim \ddot{u}$, $\ddot{i} \sim i$ употребляются несистематически; во-вторых, отдельные встречающиеся и в других языках суффиксы с $u \sim \ddot{u}$ или $\ddot{i} \sim i$ получают соответствующие пары с $\ddot{i} \sim i$ или $u \sim \ddot{u}$.

Последняя тенденция стала как будто преобладать в новейшем анатолийско-турецком литературно-письменном языке, где влияние лабиализации становится все более явным. Теперь можно даже сказать, что здесь установилась более или менее определенная система использования лабиальной ассимиляции, которой подчиняется речь образованных слоев общества, особенно в Стамбуле и вокруг него. Эту систему, которую очень точно описали Дени и Риза Нур¹, можно представить следующим образом.

а) После лабиализованных гласных следуют узкие лабиализованные или широкие нелабиализованные.

б) После нелабиализованных следуют только нелабиализованные.

¹ Deny, стр. 115; Riza Nour, L'harmonie vocalique en turc, „Revue de Turcologie“, № 1, 1931, стр. 1—11.

Однако и здесь существуют три отклонения, представляющие собой остаточные явления, идущие от старого состояния языка:

1) существуют суффиксы в одной только форме с \ddot{i} ~ i , в то время как живой язык уже знает параллельную форму с u ~ \ddot{u} ;

2) после a ~ \ddot{a} иногда следует u ~ \ddot{u} ;

3) наконец, сохранились следы суффиксов с тремя вариантами, например $-ur$ ~ \ddot{ur} , $-\ddot{ir}$ ~ $-ir$, $-ar$ ~ \ddot{ar} (последний вариант после a ~ \ddot{a}).

Установить этапы эволюции, которую прошла в Анатолии лабиальная ассимиляция, нелегко, так как имеющиеся в нашем распоряжении памятники вообще не позволяют восстановить определенные линии в развитии литературного языка. Однако любопытные результаты дает сравнение данных старотурецкой литературы XIV—XV веков с современной. Так, Зайончковский, исследовавший старотурецкий язык переводов «Калилы и Димны», а также Корана, пришел к убеждению, что в языке этих памятников гармония лабиализованных гласных отсутствует и поэтому суффиксы, независимые в этом отношении от гласного основы, имеют только две формы: одна группа суффиксов имеет постоянно лабиализованный гласный, другая — постоянно нелабиализованный¹. Издатель видит полное соответствие в этом отношении между языком «Калилы и Димны» и языком текстов, исследованных Неметом (XV века) и Ф. Бабингером (XVI века).

Еще в 1889 году К. Залеман, опираясь на различные старотурецкие тексты, и прежде всего на те, что сохранились в транскрипции, отметил, что в языке их наблюдаются многочисленные отклонения от закона лабиальной ассимиляции, хотя нельзя сказать, что его вообще не существует². Результаты исследований Зайончковского тоже, по-видимому, не говорят в пользу этого утверждения. Среди взятых им из «Калилы и Димны» в качестве примера двенадцати суффиксов с лабиализованным гласным и девяти с нелабиализованным пять имеют четыре формы (два

¹ A. Zajaczkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim*, I, Kraków, 1934, стр. 154.

² См. ЗВОРАО, III, 1889, стр. 393.

варианта), а один — шесть (а ~ä, и ~ü, i ~i; три варианта¹); возможно, было бы очень интересно установить, при каких условиях выступает каждая из этих форм.

Еще более сложную картину представляют собой современные диалекты: каждый имеет те или другие особенности, и разграничение диалектов в этом отношении относится, вероятно, к очень давнему времени. Уже Махмуд Кашгарский заметил, что в современном ему языке в I лице прошедшего совершенного времени существовали в диалектах три варианта: *bardim*, *bardum*, *bardam*². В старых литературных памятниках встречается одна основная форма *bardī*, которой и соответствует *bardim*; форма *bardum* могла возникнуть под влиянием губного *m*, а *bardam* является результатом прогрессивной ассимиляции гласного первого слога (а). Благодаря этому становятся ясными условия, в которых возникли разные варианты. Наряду с лабиальной ассимиляцией действовали и даже побеждали другие факторы, и это соперничество находило отражение в письменных памятниках.

В. Радлову, имевшему возможность исследовать положение вещей в значительной части тюркских диалектов, казалось, что они представляют собой различные стадии процесса лабиализации и что этот процесс длится до сих пор. В каком направлении он совершается?

Общий, но довольно беглый схематический обзор рассматриваемого явления в диалектах дал тот же В. Радлов в своей «Фонетике»³; более точные данные мы находим в работах, посвященных отдельным диалектам. Лучшее всего исследован сингармонизм, с одной стороны, в якутском языке (О. Бётлингк, В. Радлов, С. В. Ястремский), а с другой — в анатолийско-турецких говорах (Т. Ковальский). Мы располагаем также данными по тому периоду из азербайджанского (И. Гасанов), а также татарского (А. Самойлович), ногайского (Н. Баскаков), кумыкского (Н. Дмитриев), казахского (П. Мелиоранский) языков, языков Восточного Туркестана и возникшего на их основе

¹ Там же, стр. 154—156 (§ 2), 178—179 (§ 26).

² С. Brockelmann, Mahmūd al-Kāshgharī, Darstellungen des türkischen Verbalbaus, KSz. XVIII, 1918—1919, стр. 36, прим. 2.

³ W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1883, стр. 2—62 (§ 1—80).

новоуйгурского (Г. Ярринг, Н. Баскаков и В. Насилов), киргизского (И. Батманов), алтайского (ойротского; грамматики Алтайской миссии и Н. Дыренковой).

В 1927 году В. А. Богородицкий предпринял попытку дать анализ закона лабиальной ассимиляции в разных тюркских диалектах, однако он мог опираться в основном лишь на старые материалы В. Радлова¹.

На основе вышеназванных работ и других существующих в настоящее время исследований живые диалекты следует разделить на четыре группы:

а) Первую составляют большинство диалектов, которые идут в общем тем же путем, что и литературные языки, проявляя только большие или меньшие отклонения. В своем развитии они часто опережают литературные языки и ведут их за собой, о чем свидетельствует, например, живая речь анатолийских турков.

б) Ко второй группе следует отнести большое число северных диалектов: якутский, казахский, киргизский, алтайский и некоторые сибирские. В отношении лабиальной ассимиляции они пошли значительно дальше, чем литературные языки и остальные живые диалекты. Основная особенность их, свидетельствующая об усиленном воздействии лабиальной ассимиляции, — употребление о ~ö не только в первом слове, но и в последующих. Однако они не отошли от общей основы, на которую опираются и другие диалекты, а только расширили систему своих суффиксов: суффиксы, которые в других диалектах выступают лишь в виде варианта с широким гласным, то есть с а ~ä, имеют здесь еще другой вариант с гласным о ~ö, хотя только после лабиализованных гласных, например кирг. külgön, ötkön (в других диалектах külgен, ötkен). Впрочем, и тут есть исключения: например, в казахском языке после гласного заднего ряда о выступает а (soqqaп при külgön) [1^а].

Не исключена возможность, что подобная тенденция касается и других диалектов. В. Прёле, исследовавший на Кавказе балкарский и карачаевский диалекты, отметил, что в них е второго слога может быть заменено звуком ö

¹ В. Радлов, Этюды по тюркскому языкознанию, Казань, 1933, стр. 58—73 (гл. VII; Законы сингармонизма в тюркских языках).

после лабиализованных гласных (ö и ü): ölgön и üjlörim, но параллельно с ними сохраняются и старые формы ölgeп и üjlerim¹. Это наблюдение недавно подтвердил Боровков². Обращает на себя внимание большое количество не подчиняющихся закону сингармонизма суффиксов с разными гласными в некоторых языках этой группы (особенно в киргизском).

в) К третьей группе следует отнести диалекты, которые не только восстановили о ~ö за пределами первого слога, но и ограничили систему гласных в другом направлении. Сюда входят главным образом говоры Восточного Туркестана (особенно кашгарский), которые утратили, как и монгольские языки, звук i и пользуются звуком i в словах с гласными и переднего и заднего образования. Кроме того, в них можно наблюдать регрессивную ассимиляцию (особенно большую роль тут играет гласный i), под влиянием которой иногда целиком изменяются гласные первого слога, то есть корня, например: а > е, ä > е. Это положение вещей отразилось на гармонии гласных: суффиксы с широким гласным имеют один вариант (две формы) с а ~ ä, е, а суффиксы с узким гласным — два варианта (три формы): i, u ~ ü, либо только один вариант (две формы): u ~ ü, однако существует большое число суффиксов, которые выступают только в одной форме с i, например: piç (род. п.), -pi (вин. п.), -dip (исх. п.), -çi (название действующего лица), -gili (деепричастие) и т. д.

г) Городские говоры узбекского языка, испытавшие сильное иранское влияние, утратили не только i, но также ü и сократили свою вокальную систему до шести основных гласных. Это, конечно, отрицательно отразилось на гармонии гласных; некоторые исследователи склонны думать, что она здесь вообще уже не существует³. Не вдаваясь в оценку их мнения, мы можем, однако, отметить, что из

¹ W. Pröhle, *Balkarische Studien*, KСz, XV, 1914—1915, стр. 172—173 (§ 19, 21).

² А. К. Боровков, *Об единой карачаево-балкарской орфографии*, ИАН СССР, 1935, стр. 507.

³ Е. Поливанов, *Образцы несингармонических (иранизированных) говоров узбекского языка*, ДАН СССР, В, 1928, стр. 92—96, 306—312 и 318—323.

числа передних гласных остались только два: е, і, причем последний (подобно тому как и u) совершенно нейтрализован, а после е почти всегда выступает а. Любопытно, что звук о (который имеет два варианта: более узкий и более широкий) начал выступать и не в первых слогах, а следовательно, в суффиксах; вероятно, это результат иранского влияния, которое, однако, не восстановило первоначальной роли этого гласного.

Нижеследующая таблица показывает, какие гласные входят в состав суффиксов разных групп тюркских диалектов:

Группа диалектов	Широкие гласные	Узкие гласные	Суффиксы, не подчиняющиеся гармонии гласных
I	а~ä	ĩ~i, u~ü	в качестве исключения
II	а~ä (е), о~ö	ĩ~i, u~ü	довольно многочисленны в одних диалектах, отсутствуют в других
III	а~ä	i, u~ü u~ü	одна форма с i, нейтральная
IV	а~е, о редко	i, u	почти все

2. Лабialsной ассимиляцией в монгольском языке интересовались уже давно. Б. Бётлингк (1851), В. Радлов (1882) и Б. Владимирцов (1927) единодушно пришли к выводу, что в монгольском литературном языке следов этой ассимиляции нет и что она господствует в ойратском литературном языке. Бётлингк, кроме того, полагал, что ассимиляция не была известна и памятникам, записанным при посредстве письма 'phags-pa, однако другие исследователи показали ошибочность этого взгляда. Все они

опирались в своих суждениях главным образом на роль гласного о ~ö, стараясь при этом установить аналогию с тюркскими языками.

Вообще с ними можно согласиться: в «Сокровенном сказании монголов» (1240) и других памятниках письменности XIII—XV веков, а также в более позднем литературном языке употреблялись суффиксы, не имевшие вариантов, порожденных лабиальной ассимиляцией; в них использовались суффиксы с единичными гласными: а ~е, и ~й, і. Однако более точный анализ монгольской морфологии показывает, что тут мы имеем дело с разными обстоятельствами, несколько осложняющими общую картину.

Прежде всего, как мы уже имели возможность указывать, в алтайских языках для отделения согласных друг от друга употребляются параллельно гласные і, u; были приведены также примеры употребления их в монгольском языке¹.

Не менее важным является факт существования суффиксов в двух вариантах с гласными u, a:

местн.-дат. п.:	-da ~-de, -du ~-dū, -dur ~-dūr
усл. накл.:	-sa ~-se, (-ba)-su ~(-be)-sū
взаимные глаголы:	-lda ~-lde, -ldu ~-ldū.

Правда, Рамстедт предполагает, что -da ~-de и -dur ~-dūr — окончания разных падежей: первое — местного, а второе — дательного², но у нас нет достаточных доказательств, подтверждающих это предположение. Во всяком случае, оба варианта употребляются без какой бы то ни было ощутимой разницы. «Сокровенное сказание монголов» знает только -dur (-tur) и -da ~-de (-ta ~-te), но в словаре «Мукаддимат аль-адаб» употребляется уже по преимуществу суффикс -du ~-dū (-tu ~-tū). Наиболее старым вариантом тюркско-монгольского окончания условного наклонения было -sa, которое засвидетельствовано в формах boŋo-sa, čida-sa, yada-sa, сохранившихся в монгольском языке до сих пор. Однако нормальным вариантом

¹ Kotwicz, Les Contributions, RO, XII, 1932, стр. 126—128.

² G. J. Ramstedt, Über mongolische pronomina, JSFOu, XXIII, 1906, стр. 8.

следует считать -su ~-sü. На тюркской почве единственным окончанием условного наклонения является -sa ~-sä.

Глаголы со значением взаимности использовали в древнейших памятниках монгольской письменности («Сокровенное сказание монголов», документы, записанные письмом уйгурским и 'phags-pa, а также словарь «Мукаддимат аль-адаб») суффикс -ldu ~-ldü; форма же -lda ~-lde выступает только в литературном языке более поздней поры¹⁷⁾.

Другая группа охватывает суффиксы с гласными u ~ ü, i:

суффикс деепричастия	-čü ~ -čü	-či
	-žü ~ -žü	-ži
суффикс род. п.:		
после основ с конечным -п	-u ~ ü	-i
после других основ	-up ~ -ün	-yin
суффиксы вин. п.:		
обычный		-i, -yi
с возвратно-притяжательным местоимением	-yuyun ~ -yügen	
частица	-čü	či

Варианты с i выступают главным образом в живых диалектах, а варианты с u ~ ü скорее в литературном языке, хотя мы и тут находим примеры такого же параллелизма:

ažuju (в ср.-монг. памятниках ažu'uj)	ažiju
tedüj	težiy-e
kedüj	kežiy-e
činadu	činaži

Чередованию u ~ ü||i в монгольском не придавалось большого значения. В состав большинства приведенных здесь примеров входят аффрикаты č, ž; они-то и могли оказать влияние на замену u ~ ü звуком i, особенно в живой речи. Однако такой взгляд, вероятно, не продержится долго, потому что чередование u ~ ü||i можно наблюдать не только после аффрикат, но и после согласных, а особенно после п.

Б. Я. Владимирцов¹ высказал другую мысль. Он предполагает, что среди редуцированных гласных не

¹ Владимирцов, Сравн. гр., стр. 312—313 (§ 168).

первого слога, возникших уже в XIII—XIV веках, существовал какой-то очень краткий гласный, который монголы на письме передавали при помощи *u*, *i* в словах с гласными заднего ряда или *ü*, *i* в словах с передними гласными. Отвергать влияние редукции гласных, очевидно, нельзя, но, с другой стороны, не следует и переоценивать его. От XIII—XIV веков до нас дошли памятники, записанные четырьмя видами письма, которые свидетельствуют, пожалуй, о довольно значительном совпадении в передаче монгольских звуков, в том числе и редуцированных гласных¹. С другой стороны, можно заметить, что чередующиеся гласные в отдельных случаях употребляются систематически; так, мы постоянно встречаем окончания *-i*, *-ui*, *-uiban* ~ *-üiben*, *-uııan* ~ *-üügen*, *-ıın* ~ *-üın* после согласных и *-uın* после гласных. Впрочем, об этой систематичности говорят и приведенные Б. Я. Владимирцовым примеры. Следовательно, существовали, вероятно, разные звуки, причем не один, и хотя они были редуцированы, однако не в такой степени, чтобы их нельзя было различить.

Все только что изложенное заставляет нас искать другой выход, и мы склонны видеть его в лабиальной ассимиляции.

В письме Улджейту (XIII век) мы находим оборот *og-a saıııısan*. Б. Я. Владимирцов рассматривает *og-a* как форму дательного падежа предполагаемого существительного *og* «трон»². Мы тоже предполагали здесь тот же падеж, однако от существительного *ogıı*³. Теперь же мы рассматриваем *og-a* в качестве формы неопределенного падежа (*casus indefinitus*) наряду с **ogan* > *ogıı*, по аналогии с выражением *ogo sa'u*, которое выступает в «Сокровенном сказании монголов» (§ 208, 231, 281) и постоянно встречается в литературном монгольском языке. Если бы это был дательный-местный падеж, то он сохранил бы *-n* (ср. *ıııııı'ana*, *tabuna*) и имел бы форму *ogon-a*.

Особого внимания заслуживает факт, что в монгольском языке известны морфологические элементы с тремя

¹ Владимирцов, Сравни. гр., стр. III (§ 168).

² Там же, стр. 317.

³ W. Kotwicz, *Abel-Rémusat*, CO. 4, Lwów, 1933, стр. 37 (§ 36).

вариантами (то есть с *u* ~*ü*, *i*, *a* ~*e*). Такие варианты имеют также соединительные гласные, облегчающие, например, присоединение номинального *n* к основам на согласные. Это явление, как мы видели, очень распространено на тюркской почве; иногда его можно также наблюдать и в тунгусских языках. Примеры:

а) морфологические элементы

	тюрк.	монг.	маньч.	тунг.
местн.-дат.	-da	-da, -du; -dur	-de	-du
усл. накл.	-sar, -sa	-sa, (-ba)-su	-çi	
номинативные глаголы		-lda, -ldu	-ndu	-ldi

б) *n* именное в сочетании с соединительными гласными *a* ~*e*, *u* ~*ü* образует как бы новый суффикс -*an* ~*en*, -*un* ~*ün*, -*in*:

	тюрк.	монг.	тунг.-маньч.	
<i>miḡ, biḡ</i>	<i>miḡyan</i>		<i>miḡyan</i>	„тысяча“
<i>tiftay</i>	<i>šiltayan</i>			„причина“
<i>süḡük</i>	<i>čimügen</i>			„кость, поколение“
<i>say</i>	<i>sayin</i>	<i>sayn</i>		„здоровый, добрый“
<i>ariḡ</i>	<i>ariḡun</i>			„чистый“
<i>kāzik</i>	<i>geḡi'ün</i>			„эпидемия, нарыв“
	<i>kem</i>	<i>kemun</i>		„мера“
<i>aḡtun, aḡtin</i>	<i>aḡtan</i>	<i>aḡčun, aḡsin</i>		„золото“
<i>orun</i>	<i>oran, oron</i>			„трон“

В каких случаях монголы первоначально использовали каждый из приведенных вариантов, в настоящее время установить трудно, так как мы имеем дело с немногочисленными примерами, которые могли с течением времени подвергаться различным преобразованиям. Однако аналогичные явления, засвидетельствованные в тюркских языках, оправдывают предположение, что и в монгольских имело место влияние лабиализованных гласных.

Более всего аналогии наблюдается в судьбе гласного *o* ~*ö*. Б. Я. Владимирцов привел различные доводы в доказательство той мысли, что в монгольском диалекте, из которого развился литературный язык, *o* ~*ö* выступало, как и у турков, только в первом слоге¹; эта мысль кажется как будто правдоподобной. Однако памятники XIII—XIV

¹ Владимирцов, Сравни. гр., стр. 315—317 (§ 169).

веков показывают, что уже в то время о ~ö выступало и во втором слоге, ибо в текстах письма 'phags-pa мы находим при pouad, horaj также oḡon, to'on, ötögü, а в «Сокровенном сказании монголов» наряду с хоуар, хоуина, уосуп имеем сохог, хого, ötörken, dotora, Bodončar. Таким образом, этот период был переходным: в это время выявилась новая тенденция, которая начала быстро распространяться, захватывая различные живые диалекты. Впрочем, она не стала всеобщей, и о ~ö не распространилось далее второго слога. В этот период монгольский язык подвергся значительным преобразованиям: возникли долгие гласные, а обычные гласные в безударных слогах, то есть начиная со второго, все более сокращались. При таких условиях дальнейший прогресс лабиальной ассимиляции должен был становиться все менее явным, а литературный язык мог с тем большей легкостью сохранить традиционное и в данном отношении более консервативное письмо. Тем не менее о ~ö употреблялось все шире; в конце концов оно завоевало второй слог и стало распространяться в следующих. Об этом свидетельствует, с одной стороны, ойратский литературный язык XVII века, а с другой — новые элементы, в которых в качестве основы для суждения могут служить долгие гласные. Именно о мы находим на втором и третьем местах в большинстве известных диалектов.

Исключение составляют диалекты калмыкский на Волге, торгутский на Алтае и дархатский у озера Косогол, ибо там после о выступает ä вместо ö, как в других диалектах.

Любопытны в этом отношении диалекты могольский в Афганистане и дагурский в Маньчжурии. Г. И. Рамстедт не отметил у моголов редуцированных гласных, но в его записях о очень часто выступает во втором и третьем слоге. В связи с этим можно было бы предполагать, что мы имеем дело в данном случае с тем же явлением, что существует в большинстве монгольских диалектов, однако такие примеры, как dora, qojna, oḡaḡu, oḡam, mortana, qočaḡuna, modun, ḡotun, доказывают, что лабиальная ассимиляция не оказала на этот язык влияния¹. Отсюда вывод, что о во

¹ Владимирцов, Сравни. гр., стр. 316 (§ 169).

втором слоге возникло не в связи с лабиальной ассимиляцией, — это результат влияния иранской среды, которое проявляется чуть ли не на каждом шагу. Так, например, *ō* выступает не только после *o*, но и после других гласных: *qiōyupa*, *miqōn*.

Аналогичные явления можно наблюдать еще только в дагурском языке, где тоже находят отражение следы иноязычных влияний, главным образом тунгусских языков, где *o* играет большую роль. Так, там было отмечено, с одной стороны, *doło(ŋ)*, *boro*, *χοуоō*, с другой — *ofē*, *touāg*, *boŋa* и с третьей — *χαgōf*, *χαŋŋ|χαgōf*, *ʒigūō(ŋ)*, *šoŋyās*. Эти данные позволили утверждать, что дагурский язык, как правило, не знает лабиальной ассимиляции.

Изменения, которые имели место в большинстве монгольских диалектов, начали в конце концов оказывать влияние и на литературный язык: в нем начинают появляться — особенно это усилилось в новейший период — наряду со старыми нелабиализованными формами формы лабиализованные, например: *χota* и *χoton*, *поуап* и *поуоп*. Во многих же случаях новые формы совершенно вытеснили старые, например: *soχog* вместо *soχar*, *Моууof* вместо *Моууaf*.

На основе приведенных выше данных можно предполагать, что влияние лабиализованных в монгольских языках проявлялось примерно с той же тенденцией, что и в тюркских языках. Раньше монголы употребляли в основе *o* ~ *ō* только в первом слоге, а в суффиксах — гласные *a* ~ *e*, *i*, *u* ~ *ü*, причем каждый суффикс имел только один вариант, независимо от влияния лабиализованных гласных. Вероятно, прежде всего это влияние проявилось в соединительных гласных, в результате чего образовалась пара вариантов *i*, *u* ~ *ü*, которая затем распространилась и в суффиксах. Суффиксы с *a* ~ *e* тоже проявили склонность к образованию лабиализованных параллелей, и таким образом, с одной стороны, возникло чередование *a* ~ *e* || *u* ~ *ü*, а с другой — *a* ~ *e* объединилось с чередованием *i*, *u* ~ *ü*, в результате чего возникли суффиксы с двумя или тремя вариантами. Однако еще на начальной стадии этого процесса значительные изменения в вокализме, о которых говорилось выше, помешали влиянию лабиали-

зованных гласных на монгольские суффиксы. Несмотря на эти изменения в монгольских языках, аналогичные изменениям в северотюркских диалектах, $o \sim \ddot{o}$ в первом слого стало постепенно проникать и в последующие, вытесняя $a \sim e$; таким образом, возникла новая пара суффиксов: один с $o \sim \ddot{o}$ в словах с $o \sim \ddot{o}$ в первом слого, а другой — с $a \sim e$ во всех остальных. В противоположность тюркским этот процесс охватил подавляющее большинство монгольских диалектов.

3. Тунгусо-маньчжурским языкам тоже известна гармония гласных, палатальная и лабиальная, однако здесь она имеет некоторые особенности, связанные с группировкой и характером гласных. В тунгусо-маньчжурских языках первоначально было, по-видимому, восемь основных гласных, тех же, что существовали раньше в монгольских языках и существуют до сих пор в языках тюркских.

Однако уже издавна, как видно, задолго до образования маньчжурского литературного языка, то есть до XVII века, в тунгусских языках, вероятно, возникла тенденция к взаимному сближению некоторых пар гласных, именно \ddot{o} с e , \ddot{i} с i , а также \ddot{u} с u . Далее всего эта тенденция пошла в маньчжурском языке, особенно в литературном, где уже совершенно утратились \ddot{o} , \ddot{i} , \ddot{u} . В современных тунгусских языках они еще кое-где спорадически выступают, но вообще можно считать, что \ddot{o} , \ddot{i} уже утратились, а \ddot{u} находится на стадии исчезновения. Между тем параллельно нормальному e (переднего широкого образования) развилось узкое \acute{e} , по преимуществу долгое, выступающее в первом слого и чередующееся с i ; обе эти гласные (\acute{e} , i) являются средними (нейтральными) и сочетаются как с гласными переднего, так и заднего ряда.

Подобное положение вещей, вероятно, оказало отрицательное влияние на сферу распространения не только палатальной, но и лабиальной ассимиляции, несмотря на то, что o не подверглось никаким ограничениям и выступает в суффиксах даже в джурджанских текстах XIII века. Возможно, именно с утратой некоторых гласных связано развитие, а может быть, даже и возникновение долгих гласных, которые теперь уже играют большую роль во всех тунгусских языках (за исключением лишь литера-

турного маньчжурского), и прежде всего в северных. Особо внимания заслуживает тот факт, что долгие гласные очень слабо подчиняются закону сингармонизма, который известен в других алтайских языках и возник, вероятно, на почве единой восьмичленной системы гласных. Поскольку в настоящее время группировка кратких и долгих гласных представлена в тунгусских языках неодинаково, система гармонии гласных проявляется в тунгусских языках тоже разнообразно: так, например, у некоторых исследователей при первом знакомстве с живой речью тунгусов создалось впечатление, что в солонском языке закон гармонии гласных проявляется очень точно и в близких другим алтайским языкам принципах, а в языке баргузинских тунгусов имеется столь много отклонений, что можно сказать, что гармонии гласных, собственно говоря, там не существует. Правда, это были только первые впечатления, основанные на неполных наблюдениях, — в них были внесены поправки, тем не менее, как следует из работ некоторых ученых, был удачно замечен факт разграничения в этом отношении тунгусских языков. При современном состоянии исследований можно обратить внимание только на наиболее характерные особенности этих языков, опираясь главным образом на данные эвенкийского языка (языка северных тунгусов, за исключением ламутов, негидалов и самогиров).

а) Слова, имеющие в своем составе лишь краткие гласные, подвергаются полной палатальной гармонии, насколько это позволяет состав гласных; чаще всего выступают, чередуясь, пары гласных $a||e$, $u||ü$.

б) После всех гласных — и кратких и долгих — могут следовать гласные узкого ряда i , u ($ü$); появление их в слове знаменует собой как бы переломный момент, после которого может последовать новая серия гласных, зависящих от этого переломного гласного.

в) После слогов с o следуют слоги с o или с \bar{o} — до конца слова или до перелома (то есть до слога с i или u), после которого следует a : $o\text{gop}\text{to}$, $sokog\bar{z}ogop$, $sokogiw\text{-}zagan$, $ohikta$.

г) После гласных \bar{a} , \bar{e} , \bar{o} следуют такие же гласные или e , a , o , а именно:

после \bar{a}	выступает	\bar{a} или e :	$w\bar{a}-ren$
после \bar{e}	—	\bar{e} или a :	$\bar{e}\bar{s}a$
после \bar{o}	—	\bar{o} или a :	$\bar{o}ka\bar{t}$

д) После всех гласных, кроме передних e, \bar{u} и заднего o , может следовать a .

е) В некоторых диалектах (например, баргузинском) после передних гласных e, \bar{i}, \bar{u} может следовать \bar{o} : $\bar{o}:ik\bar{o}n$.

Таким образом, мы имеем здесь дело с довольно сложной системой, на которую оказывают сильное влияние именно долгие гласные. С точки зрения лабиальной ассимиляции наибольшее значение имеет тот факт, что после краткого o следуют слоги с o или \bar{o} , по-видимому, это было основным правилом, однако \bar{o} подчинилось ему только наполовину. Практика применения вышеприведенного правила производит впечатление, что тунгусские суффиксы имеют чаще всего две формы — с задним и передним гласными (широкого образования — $a \sim e$): $-da \sim -de$, или с нейтральными гласными (узкого образования — u, \bar{i}): $-duk, -\bar{c}\bar{i}$. Но если на сцену выступают гласные o, \bar{o} , то мы имеем дело с суффиксами еще двух типов: $-ka\bar{n} \sim -ke\bar{n} \sim -ko\bar{n}, -\bar{c}\bar{a} \sim -\bar{c}\bar{e} \sim -\bar{c}\bar{o}$ или $-\bar{c}\bar{a}$ (после гласных заднего образования) $\sim -\bar{c}\bar{o}$ (после передних гласных) в некоторых диалектах, например баргузинском.

Как мы видим, здесь имеют место значительные совпадения с системой монгольских языков. Это же положение вещей находит отражение и в маньчжурском языке. Когда в первой половине XVII века начали появляться памятники маньчжурской литературы, в живой речи уже не было гласных \bar{i}, \bar{o} , а различие между u, \bar{u} , по-видимому, стерлось настолько, что на письме его отмечали лишь в некоторых случаях; как видно, язык стремился к полному устранению \bar{u} либо к замене обеих гласных u и \bar{u} новым нейтральным гласным, который можно было бы сочетать с гласными как заднего, так и переднего ряда. Эта особенность, а также отсутствие долгих гласных наложили на маньчжурскую вокальную систему особый отпечаток, отличавший маньчжурский язык от других языков, даже северотунгусских. Однако и тут мы находим следы использования палатальной и лабиальной ассимиляции, хотя и в ограниченных масштабах. Влияние палатальных

сохраняют парные суффиксы с а и е, а влияние лабиализованных — парные суффиксы с а и о, причем варианты с о выступают только после о. Взаимодействие обоих видов ассимиляции повлекло за собой образование суффиксов с тремя вариантами — с а, е и о, таких же, которые нам известны в северотунгусских языках.

Другие суффиксы имеют только один вариант (одну форму). Раньше, вероятно, и тут была более сложная картина, о чем свидетельствуют два варианта (четыре формы) суффикса множественного числа: -sa ~-se ~-so ~-si.

Во всяком случае, заслуживает внимания то, что фактом лабиальной ассимиляции в маньчжурском языке является более широкое употребление о — особенность общетюркская; в тюркских и монгольских языках она распространилась, как известно, относительно поздно.

4. Особые условия, при которых проявляется закон лабиальной ассимиляции, уже давно дали основание предполагать, что этот закон начал действовать довольно поздно, особенно в тюркских языках. Подобное мнение в отношении якутского языка высказал уже О. Бётлингк¹, однако В. Радлов не разделял его взглядов. По мнению В. Радлова, лабиальная ассимиляция была характерна для тюркского языка с самого начала, подобно тому как палатальная ассимиляция, то есть закон гармонии согласных, проявлялась уже издавна и в полной мере; впрочем, с течением времени лабиальная ассимиляция претерпела преобразования и ослабла в разных диалектах². Когда же было установлено, что в языке орхонских надписей систематически проявляется палатальная ассимиляция, но одновременно наблюдаются многочисленные отклонения от ассимиляции лабиальной, то В. Грэнбек³, а вслед за ним П. Мелиоранский⁴ и Х. Педерсен⁵ вновь вернулись к гипотезе О. Бётлингка; теперь уже В. Радлов не смог им возразить.

¹ О. Böhlingk, Über die Sprache der Jakuten, СПб. 1851, стр. 108.

² W. Radlow, Phonetik, стр. 61.

³ Grønbech, Forstudier til tyrkisk lydhistorie, København, 1902, стр. 17—25.

⁴ В реферате из цитированной работы Грэнбека в „Göttingische Gelehrte Anzeigen“, 1904, стр. 496.

⁵ ZDMG, LVII, 1903, стр. 540—545.

В. А. Богородицкий признал этот вопрос требующим дальнейших разысканий, обратив внимание на замечание В. Радлова, что лабиальная ассимиляция ослабляется по крайней мере в некоторых диалектах (на Волге и Урале)¹.

Мнение В. А. Богородицкого нам представляется правильным, но, пока не получены новые данные, следует помнить, что при изучении вопроса о происхождении лабиальной ассимиляции было бы неосторожно опираться только на данные орхонских надписей. Правда, они дают нам представление об архаическом состоянии тюркских языков, однако, вопреки мнению Х. Педерсена и других, это состояние не является первичным (пратюркским), и та роль, которую в нем играют гласные, отражает следы серьезного изменения. Таким изменением было ограничение сферы употребления о ~ö. У нас нет оснований рассматривать эту особенность как исконную, так же как и в монгольских языках. Можно даже представить себе в известной мере обстоятельства, послужившие причиной этого ограничения. Если присмотреться к вокальной системе языков обеих групп, можно легко убедиться в том, что сильным конкурентом о является звук и: например, одно слово в каком-нибудь диалекте имеет о, в другом и, и в результате такого соперничества и выступает значительно чаще, чем о. Об этом свидетельствует теперь первый слог слов, то есть корень, однако то же самое, вероятно, имело место и в суффиксах. В результате о в последних слогах было вытеснено, и это состояние, согласно общепринятому мнению, было характерно для языка орхонских надписей и в не меньшей степени также наиболее древних памятников монгольского языка.

В ином положении оказалось о ~ö в тунгусских языках. Здесь соперничества о и и, по-видимому, не было, хотя и выступает в общем тоже значительно чаще, чем о. Во всяком случае, во всех диалектах мы находим о в старших текстах не только в корнях, но и в суффиксах. Можно даже предполагать, что тунгусские языки оказали в этом отношении некоторое влияние на соседние тюркские (якутский, ойротский) и монгольские (бурятский) языки и что

¹ Богородицкий, Этюды, стр. 72—73.

в них достаточно давно, возможно несколько веков тому назад, $o \sim \ddot{o}$ снова начало выступать в суффиксах. Эта тенденция охватила затем и другие языки: киргизский и казахский; на монгольской почве o стало играть старую роль в значительно большей степени.

Подобная эволюция могла коснуться и других гласных. Тюркологи много говорят о соперничестве между $\ddot{i} \sim i$, $u \sim \ddot{u}$ в суффиксах после лабиализованных гласных. Частое употребление в этом положении гласного $\ddot{i} \sim i$ в старых анатолийско-турецких текстах, возможно, тоже представляет собой вторичное явление, которое в языке новой поры уступило место первоначальному состоянию.

Ввиду вышеизложенных обстоятельств следует признать, что мнение В. Радлова о давнем происхождении лабиальной ассимиляции очень правдоподобно и что его, во всяком случае, не следует считать опровергнутым. Данные других алтайских языков тоже не содержат ничего противоречащего этому мнению.

Вообще же вопрос представляется следующим образом: лабиальная ассимиляция тесно связана с палатальной, образуя всюду единую систему сингармонизма. В течение длительного периода развития языков обе ассимиляции подвергались разным преобразованиям и приобретали различные формы в отдельных языках и диалектах; иногда даже они кое-где как бы совершенно утрачивались, а иногда возвращались к старым или в какой-то степени измененным формам.

II. МОРФОЛОГИЯ

ИМЕНА

Существительные и прилагательные

Суффиксы степеней сравнения имен

1. Среди многочисленных суффиксов, которые используются в алтайских языках для обозначения различной степени проявления качеств, следует выделить уменьшительный суффикс *-qaп (-хан) ~-ken* и увеличительный *-kūп (-хун)*. Первый используется во всех монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, второй — только в тунгусо-маньчжурских, причем почти во всех именных частях речи.

Первый суффикс имеет следующие формы:

монг.	<i>-хан ~-ken</i>
маньч.	<i>-qaп ~-ken ~-qоп</i>
тунг. (сев.)	<i>-kā(n) ~-kē(n) ~-kō(n)</i>
(южн.)	<i>-хан ~-хен ~-хон</i>

В тюркских языках встречаются лишь немногочисленные примеры употребления этого суффикса: в рунических памятниках *tāprikāп* «титул турецкого кагана», в староуйгурских текстах *ārtikāп* «именно теперь», в новоуйгурских диалектах *ārtigāп* «утром». Возможно, что и уменьшительно-ласкательные суффиксы имен *-ka(-qa)* и *-ke*, засвидетельствованные в некоторых тюркских диалектах¹, имеют связь с суффиксом *-qaп ~-kāп*.

Следует, однако, заметить, что *-ka* и *-ke* представляют собой как бы два отдельных морфологических элемента, не подчиняющихся гармонии гласных и выступающих в разных языках: первый в караимском и гагаузском, где он образует существительные женского рода от назва-

¹ Zajączkowski, *Sufiksy*, стр. 35—36; Kotwicz, *CO*, № 2, стр. 48—49; Мелиоранский, стр. 30; Дмитриев, *Гагауз.*, стр. 4 (§ 1), Kowalski, *SPAU*, 1925, № 6, стр. 28.

ний лиц и вообще живых существ, например караим. *kuika* «крестьянка» (< *quf* «крестьянин»), гаг. *komšujka* «соседка» (< *qomšu* «сосед»).

Второй аффикс *-ka*, известный в киргизском и казахском языках, образует уменьшительные существительные не только женского, но и мужского рода. Т. Ковальский, А. Зайончковский и Н. Дмитриев считают *-ka* заимствованием из славянских языков; что же касается *-ke*, то К. Юдахин относит этот суффикс к числу чисто тюркских элементов и возводит его к слову *ake*, употреблявшемуся по отношению к старшим: *atake* (*ata*+*ake*) «отец, папа»¹, *ayake* «братишка» [18]. Взгляды этих исследователей опираются на надежную основу, однако это не мешает сопоставить тюркские суффиксы *-ka* и *-ke* с монгольскими *-xap* ~ *-ken*: возникнув на алтайской почве, они могли получить широкое распространение благодаря чужим влияниям, как это имеет место, например, в караимском языке, где Зайончковский насчитал четырнадцать слов с суффиксом *-ka*.

На увеличительный суффикс *-kūp* до сих пор не обращали достаточного внимания, хотя он выступает в тунгусских языках довольно часто. Никто также не заметил того, что в маньчжурском языке ему соответствует суффикс *-xup*, *-xop*, который выступает главным образом в названиях цветовых качеств: *šaхup* «беловатый», *saхaxup* «черноватый», *uахup* «красноватый», *soхop* «желтоватый», *poхop* (*piохop*) «зеленоватый», *baхup* (*biуахup*) «бледноватый». И. Захаров даже не отделяет этого последнего суффикса от совершенно иного *-xup* ~ *-хup*, при помощи которого от глаголов образуются прилагательные, означающие положение, состояние или склонность к совершению какого-нибудь действия². Значение суффикса *-kūp* точно определяет только Г. М. Василевич: *asi* «женщина», *asi kūp* «баба», *beуe* «мужчина», *beуe kūp* «великан»³.

Кроме *-kūp*, у тунгусов встречается довольно часто увеличительный суффикс *-kākūp* ~ *-kēkūp* ~ *-kōkūp*, который, по-видимому, представляет собой объединение обоих вышеназванных суффиксов (*-kākūp* < *kāp* + *kūp*): *aya*

¹ Юдахин, стр. 25 (слово *ake*).

² Захаров, стр. 83 (№ 53, 3); Kotwicz, Les Contributions. I—III, RO, VII, 1931, стр. 230 (§ 12), 232 (§ 15).

³ Василевич, Очерк, стр. 60—61 (§ 19 с), 73 (§ 21, 16).

«хороший», ауакākūp «очень хороший», беуе «мужчина», беуекēkūp «великан»¹.

2. В тюркских языках широко распространился суффикс -гаq ~-gāk, образующий от прилагательных формы с интенсивно-уменьшительным значением, рассматриваемые большинством тюркологов в качестве своего рода формы превосходной степени: qiziŋgaq «самый красный» (qizil «красный») ². Этот суффикс (-гэк) проник также в язык оренбургских калмыков, однако другим калмыкским языковым группам он неизвестен ³.

Заслуживает внимания тот факт, что суффиксы тунг. -kakūp (в форме -kakūt ~-kekūt ~-kōkūt) и тюрк. -гаq могут соединяться с глагольными формами для того, чтобы подчеркнуть, что какое-нибудь действие совершилось или совершается не полностью, но только в известной степени или в несколько усиленном темпе: тунг. tuksu-kakūtten «побежал быстрее», тюрк. tuturgaq «несколько задержавший(ся)» ⁴.

3. Другой достаточно распространенный уменьшительный суффикс в тюркских языках -ĉaq ~-ĉäk соединяется с существительными и прилагательными: qıŋpĉaq «жеребенок». В некоторых языках, например в киргизском, казахском, караимском и т. д., он представлен также в сокращенной форме: кирг., караим. -ĉa ~-ĉe (-ĉa; в кирг. также -ĉo ~-ĉö), казах. -ša ~-sē: kiterĉe «книжечка», aqša «беловатый» ⁵.

С тем же значением (но с оттенком скорее отрицательным) выступает в тунгусских языках суффикс -ĉāp ~-ĉep ~-ĉōp⁶: žiĉāp «(плохой) домишко», — и, пожалуй, не подлежит никакому сомнению, что он имеет связь с вышеотмеченным тюркским суффиксом -ĉaq > -ĉa.

В монгольском языке этот же суффикс -ĉaq ~-ĉeg является составной частью существительных, основные

¹ Василевич, Очерк, стр. 60—61 (§ 19 e), Словарь.

² Zajączkowski, Sufiksy, стр. 27—28 (§ 9).

³ Котвич, Опыт², стр. 95 (§ 86,8).

⁴ Василевич, Очерк, стр. 60—61 (§ 19 c), 98 (§ 28 ж); Баскаков, Насилов, стр. 213.

⁵ Мелиоранский, стр. 30; Батманов, Грамматика, II, стр. 14.

⁶ Василевич, Словарь, стр. 208; а также Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь, 1934, стр. 1.

корни которых не выступают ни самостоятельно, ни с другими суффиксами¹.

4. Южнотунгусские вопросительные и указательные местоимения имеют в своем составе суффиксы *-qa* и *-ča*, значение и происхождение которых остается и по сей день неясным, так как до сих пор никто не пытался их объяснить. Первый суффикс мы находим в маньчжурских вопросительных местоимениях *aīqa*, *aītaqa*, *yaqa*, *yataqa* «что? какой?», *eke* «какой? кто?», *weke*² «кто?», а суффикс *-ča* в указательных местоимениях гольдского (нанайского) языка *eṭača* «такой», *ṭatača* «именно такой»³.

В связи с тем, что в монгольских и северо-тунгусских диалектах вопросительные и указательные местоимения довольно часто получают уменьшительные суффиксы (монг. *tereken* «только этот, именно этот», *aliḫan* «который именно?»), возникает вопрос, не являются ли *-qa* и *-ča* также разновидностями уменьшительных суффиксов, которые должны более точно указывать, что речь идет именно об этих, а не о других предметах.

5. В. Банг, а также другие исследователи уже не раз обращали внимание на существование в алтайских языках многочисленных суффиксов, которые передают разные оттенки существующих в природе основных цветовых качеств⁴. Среди них особого внимания заслуживают суффиксы, обозначающие ослабленный оттенок, то есть ту или иную степень сходства с указанным цветом⁵. Сюда относятся, как нам кажется, распространенные суффиксы монг. *-btur* ~ *-btür* и тюрк. *-mtiñ* ~ *-mtil* (кирг. также *-yümtiñ* ~ *-gimtil*): *ḡarabtur*, вост.-тюрк. *qaramtuñ*, кирг. *qaraqümtiñ* «чернявый». Словарь «Мукаддимат аль-адаб» дает еще для монгольского разновидности *-mtur* (*huñamtür*).

Связь между этими суффиксами несомненна: они, по видимому, происходят от общего алтайского слова,

¹ См. выше.

² Захаров, стр. 115 (§ 90).

³ Grube, Goldisch-deutsches Wörterverzeichnis mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte, St.-P., 1900, стр. 75.

⁴ W. Bang, Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V. Brief, UJb, X, 1939, стр. 21.

⁵ Kotwicz, Les Contributions, RO, VII, 1930, стр. 233.

сохранившегося у монголов в форме *metü* (калм. *metə, betə*) «похожий, подобный». Во всяком случае, трудно согласиться с предположением Г. И. Рамстедта, что рассматриваемые монгольские и тюркские суффиксы имеют какую-то связь с монг. *-buḡ* и *-biḡ* (маньч. *-buḡu*)¹; зато правдоподобной представляется связь с анатолийско-турецким суффиксом *-msī --msi*.

Суффикс существительных: монг. *-bçi*, тунг. *-ptun*

Исследователи монгольского литературного языка и живых диалектов отмечают достаточно широкое употребление суффикса *-bçi*, который образует от существительных новые существительные, обозначающие предметы, что-нибудь покрывающие: *daḷu* «плечо», *daḷubçi* «наплечник». То же самое значение имеет тунгусский суффикс *-ptun*: *uḡakān* «палец», *uḡakāptun* «наперсток»; *meren* «шея», *merenptun* «ошейник, ожерелье»².

Нет никакого сомнения в том, что в обоих случаях мы имеем дело с разновидностями одного и того же алтайского суффикса.

Монгольский суффикс существительных *-du ~-dū, -ḷi*

В монгольском языке существует суффикс *-du ~-dū*, при помощи которого образуются главным образом от основ наречий места и времени прилагательные со значением «находящийся где-нибудь», «имеющий связь с чем-нибудь», например: *dotoyadu* «внутренний» (*dotoga* «внутри»). Мы писали о нем в исследовании об алтайских местоимениях³. Однако до сих пор никто не обратил внимания на то, что суффикс *-du ~-dū* имел когда-то другую разновидность с гласным узкого образования, то есть **di*, которая дала *-ḷi*, подобно тому как при *kedüj* «сколько», *edüj* «столько же, сколько это», *tedüj* «столько» существуют слова *keḷiye* «когда», *eḷiye* «до этого времени», *teḷiye* «тогда». Примеров на употребление варианта *-ḷi* в настоящее время мы знаем немного.

¹ Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 70 (§ 86).

² Василевич, Очерк, стр. 72 (§ 21, 4); Словарь, стр. 204.

³ Kotwicz, Les pronoms, стр. 68.

urzi||uridu «передний, предшествующий». Вторая форма распространена широко, первая сохранилась лишь в соединении со словами edür «день» и on «год», преимущественно в живых диалектах: калм. uržödǰ «позавчера, urzənik «позапрошлый»¹, халх. uržüdəg «позавчера», uržinan žil «позапрошлый год»².

čipaži||činadu «находящийся на той стороне». И в этой паре литературный язык употребляет до сих пор только второе слово; čipaži выступает в «Сокровенном сказании монголов» (§ 144) в обороте Onapu čipaži ete'et «та, противоположная сторона реки Онон» и в словаре «Мукаддимат аль-адаб»: čipaži ödür «послезавтра»³.

pöközi||pögüge (pökö'e) «следующий, другой». Первое слово встречается в «Сокровенном сказании монголов» (§ 177; там же употреблено pökö'e) в обороте pöközi-yi ile «пришли другого»; параллельная форма pögüdü в литературном языке не засвидетельствована; ее заменяет pögüge и только хоринско-бурятский говор знает pügödü. В живых диалектах встречается pögüge и pöküge в соединении со словом edür: монг. pögüge edür, калм. pökädǰ, халх. pügödü «послезавтра»⁴. Происхождение этого слова не ясно, и даже нельзя установить, как звучал его корень: pökü- или pögü-. Если принять pökü-, то тогда следовало бы сравнить эти слова с монг. pökür «товарищ, приятель, слуга». Это слово рассматривал Владимирцов, привлекая ряд аргументов в доказательство его монгольского происхождения⁵. Сопоставление слова pökür с pökü- было бы серьезным аргументом, подтверждающим мнение Владимирцова, поскольку пока pökür остается изолированным словом.

högeneži, (монг. литерат.) ögünedü «западный» (ögüne «запад, на западе»). В § 175 цитировавшегося нами «Сокровенного сказания монголов» речь идет о högeneži ete'et «западной стороне», а в § 214 о högeneži iseri «западном русле (реки)».

¹ Котвич, Опыт² стр. 332 (§ 311); Басангов, стр. 210.

² Владимирцов, Сравни. гр., стр. 60; Бурдуков, стр. 205.

³ Монгольский словарь „Мукаддимат аль-адаб“, I—II, стр., 134.

⁴ Владимирцов, Сравни. гр., стр. 202, 247; Бурдуков, стр. 214; Kotwicz, Les Contributions, RO, VII, 1931, стр. 206.

⁵ Владимирцов, Монгольское pökür, ДАН СССР, В, 1929, стр. 287—288.

dogonaži, (монг. литерат.) dorunadu «восточный» (до-гипа «восток, на восходе»). В § 175 «Сокровенного сказания монголов» встречается оборот:

dogonaži ete-⁴et «восточная сторона», а в § 195 — dogonaži xoḡmai «восточный край».

Тюркский суффикс принадлежности -liḡ ~-lig и его производные

В морфологии алтайских языков не много элементов, которые играли бы столь же большую роль, как тюркский суффикс -liḡ ~-lig. Он образует от существительных и аналогичных им имен прилагательные, обозначающие принадлежность: «владеющий чем-нибудь; имеющий что-нибудь; снабженный чем-нибудь». Не исключено, что -liḡ ~-lig не исконная форма суффикса; исконной формой следует считать ł: ведь и до сих пор ł является признаком множественного числа в тунгусских языках. Однако в качестве исходного пункта рассуждений мы берем форму -liḡ ~-lig, так как именно она дает самое большое число суффиксов, выступающих на всем участке распространения алтайских языков.

Основная форма суффикса -liḡ ~-lig подвергается различным фонетическим преобразованиям, которые иногда совершенно изменяют ее первоначальное звучание. Возникают варианты, которые можно было бы рассматривать как совершенно новые морфологические элементы, тем более что фонетические изменения подчас сопровождаются и семантическими. Объем значения этих вариантов становится в одних случаях более широким, в других — более узким. В результате этого понятие принадлежности преобразуется в понятие: 1) общности или просто множественности; 2) пользования чем-нибудь; 3) сравнения или сходства. Кроме того, в соответствии с особенностями синтаксиса алтайских языков производные суффиксы могут характеризовать разные грамматические категории и придавать образующимся словам значение разных частей речи. Так, одни суффиксы образуют по преимуществу прилагательные, выступающие в предложении в качестве определения, другие — зависящие падежи существительных, третьи — главным образом наречия; наконец, есть

и такие суффиксы, которые не несут определенного значения и могут выступать в той или иной роли в зависимости от места в предложении.

Тщательное сравнительное исследование позволит собрать все эти суффиксы в одну группу, в одну систему.

Более или менее точно положение вещей иллюстрирует следующая таблица:

	монг.	тюрк.		тунг.-маньч.
		общ.-тюрк.	якут.	
Совместный падеж	- <i>tuγa</i> > - <i>la</i> , - <i>lai</i>		- <i>l̄in</i>	- <i>nun</i> (- <i>nan</i> , - <i>tai</i>)
Творительный падеж		- <i>la</i> , - <i>lan</i> - <i>nan</i>	- <i>nan</i> , - <i>lan</i>	
Прилагательные („владеющий чем-нибудь“)	- <i>tu</i>	{ - <i>liγ</i> (- <i>liq</i>) > (- <i>li</i> > - <i>li</i>)	- <i>lax</i>	манч. - <i>uge</i>
„Имеющий столько-то лет“ (о животных)	- <i>na(n)</i> , - <i>la(n)</i>			- <i>m-nin</i> (?)
Множественное число	- <i>nar</i> (бу- рят. - <i>nad</i>)	- <i>lar</i>	- <i>lar</i>	- <i>l</i> , - <i>na</i> - <i>sa-l</i>
Собира- тельные (чис- лительные)	- <i>γu-la</i>	- <i>a(γ)u-la</i>		
Сравни- тельная сте- пень (сущест- вительные, прилагатель- ные, наречия)		- <i>tai</i> , - <i>tai</i> - <i>dai</i> - <i>layu</i> , - <i>layin</i>	- <i>li</i>	
Совместный падеж (сущест- вительные, прилагательные)	- <i>tai</i> , мн. - <i>tan</i>			

С точки зрения вокализма перечисленные варианты представляют оба типа алтайских суффиксов, особенно тюркских: 1) суффиксы с узкими гласными, имеющие (где это позволяет характер языка) два варианта с четырьмя формами: $-fiy \sim -lig$, $-fuy \sim -füg$; 2) суффиксы с широкими гласными, имеющие в некоторых языках один вариант с двумя формами: $-lar \sim -lär$, а в других — два варианта с четырьмя формами: $-lar \sim -lär$, $-lor \sim -lör$ (две последние формы — только после лабиализованных гласных в основе). Такое расщепление суффикса нельзя отнести к числу нормальных явлений, однако на почве тюркских языков подобные примеры существуют.

Что же касается консонантизма, то начальное l - может переходить в различных тюркских языках в зависимости от конечного звука основы в t , d (киргизский и казахский языки) или в p , t , d (якутский язык). В результате этого иногда получаются три и даже четыре варианта суффикса (с соответственно бóльшим числом форм), например: $-lar$, $-tar$, $-dar$, $-lī$, $-tī$, $-dī$ и даже $-lar$, $-nar$, $-tar$, $-dar$, $-lī$, $-nī$, $-tī$, $-dī$.

Конечный согласный $-y \sim -g$ сохраняют только немногочисленные диалекты (язык орхонских надписей, сибирские и тувинский); другие заменяют его глухим взрывным $-q \sim -k$ ($-liq$, говоры Восточного Туркестана) или фрикативным $-χ$ ($-laχ$, якутский язык), однако чаще всего $-y$, $-g$ полностью утрачиваются, вызывая удлинение предшествующего гласного в тех диалектах, которые имеют долгие гласные: $-lī \sim -lī$ (кирг., якут.), $-lū \sim -lū$ (диалекты алтайских тюрков), $-lī \sim -lī$ (казах., кумык., башк.) и т. д.

Базы суффиксов, возникшие в результате утраты конечного $-y \sim -g$, могут впоследствии присоединять другие согласные, например $-r$, $-p$, $-j$, в результате чего образуются новые формы суффиксов: $-lar$, $-lap$, $-laj$, $-lip$.

Рассмотренные процессы в области консонантизма совершаются по преимуществу на почве тюркских языков; другие алтайские языки, например монгольский или тунгусский, менее склонны к таким изменениям, почему и заимствуют из тюркских обычно какой-нибудь один вариант: либо тот, что чаще слышится, либо тот, что больше всего соответствует их фонетическому строю. Так, в мон-

гольском имеем -паг (<-lar), -ту (<-lu), -тай (<-lai), а в тунгусском -пип (<-lup<-lan).

а) Из перечисленных суффиксов больше всего привлекал внимание исследователей -lar ~-lär, чье происхождение они стремились выяснить. Мы тоже занялись этимологией этого суффикса¹; таблица же, подтверждающая наше предположение, освещает в известной мере его отношение к группе родственных ему морфологических элементов.

б) Исследователями рассматривался также суффикс -la (в диалектах -lan, -pan), который иногда в тюркских языках образует формы, соответствующие творительному и комитативу, однако чаще всего имеет теперь характер застывших наречных форм².

в) Группа суффиксов, объединенных вокруг тюркского суффикса сравнительной степени -lai, имеет много интересных особенностей, которые также привлекали внимание исследователей.

Выступая теперь в различных диалектах, этот суффикс принимает иногда формы -tai, -dai и несет разнообразные значения. В казахском языке -tai, -dai — формант особого сравнительного падежа («словно, как») ³; в киргизском -tai, -dai образует прилагательные со значением сравнения («похожий на») ⁴; в якутском -iй придает слову чаще всего наречное значение («словно, подобно тому, как») ⁵. Соответствующим образом используется этот суффикс и в других тюркских диалектах.

Суффикс -la тюркологи часто сравнивают с выражающей сходство частицей täg, которая выступает в орхонских надписях и староуйгурских текстах и до сих пор сохранилась в говорах Восточного Туркестана — тувинском и карагасском — в виде -läk, -däk. Имеют ли эти суффиксы еще что-либо общее, кроме значения? Нам кажется, что надежнее было бы рассматривать их как разные элементы, то

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 28—30. Семантические функции этого суффикса рассматривает Ковальский в работе Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar ~ -lär in den Türksprachen, Kraków, 1936. На стр. 34 он дает обзор существующих гипотез его происхождения.

² См. ниже, в разделе, посвященном наречиям.

³ Мелиоранский, I, стр. 31—34, II, стр. 24.

⁴ Батманов, Грамматика, II, стр. 12, 40, 57.

⁵ Radloff, Die jak. Spr.

есть предполагать, что на почве тюркских языков существуют два суффикса, из которых *-tāk, -dāk* распространился главным образом в говорах Восточного Туркестана, а другой: *-taj, -taj, -daj* — в Западном Туркестане.

Некоторые исследователи, так же как О. Бётлингк¹ и В. Радлов², предполагают, что *-taj* развился из общетюркского и даже общеалтайского суффикса *-la* (образующего глаголы от имен) путем присоединения к нему суффикса деепричастия настоящего времени *-a, -i: -la+a* или *la+i > -taj*. Не отвергая такой этимологии, мы должны, однако, помнить, что в алтайских языках, особенно в монгольских, окончания очень часто получают *-i*, лишенное теперь всякого морфологического значения, и таким образом выступают в двух не различающихся по значению формах, например монг. *-ba* и *-bai, -la* и *lai*.

г) С тюрк. *-taj, -daj, -taj*. Рамстедт сравнивал монг. *-taj ~-tej*, которое имеет, однако, другое значение: «имеющий что-нибудь, снабженный чем-нибудь, связанный с чем-нибудь» (подобно суффиксу *-tu ~-tü*)³. Наша таблица подтверждает, что эту мысль можно считать совершенно правдоподобной и что можно даже пойти несколько дальше. Как известно, монгольские суффиксы *-taj ~-tej* и *-tu ~-tü* замещаются во множественном числе суффиксом *-tan ~-ten*, происхождение которого до сих пор было загадочным. Между тем в свете данных таблицы его можно рассматривать также как заимствование из тюркского и сопоставлять с тюркскими формами *-lan, -lan, -dan, -pan*, с учетом того, что на монгольской почве он приобрел специальный семантический оттенок.

Как видим, все три монгольских суффикса со значением «имеющий что-нибудь»: *-tu ~-tü, -taj ~-tej* и *-tan ~-ten* являются скорее всего элементами тюркского происхождения и имеют связь с тюрк. *-liγ ~-lig*.

В эту же группу, по-видимому, следует включить монгольские суффиксы *-pan ~-pen, -lan ~-len*, которые используются для образования от числительных трех-пяти

¹ О. Böhlingk, Über die Sprache der Jakuten. St.-P., 1851, стр. 258.

² Radloff, Die jak. Spr., стр. 31.

³ Ramstedt, Konjugation, 92, 102.

слов, обозначающих возраст животных: «имеющий три, четыре, пять лет».

д) Совершенно естественным можно было бы считать сравнение суффикса $-la\dot{a}j \sim -l\ddot{a}j$ с тюркскими морфемами со значением сходства $-la\dot{a}u$ и $-la\dot{a}i\dot{u}$, которые в некоторых случаях соединяются еще с суффиксом $-či \sim -c\ddot{u}$ $\dot{z}\ddot{i} \sim \dot{z}\ddot{i}$, образуя формы $-či\dot{a}u$ $\sim -c\ddot{u}l\ddot{a}u\ddot{u}$ (в староуйгурских текстах) или $-z\dot{i}a\dot{u}i\dot{u}$ $\sim -z\dot{i}l\ddot{a}u\ddot{i}n$ (тур.)¹. Однако здесь возникают значительные трудности, связанные с тем, что $-la\dot{a}u$ и $-la\dot{a}i\dot{u}$ принадлежат, по всей вероятности, к разным категориям суффиксов: первый является суффиксом глагольным, а второй — именным. Что касается первого, то тюркологи, кажется, единодушно считают образования на $-la\dot{a}u$ формами деепричастия настоящего времени (на $-u \sim -\ddot{u}$), образованными от отыменных глаголов (на $-la \sim -l\ddot{a}$: $-la + u + u \sim -l\ddot{a} + u + \ddot{u}$), и сопоставляют их с другой формой деепричастия, образованной от таких же глагольных основ в тюркских ($-la + p \sim -l\ddot{a} + p$: $ba\dot{s}lap$) и монгольских ($-la + n \sim -le + n$: $ekilen$) языках. Такой взгляд нам представляется совершенно правильным.

Очень большие трудности возникают в связи с суффиксом $-la\dot{a}i\dot{u}n \sim -l\ddot{a}i\dot{u}n$. До сих пор не удалось окончательно выяснить его происхождение не только беря за основу глагольные суффиксы, но и другие. Одни исследователи, например Гомбоц² и Н. К. Дмитриев³, выводят $-la\dot{a}i\dot{u}n$ из $-la\dot{a}j$, предполагая, что конечное $-i\dot{u}n$ представляет собой старый формант тюркского творительного падежа. В данном случае они лишь дополняют указание Мелиоранского, по мнению которого в казахском языке к окончанию сравнительного падежа присоединяется иногда $-n^4$, — он имеет в виду форму — $la\dot{a}i\dot{u}n$; однако Мелиоранский ничего не сказал о происхождении этого дополнительного элемента $-n$, а также о возможной связи между $-la\dot{a}i\dot{u}n$, выражающим сходство, и $-la\dot{a}i\dot{u}n$, несущим компаративное значение.

¹ Kotwicz, Les Pronoms, стр. 76; Radloff, Die jak. Spr., стр. 32.

² „Túrán“, I, 1918, стр. 258.

³ Дмитриев, Гр. кумык, стр. 91.

⁴ Мелиоранский, I, стр. 34.

Другие исследователи, такие, как В. Банг¹ и В. Радлов², утверждают, что *-lauin* не только равнозначный вариант суффикса *-lauu*, но и непосредственно от него происшедший суффикс; причем *-lauu* тоже приобретает значение творительного падежа: *-la-u-u-n > -lauin*. С другой стороны, Дени, который собрал обширный материал, касающийся употребления этого суффикса, утверждает, что раньше он служил в тюркских языках средством образования сравнительного падежа и играл ту же роль, что теперь *-ča ~čä || -ža ~žä*; касаясь же его происхождения, Дени считает допустимым то предположение, что *-la* — сокращенная форма частицы *ilä* (собственно форманта старого комитатива *-la*), к которой впоследствии присоединилось окончание творительного падежа: *-u-in*; однако сам Дени отдает предпочтение этимологии, связанной с историей глагола³. При разрешении этого вопроса приходит на помощь монгольский язык.

В литературном языке можно иногда встретить соединение суффикса комитатива (*-luğa ~-lüge*) с суффиксом творительного падежа (*-bar ~-ber*): *-luğa-bar ~-lüge-ber*, который в живых диалектах сокращается до *lar*: ордос. *-lar(an) ~-(lär(en)*, калм. *-lär(η) ~-lär(η)*⁴. Такое соединение суффиксов можно считать нормальным, поскольку в старых текстах, например в «Сокровенном сказании монголов», творительный часто выступал с оттенком совместного падежа, и, следовательно, употребление суффиксов двух падежей как бы усиливало их значение [19]. Отсюда возникает мысль (к которой был близок и Дени), что то же самое могло произойти на тюркской почве, то есть что формант сравнительного падежа *-la* мог соединиться с суффиксом творительного *-in*, образуя, таким образом, сложный суффикс *-lauin*.

Чтобы подобная этимология могла получить признание, следовало бы объяснить происхождение слов *sayu* и *sayin*

¹ В работах: *Vom Köktürkischen zum Osmanischen*, I, APAW, 1917, № 6, стр. 45 (§ 52₂); *Zu den türkischen Zeitbestimmungen*, „Türán“, стр. 95; ср. также *Beiträge zur türkischen Wortforschung*, „Türán“, I, стр. 518 (§ 5).

² Radloff, *Die jak. Spr.*, стр. 32.

³ Дени, стр. 262 (§ 401, прим. 2), 597—599 (§ 899), 633 (§ 917).

⁴ Котвич, *Опыт*², стр. 192—193 (§ 168, 4).

«каждый», из которых первый выступает в орхонских надписях, а второй сохранился и в современных языках, например в киргизском и кумыкском в значении послелого «что; всякий раз, как». Слова эти на первый взгляд имеют то же строение, что и суффиксы *-layu* и *-layın*, однако более точный анализ показывает, что между ними имеется существенная разница. Слова *sayu* и *sayın* образовались, по-видимому, от одного глагольного корня *sa-* «считать» с помощью суффиксов деепричастия настоящего времени (-а, -у): *-sayu*, *-saya*, *-saj* и только последняя форма присоединила окончание творительного падежа *-in*.

е) СобираТЕЛЬный суффикс *-la* ~-le выступает в монгольских и тюркских собирательных числительных: в первых постоянно, во вторых — лишь спорадически¹.

ж) В тунгусо-маньчжурских языках тюрк. *-liü* ~-lig получило меньшее применение, чем в монгольских.

В маньчжурском встречается суффикс *-nya* ~-nye ~-nyo, который развился непосредственно из тюркского *-liü* ~-lig². Кроме того, в нескольких словах выступает суффикс *-tu* со значением «имеющий какую-нибудь постоянную черту», заимствованный из монгольского языка³.

з) В тунгусских языках совместный падеж образуется при помощи суффиксов *-nip*, а иногда *-nap* и даже *-taj*⁴, которые, по всей вероятности, тоже восходят к одному и тому же источнику.

Кроме того, в тех же языках мы находим суффикс *-m-nip*, который образует от названий родов на *-gig* слова, обозначающие принадлежность женщин к данному роду; например, *balikagig* — название рода, *balikagimni* «женщина из рода *Balikagig*»⁵. Эти образования напоминают тюркские этнические имена с суффиксом *-li(q) ~-li(k)*: *Osmanli* «принадлежащий государству османов», *turpalig* «происходящий из города Турфан».

¹ Kotwicz, Les Contributions, RO, VII, 1931, стр. 206—207.

² N. Kotwicz, Les éléments turcs dans le mandchou, RO, XIV, 1939, стр. 101—102.

³ Захаров, стр. 75, 80.

⁴ Василевич, Очерк, стр. 38—39.

⁵ Василевич, Словарь, стр. 202.

Общеалтайский суффикс
принадлежности -ki, -gi

1. Этот очень распространенный в алтайских языках суффикс образует от существительных, местоимений и аналогичных частей речи прилагательные, обозначающие предметы, которым что-либо принадлежит, которые являются местом чьего-нибудь пребывания или вообще находятся с чем-нибудь в постоянной или временной связи. В тюркских и монгольских языках он присоединяется обычно к: 1) форме родительного падежа для выражения владения чем-нибудь или постоянной принадлежности; 2) форме местного падежа или же наречия места или времени, когда речь идет о временном пребывании; иногда же, особенно в тунгусских языках, он присоединяется непосредственно к основе существительного или наречия для обозначения того или иного отношения между предметами¹.

Основная форма суффикса (-ki или, в связи с гармонией гласных, -ki ~-qi) подвергается в разных языках или диалектах изменениям. Согласный озвончается или после гласного и согласного основы (в тюркских языках), или независимо от ее исхода (в тунгусо-маньчжурских языках, в некоторых монгольских диалектах, например в дагурском и монгуор). Точно так же непостоянен гласный. В некоторых тюркских, монгольских, а также в тунгусских языках *i* замещается гласным *u* (~*ü*). На тюркской почве это изменение обусловлено наличием лабиализованного гласного в конце основы.

Фонетические варианты суффикса имеют разный семантический оттенок и разную сферу употребления.

В результате ошибочного членения образований на -ki от основ, оканчивающихся на -n, возникает форма суффикса *ŋki* или *ŋgi*. Тюркские имена, образовавшиеся путем добавления -ki к форме родительного падежа, получают

¹ Катанов, стр. 193—204 и таблица IV; Deny, стр. 103—104 (§ 134), 195—199 (§ 284—293); Zajączkowski, Sufiksy, стр. 33—35 (там же литература вопроса); Дмитриев, Гр. кумык, стр. 68, 80—81; Ашмарин, стр. 155—157; Котвич, Опыт², стр. 98—102 (§ 89—90).

в склонении местоименное -п, и таким образом возникает вариант -кiп.

Суффикс -ki имеет, как уже было сказано выше, значение прилагательного, однако в тюркских и тунгусских языках, присоединяясь к форме родительного падежа существительных и местоимений, он образует слова, имеющие значение существительных.

2. В тюркских языках -ki выступает при формах родительного и местного падежей, а также непосредственно при основе. Например, тур. *şoban-ın-ki* (< *şoban-ın-ki*) «то, что принадлежит пастуху; дом, семья пастуха», *ben-im-ki* «то, что принадлежит мне, мое (мой дом, моя семья)», *âv-dâ-ki* «находящийся в доме», *qarğı-ki* «положенный напротив».

В киргизском и казахском языках -ki, присоединяясь к родительному падежу, имеющему флексию -nıŋ, -dïŋ, -tïŋ, образует вместе с ней как бы сложный суффикс -nıŋki, -dïŋki; общепризнано, что конечное -ŋ суффикса родительного падежа утратилось¹: *meniki* (< *meninŋki*), *qandïki*, однако желательно было бы рассмотреть этот вопрос на более широкой основе, потому что, например, в монгольском языке основы с конечным -п используют в том же самом падеже суффикс -и, -і (без п), то есть имеют в конце слова слог пи, пі; точно так же в нанайском языке, распространенном вдоль бассейна реки Уссури, встречаются исчезающие уже формы *minigi*, *bunigi* и т. д.

Особенно много внимания тюркологи уделяют соединению суффикса -ki с местоимениями; так, например, И. А. Батманов дает полный свод таких соединений². Среди них особенно выделяются соединения с родительным падежом личных местоимений, так как в результате этого соединения образуются самостоятельные притяжательные местоимения типа французских и немецких: *le mien*, *le sien*, *der Meinige*; кирг. *meniki*, *seniki* и т. п.

Суффикс -ki в соединении с окончанием местного падежа образует на тюркской почве сложный суффикс: -daki ~ -dâki или -dayı ~ -dâgi (кирг., казах., кумык. и др.).

¹ Мелиоранский, I, стр. 41; Батманов, Грамматика, II, стр. 13, 30.

² Батманов, Грамматика, II, стр. 56—57.

Приведем еще несколько примеров, в которых наш суффикс выступает непосредственно при основе. Сюда относятся существительные и наречия, обозначающие главным образом время, а иногда и место: кумык. *buḡuḡu* «передний», *soḡu* «задний»; кирг. *ǰazyı* «весенний», *qıǰqı* «зимний»; караим. *t'ob'aṅgi* «нижний», *ortayı* «средний», *yazyı* «летний», *k'uǰg'u* «осенний»; чув. *irhi* «утренний», *kərhi* «осенний», *rəlvəghi* «прошлогодний».

3. Монгольский литературный язык не знает соединения суффикса *-ki* с родительным падежом и вместо *-ki* использует другой суффикс: *-xaj* ~ *-kej*¹, которому в «Сокровенном сказании монголов» соответствует *'aj* (< **-yaj*) ~ *'-ej* (**-gej*): *manuxaj* (*manu'aj* «то, что принадлежит хану; дом, семья хана»). Между тем в живых диалектах соединения *-ki* с формой родительного падежа — явление нормальное, однако в данном случае речь идет главным образом о родительном падеже с более редким окончанием *-aj* ~ *-ej*, а *-ki* получает в конце *n*: *-kin*, калм. *-xq* ~ *-kq*; присоединение этого *n* как бы подчеркивает субстантивированный характер образованного таким образом слова: бурят. *xūnejxi* «людской, чуждый», *manaxi* «наш», *gerijixi* «домашний», калм. *toḡudākq* «то, что принадлежит торгутам», *Taftājq* «род Талты (те, которые принадлежат к Талте)», *gerijixi* «то, что относится к дому»².

Значительно более часты и в литературном языке и в живых диалектах случаи соединения суффикса *-ki* с формой местного падежа: монг. *gerteki*, калм. *gertkə*, бурят. *gertxə*.

Того же происхождения и суффикс *-daki*, использующийся в разных монгольских диалектах для образования порядковых числительных, например бурят. *хоуогдахі* «второй». В тесной связи с этой группой находятся соединения *-ki* с наречиями на *-га*, *-па*, обозначающие место или время и имеющие поэтому то же значение, что и местный падеж, а в бурятском также соединения с существительными, осложненными частицей *so* «внутри»: монг. *degeteki*, калм. *dėrkə*, бурят. *dėrxe* «верхний», монг. *emūneki*,

¹ Бобровников — стр. 71—72 (§ 128—129), 387—388 — представляет эту проблему несколько иначе, и лишь его замечания, касающиеся калмыцкого языка, сохранили до сих пор свое значение.

² Котвич, Опыт², стр. 98—102 (§ 89—90).

калм. *õmpækә* «передний»; бурят. *ger-soxә* «находящийся внутри дома» [20].

Не чуждо монгольскому языку также присоединение *-ki* непосредственно к основе; однако количество подобных слов невелико: монг. *aliki*, калм. *alkә, alkү* «который, какой»; монг. *olanki*, калм. *olүkү* «большинство (с точки зрения количества)»; монг. *уеке*, калм. *ikүkү* «большая часть (по объему)».

4. В тунгусо-маньчжурских языках мы находим два окончания, имеющие в своем составе суффикс *-ki*: *-ңi* (*-ңgi*); *-ңe* (*-ңge*) и *-rgi*; первое обозначает принадлежность к чему-либо, а второе — нахождение в чем-нибудь.

а) Окончание *-ңi*, *-ңe* состоит из суффикса *-ki* и *-п*, обозначающего, вероятно, принадлежность. Может быть, это — окончание родительного падежа или *-п* именное, появляющееся в конце основ личных местоимений и имен; оба эти *-п* широко распространены в алтайских языках, и соединение их с суффиксом *-ki* для образования сложного окончания со значением «принадлежащий кому-нибудь или чему-нибудь» совершенно естественно¹.

Тунгусские языки, особенно северные, пользуются суффиксом *-ңi* (*-ңgi*), причем показательно то, что и здесь *-ңi* (*-ңgi*) — окончание родительного падежа. Нам кажется, что здесь перед нами действительно один и тот же элемент, который только с синтаксической точки зрения получает известные семантические оттенки и в соответствии с этим имеет в предложении морфологические и синтаксические особенности: если слово с окончанием *-ңgi* выступает в роли родительного падежа, оно является определением, не склоняется и стоит перед определяемым словом; если же оно выступает как самостоятельное слово со значением принадлежности, то может быть определением, дополнением или сказуемым и иметь окончания разных падежей. Например, *огоңи* (*огоп* «олень») имеет два значения: «оленя» и «принадлежащий, относящийся к оленю» (то есть «олений» — прилагательное) или же «то, что принадлежит, что относится к оленю»; *огог-ңи* «олений» (род. п. мн. ч.) и «принадлежащий оленям», но *огоңи* «то (то

¹ Василевич, Очерк, стр. 36, 76; Василевич, Словарь, стр. 204.

есть все предметы), что относится к оленю», *ogonji* «все предметы, имеющие отношение к оленям», *minji* «le mien».

Маньчжурский язык выражает принадлежность при помощи окончания *-ŋe* (*-ŋge*), которое присоединяется к формам родительного падежа местоимений и существительных: *minŋge* «мой» («le mien»), *beyeŋge* «свой, собственный», *dubeŋge* «конечный, последний», *urseŋge* «людовой». Однако существительные, оканчивающиеся на согласный, то есть на *-n* или *-r*, получают окончание *-niŋge*, которое маньчжуры пишут всегда отдельно, видимо, считая его не суффиксом, а энклитической частицей: *ežen niŋge* «то, что принадлежит владыке, монарху», *wan niŋge* «то, что принадлежит князю, княжеский», *gugun niŋge* «государственный»¹.

Эти же окончания *-ŋe* и *-niŋge* придают прилагательному или причастию значение существительного. В этом случае они уже не имеют характерного значения принадлежности и соответствуют монгольским частицам *inu* и *apu*, которые служат для выделения подлежащего. Особого внимания заслуживают соединения *-ŋe* с причастиями на *-ga* *~*-го *~*-ге и *-xa*(-qa) *~*xo(-qo) *~*-xe(-ke), получающие в зависимости от контекста разнообразные семантические оттенки².

В языке уссурийских нанайцев, как указывает П. Р. Протодьяконов, суффикс *-gi* присоединяется к формам родительного падежа личных местоимений или же в других случаях прямо к основе; например, *minigi* «мой», *sinigi* «твой», *bunigi* «наш», *šunigi* «ваш», *puanigi* «его», *monegi* «свой, собственный», *ujgi* «чей?»³. Однако А. Ф. Бойцова⁴, опираясь, вероятно, на материал языка других групп нанайского языка, регистрирует только общетюркское окончание *-ŋgi*, которое присоединяется не к форме родительного падежа, а прямо к основе: *mingi*, *singi*, *bueŋgi*, *suŋgi*. В негидальском языке вместо *-ŋi* мы имеем *-ni*, а в

¹ Захаров, стр. 80 (§ 50,2).

² Там же, стр. 76 (§ 44, 6), 80 (§ 50), 114—115 (§ 86, 88), 117 (§ 96), 183—184 (§ 152), 322 (§ 230—236). См. также выше.

³ П. Р. Протодьяконов, Краткая грамматика гольдского языка (рукопись); того же мнения придерживается также Захаров, стр. 78 (§ 48).

⁴ Бойцова, стр. 72—85.

удэйском отмечена известная ассимиляция, так что наряду с *miniṛi*, *siṛiṛi* здесь выступают также формы *miṛiṛi* и *suṛiṛi*.

б) В противоположность тюркским и монгольским, тунгусо-маньчжурские языки не знают соединений суффикса *-ki* с формой местного падежа и, следовательно, не имеют окончаний типа *-daki*, очень распространенных в тюркских и монгольских языках. На маньчжурской почве мы находим только окончание *-rgi* (монг. *-taki*), возникшее в результате соединения двух суффиксов: *-ki* и наречного *-ga*¹. Окончание *-rgi*, заимствованное у монголов, образует в маньчжурском даже еще более многочисленную группу прилагательных от наречий места, оканчивающихся главным образом на *-la*², который обычно утрачивается. Так, от *amaṭa* «сзади», *dele* «вверху», *doḷo* «внутри» возникли прилагательные: *amargi* «задний, северный», *dergi* «верхний», *dorgi* «внутренний», но *tule* «вовне» и *tulergi* «внешний»³.

5. В северотунгусских языках имеется аналогичная группа слов, обозначающих место и образованных при помощи суффиксов *-gi*, *-gū* и *-ṛi*⁴, которые, по-видимому, представляют собой вариант морфемы *-ki*. Возникали они чаще всего от неразграниченных основ (со значением наречия)⁵, а также от основ вопросительных и указательных местоимений; они образуют довольно обширную систему слов со значением места (а иногда и времени). Их можно разделить на три группы:

1. К первой принадлежат прилагательные, оканчивающиеся на *-gū* и имеющие значение «находящийся где-нибудь».

2. Вторую составляют слова с суффиксом *-gi*, *-ṛi*, которые являются наречиями, обладающими признаками, в значительной мере свойственными существительным и обозначающими место, местность или пространство, расположенное где-либо или же принадлежащее кому-

¹ См. ниже, в главе, посвященной наречиям.

² См. ниже, в главе, посвященной наречиям.

³ M. Lewicki, *Przyrostki przysłówkowe -ga ~ -gā, -gi ~ -gū, -ṛi ~ -ri w językach altajskich*, CO, 15, Wilno, 1935, стр. 30—33; Kotwicz, *Les pronoms*, стр. 77.

⁴ Василевич, *Очерк*, стр. 76.

⁵ См. ниже, в главе, посвященной наречиям.

нибудь. Эти слова могут частично склоняться, получая окончания пространственных падежей (местного, дательного, исходного, пролатива, направительного и т. п.).

3. К третьей группе следует отнести существительные, образованные от слов 2-й группы путем присоединения окончания *-dā ~-dē*, благодаря чему они имеют сложное окончание *-gidā ~-gidē, -ŋgidā, ~-ŋgidē*, которое иногда сокращается: *-gdā*. Эти слова имеют полную парадигму склонения, а, кроме того, часто еще и притяжательный суффикс.

Благодаря исследованиям Г. М. Василевич и ее предшественников, главным образом А. Кастрена, мы располагаем теперь столь обширным материалом, что можем ориентироваться во всей системе¹. Иллюстрацией ее может служить таблица, в которой представлены наиболее употребительные слова (см. таблицу, стр. 124—125).

Тюркский привативный суффикс -siz ~-siz и его происхождение

Тюркский суффикс *-siz ~-siz, -suz ~-süz* «без, лишенный чего-либо, не имеющий» присоединяется к именам и именным формам для образования прилагательных. В. Банг пытался сравнить его с суффиксом *-siy ~-sig*, приписывая первому отрицательное значение, а второму — положительное; в таком случае мы имели бы в обоих суффиксах в качестве основного элемента *-si- ~-si-*, а дополнительного *-z* (с отрицательным значением) и *-y(-g)* (с положительным значением)²; однако эта гипотеза не получила поддержки, и вопрос о происхождении суффикса *-siz ~-siz* следует считать неразрешенным [21].

¹ М. Alexander Castren's, *Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre*, hrsg. v. A. Schiefner, St.-Pb., 1856, стр. 63—65; Г. М. Василевич, Объяснительная записка к учебникам арифметики, М.—Л., 1934, стр. 37; Василевич, Очерк, стр. 51—55, 76; ср. также Kořvicz, ук. соч., стр. 45.

² В. Банг уделил суффиксу *-siz ~-siz* много внимания в „*Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen*“, SPAW, 1916, II, стр. 1236—1238, *Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut*, IV, UJb, VII, 1927, стр. 36—45; однако эти работы не были нам доступны.

Корень		I Прилагательное
u-(un-)	„вверху“ (вертикально)	ugū „верхний“
her-	„внизу“ (вертикально)	hergū „нижний“
dī-(dīn-)	„вверху“ (склона горы)	dīgū „верхний“
ḡe-(ḡen-)	„внизу“ (склона горы)	ḡēgū „нижний“
soḷo-	„в верхнем течении реки“	soḷogū „верхний“
edī-(eḡi-eye-)	„в нижнем течении реки“	edigū „нижний“
ḡulē	„впереди“	ḡulēgū „передний“
ama-(amar-)	„сзади“	amargū „задний“
bar-	„с той стороны“	bargū „находящийся на той стороне“
čā-	„по соседству, рядом, несколько дальше“	čāgū „соседний“
oḷdon-	„сбоку“	oḷdonḡu „боковой“
an-	„направо“	anḡū „правый“
ḡegin-	„налево“	ḡeginḡū „левый“
ig	„который?“	
āw(u)-	„здесь, в данном месте“	āwḡū „здешний“
aw(u)	„какой?“	awḡū „какой?“
ge-	„другой, иной“	
min-	„мой“	
sun-(hun-)	„вас, ваш“	
mit-	„нас (обоих), наш“	

II То (например, пространство), что есть		III Сторона	
ugi	„вверху“ (высота)	ugidē	„верхняя“
hergi	„внизу“	hergidē	„нижняя“
dīgi	„вверху“	dīgidē	„верхняя“
ņēgi	„внизу“	ņīgidā	„нижняя“
sołogi	„в верхнем течении реки“	soł(o)gidā	„верхняя“
edīgi	„в нижнем течении реки“	edīgidē	„нижняя“
žulēgi	„спереди“	žulēgidē	„передняя“
amargi	„сзади“	amargidā	„задняя“
bargi	„с той стороны“	bargidā	„та“
čagi	„в соседстве“	čāgida	„соседняя“
oļdongi	„сбоку“	oļdongidā	„боковая“
anņi	„направо“	anņidā	„правая“
žeginņi	„налево“	žeginņidē	„левая“
āwgi	„в данном месте“	irgidē	„которая“
awgi	„где-нибудь, только не здесь“	āwgidē	„данная, здесьняя“
minņdi	„та, что принадле- жит мне“	awgidā	„какая-ни- будь, толь- ко не эта“
sunņgi	„то, что принадле- жит вам“	gegidē	„иная“
mitki	„то, что принадле- жит нам (обоим)“	minņgidē	„моя“
		sunņgidē	„ваша“
		mitkidē	„наша“

Рассматриваемый суффикс очень распространен на почве тюркских языков; можно также предполагать, что он проник и в монгольский язык, где несколько изменил свою форму, поскольку монгольский язык, если не считать некоторых диалектов, вообще не знает звука *z*, особенно в исходе слова. Кстати, на родной тюркской почве также существуют варианты, возникшие в результате утраты конечного *z* или перехода *-z* в *-г*.

Этими явлениями можно объяснить происхождение разных суффиксов, как тюркских, так и монгольских, на которые до сих пор обращали мало внимания и природу которых не умели объяснять. Ниже мы укажем несколько таких вариантов, разделив их на две группы: суффиксы, в которых *-siz* ~ *-siz* утратил *-z* (тюрк. *-sî* ~ *-si*, *-s*, *-z*; монг. *-si*, *-ši*, *-š*, *-г*) и суффиксы, в которых *-z* заменился на *-г* (тюрк. *-sîg* ~ *-sîg*; монг. *-sar* ~ *-ser*).

Суффиксы без *-z*

1. В тюркских языках при образовании отрицательной формы будущего времени (аориста) выступает обычно окончание *-maz* ~ *-mâz* (*-mas* ~ *-mäs*), *-bas* ~ *-bäs*. Его происхождение обычно возводится к форме аориста с суффиксом *-г*, образованной от отрицательной основы (имеющей в своем составе суффикс *-та* ~ *-tä*, *-ba* ~ *-bä*); вероятно, тогда окончание имело форму *-таг* ~ *-mâr||-bag* ~ *-bäg*, но с течением времени произошло изменение конечного согласного *-г||-z* > *-s*. Подтверждение этого факта ищут обычно в южнотюркских языках (турецком, туркменском и т. п.), в которых рассматриваемый суффикс имеет форму *-maz* ~ *-mâz*, представляющую собой промежуточную стадию изменения. Такое объяснение не вызывает специальных замечаний, так как чередование *-г||-z* > *-s* хорошо известно на тюркской почве. Однако, несмотря на все это, возникают некоторые сомнения: остается неясным, почему описанное фонетическое изменение коснулось только отрицательной формы аориста и не захватило также форму положительную или какую-нибудь другую, в которой выступает суффикс аориста? Не ясно также, почему в чувашском языке мы тоже находим отрицательный суффикс *-mas* ~ *-mas*, а не *-таг*, как того следовало бы ожидать, имея в виду особенности фонетики этого языка.

2. В монгольском языке имеется слово *busu* (варианты *buši*, *biši*) «не этот, иной, нет». Несмотря на многочисленные попытки установить его происхождение, этого сделать до сих пор не удалось, а между тем проще всего было бы объяснять его как заимствование из тюркского: *bu-su* < **bu-siz*. Более точно эта этимология обоснована ниже¹.

Другим примером употребления на монгольской почве суффикса *-siz* ~ *-siz*, или в сокращенной форме *-su* ~ *-sü*, является, видимо, слово *ersü*, которое обычно переводится «двуполюй (гермафродит)». Происхождение его не ясно; можно предполагать, что и здесь мы имеем дело с сокращенным вариантом тюркского суффикса *-siz* ~ *-siz*: *-er-sü* «не мужчина»; не исключено также и то, что *er* — тюркский вариант монгольского *ege* «мужчина». В таком случае можно было бы предполагать, что оба слова — *busu* и *ersü* — являются тюркскими образованиями, а возможно, даже прямыми заимствованиями из какого-нибудь тюркского диалекта.

3. В литературном монгольском языке встречается суффикс *-ši*, который вместе с отрицательным словом *ügej* (*-ši ügej*) образует от глагольных основ прилагательные со значением невозможности совершения действия («невыполнимое»): *toḡaḡaši ügej* «неисчислимый», *dabaši ügej* «непроходимый; то, что нельзя перейти». Иногда *-ši ügej* выступает с основами, происхождение которых не ясно: (*toḡa*) *tomši ügej* «неисчислимый».

На первый взгляд можно было бы считать, что слова, образующиеся таким образом, обязаны своим отрицательным значением частице *ügej*; однако точное значение суффикса *-ši* не ясно. Во всяком случае, трудно согласиться с теми исследователями, которые склонны считать, что *-ši* образует существительные, обозначающие результат действия, поскольку только некоторые слова с суффиксом *-ši* могут употребляться без *ügej* и с положительным значением. Так, например, ни *toḡaḡaši*, ни *dabaši*, ни также (*toḡa*) *tomši* не выступают без *ügej*, хотя наряду с ними мы имеем *idešj* «еда» и *idezi ügej* «несъедобный».

Любопытное с этой точки зрения свидетельство дает калмыцкий язык^[22]. Прежде всего здесь имеется теперь

¹ В главе, посвященной тюркскому местоимению *bu* в монгольском языке.

уже мертвый суффикс *-ši*, который встречается в нескольких существительных, означающих результат действия или предмет, еще подлежащий действию: *ideši* «пища», *ūši* «напиток», *zōši* «подарок»¹. Параллельно с ним существует живой морфологический элемент *-šə ugā*, *-š ugā* (монг. *-ši ügei*), который может от каждого глагола образовывать слова с тем же значением, что и в монгольском литературном языке: «действие, которое, вероятно, не совершится или вообще не может совершиться»². Они выполняют функцию или согласованного определения (*tālšə ugā* «неисчислимый, несосчитанный», *irše ugā* «неспособный прийти»), или сказуемого в форме глагола (*tālšə ugā* «наверное, не сосчитает», *iršə ugā* «наверное, не придет»).

Специального внимания заслуживает тот факт, что калмыцкий суффикс *-šə*, *-š* (*-ši*) имеет отрицательное значение и без слова *ugā* (*ügei*). Именно суффикс *-š* присоединяется к форме причастия будущего времени на *-χu ~ -kü*, образуя, как бы сложный суффикс *-χš ~ -kš*, служащий для выражения настоящего времени с отрицательным значением: *oχš* «не находит», *medχš* (*medkš*) «не знает»³. Такая же форма существует, как указывает Малов, и в языке уйгуров, говорящих теперь по-монгольски: *uqqiš* «непьющий»; *sogouš* «некурящий»⁴.

Из всего изложенного следует, что в монгольском языке существуют два суффикса *-ši*: один, присоединяющийся непосредственно к основам глаголов, образует преимущественно существительные, которые обозначают предмет, подвергающийся действию; другой, присоединяющийся к суффиксу будущего времени, образует отрицательные формы (прилагательные и *verba finita*); наряду с ними существует усиленный отрицательный суффикс: *-ši ügei* (у прилагательных и *verba finita*).

4. Аналогичные формы встречаются в киргизском языке; это отглагольные имена на *-qī ~ -ki*, *-qu ~ -kü*, *-γī ~ -gī*, *-γü ~ -gü*, которые выражают действие или жела-

¹ Котвич, Опыт², стр. 111—112 (§ 98).

² Там же, стр. 268 (§ 238), 325 (§ 305).

³ Там же, стр. 268—269 (§ 238—239), 328 (§ 305, 4).

⁴ W. Kotwicz, La langue mongole parlée par les Ouigours Jaunes, près de Kan-tcheou, CO, 16, Wilno, 1939, стр. 28, 36.

ние совершить действие (*ǰazıǰı* «писание, желание писать») и могут иметь дополнительный элемент *-s*. В результате этого возникает сложный суффикс *-qı̄s~ -kis, -qus~ -küs* и т. д., а слова, которые имеют его в своем составе, являются прилагательными и означают невыполнимое действие: *ǰazı̄s* «то, что нельзя написать; такой, который ни за что не напишет; то, что не поддается описанию»¹.

В суффиксе *-qı̄s* дополнительный элемент *-s* выражает, по-видимому, отрицание, и тюркологи К. К. Юдахин и И. А. Батманов считают его сокращенной формой общетюркского суффикса *-siz~ -süz, -suz~ -süz*. В словаре К. К. Юдахина приводится много примеров его употребления с соответствующими объяснениями (*aı̄ı̄s = aı̄ı̄süz* «тот, который не заслуживает быть принятым; то, что нельзя принять», *ǰı̄qqı̄s* «тот, который совсем не может выйти», *ǰengıs = ǰengısız* «непобедимый», *ǰı̄ı̄ı̄s = ǰı̄ı̄ı̄sız* «недвижимый; то, что нельзя подвинуть», *keçirgis = keçirgisız* «то, что нельзя простить»² и т. д.

В тюркских языках имеются еще и другие примеры редукции суффикса *-siz> -z||-s*, например чаг. *aǰı̄ı̄s* «нечистый» (<*aǰı̄ı̄-sız*), зап.-караим. *uçuz* «дешевый» (<*uç-suz*), *quı̄ı̄ı̄yoz||quı̄ı̄ı̄yos* «глухой» (<*quı̄ı̄ı̄-sız*)³.

Бросается в глаза сходство суффиксов калм. *-χ̄ş~ -k̄ş* и кирг. *-qı̄s~ -kis* как с фонетической, так и с семантической точек зрения (например, калм. *boı̄ı̄s*, кирг. *boı̄ı̄s* «нельзя»), что позволяет сделать некоторые выводы. По-видимому, общетюркский отрицательный суффикс *-siz~ -süz* подвергался сокращению и (по крайней мере на почве киргизского языка) мог иметь форму *-s*. Монгольской параллелью этих сокращенных форм, вероятно, был **-sı̄~ -si> *-si> -ši> -šä> -š*.

Подобная этимология монг. *-ši* таит в себе трудный момент: суффикс *-ši* со значением отрицания должен в монгольском языке соединяться, как мы уже видели, с отрицательной частицей *ügej*; употребляясь же самостоятельно, он сохраняет это значение только в калмыкском языке. Можно, однако, предполагать, что суффикс *-ši*,

¹ Батманов, Грамматика, III, стр. 60—61 (§ 55,5 и 55,13).

² Батманов, Грамматика.

³ Zajączkowski, Sufiksy, стр. 32—33 (§ 13).

будучи элементом иноязычного происхождения, с течением времени начал утрачивать свой первоначальный отрицательный характер, а это как раз и следовало подчеркнуть путем соединения его с соответствующим монгольским словом.

Однако первоначальное отрицательное значение сохранилось уже как пережиток только в калмыкском языке, хотя получило там несколько иной оттенок: *iršə ugā* «наверное, не придет», *irxə* «не приходит».

Тюркскому (караимскому) слову *quṭayoz*, *quṭayos* «глухой» соответствует в монгольском *хүтүүг*, которое в словарях О. Ковалевского и К. Голстунского переводится как «имеющий нечистые, гноящиеся уши»¹. Как указывал Б. Я. Владимирцов², это объяснение значения неточно и его следует заменить переводом: «без ушей, короткоухий»; именно с данным значением это слово известно и в некоторых живых монгольских диалектах, например халх. *хүтүүг*³, калм. *хүтүг*⁴. Тот же Б. Я. Владимирцов удачно заметил, что рассматриваемое слово имеет связь с турецким *quṭaq*, но ничего не сказал о том, откуда взялось окончание *-ug*; должно быть, оно имеет привативный характер, и его можно в настоящее время сопоставить с тюркским суффиксом *-siz* *~siz*.

Следует подчеркнуть еще одну аналогию. На тюркской почве, как уже говорилось выше, сложный суффикс *-maz* *~māz*, *-mas* *~mās* образует отрицательную форму настоящего-будущего времени (аориста). В соответствии с этим слово *uejilmes* значит «есть» или «будет непобедим». Однако в новоуйгурском языке мы находим это слово со значением «непобедимый»⁵. То же значение имеет параллельное слово в киргизском языке: *žejilbes*⁶. Поэтому и тут воз-

¹ Ковалевский, II, стр. 929; Голстунский, II, стр. 137; Позднеев (стр. 102, 103) отмечает два слова *хүтүүг* „тупоухий“ и *хүтүүг* „отвисшие вперед уши (у лошади)“. Ср. также G. Ramstedt, *Kalmückisches Wörterbuch*, Helsinki, 1935, стр. 196: *хүтүүг* (*хүтүг*) „der kleine oder gleichsam abgeschnittene Ohren hat“.

² Б. Я. Владимирцов. О тибетско-монгольском словаре *Li-çihî gur-khañ*, ДАН СССР, В., 1926, стр. 29.

³ Бурдуков, стр. 118.

⁴ Басангов.

⁵ Баскаков, Насилов, стр. 73.

⁶ Юдахин, стр. 175.

никает вопрос, не заключает ли в своем составе суффикс *-maz ~-māz*, *-mas ~-mās* двух отрицательных элементов *-та* и *-s (<-sīz)*, подобно тому как мы это видели в монгольских языках. Возможность существования некоторых осложнений на почве тюркских языков заключается в том, что морфема *-та* имеет разные значения: с одной стороны, *-та*¹ является суффиксом отрицания, а с другой — *-та*² сокращенная форма суффикса *-таq ~-māk*, образующего отглагольные существительные (так называемый сокращенный инфинитив) [23]. Нормальными, следовательно, могут быть соединения: 1) *-та*¹-*s (<z||r)*: *barmas* «не ходит, не пойдет» и 2) *-та*²-*s (<-sīz)*: *barmas* «то, что он не может прийти; факт, что он не приходит».

С подобными трудностями тюркологи должны были считаться при попытках объяснить происхождение тюркского суффикса *-madan ~-mādān*: *āmadan* «прежде чем взять; не беря»¹, потому что *-та ~-mā* в суффиксе *-madan ~-mādān* может иметь или утвердительное, или также отрицательное значение, и в соответствии с этим можно предлагать ту или иную этимологию.

5. Подобное предположение может до некоторой степени объяснить особенности морфологии чувашского языка. Здесь играют роль прежде всего три суффикса отрицания: *-mas*, *-та*, *-т*, которые образуют основы со значением отрицания по тому же типу, как и в других тюркских языках (глагольная основа + суффикс отрицания + суффикс времени или наклонения). Единственное различие между чувашским и другими тюркскими языками заключается в том, что *-mas* употребляется только в настоящем и прошедшем многократном времени, а *-та* и *-т* — в других случаях. Поэтому глаголы имеют две формы с суффиксом *-mas*, например, от глагола *ruł-* «становиться»:

{ *rułmastap* «не становлюсь, не бываю»
 { *rułmastəm* (ččə) «не становился, не бывал»²

Н. Ашмарин сопоставляет элемент *-mas* с общетюркским суффиксом отрицания *-maz||-maq*. Правда, он не объясняет,

¹ Deу, стр. 943—947 (§ 1349).

² Н. Ашмарин, стр. 297—299 (§ 63), 315—316 (§ 77), 331—333 (§ 87).

почему чувашаи выбрали суффикс *-mas*, а не *-maḡ*, хотя последний был бы для них более характерен, однако можно принять его предположение, что мы имеем в данном случае дело с той же глагольной формой и добавлением суффиксов настоящего времени *-tər* или прошедшего времени (*-təm-ċċə*) и что эти суффиксы могли развиться из частицы *tug* или из соответствующих форм вспомогательного глагола *ä-*, *är-* ^[22].

Кроме того, в чувашском языке имеется частица *-maḡ* «не этот, нет», которая присоединяется к именам, к некоторым причастиям и употребляется также в отрицательных ответах. Ашмарин рассматривает ее как параллель к форме *ätäs* «не есть», которая известна в различных тюркских диалектах ¹; семантически она замещает частицу *tögöl* (тур. *däyil*) «нет, не этот, другой» других диалектов. Поскольку, однако, *ätäs* включает общетюркский суффикс *-mas* (*||-maḡ*), можно полагать, что чувашский язык имеет два суффикса отрицания: *ma + ḡ* и *ma + s* и в их исконных формах; впрочем, лишь первый из них является элементом застывшим, — многие тюркские языки полностью утратили его, довольствуясь лишь вариантом *-ma-s*.

Азербайджанский язык обладает особенностью, аналогичной той, с которой мы встречаемся в чувашском: в нем существуют параллельно и как будто без какого бы то ни было различия оба суффикса: *-maz* ~ *-māz* и *-mīḡ* ~ *-mīḡ*, например *bilmāz* и *bilmīḡ*, *ačmaz* и *ačmīḡ*, ср. также караим. *bilmūr* и *ołmaz* ².

6. Вероятно, именно тюркский суффикс *-mas* ~ *-mās* входит в состав слова *žörkimes*, встречающегося в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) (§ 139). Этим словом замыкается ряд прилагательных *a'urtan*, *sülsüten*, *otoḡtan*, которые характеризуют людей из рода Журкин и даже должны объяснять происхождение названия этого рода. Э. Хениш трактует слово *žörkimes* как «dem keiner gewachsen ist», основываясь на китайском переводе, помещенном в конце этого параграфа, и сопоставляет его с оборотом *ülü ilaydaḡu* «непобедимый»,

¹ Ашмарин, стр. 206 (§ 34), 238 (§ 47), 298 (§ 63), 336—339 (§ 87).

² Катанов, стр. 694—695.

употребленным в следующем (140) параграфе¹. Первые три прилагательных являются словами монгольского происхождения и означают «гневливый, мужественный (?), порывистый, гордый»; что же касается прилагательного *žöγκimes*, то его происхождение не ясно, и лишь на основе суффикса *-mes* можно предполагать, что он восходит к тюркскому языку, хотя и там, как и в монгольском, нет соответствующего глагола. Напрашивается мысль, что корень имеет нечто общее с монг. *žigüken* (калм. *zügkr*, тюрк. *yügäk*)² «сердце», которое тоже используется при характеристике рода Журкин.

Суффиксы с -г

1. И в литературном монгольском языке и в разговорной речи существует слово *kegüser* (*küser*) «бесплодная (женщина)»³; это застывшее образование, состоящее из корня или основы *kegü* и элемента *-ser*. Первая часть слова — *kegü* — выступает также в существительных, известных в литературном языке старого и нового периода, а также в диалектах: *ke'üп* «сын, мальчик» (при *köbegün*), *ke'üken* «ребенок». Что же касается элемента *-ser*, то его удачно сопоставляли с тюркским привативным суффиксом *-süz ~ -siz*⁴; форма *-ser* свидетельствует о том, что этот суффикс проник в монгольский язык очень давно.

2. Слово *kegüser* является пока единственным примером употребления суффикса *-ser* (тюрк. *-süz ~ -siz*) при именных основах. Несколько больше примеров на употребление элемента *-ser* при глагольных основах. Так, в § 56 «Сокровенного сказания монголов» имеется следующее двустишие:

¹ *Manghol un Niuca Tobca'an*, Leipzig, 1937, стр. 112; ср. „*Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an*, Leipzig, 1939, стр. 93, и Козин, стр. 541, 614.

² Козин (стр. 614) сопоставляет это слово с калм. *zörmäg* „смелость, смелый“.

³ Ковалевский, III, стр. 2499; Голстунский, III, стр. 420, Бурдуков, стр. 52.

⁴ О возможности существования в тюркских языках чередования *z||г* в суффиксе *-süz* уже в эпоху орхонских надписей пишет А. Лекок: *A. v. Le Coq, Ein manichäisches Buch-Fragment aus Chotscho, Festschrift Wilhelm Thomsen, Leipzig, 1912, стр. 152.*

kei'ö'ede kegüliyen keyisümüser
ke'erxažar-a ke'eli-ben ölösümüser
büli'i (büliyi).

В обоих стихах обращают на себя внимание последние слова с окончанием *-ser*. Китайский ученый, добавивший к монгольскому тексту китайские глоссы, видел тут какие-то отрицательные формы и перевел слова *keyisümüser büli'i* «никогда не развевал», а *ölösümüser büli'i* «никогда не знал голода». В соответствии с этим китайским переводом Палладий Кафаров перевел вышеприведенное двустигшие следующим образом: «Ветер не развевал волос на голове твоей; желудок не терпел голода»¹.

Монгольский историк второй половины XVII века Лубсан Дандзан (*bLo-bzañ bsTan-'jin*), который включил почти весь текст «Сказания» в свою хронику «*Aitan tobči*», по-видимому, не заметил в тексте нашего двустигшия никакого отрицания, а может быть, просто не понимал этих форм и потому заменил их обычными имперфективными деепричастиями с утвердительным значением: *keyisüg-seger* и *ölösügseger*².

Европейские исследователи Э. Хениш, А. С. Козин и Г. И. Рамstedт оказались при объяснении этих форм не более счастливыми; впрочем, они признавали присутствие здесь отрицательного значения. В соответствии с этим А. С. Козин перевел данное место следующим образом: «Кудрей твоих встречный ветер не развевал, в пустынной земле никогда ты не голодал»³. Однако никаких комментариев к этому переводу он не дал.

Зато Г. И. Рамstedт еще в 1902 году, не колеблясь, сопоставил окончание *-ser* с тюрк. *-siz ~-siz*, так же как это сделал значительно позже другой исследователь в отношении *-ser* в слове *kegüser*; что же касается *-mü*, то Г. И. Рамstedт видел в нем суффикс настоящего времени, выступающий в вариантах *-müj ~-müj*, *-mü ~-mü*, *-m*, и, опираясь на этот факт, признал форму данного времени

¹ Архим. Палладий, Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, IV, СПб, 1866, стр. 33.

² Козин, стр. 327.

³ Там же, стр. 85.

исконно-именной¹; однако он не учел того, что вся эта этимология основана на недостаточном и малоисследованном материале. Хениш, не разделяя мнения своего предшественника, прежде всего восстановил монгольскую звуковую форму этого суффикса: *-mser* (< *muser*). Хениш тоже считал его сложным суффиксом, но значение отрицания приписывал элементу *-m-*, полагая, что он представляет собой сокращенную форму тюркского отрицательного суффикса *-ma*; *-ser*, по его мнению, является стяженной формой монгольских суффиксов: *-(g) sen + -yer > -ser*². Однако Хениш не принял во внимание того обстоятельства, что примеров употребления тюркского отрицательного суффикса *-ma* морфология монгольского языка не знает и что соединение *-γsan ~ -gseñ + -yaγ ~ -yer* дает монг. *-γsaγar ~ -gseger*, то есть окончание причастия имперфективного, которое употребил Лубсан Дандзан, опускаемая *m*. В «Сокровенном сказании» это окончание должно было быть транскрибировано как *-(γ)sa'ar*, так что суффикс в целом должен был бы иметь вид *(-m)sa'ar ~ (-)mse'er*.

Оба исследователя были как будто правы, когда пытались разгадать загадочные формы на *-msar ~ -mser*, основываясь на данных тюркских языков, но ни один из них не обратил внимания на то, что там имеются более близкие параллели. А именно: в чувашском языке есть аналогичный сложный суффикс *-ma-zəγ ~ (mezəγ)* (тюрк. *-maq-siz ~ -mäksiz*) со значением «без того, чтобы (что-нибудь сделать)»³.

В старых тюркских текстах из Восточного Туркестана (уйгурских) и в турецком языке имеется окончание деипричастия *-maqsizin ~ -mäksizin* «без того, чтобы что-нибудь случилось», наряду с которым в диалектах выступает также *-maqsiz ~ -mäksiz*⁴ (ср. *-maqliq ~ -mäklik*). Поскольку в тюркских языках параллельно инфинитиву с окончанием *-maq ~ -mäk* выступает аналогичная форма с сокращенным окончанием *-ma*, *-m*, в монгольский язык могла проникнуть именно эта последняя форма с отрицательным суф-

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 77.

² Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, ASAW, XLI, № 4, 1931, стр. 70.

³ Ашмарин, стр. 302.

⁴ Deny, стр. 942—943 (§ 1348), 1041—1042 (§ 1419), 1149—1150.

фиксом *-siz*, образовав здесь параллель *-msar ~-mser* с тем же значением «без того, чтобы». В связи с этим вышеприведенное двустипное следовало бы перевести следующим образом: «С моим старшим братом Чиледи (не случилось), чтобы его косички развевались вверх на ветру и чтобы его желудок страдал от голода в пустынной земле».

В § 240 того же «Сокровенного сказания монголов» читаем предложение: *üde žilda uхамсар берке хој-туг һоғим-йуаг уабухун боһун*, в котором выступает таким же способом образованная форма глагола *ухамсар*. Основываясь на китайской глоссе, Хениш перевел его «ohne sich dessen zu versehen, ohne es zu merken, unversehens», сопоставив данную форму с формами, рассмотренными выше¹. Лубсан Дандзан на этот раз оставил ее без изменения (*ухамсар*), а Козин перевел ее в соответствии с китайской глоссой «незаметно» и «не замечая», приведя для сравнения неизвестно откуда почерпнутый оборот монгольского литературного языка: *ухамсар берке ој* «невообразимо густой лес». Перевод всего предложения звучит у Козина следующим образом: «Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке»².

Этот перевод не является ни дословным, ни точным. Прежде всего обращает на себя внимание оборот *üde žilda* (у Лубсан Дандзана *üde žildan*). Слово *žilda*, которое (без *üde*) встречается еще два раза в «Сокровенном сказании монголов» (§ 142, 229), Козин переводил словом «вечер, поздно», а словосочетание *üde žilda* — «поздно вечером». Никаких пояснений он при этом не дает, так что остается неясным, что именно означает слово *üde*. Между тем оно известно всем монгольским племенам в значении «полдень»; если, следовательно, *žilda*, которое до сих пор в монгольских языках не зарегистрировано, действительно означает «вечер», то оборот *üde žilda* следовало бы переводить как «полдень и вечер»; при этом оба слова относились бы не к сказуемому «пробирался», а только к собственному слову *ухамсар*. Все предложение можно было бы перевести в таком случае следующим образом: «Когда

¹ Haenisch, *Manghol un Niuca Tobca'an*, стр. 119.

² Козин, стр. 175, 293, 565, 587.

он шел по тропинке в густом лесу, не различая ни полдня, ни вечера» — то есть, по-видимому, лес был таким густым и тенистым, что идущий не мог понять, был ли полдень или вечер. Продолжение повествования подтверждает это предположение.

3. На основе собранного материала можно, без сомнения, утверждать, что монголы в отдаленном прошлом пользовались тюркским привативным суффиксом *-sar ~ -ser* как живым элементом и, вероятно, противопоставляли его суффиксу *-tu ~ -tü*, тоже тюркского происхождения. Вообще можно предполагать, что когда-то в прошлом в тюркских и монгольских языках были по две пары элементов, утвердительных и отрицательных:

тюрк.	монг.	тюрк.	монг.
<i>-liγ ~ -lig</i>	<i>-tu ~ -tü</i> „име- ющий“	<i>-süz ~ -siz</i>	<i>-sar ~ -ser</i> „не имеющий“
<i>bar</i>	<i>buγ</i> „сущест- вующий, есть (имеется)“	<i>yoq</i>	<i>ügeγ</i> „не су- ществующий, нет (чего), без

С течением времени суффикс *-sar ~ -ser* вышел из употребления и его функции приняло слово *ügeγ* как единый для обеих групп элемент отрицания.

Числительные

Тунгусские собирательные числительные

В заметках, посвященных числительным алтайских языков, мы указывали, что северотунгусские диалекты образуют собирательные числительные с помощью суффиксов *-pi, pi, -i* (последний присоединяется к основам на конечный согласный). Мы также указывали, что, в противоположность тюркам и монголам, тунгусы знают особую категорию числительных с суффиксом *-lda, -la*¹. Мы основывались тогда на сообщениях А. Кастрена¹ Е. Титова и др., которые, как известно, имели возможность собирать материал в тунгусской среде.

¹ RO, VII, 1931, стр. 207 (§ 49), 210—211 (§ 56).

Позднейшие исследования Василевич продвинули наши познания о тунгусских числительных значительно вперед. Благодаря ее трудам нам известно теперь, что в тунгусском языке, возникшем на основе некоторых северотунгусских диалектов, существует обширная система собирательных числительных, разграничивающихся в зависимости от группы предметов ¹. Показателем разграничения являются различные суффиксы. Эта система может быть проиллюстрирована следующим сводом материала:

Группы	Суффиксы	2	3	4	5
люди	-ni(-i)	ǰūri	ilani	dǰūri (dǰinni)	tunǰani
дни	-ŋa	ǰūlle	ilalla	dǰille	tunǰalla
домашнее хозяйство	-pu(-pu)	ǰūrpu	ilannu	dǰinnu	tunǰannu
местности	-musa	ǰūnmuse	ilanmusa	dǰirmuse	
предметы	-ragda		ilaragda	dǰ(i)regde	
животные	-na		ilaǰna	dǰiǰne	tunǰaǰna

Монгольские числительные с суффиксом -či

Рамстедт и другие исследователи достаточно подробно рассматривали архаическое числительное монгольского языка ǰiǰin «два», которое часто выступает в «Сокровенном сказании монголов» ² и, по справедливому замечанию П. Пельо, употреблялось преимущественно в отношении лиц женского пола ³. В некоторых исследованиях приводился ряд слов, образованных от того же корня (*ǰi-), и среди них два слова ǰiči: одно в значении «правнук», а второе — «снова, еще». С первым соединяются другие

¹ Котвич, Очерк, стр. 89—90 (§ 26, 4).

² Kotwicz, Les Contributions, RO, VII, стр. 157—158, 162—164.

³ См. изложение вышеназванной работы в Т'Р, XXVIII, 1931, стр. 171.

термины родства, образованные тем же способом от числительных и сохранившиеся в монгольском языке, а именно *үйсi* «правнук» и *дöсi* «правнук правнука». Таким образом, мы имеем здесь дело с рядом слов, обозначающих потомков во втором, третьем и четвертом поколении. Зато другое слово *жiсi* в значении «снова, еще» оставалось изолированным; однако теперь, когда издан полный текст «Сказания», можно утверждать, что и это второе *жiсi* принадлежало к особому ряду терминов со значением «второй раз». Именно в § 167 «Сказания» есть предложение: *жiсi хiсi ügüleжü ile'et* «когда, сказав второй и третий раз, послал». Таким образом, мы видим, что в монгольском языке раньше существовало два ряда производных числительных, образованных от корней основных числительных при помощи суффикса *-сi*, причем в первый ряд входили названия родства, а во второй — наречия со значением многократности; можно также предполагать, что существовал вообще только один ряд производных числительных с двумя соответствующим образом разграниченными значениями.

Местоимения

В 1936 году мы посвятили местоимениям в алтайских языках специальное исследование¹, в котором рассмотрели и осветили ряд связанных с ними проблем. Местоимением интересовался ряд известных исследователей (тюркологов и алтаистов). Некоторые из них (Т. Ковальский, А. Габэн) уже высказали свое суждение по этому вопросу и дали ряд ценных замечаний и пояснений². Однако вплоть до настоящего времени в этой сложной области все еще оставалось много спорных и неясных вопросов. Это заставляет нас снова заняться той же темой и дополнить уже известные выводы новыми, которые позволяют сделать новый материал, почерпнутый из работ, опубликованных в последние годы.

¹ Kotwicz, Les pronoms.

² Ковальский, в OJZ, 1937, столб. 444—446; А. Gaba in, Turkologie in Polen, PBO, II, 1938, стр. 55—59.

Тюркские указательные и личные местоимения

1. Как показали данные, представленные в нашем исследовании¹, тюрки, а частично маньчжуры и некоторые группы тунгусов основываются в системе указательных местоимений главным образом на разграничении трех степеней отдаленности предметов от говорящего: «этот (ближайший)», «этот (более отдаленный, но видимый)» и «тот (еще более удаленный, уже невидимый)». В связи с этим в тюркских языках существует три основных указательных местоимения: *bu*, *šu* и *ol(o)*, в маньчжурском — *ege*, *tege* и (иногда) *čaga*, в монгольском — *epe* и *tege*, тунгусском — *är* и *tar* [25].

Основная система тюркских местоимений в некоторых языках и диалектах либо подвергается разным фонетическим изменениям, в результате чего возникает параллелизм то начального согласного *b||p* и *š||s* (*pu*, *su*), то гласного *u||o* (*po*, *šo*, *u!*), либо же видоизменяется в результате присоединения к концу основы *-t* (*bu!*, *šu!*, *ol*). Однако эти изменения не оказывают влияния на основное значение местоимений и упомянутая трехступенная система остается неизменной.

Впрочем, существуют языки и диалекты, где рассматриваемая система подвергается существенным изменениям, в результате чего вопрос о местоимениях осложняется. Довольно часто выступают сочетания двух нормальных указательных местоимений: *šubu*, *ušu*, *ošo*—или соединения этих местоимений с другими элементами: *ošbu*, *osu*, *busu*, реже (например, в кумыкском) употребляются параллельно местоимения *šu* и *šo*² или (в киргизском) *ušu* (*!*) и *ošo* (*!*)³ с разными семантическими оттенками. Наконец, в разных диалектах встречается особое местоимение иноязычного происхождения: *tigi* или *tā* (сибирские и приволжские диалекты), *tigi* (*tigil*) и *tetigi* (кирг.), *tu* (алтайские диалекты). Таким образом, в некоторых тюркских языках существует группа уже не из трех, а из четырех и даже пяти указательных местоимений, например кирг. *bu*, *ušu*,

¹ Kotwicz, *Les pronoms*, стр. 49—53.

² Дмитриев, *Гр. кумык.*, стр. 78.

³ Юдахин, стр. 329, 544.

ošo, tigi и tetigi¹, казах. bu, osu, so (soł), o (oł)², кирг. bu, šu, šo и o³. Самой богатой группой указательных местоимений располагают, как известно, якуты: bu, subu, iti, siti, oł, soł.

Тюркологи подчеркивают, что на формирование тюркской системы указательных местоимений оказали влияние различные факторы. Н. К. Дмитриев вслед за В. А. Гордлевским и Г. Вейлем доказывает, что в турецком языке существуют, собственно, две двухстепенные системы местоимений: пространственная (топографическая): bu «этот близкий» — o «тот далекий», и временная: bu «тот, о котором уже шла речь» и šu «тот, о котором еще будет речь»; по его мнению, только путем контаминации этих двух систем возникла трехстепенная система bu — šu — o⁴. Другие исследователи (не исключая того же Н. К. Дмитриева) ставят на первый план противопоставление предметов известных и неизвестных, а особенно часто — видимых и невидимых.

При таких условиях нельзя удивляться тому, что Н. К. Дмитриев считает семантику местоимений тюркских языков теоретически неразработанной. Разумеется, подробное исследование этого вопроса весьма желательно, однако трудно согласиться с возражениями, выдвинутыми против трехстепенной системы, основанной на пространственных представлениях. Нет никакого сомнения, что в практической жизни чаще всего выступает двухстепенное противопоставление: «этот» — «тот», в основе которого лежит именно отдаленность, независимо от того, идет ли речь о пространственной отдаленности или о какой-нибудь иной («известный» — «неизвестный», «видимый» — «невидимый», «тот, о котором только что говорили» — «тот, о котором говорили несколько раньше» и т. п.). Однако следует считаться с тем, что в тюркских языках имеется три указательных местоимения, которые в случае необходимости могут употребляться, несомненно, как

¹ Батманов, Грамматика, стр. 52 (§ 55—56).

² Мелиоранский, I, стр. 42 (§ 4).

³ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 72—74.

⁴ Дмитриев, Ук. мест., стр. 97—99; Строй, стр. 21, 31; Гр. кумык., стр. 98—99.

система, хотя и с некоторыми семантическими модификациями. Важность этого обстоятельства выявляется при сопоставлении тюркских местоимений с монгольскими или северотунгусскими, которые, как известно, имеют в своем составе только по два взаимно противопоставленных местоимения. Это отнюдь не исключает того факта, что в некоторых тюркских языках, как мы уже отмечали, существует большее количество указательных местоимений (4—6), так как обычно там существуют варианты только трех основных местоимений, например *šu* и *šo*, *ušu* и *ošo* (или же их сочетания, например *šubu*), либо местная замена одного из этих местоимений заимствованным элементом, например *tā*, *tī* вместо *šu*; само же увеличение числа местоимений ограничивается специальными случаями, когда возникает потребность отграничить два предмета в пределах одной ступени, например двух ближайших («известный» — «неизвестный») или двух отдаленных («видимый» — «невидимый»).

Более обособленный характер имеет противопоставление предметов, отделенных друг от друга каким-нибудь препятствием, например рекой или горой (лат. *cis* и *trans*). На основе собранного в нашем исследовании материала¹ местоимения, служащие для противопоставления, можно представить в следующей таблице:

	тюрк.		монг.		маньч.		тунг.
<i>cis</i>	<i>biḡ-</i>		<i>i-na-</i>		<i>pa-ya-</i>		<i>e-</i>
<i>trans</i> ²	<i>yīḡ-</i>		<i>či-na-</i>		<i>ča-ya-</i>		<i>ča-</i>
							<i>ā- ā(w)-</i>
							<i>čā- bā-</i>

Эта группа охватывает особые местоимения, но, как мы старались показать, и здесь иногда удается установить связь с основной группой.

Корень отмеченных выше местоимений *tā*, *tigi* и *tetigi* — *te-*, *tī-*; он, несомненно, заимствован из монгольского еще до возникновения там формы *tere*. Этот корень получил суффикс, который имеет как будто значение «также, именно»² и известен в монгольском и тюркских языках. Удвоение же

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 42—52. Пользуемся возможностью исправить случайную ошибку: на стр. 52, строка 12, слово *turques* следует заменить на *altaïques*.

² Kotwicz, Les pronoms, стр. 77—78.

первого слога в форме *tetigi* имело целью более точное обозначение предмета при оживленном разговоре; оно известно также в монгольских языках, например в бурятском (*tē, tere, tēter* «вон тот», *tē tende* «вон там»).

2. Любопытное явление представляет собой присоединение *ɪ* к концу основных указательных местоимений, а в киргизском, кроме того, к местоимению *tigi* (*tigil*) «тот», к вопросительному *qajsı* (*qajsıl*) «который?», в старобурятском же к *pägü* (*nägül*) «как?». Все исследователи единодушно утверждают, что это *ɪ* — элемент факультативный, появляющийся чаще всего в местоимении *oɪ* (оно лишь в южных диалектах представлено в виде *o*), и что он совсем не оказывает влияния на значение самих местоимений. В настоящее время такое положение вещей вполне нормально. Рассмотрение вопроса с исторической точки зрения заставляет, однако, предполагать, что это *ɪ* играло какую-то специальную роль; впрочем, отсутствие данных не позволяет установить, какую именно. В настоящее время можно с уверенностью сказать лишь то, что *ɪ* было утвердительным элементом; на это указывает прежде всего то, что в монгольских, а отчасти также в тюркских языках имеется утвердительная частица *ɪa*, или ее сокращенная форма *ɪ*.

3. Местоимение «тот» в тюркских языках имеет варианты *o, oɪ, uɪ*, совершенно для нас понятные, поскольку чередование *o||u* широко распространено во всей алтайской области. Однако в новейшей работе, посвященной киргизскому языку, отмечается существование еще варианта *aɪ* (при более редком *a*), который, кажется, не был известен предшествующим исследователям¹.

Батманов дает *aɪ* как единственное местоимение 3 лица, указывая при этом, что оно употребляется также в качестве указательного местоимения «этот» (хотя в списке указательных местоимений оно не приведено)². С другой стороны, в словаре Юдахина приводится *oɪ* «он, этот», правда, без комментариев и примеров³, между тем как вариант *aɪ(a)* с тем же самым значением «он» иллюстрируется целым

¹ Катанов говорит только об *oɪ*.

² Батманов, Грамматика, стр. 51 (§ 52—53), 52 (§ 55).

³ Юдахин, стр. 319.

рядом примеров, почерпнутых, насколько можно по ним судить, из разговорной речи и потому имеющих несомненную ценность. Юдахин сближает вариант аҕ(а) с формами склонения аҕи, аҕа (>а), аҕан, аҕи, anda, andan¹. Эти формы нам хорошо известны как склоняемая группа местоимения оҕ, выступающая параллельно другой группе с гласным о. Происхождение двойных форм склонения местоимения о, оҕ оставалось до сих пор неясным. Если группу с о можно было рассматривать как нормальное склонение, то группа с а наводила на мысль, что здесь перед нами остаток другого местоимения, которое имело в своем составе тот же гласный звук, но само давно уже утратилось. В связи с тем, что алтайские языки, по крайней мере в отношении личных местоимений, противопоставляли формы единственного числа с гласным і формам множественного числа с а, мы высказали мысль, что для 3 лица единственного числа в тюркском служило местоимение і(п)-, а множественного — а(п)-, что вышеуказанная группа форм с а представляет именно это множественное число и что именно поэтому она первоначально не имела ничего общего с местоимением оҕ, а была только искусственно с ним объединена, когда давнее личное местоимение (і-) утратилось как самостоятельное слово². В связи с этим киргизское аҕ можно было бы рассматривать в качестве этого утраченного местоимения 3 лица множественного числа, однако тут возникает важный вопрос, действительно ли оно является реликтом столь далекого прошлого. Во всяком случае, это не так уж необычно: в маньчжурском сохранилось старое алтайское местоимение 3 лица і в единственном числе, киргизы сумели сохранить его во множественном числе. Однако не исключена и другая возможность. Так, киргизы, оказавшись перед двумя группами склоняемых форм, из которых только одна представляла собой нормальное и целостное единство с оҕ, выработали и для другой группы соответствующее местоимение аҕ, но уже в более близкое к нам время.

4. Предложенная нами гипотеза происхождения двух типов склонения местоимения оҕ вызвала со стороны

¹ Юдахин, стр. 11, 26.

² Там же, стр. 19.

А. Габэн ряд замечаний¹. Она полагает, что *oĭ* можно разложить на *o-ĭ* (*-ĭ* она рассматривает в качестве дейктического элемента) и что *o* представляет собой, возможно, результат чередования гласных с *a*, по аналогии с местоимением I лица *bān*. Автор, по-видимому, считает **bin* исконной формой местоимения I лица; однако чередование *i||ā* представляет собой на алтайской почве явление довольно обычное и наблюдается довольно часто, тогда как чередование *a||o* выступает, как мы уже видели, только в отдельных случаях (ср. монг. *doġoγan* «семь» при *daγan* «семьдесят», тюрк. *taquq* при *touq* «курица»). Н. К. Дмитриев, со своей стороны, рассматривал вышеупомянутые группы как «окающие» и «акающие» варианты², то есть связывал их, по-видимому, генетически с *oĭ*, однако он не обосновал свое предположение какими-нибудь другими данными, которые свидетельствовали бы о существовании на почве тюркских языков подобного явления. А. Габэн возражает, далее, против предполагаемого нами противопоставления (ст.-уйг.) *inĉā* — *anĉa*, утверждая, что первое слово имеет значение «так», а второе — «немного». Однако здесь произошло некоторое недоразумение. В староуйгурском, несомненно, существовал ряд связанных друг с другом не только фонетически, но и семантически слов *qaŋsa*, *inĉā*, *anĉa*, которые тоже, вероятно, употреблялись в значении субстантивно-количественном: «сколько?», «столько», «вот столько», и наречно-обстоятельственном (обстоятельства образа действия): «как?», «так», «вот так»; при этом еще соответствующим жестом руки более точно показывали, идет ли в данном случае речь о большем или о меньшем количестве: «много», «немного», «этим или тем (другим) способом». Вышеупомянутые семантические ряды, вероятно, существовали параллельно, и в их границы очень хорошо укладывались оба значения, приведенные А. Габэн из текстов. В группу этих слов нетрудно включить *anĉaŋ* «только», не приписывая элементу *-ĉaŋ* значение особой усилительной частицы, как это делает А. Габэн.

5. Группу форм склонения с корнем *a-* мы связывали

¹ РВО, II, 1938, стр. 52, 57.

² Дмитриев, Гр. кумык., стр. 77.

в своих исследованиях с формами дательного падежа личных местоимений *таҗа*, *саҗа*, которые выступают в подавляющем большинстве тюркских языков вместо ожидаемых **таҗа*, **саҗа*. А. Габэн полагает, что замена давнего *e*, *ä* на *a* могла совершиться под влиянием согласного *ɟ*, и ссылается в подтверждение этого на суффикс *-duɟuɟ* (*duɟ-uɟ*), засвидетельствованный в старотурецких текстах только в варианте с гласным заднего ряда. Разумеется, А. Габэн имеет известные основания для возражений, поскольку такие велярные согласные, как *q* и *ɟ*, сочетаются лишь с передними гласными. Однако *ɟ* не обладает такой особенностью и выступает в окружении гласных как переднего, так и заднего ряда, а суффиксы, имеющие в своем составе *q* и *ɟ*, имеют еще особые варианты с *k* и *g* для слов с передними гласными. Наконец, суффикс *-duɟuɟ* не дает аналогии для решения интересующего нас вопроса, поскольку являет собой пример употребления суффикса в одном варианте (с гласным заднего ряда) для всех основ независимо от гармонии гласных; подобным же образом употребляется в том же турецком языке одновариантный суффикс *-uɟ*. Зато в случае с *таҗа*, *саҗа* речь идет о совершенно необычной менематической гласной *ä* на *a*.

Н. К. Дмитриев пытается объяснить эту мену иначе. По его мнению, именно суффикс дательного падежа имел первоначально (в чагатайском языке) форму *-ɟaɟ*, восходил к самостоятельному слову и вызвал мену *ä* на *a*: *täp + ɟaɟ > таҗа* > *таҗа*. Суффикс *-ɟaɟ* дательного падежа местоимений известен даже некоторым современным языкам (кумыкскому и казанскому диалекту татарского), однако никто еще не указал, от какого самостоятельного слова он мог произойти и действительно ли это слово могло вызвать рассматриваемую нами мену.

Как можно заключить на основании вышеизложенного, возражение против наших предположений не является убедительным, а попытки заменить их другими выводами очень проблематичны. Наши предположения опираются на широкие аналогии с другими алтайскими языками и имеют целью объяснить ряд явлений, связав их друг с другом как бы в одно целое. Тем не менее все это требует дальнейших исследований.

6. Рассматривая вопрос происхождения монгольских указательных местоимений *epe* и *tere*, мы привлекли несколько тюркских слов местоименного происхождения, имеющих в своем составе окончание *-па* ~-*pā*¹. Эти примеры взяты из разных языков, и поэтому наш свод не указывает на существование компактной системы подобных слов в каком-либо определенном языке. Однако последние работы свидетельствуют о том, что по крайней мере в современном новоуйгурском языке имеется хорошо развитая система указательных местоимений, в которой почетное место занимают также местоимения с окончанием *-па* ~-*pā*². Приведем список этих местоимений:

„вот этот“	bu(t)	mana	tauw (<mana + bu)
		epe, ana	
„этот“	šu(t)	ejna, ajna	mušu, mošo (<mana + šu, или скорее muna + šu)
„тот“	u(t)	tajna	asu, ajšu (<ana + šu)

На основе этого списка можно легко установить эквиваленты для общетюркских указательных местоимений:

bu : mana
a : ana, ajna

Между тем местоимения *epe*, *ejna*, *tajna* возникли на основе монгольских элементов *e* и *te*.

7. Местоимения-прилагательные «какой?», «такой», «похожий на этого, того, на что, на кого» образуются в алтайских языках от вопросительных и указательных местоимений двумя путями:

а) При помощи суффиксов или частиц со значением «похожий, подобный». В тюркских языках к местоименным основам (корень + местоименное) *qan-*, *muq-*, *šup-*, *ap-* присоединяются различные морфемы в зависимости от особенностей отдельных диалектов: в языке орхонских надписей, староуйгурских текстов, в чагатайском, в карагасском, тувинском и в некоторых сибирских диалектах и говорах Восточного Туркестана употребляются частица или суффикс *-täg* и его варианты, возникшие в связи с гармонией гласных: *-day* ~-*däg*, *-düy* ~-*dig*. В киргизском и казахском языках, в большинстве сибирских и приволж-

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 56—58.

² Баскаков, Насилов, стр. 199—200.

ских диалектов для этой цели служит суффикс сравнительной степени *-daj ~-däi, dïj ~-dij <-lai ~läi*¹.

В монгольском употребляется частица *metü* «похожий, подобный», которая присоединяется к вопросительным и указательным местоимениям. В маньчжурском ее роль исполняет частица *gese* «похожий, подобный», а также суффикс *-taqa ~-teke* (> тюрк. *täg*²). В тунгусских диалектах используется суффикс *-gačün (-ṗačün), -paḡa* (солон.).

	тюркские				
	тувинский	Восточный Туркестан	киргизский	алтайский	
„какой?“	<i>qandïy</i>	<i>qanday</i>	<i>qandaj</i>	<i>qandïj</i>	
„вот такой“	<i>mïndïy</i>	<i>munday</i>	<i>mïndaj</i>	<i>munday</i>	
„такой“			<i>ušundaj</i>		
„как тот“	<i>andïy</i>	<i>anday</i>	<i>andaj</i>	<i>andïj</i>	
	монгольские	маньчжурский		тунгусские	
				эвенкийский	солонский
„какой?“			<i>antaqa</i>		
„вот такой“	<i>ene metü</i>	<i>ere gese</i>	<i>enteke</i>	<i>ergečün</i>	<i>enneḡe</i>
„такой“	<i>tere metü</i>	<i>tere gese</i>	<i>tenteke</i>	<i>ta ačün</i>	<i>tannaḡa</i>
„как тот“					

б) Путем присоединения суффикса творительного-совместного падежа *-ta ~-lä* или частицы *ilä*. В турецком языке и близких к нему диалектах к местоименным корням (без *-n-*) присоединяется частица *ilä*; так образовались местоимения *böjlä* «вот такой», *šöjlä* «такой», *öjlä* «иной». Первоначально они имели наречное значение: «вот так», «так», «иначе», но с течением времени стали употребляться в роли прилагательных³.

В чувашском языке имеется суффикс *-pła*, который

¹ Катанов, стр. 205—210, 339—340, 344—345.

² Kołwicz, RO, XIV, 1939, стр. 101.

³ Deny, стр. 223 (§ 344), 263 (§ 402).

является сокращенной формой окончания творительного-совместного падежа -paŋa ~-peŋe и семантически соответствует частице ilä: karŋa, ŧarŋa, sarŋa «такой»². О суффиксе -pŋa, значение которого до сих пор еще не установлено, см. ниже, в главе, посвященной наречиям.

Усиление указательных местоимений

В алтайских языках придается большое значение точному указанию на предмет, место, на то, о чем в данный момент идет речь. Иногда четкого определения при помощи рассмотренных выше местоимений бывает недостаточно, поэтому прибегают к другим разнообразным способам, которые уточняют или усиливают значение основных форм указательных местоимений: к соединению двух или даже трех местоимений в одно целое; присоединению суффиксов к местоимениям. Первый из указанных способов широко используется в тюркских языках.

1. В тюркских сложных местоимениях первичные местоимения соединяются друг с другом столь тесно, что образуются новые слова, в которых не всегда можно выделить составные части. Свое значение эти новые слова берут, вероятно, от последней местоименной части, предшествующие же только усиливают его.

Сложные местоимения, оканчивающиеся на:

-o, -u: tupaŋo, tupaŋu, tŋpaŋo „вог этот“^[26]

apaŋo, apaŋu „тот“

(Крым, Анатолия — Кония).

-wu:

tawu (< tana + bu) „вог этот, этот“

qawu (< qana + bu) „который?“ (Восточный Туркестан)

šöwu (< šo + bu) „вог этот“

öwu (< o + bu) „тот“ (кумык.)

bu:

ušbu (< u + šu + bu) „вог этот“ (разные языки)

tabu (< tana + bu) „вог этот“ (кирг.)

subu „вог этот“ (якут.)

² Ашмарин, стр. 194 (§ 30).

-šu:

mušu, mošu (< mana + šu)	
ašu (< ana + šu)	
ajšu (< aйна + šu)	„тот“ (Восточный Туркестан)
ušu, ušut	„этот“ (между bu и ošo)
ošo (< ot + šo)	„тот“ (кирг.)

-ti:

iti, siti „вот этот“ (якут.)

2. Рассматривая суффиксы: монг. -үи ~-gü, тунг. -wu, которые присоединяются к основам вопросительных и указательных местоимений, мы высказали предположение, что они являются морфемами с усилительным значением¹. А. Габэн, ссылаясь на высказывание В. Томсена, касающееся языка орхонских надписей, а также на материал староуйгурских текстов и современных говоров Восточного Туркестана, возражала против нашей гипотезы, высказав со своей стороны мысль, что, по крайней мере на тюркской почве, элемент -үи выражал сомнение². Поскольку рассматриваемые суффиксы широко распространены и тесно связаны с вопросительными и указательными местоимениями, можно было уже априори предполагать, что цель их не ослабить значение местоимений, а, наоборот, устранить сомнения, какие могут возникнуть в речи. И действительно, в новейших работах, посвященных говорам Восточного Туркестана и киргизскому языку, зарегистрирована частица үо(qo), үи, которая, как и другие частицы, присоединяется также к местоимениям и имеет значение «собственно, именно, ведь». Приведем несколько примеров: и-үи «именно он! ведь это!» (Восточный Туркестан), баг-үо «ведь есть...», дејтин-үо «говорю ведь», мен-үо багам «я уже пойду»³. Как видим, данные современных тюркских диалектов

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 71—73.

² РВО, II, 1938, стр. 52.

³ Баскаков, Насилов, стр. 57, 160; Батманов, Грамматика, II, стр. 61; Юдахин, стр. 380.

подтверждают наше предположение о значении монгольского и тюркского суффикса.

Возникает вопрос, не является ли суффикс *-gi*, выступающий в указательном местоимении *tigi* (сибирские диалекты, кирг.) и *tetigi* (кирг.) «тот», а также в местоимениях личных *bisigi* «мы», *äsigi* «вы» и указательном *biligi* «этот (только что названный)» (якут.)¹, лишь вариантом суффикса *-γu* и не имеет ли он тоже усилительного значения.

Наконец, следует обратить внимание еще на два монгольских слова: *edüj* «столько, еще нет» и *ügej* «нет, не имеется», которые иногда тоже приобретают элемент *-gü* с неясной функцией.

Слово *edüj* часто присоединяется к причастиям прошедшего времени несовершенного: *bosuγa edüj* «тот, что еще не встал»; вместо *edüj* употребляется иногда в таких сочетаниях форма *edügüj-e* (дат. п. от *edügüj*²). Последний оборот (*-'a üdü'üye*) выступает почти исключительно лишь в «Сокровенном сказании монголов».

Для *ügej* можно привести следующие формы, встречающиеся в «Сказании», в документах *'phags-ра* и в литературном языке: *ügegü, ügegüj (üge'üj), ügegün (üge'ün)*.

Местоимение 3 лица в тунгусских языках

Вопрос о местоимении 3 лица в тунгусо-маньчжурских языках очень осложнен. Маньчжурские местоимения *i* «он», *še* «они» имеют связь с системой личных и указательных местоимений других алтайских языков, и можно даже предполагать, что они были заимствованы из монгольского языка³. Местоимение 3 лица тунгусских языков, как северных, так и южных, стоит вне этой системы; приведем его формы в северных языках: *puṗan, poṗan, puṗan, puwan, puap, pōn*; в южных: уд. *pu(ṗ)*, нан. *poaṗi*, ульч. *pān*⁴. Тесная связь между этими вариантами не требует поясне-

¹ Kotwicz, *Les pronoms*, стр. 49—51, 77—78.

² Владимирцов, *Сравн. гр.*, стр. 153, 289.

³ Kotwicz, *Les pronoms*, стр. 56—61.

⁴ Бойцова, стр. 22—25, 29, 174—177.

ний, но заслуживает внимания то, что и на севере и на юге мы находим краткие и долгие варианты. Краткие варианты имеют в своем составе долгий гласный \bar{o} или \bar{a} , но, естественно, лишь в северных диалектах, потому что южные, утратившие количественные различия, не принимают во внимание долготу в рассматриваемом слове.

Происхождение слова *пурап* и его вариантов остается до сих пор загадкой. Оно имеет как бы более самостоятельное значение, чем обычное местоимение, так как может получать местоименные суффиксы (3 л. -in, -tin). Бойцова предполагает, что исконно это было указательное местоимение, однако его можно как будто сравнить и с несколькими самостоятельными существительными, как, например:

а) Слова со значением «человек»: у нанайцев и корейцев *paɨ*¹, у маньчжуров *paɨma* (*piyaɨma*).

б) Названия южных племен (нанайских) *Naɨaɨ*, *Naɨi*.

в) Монгольская местоименно-наречная основа: *pa-*, которая чаще всего выступает с суффиксом -*ya* или -*i*, то есть в форме *paɨa-* или *paɨ-* и в разных сокращенных вариантах; о ней мы уже писали в 1936 году²; впрочем, ее происхождение еще нельзя считать достаточно выясненным.

Объединение всех этих слов в одну группу составляет, конечно, известные трудности, прежде всего фонетического характера, однако они не являются непреодолимыми. Об утрате долготы речь шла уже выше, что же касается палатализации, которую мы наблюдаем в данном и некоторых других (*poaɨi*) случаях, то она представляет собой, по мнению Г. И. Рамстедта, явление, довольно распространенное в алтайских языках, особенно в тунгусских. Здесь достаточно привести несколько примеров: тунг. *angani*, *aɨani*, *anɨani*, ульч. *aɨani*, маньч. *aɨa* (*aniya*) «год», тунг. *bɛga*, *bɛha*, ульч. *ba*, *be*, маньч. *ba* (*biya*) «месяц». Северные несмягченные формы противопоставляются здесь южным смягчениям, что в данном случае важно.

¹ G. I. Ramstedt, Die Palatalisation in den altaischen Sprachen, AASF, XXVII, 1932, стр. 239—251.

² Kotwicz, Les pronoms, стр. 33, 42—43, 47—48.

Монгольское вопросительное местоимение *ali*

Монгольское вопросительное местоимение *ali* также не имеет связи со всей системой алтайских вопросительных местоимений. О его происхождении трудно сказать что-либо определенное, поэтому в своем исследовании о местоимениях мы вынуждены были ограничиться критикой гипотез Г. И. Рамstedта и П. Шмидта. А между тем это очень распространенное местоимение, часто употребляющееся не только в монгольском литературном языке, но и в диалектах. Оно выполняет основную функцию местоимения «какой? который?», а иногда выступает также в роли наречия места «где?», получая в этом случае окончания так называемых пространственных падежей. Кроме них, оно может иметь также следующие суффиксы:

а) суффиксы склонения: монг. *alidani*, калм. *äldä* «где?», *äläsə*, *äldäsə* «откуда?»; *älärän*, *äldärän* «куда? до каких пор?», *äldägüg* «где? каким путем?»¹;

б) суффикс принадлежности: монг. *ali-ki*, *alin*, калм. *älkä*, *alkü*, ордос. *alin* «который из них?»;

в) суффикс сравнительной степени: *alixan*, а также удвоенную форму *ab ali*;

г) суффикс обобщительный: *aliba*, *alibag* «каждый, разный»;

д) частицы и особые обобщающие слова: *äli bögesü*, *ali bökü*, *alin ču* «какой бы то ни было»;

е) суффикс *-mad*: *alimad*; это слово отметил в своем словаре Ковалевский (I, 77), а вслед за ним и К. Голстунский (I, 33—34);

ж) суффикс *-bis*: *alibis*; его зарегистрировал Голстунский.

В этих словах представлены два не встречающихся где-либо еще суффикса — *-mad* и *-bis*, которые, насколько можно судить по их значению («какой бы то ни было»), тоже, по-видимому, были элементами обобщающими. Каково же их происхождение?

¹ Котвич, Опыт², стр. 323, 336—340.

Суффикс *-bis* представляет собой, вероятно, видоизменение довольно редко встречающейся в ойратском литературном языке частицы *bese*. Она принята во внимание в грамматиках калмыцкого языка Попова¹ и Бобровникова²; встречается она и в письмах ойратского хана Геванг-Рабтана (издание Н. Веселовского и А. Позднеева). Что же касается ее происхождения, то здесь можно предложить две гипотезы: это либо еще один вариант неопределенного местоимения *busu* с вариантами *buši* и *biši*, этимология которого загадочна, либо другая форма окончания условного наклонения *-basu* ~ *-besü*, которая могла широко выступать с каким-нибудь вспомогательным глаголом *abasu* или *bögesü*, а затем стать как бы независимой частицей *bese* или энклитикой *-bis*. Полагаем, что обе возможности допустимы как с фонетической, так и с семантической точек зрения, правда, вторая представляется нам более достоверной.

Элемент *-mad* с тем значением, которое он имеет в слове *alimad*, можно встретить только в тунгусских языках, так как им известен суффикс (*-mäti* ~ *-mēti* ~ *-mōti*), выступающий в отрицательных предложениях со значением разрешения, позволения или даже усиления: «даже, ни»³. Поэтому монг. *alimad* могло бы иметь значение «даже какой-либо, никакой».

Факт существования местоимения *ali* в соединении с тунгусским суффиксом заставляет нас снова вернуться к вопросу о происхождении этого местоимения, тем более что предшествующие исследователи все время искали разрешения его именно на основе тунгусских языков. Уже А. Кастрен записал в языке нерчинских тунгусов слово *ali* «когда?» (а рядом с ним *tāli* «тогда, в то время»), которое он сам или Шифнер сравнивал с бурятским словом *ali* «где?»⁴. Тем же путем пошел позже Шмидт в отношении ороч. (уд.) *ale* и *alida* «когда?»⁵. Для всех этих слов

¹ Попов, стр. 100 (§ 112), 188 (§ 220).

² Бобровников, стр. 80 (§ 148).

³ Василевич, Очерк, стр. 60, 91, 186.

⁴ Castrén-Schiefner, стр. 71.

⁵ P. Schmidt, The language of the Oroches, AUL, XVII, 1927, стр. 24. оттиска.

мы должны принять корень а- (<тюрк. qa-) и суффикс пролатива -li. Этот падеж обычно отвечает на вопрос «когда? каким путем?», но иногда также «как долго?»¹. Если бы монгольское ali было идентично тунгусскому ali, можно было бы на основании этого заключить, что данное слово имело у тунгусов временное значение, а у монголов — значение места. Однако такому отождествлению мешает серьезное препятствие, на которое мы и обратили внимание в своей работе: тюркскому qa- соответствует на монгольской почве и в некоторых тунгусских языках (например, гольдском) форма qa-. В связи с этим в монгольском следовало бы ожидать форму *qali-, а не ali. Кроме того, надо помнить, что до сих пор в монгольских языках открыто ничтожное число заимствований из тунгусского — наоборот, всем известны многочисленные тунгусские заимствования из монгольского. Следовательно, на протяжении многих лет существовали языковые связи между монголами и тунгусами, а возможно, и между теми племенами, в языке которых тюркское начальное q- совершенно утрачивалось; от них-то рассматриваемое слово могло перейти в виде ali, а затем получить более широкую сферу употребления, чем на своей исконной почве. Правда, это только предположение, в пользу которого говорит тунгусский суффикс -mad.

Следует, наконец, добавить, что в «Сокровенном сказании монголов» выступают еще два слова с суффиксом -li, образованные, впрочем, от монгольских корней: keli (§ 181, 200) и teli (§ 177, 246, 256). Опираясь на китайские глоссы, Козин переводит первое слово как «когда?», а второе в обороте же teli «согласен, достаточно, пусть будет так»². Вероятно, мы имеем в данном случае дело с парой тесно связанных друг с другом слов: «когда?» — «тогда», являющихся параллелями к тунгусским ali и teli с тем же значением. Это могло бы свидетельствовать о каком-то тунгусо-маньчжурском взаимодействии при возникновении данных параллелей.

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 27—38.

² Козин, стр. 613, 615.

Тюркское указательное местоимение bu в монгольском

Тюркское указательное местоимение bu «этот» проникло, как нам кажется, в монгольский язык почти во всех вариантах (bun-||mun-, тупа||тїпа и т. д.) и получило там достаточно широкое распространение. Приведем несколько слов, засвидетельствованных в памятниках и живых языках:

tunda; это слово является, собственно, тюркской формой местного падежа местоимения bu и означает «у этого, в том, при том, здесь», а иногда и «теперь». Оно выступает несколько раз в «Сокровенном сказании монголов» (§ 147, 148, 201), причем значение его не совсем ясно. Издатели «Сказания» Хениш и Козин переводят это слово «наоборот, но, скорее, однако»¹, а tunda... (в противительных оборотах) — «не только... но и». Однако контекст допускает значение, более близкое к тюркскому «теперь здесь», «здесь... здесь», «то...то». В § 201 «Сказания» трижды выступает edüge «теперь» и один раз tunda; можно поэтому считать, что оба слова имеют одно и то же значение.

В языке моголов Афганистана² встречается слово tunda, которое, употребляясь вместе с ende, означает «здесь» (то есть совершенно то же самое, что и в тюркских языках) и является противопоставлением к слову tende «там». От tunda образован исходный падеж tundāsa. Кроме этих форм, там встречается еще направительный падеж tунattu «тут».

топо хоуїна; этот оборот часто выступает в «Сокровенном сказании». Хениш и Козин переводят его как «в будущем»³. Однако этот перевод неточен — как раз слова топо он не учитывает. Нет никакого сомнения в том, что топо соответствует тюрк. тупа и что топо хоуїна следовало бы поэтому переводить более точно как «теперь и в будущем»;

туп, тїп; это слово имеет достаточно богатую систему значений: «тот же, сам, именно» и даже «(он) именно

¹ Haenisch, стр. 112; Козин, стр. 610.

² G. I. Ramstedt, *Mogholica*, JSFOu, XXIII, 1906, стр. 2, 34.

³ Haenisch, стр. 110; Козин, стр. 609.

есть». В «Сокровенном сказании монголов» и в близких ему памятниках 'phags-ра оно встречается в единственном и множественном числе: *тun*, *тunд* с гласным *u*. Вероятно, оно имеет непосредственную связь с тюрк. *bu* (*bun*). Вопрос несколько осложняется в связи с тем, что литературный язык и диалекты используют форму с гласным *ö*, то есть с широким гласным переднего ряда (*mön*), а иногда также с узким гласным *i* (калм. *тin*); однако эти варианты тоже имели разнообразные значения. По-видимому, тут произошла известная эволюция — возможно, под влиянием изменений, которым местоимение *bu* подверглось на тюркской почве: *bun*-||*mun*-||*mün*-.

В «Сокровенном сказании монголов» (§ 210) встречается предложение *ke'üdi šigtalun mene metü yekin eyin duṅṅodumu* «для чего именно так кричать, устрашая юношей?» Имеющееся в этом предложении слово *mene* Козин переводит в своих словарях как «вот, сразу, вот столько»¹, однако в общем переводе текста опускает его. Кроме указанного памятника, это слово нигде больше не встречается; впрочем, можно полагать, что оно тоже имеет связь с тюрк. *bu*, *тun*- и имеет значение «именно, собственно» и т. п.;

busu «нет, не этот, другой». В этой форме слово выступает уже в «Сокровенном сказании монголов», однако наряду с *busu* в памятниках XIII и XIV веков встречается еще *buši*. В словаре «Мукаддима́т аль-адаб» и более поздних литературных текстах мы находим также форму *biši* (часто в сочетании с вопросительной частицей *biši-u*, *bišiю* «не этот ли? не так ли?»). Живые диалекты знают главным образом *biši*, *bišə*, *beše* и разные сокращенные формы *beš*, *bš*, *wš*². До сих пор не выяснено, каким образом возникли все эти варианты. Б. Я. Владимирцов сравнивал их с монгольским словом *buṅ*, диал. *bī* «есть»³, однако вторую часть — *su*, *-ši* — он обошел молчанием. Г. И. Рамstedт же предложил еще менее правдоподобное

¹ Козин, стр. 609.

² Котвич, Опыт², стр. 134, 283, 326; Б. Я. Владимирцов, О тибето-монгольском слове *Li-šiḡi gur — khañ*, ДАН СССР, В., 1926, стр. 28—29.

³ Владимирцов, Сравн. гр., стр. 174.

объяснение — как заимствование из тюрк. *başqa* «отдельный» или из кит. *buši* (pou-che)¹.

В связи с этим мы позволяем себе высказать предположение, что монг. *busu* состоит из двух частей: корня *bu-* и суффикса *-su*², который когда-то выступал в четырех формах *-su ~ -sü, -sī ~ -si*. Следовательно, раньше могло быть два варианта слова: нормальный *busu* и более редкий (в каком-либо диалекте), несколько делабиализованный *busī*. Когда в монгольском языке утратился звук *ī*, *busī* получило форму *busi*, которая с течением времени стала произноситься *buši*. Что же касается формы *biši*, то она возникла в живой речи в результате регрессивной ассимиляции *buši > biši*.

Каким же, однако, могло быть первоначальное значение слова *busu*, а главное, каково происхождение его составных частей? Предварительно можно высказать предположение, что оно тюркского происхождения, а именно: первая часть *bu-* — тюркское указательное местоимение («этот»), вторая *-su* — сокращенная форма тюркского привативного суффикса, имеющего четыре формы: *-süz ~ -siz, -suz ~ -süz*. Поэтому *bu+su* могло означать «кроме этого, не этот».

Правда, такое толкование может вызвать возражения — ведь основой при образовании форм местоимения *bu* является *bun-||mun-*, и, следовательно, в нашем случае следовало бы ожидать форму **bunsuz||*munsuz*. Однако нам известны примеры образования производных непосредственно от корня: казах. *buñaj* (наряду с *mundañ*) «так, таким образом», *buñag* «эти»³. Поэтому нельзя отказываться от предположения, что вместе с **bu-n-suz* могла существовать также форма **bu-suz* или даже **bu-su* либо **bu-sī*.

¹ *Mogholica*, стр. 24; *Die Verneinung in den altaischen Sprachen*. MSFOu, LI, 1924, стр. 209—210.

² См. выше, стр. 127—128.

³ Мелиоранский, I, стр. 43.

Притяжательные и предикативные суффиксы местоименного происхождения

В работе, посвященной местоимениям, мы собрали общие сведения о суффиксах притяжательных (присоединяющихся к именам) и личных (выступающих при глаголах). Теперь дополним эти сведения подробным обзором суффиксов.

1. Для истории возникновения и дальнейшего развития именных (притяжательных) и глагольных (личных) суффиксов особо важны данные монгольских языков — они дают возможность восстановить эту историю чуть ли не с самого начала и до конечной стадии, то есть от XIII века до наших дней. Правда, о положении вещей до XIII века нам ничего точно не известно, поскольку монгольская письменность возникла довольно поздно.

В старших памятниках монгольского языка («Сокровенное сказание монголов», тексты, записанные алфавитами уйгурским, 'rhags-ра, арабским, китайским и т. п.) мы не находим еще никаких притяжательных или личных суффиксов, однако уже здесь можно заметить начало их возникновения. Отсутствующие в алтайских языках самостоятельные притяжательные и возвратные местоимения монголы, как и другие алтайские народы, старались возместить родительным падежом личных местоимений, которые они ставили перед определяемым словом; частое употребление подобных форм, по-видимому, навело их на мысль выразить эту категорию понятий так же, как и другие грамматические категории, то есть по аналогии с другими суффиксами или морфологическими частицами, присоединяющимися к концу основы^[27]. В результате произошло перемещение личных местоимений с положения препозитивного в постпозитивное. Одновременно личные местоимения в *casus indefinitus*, первоначально выполнявшие роль подлежащего и стоявшие в начале предложения перед сказуемым, стали помещать по той же причине после сказуемого. Однако от старого порядка слов в предложении при этом не отказались, так что в вышеуказанных памятниках почти на каждом шагу встречаются параллельно обе конструкции.

Что же касается личных местоимений в роли подлежащего, то здесь также можно наблюдать промежуточную стадию между двумя описанными способами, а именно: часто местоимение переносится на новое место в группу морфологических элементов, но одновременно выступает и на старом месте, в соответствии с нормальным порядком членов предложения. В результате такой практики местоимение в одной и той же семантической функции выступает дважды: один раз перед словом, к которому оно относится, а другой раз — после него.

Подобная система, засвидетельствованная уже в XIII веке, была усвоена монгольским литературным языком и дожила до сегодняшнего дня, несмотря на все преобразования, которым в течение веков подвергся литературный язык. Поэтому до образования местоименных (лично-притяжательных) суффиксов дело так и не дошло.

Из трудного положения, создавшегося в связи с отсутствием возвратных местоимений, монголы вышли, используя особую частицу *ban* ~ *ben*, *yan* ~ *yen* (*iyen* ~ *iyen*), а иногда *yan* ~ *gen* (-'an ~ -'en), которая присоединяется к концу слова. Она восходит, вероятно, к слову *beue* «человек, тело, сам», широко распространенному в алтайских языках. Маньчжурский язык употребляет его в качестве замены родительного падежа, именно в роли возвратного местоимения «свой», совершенно так же, как он употребляет личные местоимения вместо притяжательных. Подобным же образом могли поступать и монголы: *beue* в родительном падеже со значением «свой, собственный» они сначала употребляли перед определяемым словом, а затем после него. С течением времени *beue* могло более тесно слиться с определяемым словом, подвергнуться вследствие этого сокращению и стать настоящей частицей, настолько самостоятельной, чтобы не подчиниться влиянию гармонии гласных. Во всяком случае, именно такое состояние этой частицы засвидетельствовано в памятниках XIII века, в литературном же языке она сохранилась до сих пор.

Вообще следует заметить, что литературный монгольский язык вплоть до сегодняшнего дня хранит связанные с очень отдаленным прошлым реликты данного явления, а также многих других. Впрочем, это явление затронуло

не всю письменную монгольскую литературу; в некоторые памятники проникали характерные для живого языка изменения. К таким произведениям следует отнести, например, памятники письменности ойратов (середина XVII века), повести о Гесер-хане, изданные в Пекине в первой четверти XVIII века, монгольские тексты, изданные в конце того же века в маньчжурской транскрипции. Они представляют как бы новый период развития монгольского языка, зарегистрированный самими монголами. На основе этих памятников можно установить ряд новых явлений в системе интересующих нас суффиксов, например появление суффикса 3 лица *-ni*, преобразование возвратной частицы в суффикс, общую тенденцию ойратского языка к образованию большой группы суффиксов местоименного происхождения.

Что же касается третьего, современного периода, о котором мы имеем возможность говорить с уверенностью, то на основании данных различных современных диалектов мы можем заметить значительную эволюцию в группе притяжательных и личных местоимений, однако этот процесс еще не завершён окончательно. О завершении его можно говорить только в отношении диалектов бурятского и калмыцкого языков, зато в других диалектах он находится еще на предварительных стадиях. В отдельных диалектах можно найти хронологически различные фазы, представленные литературными памятниками разных эпох.

На всей территории распространения языка на месте старой частицы *ben*, *uеп* уже окончательно выработался притяжательно-возвратный суффикс. Он имеет формы: *-āp~ -ēп* (калм., ордос.), *-ā~ -e* (то есть с утратой конечного *-п*, бурят., халх., даг.) или *-Ga*, *-ya* (после долгих гласных).

Точно так же всюду уже сформировался притяжательный суффикс 3 лица: *-ni*, *-ñə*, *-ñ*, *-in*.

Однако для других лиц притяжательных суффиксов в большинстве диалектов еще нет; исключение составляют бурятский и калмыцкий языки. Личные местоимения, занимая с давних пор место после других суффиксов, утратили гласный (в конце или в середине слова) и, превратившись из двусложных в односложные, соединяются со

словом более тесно, однако они еще не подчиняются гармонии гласных. Н. К. Дмитриев называет подобные образования в тюркских языках полусуффиксами, признавая, однако, что удачнее было бы называть их суффиксами второй категории¹. Наконец, А. Мостерт называет их, пожалуй, удачнее всех — энклитиками². Такими энклитиками являются *miŋ, čin, maŋ, taŋ* или *mni, čni, mnā, tnā*^[22].

В образовании особых глагольных суффиксов монгольские диалекты, за исключением бурятского и калмыцкого, не проявляют какого-либо движения вперед. Если в «Сокровенном сказании монголов» личные местоимения, обозначающие деятеля (подлежащее) при глагольных (предикативных) формах, уже выступают после этих форм, то во многих современных диалектах нельзя отметить даже этого; его явное присутствие заметно только в дагурском языке. Некоторые исследователи даже считают, что в дагурском языке существует изменение глагола по лицам, как в калмыцком и бурятском, однако приведенные ими примеры не подтверждают их слов. В этих примерах мы имеем дело не с суффиксами, а с самостоятельными личными местоимениями, которые действительно выступают после глагольных форм, но не подверглись никаким иным преобразованиям — они не утратили даже своей долготы (*bā, t'ā*).

Для иллюстрации современного состояния монгольских притяжательных и личных суффиксов приведем их свод

Именные притяжательные суффиксы

	Бурят.	Калм.	Даг.
Ед. ч.	1 <i>mni, -m (-ni)</i>	<i>-m</i>	<i>-niŋ (-mŋi)</i>
	2 <i>-šni, -š</i>	<i>-čŋ</i>	<i>-šif (-šŋi)</i>
	3 <i>-ŋ, -iŋ</i>	<i>-ŋə, -ŋ</i>	<i>-iŋ</i>
Мн. ч.	1 <i>-mnaŋ, -paŋ</i>	<i>-mdŋ (-mŋ)</i>	<i>-māŋ</i>
	2 <i>-tnaŋ</i>	<i>-tŋ</i>	<i>-t'āŋ</i>
	3 <i>-ŋ, -iŋ</i>	<i>-ŋə -ŋ</i>	<i>-iŋ</i>

¹ Дмитриев, Строй, стр. 28; Гр. кумык., стр. 53.

² *Textes oraux ordos*, Peip'ing, 1937, стр. XL.

Глагольные личные суффиксы

Ед. ч.	1	-b, -m	-b, -w	-b'i
	2	-š	-č	-ši
	3	—	—	—
Мн. ч.	1	-bdi, -mdi	-bdŋ (-wdŋ, -dŋ) -mdŋ, -mŋŋ)	-bā
	2	-t, -tā	-t	-t'ā
	3	—	—	—

Все эти суффиксы и энклитики присоединяются к концу слова, то есть после падежных и временных окончаний. Это, должно быть, свидетельствует об их позднем возникновении, — вероятно, они образовались позднее других категорий суффиксов¹.

Лично-притяжательные и возвратно-притяжательные суффиксы могут присоединяться к любому существительному или к выполняющему его роль слову из другой части речи, даже наречию, в тех случаях, когда оно имеет соответствующие признаки существительного. Особого внимания заслуживает употребление этих суффиксов в глагольных формах; к ним относятся прежде всего причастия, когда они выступают в функции подлежащего или обстоятельства (но не определения) и имеют падежные окончания. Суффиксами обладают также деепричастия, если они образовались от причастий². В «Сокровенном сказании монголов» имеются примеры употребления местоимений *inu* или *apu* даже после условного деепричастия (на *-'asu* ~ *-'esü*, *-basu* ~ *-besü*): *ükü 'esü inu* «если он умрет» (§ 24).

Личные суффиксы (предикативные) появляются в бурятском и калмыкском языках при формах изъявительного наклонения, а также причастиях, если они употреблены в качестве сказуемого. Бурятский язык пошел в этом смысле еще дальше. Так, если сказуемым является существительное или подобная ему часть речи, то вспомогательный глагол (связка) обычно опускается, а суффикс лица присоединяется к данному существительному; в результате

¹ См. выше, стр. 161—162, и J. Deny, *Langues turques, langues mongoles et langues tongouzes*; *Les langues du monde*, Paris, 1924, стр. 226.

² См. ниже, стр. 231, 232, 234—236.

существительное может иметь суффиксы разных лиц: хип ($<xип + b$) «я являюсь человеком», хипъ «ты являешься человеком» и т. д. А. Д. Руднев, отметивший это явление в хори-бурятском говоре, назвал его спряжением существительных¹. В действительности же мы имеем здесь дело с употреблением суффиксов лица в предикативном значении; аналогично, но в значительно более широких масштабах употребляются личные суффиксы в тюркских языках².

Суммируя наши выводы, считаем необходимым отметить, что в монгольском языке притяжательные и личные суффиксы восходят к местоимениям. Первые развились из форм родительного падежа личных местоимений и как бы замещают определения; вторые представляют собой неопределенный падеж (*casus indefinitus*) тех же местоимений и выступают в роли подлежащего.

2. Исследование происхождения притяжательных и личных суффиксов в тюркских языках по сравнению с монгольскими более затруднено. Правда, памятники тюркского языка восходят к VII—VIII векам, а затем идут непрерывной цепью вплоть до настоящего времени; уже в самых древних из них мы находим рассматриваемые суффиксы во вполне развитом состоянии, причем со временем они подверглись весьма незначительным преобразованиям. Поэтому и хронологические и диалектологические исследования могут открыть нам лишь небольшое количество частных подробностей, в целом же решение проблемы лежит за пределами досягаемого.

Разумеется, многие вопросы поможет решить исследование развития монгольских суффиксов, однако следует помнить, что система тюркских суффиксов развилась независимо от монгольских и сформировалась уже тогда, когда монгольские языки, как нам представляется, только начали ее создавать. При этом заслуживает внимания то, что монгольская система начала создаваться с суффиксов возвратно-притяжательных, которых тюркские языки вообще не знали. Отсутствие их составляет одну из главных особенностей тюркских языков, которая отличает

¹ А. Д. Руднев, Хори-бурятский говор, Пгр., 1913—1914, стр. XXXVII, XL, LXXXIV—LXXXV.

² J. Deny, Les langues du monde, стр. 226.

их от других алтайских языков; впрочем, теперь мы уже не можем указать причины этого явления. Тюрки пользуются до сих пор самостоятельным словом *öz* «сам», в монгольском тоже имеется родственное слово: *öbег*, *öбег-«сам»*, что не помешало монголам создать еще отдельный суффикс от другого корня, который они употребляют параллельно со словом *öбег*, подобно тому как употребляют наряду с личными местоимениями особые суффиксы в значении притяжательных местоимений. Тюрки ограничились более простым способом выражения возвратной принадлежности («свой, себе» и т. д.).

Зато в тюркских языках имеется полный комплекс именных, лично-притяжательных и глагольных личных суффиксов. На монгольской почве такая картина наблюдается, как мы уже видели, только в некоторых языках, а именно в бурятском и калмыкском. Эти суффиксы тоже восходят к личным местоимениям и, вероятно, возникли в результате того, что, присоединяясь к концу слов, были затем отнесены к группе суффиксов. Следует, однако, обратить внимание на то, что, находясь на конце слова, как в монгольских языках, они тем не менее стоят перед падежными суффиксами, хотя и после суффиксов множественного числа. Такая очередность может указать на относительную хронологию тех и других суффиксов, а именно на то, что категории числа и личной принадлежности стали выражаться посредством суффиксов раньше, чем категория падежа. Однако здесь могли сыграть роль и другие причины, о которых в настоящее время мы еще не можем составить себе полного представления ввиду отсутствия соответствующих данных.

Лично-притяжательные суффиксы выступают прежде всего при существительных и других аналогичных частях речи, а следовательно, при формах глагольных, но с чертами именных частей речи. И наоборот, личные (глагольные) суффиксы соединяются прежде всего с глагольными формами, но могут сочетаться и с именами, когда они выступают в роли сказуемого; подобное явление можно наблюдать и на монгольской почве, а именно в бурятском языке ^[29].

Следует, однако, обратить внимание на одну важную особенность: тюркские лично-спрягаемые суффиксы не

употребляются при трех формах — категорического перфекта (на *-tī~ti*, *-dī~di*), условного наклонения (на *-sa~sā*) и 1 лица желательного наклонения (на *-yī~yi*). Эти формы имеют специальные суффиксы; поэтому в алтайском спряжении мы находим две группы суффиксов. Для иллюстрации дадим ниже все три тюркские группы суффиксов местоименного происхождения — одну именную и две глагольных.

Именные лично-притяжательные суффиксы (I)

	Тур.	Кумык.	Кирг.	Казах.
Ед. ч.	1 -m	-m	-m	-m
	2 -n	-n	-n	-n
	3 -ī, -sī	-ī, -sī	-ī, -sī	-ī, -sī
Мн. ч.	1 -miz	-biz	-biz	-miz
	2 -niz	-niz	{ -niz -nar	-niz
	3 -larī	-ī, -sī	-ī, -sī	-ī, -sī

Глагольные лично-предикативные суффиксы

а) специальные (II; перфект и условное наклонение)

	Тур.	Кумык.	Кирг.	Казах.
Ед. ч.	1 -m	-m	-m	-m
	2 -n	-n	-n	-n
	3 —	—	—	—
Мн. ч.	1 -q	-q	-q	-q
	2 -niz	-yiz	{ -yiz, -yizdar -nar	{ -niz -ndar
	3 —	—	(-s ¹)	—

б) исконные (III; другие времена)

	Тур.	Кумык.	Кирг.	Казах.
Ед. ч.	1 -m	-man	-mın	-mın
	2 -sın	-san	-sın	-sın
	3 -tır	—	(-t, -tır)	(-tı, -tır)
Мн. ч.	1 -z	-biz	-biz	-miz
	2 -sınız	-siz	{ -siz, -sizdar -sınar	-siz
	3 (-tırar)	—	(-s ¹)	(-tı)

¹ Об этом суффиксе множественного числа, который присоединяется непосредственно к основе и после которого иногда может встречаться элемент t (< связка *tır*), см. ниже, стр. 207.

Происхождение всех этих групп суффиксов от местоимений не подлежит сомнению, однако не совсем выясненным остается вопрос, действительно ли именные суффиксы (I группа) развились из родительного падежа, а исконно глагольные (III группа) — из *casus indefinitus*, как это совершенно отчетливо выявляется в монгольских языках¹⁹⁰. О происхождении первых именно из родительного падежа говорит то обстоятельство, что суффикс I л. ед. ч. имеет во всех диалектах форму *-m*, между тем как в некоторых областях (в южных языках) личные местоимения имеют в *casus indefinitus* в начале *b* (*bän*), который только в родительном падеже заменяется звуком *m*. С другой стороны, кажется чуть ли не бесспорным, что исконно глагольные суффиксы (III группа) имеют непосредственную связь с *casus indefinitus*, так как количество сходных явлений здесь уже значительно больше и употребление для этой цели *casus indefinitus* личных местоимений более естественно; об этом же свидетельствуют и монгольские языки.

Менее всего ясно происхождение II группы. Эта группа стоит ближе к I, чем к III, и поэтому некоторые тюркологи, например Н. К. Дмитриев, считают ее группой притяжательных суффиксов, однако это мнение противоречит истинному положению вещей: II группа не выражает никаких отношений притяжательности, а, наоборот, имеет явно предикативный характер и означает только лицо, как и III группа¹²¹. Что же касается ее происхождения, то, несомненно, имеются основания для сближения ее с I группой, хотя и здесь дело обстоит не так-то просто.

Трудность разрешения вопроса происхождения этих групп суффиксов заключается главным образом в том, что в них присутствуют элементы, не имеющие, по-видимому, ничего общего с личными местоимениями¹. К числу таких элементов относятся суффиксы 2 л. ед. ч. *-ŋ* и мн. ч. *-ŋiz*, *-ŋag*, *-yaŋ*. Происхождение их до сих пор остается загадочным, тюркологи не смогли предложить здесь ни одной более или менее правдоподобной гипотезы¹²². Суффикс *-ŋ* был известен уже языку тюркских надписей VIII века и, насколько можно по ним судить, имел первоначально

¹ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 108—109.

форму -ү; возможно, это -ү входит в состав суффикса 2 л. мн. ч. -үйз. Между тем суффикса -q среди лично-притяжательных суффиксов в языке орхонских надписей мы еще не находим; вместо него там выступает местоименный суффикс -miz. Тот же элемент знают различные сибирские диалекты, а также другие, ближайšie к ним. Можно, следовательно, предполагать, что появление -q в группе рассматриваемых суффиксов представляет собой более позднее явление. Вероятно, он возник, как об этом уже писал П. Мелиоранский, в другой среде и только с течением времени вошел в состав II группы в большинстве тюркских языков. Такой средой могли быть формы желательного наклонения, среди которых признаком I л. мн. ч. служит -q. О связях -q с соответствующими тунгусо-маньчжурскими элементами речь будет ниже¹ (25). Включение -q во II группу суффиксов еще более отдалило его от лично-притяжательных местоимений, и единственной общей чертой обеих групп остался только суффикс I л. ед. ч. -m. Следовательно, эту группу суффиксов можно с большими оговорками назвать местоименной.

Каково бы ни было происхождение суффиксов II группы, теперь они представляют собой только формант отдельных лиц спряжения. В этой роли они выступают наряду с правильными личными суффиксами, восходящими к casus indefinitus личных местоимений (III группа). Однако сфера употребления тех и других точно разграничена. Формы, с которыми соединяются суффиксы II группы (прошедшее категорическое на -ti~ -ti, -di~ -di, условное наклонение на -sa~ -sä и отчасти желательное наклонение на -yï~ -yi, -i), принадлежат к числу самых простых глагольных форм, и тюркологи охотно считали бы их глагольными *par excellence*, прежде всего в качестве *verba finita*, если бы они принадлежали к одной категории и если бы можно было достаточно понятно объяснить употребление при них, как бы в виде исключения, специальных суффиксов; между тем мы имеем здесь два *verba finita* (-di~ -di и -yï~ -yi) и деепричастие (-sa~ -sä). Разрешить эти трудности тюркологам до сих пор не удалось, о чем еще в 1939 году писал Н. К. Дмитриев².

¹ См. стр. 265—267.

² Дмитриев, Строй, стр. 39.

Чаще всего они предполагают, что форма на $-d\ddot{i}\sim-di$ восходит к отглагольному существительному на $-t$ (П. Мелиоранский и К. Брокельман), однако их гипотеза в целом, как мы постараемся показать это ниже, опирается на ряд очень ненадежных домыслов; вероятно, мы подойдем ближе к правде, если припишем, как и Дени, форме на $-t\ddot{i}\sim-ti$, $-d\ddot{i}\sim-di$ глагольное (или, может быть, глагольно-именное, то есть причастное) происхождение и даже поставим в один ряд формы на $-t$, $-t\ddot{i}\sim-ti$, $-d\ddot{i}\sim-di$, $-d\ddot{i}q\sim-dik$ ¹ [24]. Что же касается условного наклонения на $-sa\sim-s\ddot{a}$, то тюркологи до сих пор не сумели установить, имел ли этот суффикс первоначально какой-нибудь другой характер, который сближал бы его с формами на $-t\ddot{i}\sim-ti$, $-d\ddot{i}\sim-di$ и $-y\ddot{i}\sim-yi$. В другом месте настоящей работы мы пытались сопоставить тюркское условное наклонение на $-sa\sim-s\ddot{a}$ с монгольским желательным наклонением на $-yasaj\sim-gesej$ (похожим на тюрк. $-y\ddot{i}\sim-yi$); если это предположение выдержит испытание, то окажется, что и тюркское условное наклонение представляло собой *verbum finitum*, то есть принадлежало к той же категории, что и форма на $-t\ddot{i}\sim-ti$, $-d\ddot{i}\sim-di$ ². Именно при этих условиях могла возникнуть тенденция к выделению вышеупомянутых форм *verbum finitum* из общего комплекса глагольных форм в результате присоединения к ним особых суффиксов, которые постепенно видоизменили свой первоначальный фонетический и семантический характер.

В данной связи можно добавить, что в киргизском языке те же специальные суффиксы получает слово *ele*, используемое при образовании различных сложных форм²; происхождение его до сих пор не выяснено. Оно является, как мы увидим ниже, формой прошедшего времени, образованной от вспомогательного глагола \ddot{a} -, $\ddot{a}g$ - при помощи монгольского суффикса $-la\sim-l\ddot{a}u$, следовательно, к формам на $-t\ddot{i}\sim-ti$, $-d\ddot{i}\sim-di$ может приравниваться и $-sa\sim-s\ddot{a}$.

Глагольные личные суффиксы получили в тюркских языках широкое распространение, с одной стороны, благодаря тому, что преобладающее большинство тюркских спрягаемых форм происходит от причастий, а с другой —

¹ См. ниже, в разделе, посвященном формам причастий.

² Батманов, Грамматика, III, стр. 65—66. См. ниже, стр. 270—283.

потому что для выражения именного сказуемого (а значит, и сказуемого, выраженного причастием) употребляется не глагол-связка, а именно суффиксы вышеуказанного типа, которым и было поэтому уже издавна дано название предикативных, то есть сказуемых¹.

В киргизском языке и некоторых говорах Восточного Туркестана выработалась группа суффиксов со значением вежливости. Обычно для 2 л. мн. ч. употребляется один суффикс, который иногда обозначает только одно лицо, внушающее говорящему особое уважение. В Туркестане есть даже три формы вежливости, из которых одна имеет как бы нормальное значение, то есть относится к нескольким лицам, стоящим на том же уровне, что и говорящий, или ниже; другая обозначает одно лицо, стоящее в обществе выше говорящего, третья — несколько таких лиц.

В киргизском языке для этого служат:

в первом случае	суффиксы	-ŋar, -sīŋar
во втором	—	-ŋīz, -sīz
в третьем	—	-ŋīzdar, -sīzdar

3. Исследование вопроса о происхождении тунгусских местоименных суффиксов наталкивается на еще большие трудности, так как никакой исторической точки опоры мы здесь не находим. Поэтому мы должны пользоваться данными современных языков; здесь мы найдем широко развитую систему, охватывающую все категории суффиксов: возвратно-притяжательных, лично-притяжательных и глагольно-личных. Выступают они во всех диалектах, как в северных, так и в южных, за исключением только маньчжурского языка, который не имеет никаких местоименных суффиксов.

Основная форма возвратно-притяжательного суффикса -w'i, -m'i, -b'i, но в зависимости от исхода основы в разных диалектах выработались достаточно многочисленные и иногда значительно отличающиеся друг от друга варианты. При этом специального внимания заслуживает то обстоятельство, что данный суффикс имеет форму множественного числа, которая употребляется в случае, если речь идет о нескольких лицах. Нижеследующая таблица иллюстрирует положение вещей в разных диалектах¹:

¹ Бойцова, стр. 125—137; Василевич, Очерк, стр. 32.

Исход основы	тунг.	лам.	негид.	уд.	нан.
--------------	-------	------	--------	-----	------

Единственное число

Гласные, звонкие согласные	-w'i, -y'i	-i, -i	-y'i, -w'i	-i	-i
Глухие согласные	-w'i, -k'i, -p'i	-i	-y'i, -k'i, -p'i		
п, ʧ, м	-m'i, -ŋ'i	-i, -mi	-m'i, -ŋi	-m'i ²	bi ²
г	-wi, -b'i	-bi	-bi	-bi	-bi

(*после -п)

Множественное число

Гласные	-war	-wur, -ur	-wai	-fej	-ri
Глухие согласные	-kar, -par	-ur	-kai, -pai, -yai	-f'i	
п, ʧ, м	-mar, -ɟar	-mur, -ur	-mai, -(n)ai	-i'i	-beri (после -n)
г	-war, -bar	-bur	-bai	-f'i	-beri

Приведенным выше основным вариантам суффикса -w'i, -m'i, -b'i во множественном числе теперь соответствуют -war, -mar, -bar.

Последние варианты были, вероятно, когда-то образованы от -wap, -map, -bap, но с течением времени, по-видимому, утратили конечное п, а гласный а подвергся редукции и в единственном числе был заменен гласным i.

Каким образом мог возникнуть этот суффикс? По внешней форме он очень напоминает монгольский возвратный суффикс в том виде, в котором он встречается в «Сокровенном сказании монголов» и в литературном языке. Поэтому можно предполагать, что оба суффикса — монгольский и тунгусский — возникли из одного и того же источника, то есть произошли от монгольско-тунгусского существительного beye «человек, тело, сам»¹³⁷.

Однако в тунгусских языках существует особое определенное местоимение mǎn (лам. man, mantuk, нан. mene)

«сам, собственный», которое соответствует вышеприведенным местоимениям монг. *öbег* и тюрк. *öz*. Два последних местоимения, несомненно, близкородственные, однако они не имеют ничего общего с тунгусским *māp*. А. Ф. Бойцова, подробно рассмотрев вопрос о происхождении *māp*, пришла к выводу, что это местоимение, как и тунгусский возвратный суффикс, развились из одного и того же слова *beue*¹ [38]. Вероятно, она не ошиблась, тем более что при современном состоянии исследований мы не имеем возможности предложить какую-либо другую гипотезу. Впрочем, нам кажется, что в будущем следует принять во внимание еще монгольское определительное местоимение *mōp* (калм. *mip*), которое выступает иногда в роли прилагательного («тот самый, вышеупомянутый»), иногда в значении наречия («действительно, также»), а иногда и в роли связки с оттенком подтверждения («действительно есть, именно»).

Как мы уже видели, в монгольских и, вероятно, также в тюркских языках притяжательные суффиксы возникли из форм родительного падежа, а личные суффиксы — из форм *casus indefinitus*. Форма тунгусских суффиксов, особенно суффиксов 1 и 2 л. мн. ч., заставляет предполагать, что то же самое происходило и на почве тюркских языков. Для иллюстрации приведем в трех сравнительных таблицах свод тунгусских суффиксов.

Именные лично-притяжательные суффиксы

1 л. ед. ч.

	тунг.	лам.	негид.	уд.	нан.
После гласных	-w, -f, -m	-u, -w	-w	-i	-i(j)
После согласных	-[i]-w	-u	-[i]-w	-i	-bi
После -п	-mi, -m	-u, -mi	-m	-mi	-bi

2 л. ед. ч.

После гласных	-s, -š, -ndi	-s, -š	-s	-hi	-si
После согласных	-[i]s	-[a]-s,	-[a]-š, -[i]-s	-hi	-si
После -п	-ni, -di	-si	-ši	-hi	-si

¹ Бойцова, стр. 68—72 (§ 16).

3 л. ед. ч.

После гласных	-п	-п	-пип, -п	-пи	-пи
После согласных	-[i]п	-[a]п	-[i]п	-пи	-пи
После -п	-[i]п	-пи	-пип	-пи	-пи

1 л. мн. ч. (инкл.)

После гласных	-t, -p	-t	-t	-fi
После согласных	-[i]t	-[a]t	-[i]t	-fi
После -п	-ti	-ti	-ti	-fi

1 л. мн. ч. (экскл.)

После гласных	-wup	-w(un)	-wup	-u	-pu
После согласных	-wup	-up	-kun, -wup, -pun, -γup	-u	-pu
После -п	-mup	-m(un)	-mun	-mu	-pu

2 л. мн. ч.

После гласных	-sun, -hun	-san	-sun	-hu	-su
После согласных	-sun, -hun	-[a]san	-[u]sun	-hu	-su
После -п	-nun, -dun	-san	-sun	-hu	-su

3 л. мн. ч.

После гласных	-tin	-tan	-tin	-ti	-či
После согласных	-tin	-tan	-tin	-ti	-či
После -п	-tin	-tan	-tin	-ti	či

Глагольные личные суффиксы

а) Удлиненные правильные (формы изъявительного наклонения, кроме аориста и настоящего времени).

	тунг.	лам.	негид.	уд.	нан.
Ед. ч. 1	-w	-w	-w, -m	-mi, -i	-i, -bi
2	-s, -š	-s	-s	-hi	-si, -či
3	-п				
Мн. 1 (инкл.)	-t, -p	-t	-t	-ti, -fi	
1 (экскл.)	-wup	-wup, -un	-wup	-u	-pu
2	-sun, -šun	-san	-sun	-hu	-su
3	-tin				

б) Краткие специальные (аорист и перфект)

Ед. 1	-m	-m	-m, -w
2	-npi (-ndi, -s, -s)	-npi	-s
3	-п		
Мн. 1 (инкл.)	-р	-р	-р -fi
1 (экскл.)	-w		
2	-s		
3	—		

Все вышеприведенные группы тунгусских суффиксов отличаются от монгольских и тюркских групп тем, что имеют для 1 л. мн. ч. по две формы (одну с инклюзивным, а другую с эксклюзивным значением), образованные от соответствующих личных местоимений 1 лица. Как известно, монгольские, а возможно, и тюркские языки тоже различали инклюзивную и эксклюзивную форму местоимения 1 л. мн. ч., но с течением времени сфера их употребления постепенно сужалась. Теперь эти языки не знают отдельных местоименных форм и тем более суффиксов данной категории. В противоположность монгольским и тюркским, в тунгусских языках еще живо понятие эксклюзивности и инклюзивности, о чем свидетельствуют также и группы суффиксов¹²⁹. Эксклюзивные формы хорошо приспособлены к группам суффиксов и должны считаться нормативными. Иначе обстоит дело с инклюзивными формами: в этом случае мы имеем в группе притяжательных суффиксов -t(-ti), а в группе личных -р (уд. -fi); первый суффикс представляет собой, собственно, признак инклюзивности (или также двойственного числа), а второй -р — сокращенную форму местоимения 1 л. ед. ч. bi с последующей утратой звонкости согласного. Такой специфический способ образования обоих суффиксов является, по-видимому, результатом тенденции тунгусских языков к образованию вариантов, четко отличающихся от эксклюзивных суффиксов.

Тунгусская система личных местоимений отличается еще и тем, что именные лично-притяжательные суффиксы выступают также в большинстве спрягаемых форм в роли личных (предикативных) суффиксов. Различия, которые тут можно заметить, почти ничтожны и встречаются лишь кое-где в говорах. Этот факт был, по-видимому, обусловлен

тем, что вышеуказанные формы возникли из причастий, с которыми могли сочетаться все лично-притяжательные суффиксы; быть может, первоначально они и в самом деле имели характер притяжательности и лишь с течением времени стали только личными суффиксами.

Кроме рассмотренной группы, в тунгусских языках, так же как и в тюркских, имеется группа специальных суффиксов, которые сочетаются только с небольшой группой спрягаемых форм, именно с формами аориста или близких к нему времен: настоящего, ближайшего будущего и прошедшего перфективного. Все эти формы *verbum finitum* принадлежат к изъявительному наклонению. В тунгусских языках они также получили специальную группу личных суффиксов, подобно тому как и *verba finita* в тюркских языках. Разница лишь в том, что в тунгусских языках специальными суффиксами охвачены спрягаемые формы с разным значением и что специальные суффиксы развились из *casus indefinitus* личных местоимений, в то время как в тюркских языках они развились скорее из родительного падежа.

Впрочем, здесь не все ясно. Специальный суффикс 2 л. *-ndi*, *-npi* на первый взгляд не имеет ничего общего с личным местоимением того же лица и скорее напоминает соответствующий тюркский суффикс *-d*, однако исследователи последующих лет (А. Кошкин, А. Ф. Бойцова и Г. М. Василевич) единодушно утверждают, что он возник из *n+si*, то есть имеет в своем составе именно местоимение 2 л. *si* и действительно, согласный *s* после различных других согласных часто подвергается ассимиляции, например: *kał+su>kałlu*.

Согласный *s* мог уподобиться предшествующему *-n*, но тогда возникает вопрос, откуда взялся согласный *-n*. Было высказано предположение, что формы аориста, в которых выступают специальные личные суффиксы, содержат в 1 и 2 лице особый формант *-n*, который только в других лицах уступал место суффиксу *-ga*, и что происхождение форманта *-n* то же, что и суффикса деепричастий: тунгусского *-na* и монгольского *-n*. Эту гипотезу не следует отвергать, поскольку другой у нас нет и возникнуть сама по себе она не может. Вопрос мог бы быть решен, если бы удалось установить, что имеется генетическая связь между

элементами -п и -га, выступающими в различных лицах аориста. С этой точки зрения заслуживает внимания тот факт, что, по словам Г. М. Василевич, -га имеет разные варианты, среди которых есть также и -па¹.

Поскольку местоименные суффиксы характерны для всех тунгусских языков, не исключая и южных, можно предположить, что они имелись и в тех диалектах или говорах, на основе которых развился маньчжурский язык, известный нам главным образом в его литературной форме, а также по диалекту племени Сибо в Илийском крае. Однако на этот язык оказали сильное влияние не имеющие местоименных суффиксов монгольские диалекты; они вызвали полное преобразование его морфологии, и в результате в нем не осталось места никаким следам общетунгусских суффиксов.

Подобная же картина наблюдается, как мы уже видели, и на монгольской почве; там тоже выделяются два диалекта; бурятский и калмыцкий, однако в совершенно другом аспекте; в то время как все тунгусские языки пользуются притяжательными и личными суффиксами, маньчжурский язык, являясь в данном случае исключением, совершенно ими не пользуется. В монгольском языке указанные суффиксы не встречаются; исключение составляют только два вышеуказанных языка — бурятский и калмыцкий, — в которых представлены все категории лично-притяжательных суффиксов. В связи с этим возникает вопрос, одинаковы ли были пути разделения данных языковых семей на две совершенно разные в известном смысле группы.

Существует весьма распространенное мнение, что до XIII века монгольские языки совершенно не знали притяжательных суффиксов и что система их развивалась постепенно; калмыцкий и бурятский, как языки пограничные, сталкивавшиеся с тюркскими и монгольскими языками, первыми начали усваивать эту систему, в то время как остальные языки находились еще на пути ее освоения. Между тем маньчжурский язык (так же как и другие южные языки), подпав под иноязычное влияние, утратил ее. В настоящей работе мы учитываем такие взгляды, однако они не решают вопроса о том, в каком состоянии

¹ Василевич, Очерк, стр. 103--104.

находились монгольские языки до того периода, когда в них отсутствовали притяжательные и предикативные суффиксы, то есть было ли это состояние, первичным или вторичным, возникшим так же, как это произошло в маньчжурском. Если принять первое предположение, то монгольские языки, или даже еще прамонгольский, вероятно, с самого начала совершенно явно выделялись из общей массы алтайских языков. Нельзя отвергать и второе предположение: быть может, именно калмыцкий и бурятский языки сохранили первоначальное состояние, которое свидетельствует о связи монгольского языка со всеми алтайскими. Однако, чтобы подтвердить эту мысль, необходимы дополнительные разыскания.

4. Выше мы рассматривали различные группы суффиксов, восходящих почти исключительно к местоимениям 1 и 2 лица обоих чисел. Суффиксы 3 лица играют, естественно, значительно меньшую роль и в некоторых языках вообще отсутствуют. Тем не менее происхождение некоторых из них вызвало много споров, и исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению по данному вопросу.

В монгольских языках положение казалось, пожалуй, наименее сложным. Для обоих чисел здесь есть один суффикс, который в различных диалектах имеет варианты *-ni*, *-ñi*, *-n*, *-ñ*, *-in*, *-in*; все они единодушно признаются реликтовыми формами родительного падежа личного местоимения *ini* (<монг. *inu*).

В тюркских языках наблюдается большее разнообразие суффиксов, причем суффиксы множественного числа иногда отличаются от суффиксов единственного числа: *-i~i*, *-si~si*, *-ları~lari*, *-tir~tir*, *dır~dir*, *-ti~ti*, *-di~di*, *-t*, *-tılar~tilär*. Наибольшее число их представлено в турецком языке, который довольно скрупулезно различает суффиксы обоих чисел.

Суффикс *-ları~lari* «их», значение которого заставляет иногда тюркологов восстанавливать его гипотетическую форму **-larıarı~*lärılari*, представляет собой соединение суффикса множественного числа с притяжательным суффиксом единственного числа *-i*.

Суффикс *-tir~tir* прошел длительный путь развития. Тюркологи выводят его из глагола *tur*- «стоять» и пред-

полагают, что первоначально он имел форму аориста: *tugug*, которая в результате гаплогонии дала *tug* и подчинилась во многих диалектах закону сингармонизма. В казахском и узбекском языках он выступает уже без конечного *g*, в виде *-tī*, а в киргизском, подвергшись дальнейшему сокращению, получил форму *-t¹* ^[49]. Эта интересная эволюция, если считать ее правдоподобной, свидетельствует о том, что первоначально существовало самостоятельное слово-связка, которое с течением времени превратилось в обычный суффикс 3 лица; впрочем, оно не было признано всеми языками. В некоторых глагольных и именных сочетаниях оно выражает значение неуверенности: «кажется, вероятно» ².

Наибольшее распространение получил суффикс *-ī ~-i* (после основ на согласные), *-sī ~-si* (после основ на гласные), однако вопрос его происхождения вызвал много споров. После различных неудачных попыток тюркологов выступили монголоведы (Г. И. Рамstedт, В. Котвич), которые пришли к единому заключению, что в данном случае мы имеем дело с остатками алтайского местоимения 3 лица *i*, а дополнительный элемент *s* представляет собой старый формант множественного числа **-δ > -z > -s*; таким образом, вариант *-sī ~-si*, вероятно, того же происхождения, что и *-laḡī ~-läri*, который имеет в своем составе более поздний формант множественного числа *-laḡ ~-läḡ*.

В 1936 году мы подвергли ³ эту проблему подробному анализу, приняв во внимание новые факты и наблюдения; в результате можно сказать, что вообще гипотеза монголистов не вызвала возражений со стороны тюркологов (Т. Ковальский, А. Габэн); только Н. К. Дмитриев признал вопрос о происхождении суффикса *-sī ~-si* недостаточно выясненным ⁴, хотя и не привел никаких аргументов в пользу этого вывода.

Не менее трудной для разрешения задачей является происхождение тунгусских суффиксов *-n*, *-in*, *-nin* (ед. ч.) и *-tin* (мн. ч.).

¹ Батманов, Грамматика, III, стр. 26.

² Там же, III, стр. 13, 18; II, стр. 34.

³ Kotwicz, Les pronoms, стр. 20—23.

⁴ Дмитриев, Строй, стр. 26.

Принимая во внимание, что маньчжурское местоимение 3 л. ед. ч. имеет форму *i*, а 3 л. мн. ч. —*še*, мы высказали предположение, что в этом языке, вероятно, существовали два указательных местоимения: *i* и **ti*, аналогичные тем, которые встречаются в монгольском и тюркских языках. Мы также предположили, что в тунгусских местоимениях 1 л. мн. ч. *mit*, *miti*, *mut*, *bit*, *biti*, *bitta*, *butta* элемент *-t*, *-ti*, *-ta* является суффиксом множественного числа, который имеет также свои соответствия в тюркских и монгольских языках, дающие возможность возводить его к алтайскому **δ*¹.

А. Ф. Бойцова, стремившаяся выяснить этот вопрос, основываясь на всем тунгусо-маньчжурском материале, принимала во внимание также притяжательные суффиксы 3 л. ед. ч. *-(i)n*, *-n*, *-ni*, *-nip*, и мн. ч. *-ti(n)* и пришла к выводу, что они являются остатками тунгусских местоимений 3 л. *i* (ед. ч.) и *ti* (мн. ч.) и что *ti* идентично не только маньчжурскому *še*, но и тунгусскому *-t*, *-ti*, *-ta* в местоимениях 1 л. мн. ч. (инклюзивных). В подтверждение этого существенного вывода она ссылается на пример некоторых американских языков, в которых, как указывает Вундт, различия в числах выражаются при помощи местоимений 3 лица².

С такими выводами можно согласиться только отчасти. В настоящее время мы располагаем достаточным количеством данных о тунгусских языках, чтобы разрешить интересный вопрос о тунгусских местоимениях 3 лица, не прибегая к аналогии американских языков. Нам кажется, что нет никакого сомнения в былом существовании во всей тунгусской области местоимения 3 лица *i*, но с течением времени на севере его вытеснило местоименно-субстантивное слово *пицап*, которое, вероятно, имело значение «этот человек» и сохранилось только в тунгусском языке. Что же касается суффиксов *-te*, *-ti*, которые выступают на тунгусской почве во множественном числе, то они не имеют ничего общего с местоимением **ti*, на месте которого возникла маньчжурская форма *še*, но тем не менее представляют собой варианты одного суффикса

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 17—18.

² Бойцова, стр. 15—25 (§ 4, 5), 119—123 (§ 23), 166—168 (§ 31).

множественного числа, который развился из *δ, то есть, иначе говоря, -t в mit является тем же элементом, что и -t в -tin. Таким образом, мы можем засвидетельствовать факт, что тунгусский суффикс 3 л. мн. ч. -ti(n) образован так же, как и тюркский суффикс 3 л. ед. ч. -si(n), то есть что тунг. t = тюрк. s¹. Таким, как нам кажется, совершенно естественным образом не только разрешается вопрос о происхождении тунгусского суффикса -tin, но и рождается новый аргумент, подтверждающий гипотезу о не менее загадочном тюркском суффиксе -si(n). Вместе с тем теряет значение предположение А. Ф. Бойцовой, что местоимение *ti было распространено по всей области тунгусских языков.

Суммируя то, что было сказано выше о местоименных суффиксах, мы можем их разделить на две группы: суффиксы посессивные (в том числе личные и возвратные, там, где они существуют) и предикативные (обычные и специальные) и представить случаи их употребления в виде следующей таблицы:

	Посессивные		Предикативные	
	личные и возвратные		обычные	специальные
монг. (калм. бурят.)	а) существительные и т. п. в качестве всех членов пред- ложения, кроме определения и ска- зуемого	а) verba finita	—	—
	б) специальные дее- причастия	б) существи- тельные в качестве сказуемого (бурят.)	—	—
тунг.	а) существительные и прилагательные	—	а) аорист	
	б) деепричастия	—	б) настоящее- будущее	

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 19—23, 26.

Личные тюрк.	а) существительные и т. п. в роли лю- бого члена предло- жения, кроме опре- деления и сказуе- мого	а) существи- тельные и прилага- тельные	а) перфект -dī ~ -di
		б) причастия	б) условное наклоне- ние -sa ~ -sä

Как видим, в разных языках местоименные суффиксы используются по-разному; общий фон свидетельствует о совпадении по существу, однако во многих случаях имеются и значительные расхождения — прежде всего, некоторые группы суффиксов отсутствуют. Языки приспособили суффиксы к своим нуждам в связи с их основным значением, но в разных направлениях и в разном составе.

Склонение

Общие замечания о склонении

1. В алтайском склонении обращает на себя внимание большое количество и известное разнообразие падежей; все они были отмечены исследователями в области разных языков. Тюркологи обычно насчитывают в языках своей группы по шесть падежей и только в некоторых из них увеличивают это число до восьми. В монгольском литературном языке выделяется обычно девять падежей, однако в живых языках — калмыкском и бурятском — мы насчитали по десяти. В маньчжурском только пять падежей; в северотунгусских языках их, вероятно, больше всего.

Правда, Кастрен выделял только восемь падежей, но затем их число достигло четырнадцати в баргузинском языке и до тринадцати или четырнадцати в солонском; Г. М. Василевич и А. Ф. Бойцова насчитывают тринадцать падежей, однако если принять во внимание еще суффиксы склонения,

встречающиеся только в некоторых тунгусских говорах, то это число следует увеличить до семнадцати или восемнадцати.

Нет никакого сомнения, что приведенные здесь результаты исследований о склонении более или менее соответствуют действительности, однако различия во взглядах исследователей на существо падежей породили громоздкие парадигмы склонения. Не выяснено, следует ли относить к числу падежей формы с окончаниями, подвергающимися влиянию гармонии гласных только в некоторых языках (напр., тюрк. -*ġa*), не учтены энклитики и послелогои. В то же время некоторые исследователи рассматривают в качестве форм отдельного падежа формы с окончаниями, в которых слились суффиксы двух падежей.

2. Последние формы имеют связь с так называемым двойным склонением. Оно издавна известно из монгольских грамматик, где выделяются обычно три двойных падежа: дательный — элатив, совместный — творительный, родительный — дательный. В своей грамматике калмыцкого языка мы показали, что этот вопрос гораздо сложнее¹ и что некоторые формы склонения (например, родительный на -*ǎ* <монг. -*aj* и совместный на -*tǎ* <монг. -*taj*) могут присоединять суффиксы чуть ли не всех других падежей, образуя, таким образом, целые парадигмы. Исследования о бурятских и тунгусских языках подтвердили подобные факты. Однако монголоеды не считают формы со сложными окончаниями особыми падежами и поэтому не увеличивают число падежей.

В современных тюркских языках исследователи не установили факт существования двойного склонения, и действительно, в настоящее время о следах его существования можно говорить лишь в том случае, если рассматривать окончание -*lauġn* как элемент, состоящий из суффиксов сравнительного (-*lau*) и творительного (-*ġn*) падежей². Нам представляется, что раньше было иначе. По крайней мере в орхонских надписях нормальным формантом направительного падежа (директива) является -*yaŋu* ~ -*gǎŋü*, состоящий из двух элементов (дательный и направительный).

¹ Котвич, Опыт², стр. 163, 164 (§ 146), 178—186 (§ 157—165).

² См. выше, стр. 114—116.

Чувашский стоит в этом смысле в стороне: в нем до сих пор имеется несколько двойных падежей: дательный-направительный -а + -ӑа (-па + -ӑа), творительный-совместный -ра + -ӑа, дательный-исходный -а + -ган (-па + -ган), дательный-творительный -а + -ра (-па + -ра), творительный-исходный -тан(-ган) + -ра(+ -ӑа)¹.

Очень широко двойное склонение стало употребляться в тунгусских языках, но исследователи, хотя и установили факт его существования, специально им не интересовались и не представили его до сих пор в надлежащем свете. Все упоминают двойные падежи наравне с одиночными, на что до некоторой степени толкают сами языки. Именно в местном падеже и элативе суффиксы -ӑа и -ӑи выступают обычно после основ, оканчивающихся на гласный звук, а после основ согласный им предшествует обычно окончание дательного падежа -du; в результате возникают сложные суффиксы -duӑа и -duӑи. В некоторых случаях такие двойные окончания совершенно вытеснили старые одиночные суффиксы; так, например, суффикс направительного падежа -k(i) встречается больше в сочетаниях -kӑа и -kӑи, а -k(i) можно встретить только в застывших формах и кое-где в диалектах². Суффикс -ki, -k выступает еще в виде -gi, -xi и заслуживает особого внимания. В некоторых сочетаниях, таких, как -kӑа, -kӑи, -tiki (-tki), -ski, он обозначает, по-видимому, направительный или исходный падеж, однако такое значение трудно согласовать с суффиксами -duk, -duxi, -dugi и -ӑӑk, -ӑӑxi, употребляющимися обычно в качестве суффиксов исходного падежа или элатива. Можно только предполагать, что -ki имело не совсем определенный характер и не передавало точно направление движения по отношению к говорящему; разграничение понятий произошло позже, и тогда он начал в одних сочетаниях передавать направительный падеж, а в других — исходный.

Если, однако, мы присмотримся внимательно к окончаниям выделенных исследователями падежей, то увидим, что почти все двухсложные и односложные флексии, оканчивающиеся на согласный, можно с большой долей

¹ Ашмарин, стр. 129—130.

² Василевич, Очерк, стр. 40.

вероятности считать сочетаниями суффиксов двух падежей. Правда, в отдельных случаях положение представляется не настолько простым; например, окончания падежей направительного *-tiki* (*-ski*), элатива *-git*, *-giži*, совместного *-gili* содержат элементы не совсем ясные, однако мы не сомневаемся в том, что дальнейшие исследования подтвердят правильность нашего предположения.

3. Сравнение суффиксов склонения разных групп языков показывает, что и в этой области имели место взаимовлияния, часто весьма оживленные. Этой проблемы касались многие исследователи; упомянув наших многочисленных предшественников, мы тоже сравнили очень характерные с данной точки зрения суффиксы родительного и винительного падежей¹. Очень часто чередовались суффиксы дательного и местного падежей, в результате чего в настоящее время они четко разграничены лишь в тюркских языках; монгольский же язык объединил суффиксы всех алтайских семей, но сами эти падежи перестал различать. Сильно осложнилось положение в группе суффиксов, обозначающих орудие действия, сообщника или предмет сравнения. Отношения, выражаемые этими суффиксами, разграничиваются не слишком отчетливо, в результате чего один и тот же суффикс выполняет в разных языках разные функции или вообще не используется.

Ниже мы дадим таблицу склонения в разных алтайских языках. Все падежи разделяются на четыре группы.

В I группу включен именительный падеж; вообще он не имеет во всей алтайской области специального форманта и только иногда оканчивается на *-n*, происхождение и роль которого до сих пор недостаточно выяснены². Он обозначает имена предметов и вообще все то, что с синтаксической точки зрения выражает в предложении подлежащее. Довольно часто он замещает родительный, винительный и даже другие падежи, выражая то или иное дополнение или какое-нибудь обстоятельство. Поскольку этот падеж не имеет особого показателя склонения и охватывает большую шкалу значений, его обычно называют *casus indefinitus*.

¹ Kotwicz, Les Contributions, RO, XII, стр. 128—130.

² Там же, стр. 132—142.

II группу составляют падежи, выражающие разные отношения дополнения к подлежащему: родительный, винительный и дательный.

В III группу собраны пространственные падежи, обозначающие место или время пребывания или движения подлежащего. Эта наиболее многочисленная группа содержит наибольшее число двойных падежей. Падежи этой группы могут передавать очень тонкие взаимные отношения между подлежащим и дополнением.

IV группа охватывает падежи, обозначающие орудие действия, соучастника действия или предмет сравнения.

4. Совершенно естественно, что не все указанные в таблице формы склонения встречаются во всех семьях алтайских языков или даже в отдельных языках и говорах. Иногда один суффикс выражает отношения, которые в других языках передаются с помощью двух падежей; создается впечатление, что в нем слились или же недостаточно разграничились значения обоих падежей. Примеры этого дают ужеорхонские надписи и староуйгурские тексты, в которых суффикс местного падежа замещал также элатив-исходный. Подобная особенность характерна и для современных диалектов: в чувашском языке дательный падеж совпал с винительным, в кумыкском — родительный с винительным, в анатолийских диалектах — винительный с дательным. Часто отмечается также полное отсутствие некоторых падежей, и тогда отношения, которые передаются в других языках падежами, здесь выражаются с помощью энклитик и послелогов. Так, например, в тюркских языках раньше было два суффикса творительного падежа: *-ip* (с оттенком способа совершения действия) и *-la* (с оттенком совместного действия), однако оба они вышли из употребления и сохранились только в старых памятниках и в некоторых застывших выражениях в современных диалектах. Обычно диалекты используют вместо них в настоящее время послелоги *ilā*, *birlā*, и только чувашский язык имеет суффикс *-ra*, или *-rafa*, а караимский *-ba*¹; оба они напоминают монгольское окончание творительного падежа *-baḡ*. В тюркских и тунгусских языках отсутствует также определительный

¹ Zajączkowski, *Sufiksy*, стр. 42.

Суффиксы склонения

Падежи	Монгольские языки		Тюркские языки				Тунгусские языки			
	литературный язык	диалекты	орхонский и уйгурский	общетюркский	чувашский	якутский	тунгусский	солонский	удэйский	маньчжурский
I. Название предмета (чаще всего подлежащее)										
именительный (casus indefinitivus)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
II. Зависимость предмета										
родительный I (gentivus)	-yin, -un	-[g]in, -iŋ, -n, -ŋ	-ŋ, -iŋ	-iŋ	-əp	0				
	-u	-i -ni		-niŋ	-nəp	0	-iŋ	-i -ni		-i -ni
родительный II (possessivus)	-yai (-'ai)	-ā, -ə	0	0	0	0	0	0	0	0
винительный I	-yi, -i	-[g]g -iyə, -o -ni, -n	-γ -ni	-i -ni	-a -na	-i -ni				
							-wa, -ma	-we, -be	-we, -ma	-be

винительный II (partitivus)						-ta	-a, -ya		-a, -ya	
дательный	-a		-qa -a	-ya, -qa -a	-a -na	-ya, -ka				
	-dur -du -da	-Dā, -Dā, -D	[-da]				-du	-du	-du, -di	-de

III. Пространственные отношения (место и время)

а) отдельные (простые) суффиксы

местный I	[-da] [-du] [-dur]	-Dā, -Dā, -D -Du, -D	-ta(-da)	-da	-ta -ra		-du	-du		[-de]
местный II				-ta			-tā	-lā	-ta	-ta
направительный	-ru)	-ru -ūr	-ru	-ru, -rī			-ki			
пролатив	-yur						-lī	-lī	-li	

Падежи	Монгольские языки		Тюркские языки				Тунгусские языки			
	литературный язык	диалекты	орхонский и дигурский	Общетюркский	чувашский	якутский	тунгусский	солонский	удэйский	маньчжурский
исходный — элатив	-ča -āča	-hā -āṣə	-tīn	-dīn -dan	-tan -ran	-tan, -ttan	-ti(?) -ki(?)			

б) сложные суффиксы

местный — исходный I	-dača	-dāṣə					-duk	-dux(i)	-digi, -dugi	
местный — исходный II							-tāk	-tāx(i)		
дательный — исходный					-aran -naran					
дательный — направительный			-yaru		-aḥa -naḥa					
направительный — местный							-ktā			
направительный — пролатив							-kli			

местный — пролатив							-dulī	-duli	-dili, -duli
совместный — творительный	-tuḡabar	-tār	-tayı̄n(?)	-tayı̄n(?)	-paḡa				
исходный — творительный					-tanpa(ḡa) -ranpa(ḡa)				
местный							-duḡā	-duḡa	-diḡa, -duḡa
направительный — исходный							-tiki, -tki	-tixi, -txi	-tigi, -tugi
исходный							-git	-giḡi	

IV. Способ, орудие действия, соучастник, образец для сравнения

творительный	-bar, -ḡar, -iyar	-ār			-pa		-nan, -ḡan	-t, -ti	-ḡi	-ḡi	[i]
совместный I	-tuḡa	-tā				-tīn	-nun, -nan		-giḡi		
совместный II	-taḡ	-tā					-taḡ	-tē			
сравнительный I (уравнительный)	-ḡaḡa	-ḡā, -cā	-ḡa	-ḡa, -ḡa							
сравнительный II						-tī					

падеж, но тюркские диалекты имеют сравнительный падеж, причем одни из них используют -day, другие -ġaj, третьи -pāk, -bāk.

В монгольских языках дательный имеет также значение местного; в древних памятниках и литературном языке он обозначается даже четырьмя суффиксами: -dur ~dūr, -du ~dū, -da ~de и -a ~e. Сравнение монгольского языка с тюркскими и тунгусскими заставляет предполагать, что раньше оба падежа разграничивались и что в дательном использовались суффиксы -a ~e, -du ~dū и, может быть, также -dur ~dūr, а в местном — -da ~de; однако с течением времени, по крайней мере уже в XIII веке, эти различия стерлись и все суффиксы стали одинаково и параллельно употребляться в обоих падежах.

Точно так же в тунгусских языках — окончание -du выражает в настоящее время те же падежи: дательный и местный, хотя параллельно существует особый суффикс местного падежа -ġa.

Маньчжурский язык в противоположность тунгусским утратил, по-видимому, много старых элементов склонения под влиянием соседних языков; теперь в нем нет ни творительного, ни других падежей IV группы. Неизвестны ему также и двойные падежные суффиксы; дательный-местный падеж обозначается, как в монгольском и тунгусском, суффиксом -de, а тунгусское окончание местного падежа -ġa сохранилось только в устойчивых наречиях места, например: тунг.-маньч. aġaġa «сзади».

Наконец, следует отметить, что во всех алтайских языках, а особенно в северотунгусских¹ и в некоторых монгольских (например, в калмыкском²) большое количество слов, обозначающих место и время и имеющих характер наречий, получает окончания пространственных падежей (группы III), а иногда даже родительного и дательного-местного.

Суффиксы, употребляющиеся в двух падежах, поданы в таблице дважды, но там, где они выступают со вторичной функцией, мы их ставим в квадратные скобки, особо выделены также и некоторые двойные падежи.

¹ Василевич, Очерк, стр. 51—56 (§ 17).

² Котвич, Опыт², стр. 336—342 (§ 316—318).

Суффиксы склонения,
происходящие от *ṣaγ*

Сюда относятся:

1.

монг.	тюрк.	маньч.
-ṣa ~ -ṣe	-ṣa ~ -ṣā	
-ṣaγa ~ -ṣeγe		-ṣi

Нет никакого сомнения в том, что перечисленные суффиксы произошли от самостоятельного слова *ṣaγ* «время, единица времени» (тюрк., монг.), «мера, единица чего-нибудь» (тюрк.), весьма распространенного в тюркских и монгольских языках.

Приведенные суффиксы образуют разные грамматические формы от слов, имеющих характер имен.

В монгольском языке -ṣa — формант исходного падежа, обозначающего удаление, выход, либо сравнение с другими предметами. Этот формант известен уже в текстах XIII—XIV веков, где он выступает или непосредственно при основе, или при формах дательного и местного падежа. В результате этого возникают сложные суффиксы -daṣa и -aṣa (-paṣa, -gaṣa) вместе с вариантами, обусловленными гармонией гласных (-daṣa ~ -deṣe, -aṣa ~ -eṣe и т. д.)¹; свидетельства тому мы находим в «Сокровенном сказании монголов».

В литературных текстах более позднего периода (и нашего времени), записанных уйгурским алфавитом, выступает как бы самостоятельная частица, которую можно с равным успехом читать и как aṣa и как eṣe; современные монголы предпочитают второе чтение. Мы не можем точно установить, каким путем шла эволюция нашего суффикса от формы с гласным заднего ряда к варианту с передним гласным (ṣa > ṣe). О раздельном же его написании следует сказать, что суффиксы других падежей также пишутся в тех же текстах отдельно.

В маньчжурском языке, в котором, вероятно, отразилось старое монгольское произношение (с 1648 г.), имеется один вариант с передним гласным -eṣe, который пишется отдельно.

¹ Deny, стр. 633—635 (§ 917—918); J. Deny, Les langues du monde, стр. 206—207.

Суффикс *-са* входит в состав окончания *-тауҗа* (иногда *-таҗи*, в диалектах *-msa*, *-msār*), образующего деепричастия (*converbum contemporale*) со значением «как только...». Первой частью этого сложного суффикса является элемент *-тау*, который в тюркских языках является формантом склоняющегося *popen actionis*. Поэтому нет ничего удивительного в объединении элемента *-тау* с окончанием *-са*. Следует, однако, заметить, что тюркские языки не знают этого сложного суффикса; только в турецком языке имеется окончание *-тауҗа*. Между тем, как мы увидим ниже, в тюркских языках известны другие деепричастные суффиксы, образованные от причастных форм при посредстве элемента *-са*. Особенность монгольского деепричастия *-тауҗа* заключается в том, что в бурят-монгольском диалекте, который знает лично-спрягаемые суффиксы, оно получает притяжательные суффиксы; по-видимому, представление о происхождении этой формы от имени еще находит свое выражение в живой речи.

Суффикс *-сауа ~-сеге* является окончанием падежа, обозначающего степень высоты (терминатив, на вопрос: «докуда?»); он образуется от слов, обозначающих части тела, а иногда и другие предметы. Тюркский суффикс *-са* развился из существительного *сау* в результате отпадения конечного взрывного согласного, но в монгольском *-сауа* мы имеем дело с присоединением гласного, что мешает отпадению *-ү*. Утрата конечного *-ү* представляет собой явление, хорошо известное на тюркской почве, что говорит о заимствовании суффикса *-са* монголами у тюрков. Зато *-сауа* — образование чисто монгольское, неизвестное тюркским языкам.

В тюркских языках *-са* употребляется:

а) для образования от имен именных или наречных форм со значением: «по мере, согласно, подобно тому как, относительно». Это очень продуктивный суффикс, и образуемые с его помощью формы можно включить в парадигмы склонения в качестве особого падежа (сравнительный или относительный — компаратив или релатив), так же как и монгольские формы с суффиксом *-сауа*;

б) в качестве составной части некоторых деепричастных суффиксов, возникших в результате присоединения *-са* к формам причастий. Сюда принадлежат суффиксы *-qanса*

(-уапса), которые чаще всего выступают в тюркских языках со значением «как только» или «прежде чем; пока», а также в турецком -dīqça, -duqça «по мере того, как; поскольку» и -inḡa, -inḡa «как только».

В маньчжурском языке рассматриваемый суффикс встречается в виде -ḡi в двух случаях:

а) в качестве окончания исходного падежа. Следует, однако, заметить, что в языке маньчжурского племени сибо, как свидетельствуют тексты, записанные Радловым¹, суффикс -ḡi постоянно заменяется частицей deri;

б) в качестве окончания условного деепричастия: -ḡi, а также в качестве составной части суффикса повелительного деепричастия: -ḡibe, где -be, по-видимому, соответствует монгольской частице -ber.

2.	монг.	тюрк.
	-sa ~ -se (~ -so ~ -sö)	-sa ~ -sä (~ -so ~ -sö)
	-su ~ -sü	

Формы -so ~ -sö выступают в тех монгольских и тюркских диалектах, где губная ассимиляция захватила второй и последующие слоги.

Как нам представляется, между всеми этими суффиксами существует какая-то связь, однако до сих пор еще не установлено, к какому общему элементу их следует возводить.

Монг. -sa:

а) в живых диалектах оно постоянно замещает окончание исходного падежа -ḡa, характерное для литературного языка; обычно оно встречается в удлиненной форме: -āsa, -ōso.

Бурятские диалекты в зависимости от своих фонетических особенностей имеют -hā, -hō, которые присоединяются непосредственно к основам;

б) образует условное деепричастие. В литературном языке подобного рода образование встречается лишь иногда — от трех глаголов (раньше и от других): ḡidasa, yadasa, boḡosa; зато в пекинском издании повести о Гесерхане они очень часты.

¹ W. Kotwicz, Travaux de W. Radloff relatifs à la langue mandchoue, RO, XIV, стр. 106—109.

Бурятские диалекты и в этом случае употребляют форму -hā, -hō, но только в западных диалектах она присоединяется непосредственно к основе; кроме того, во всех бурятских диалектах употребляется еще удлиненная форма -āhā, -ōhō, представляющая собой соединение двух суффиксов: -ā (по мнению некоторых исследователей, формант причастия прошедшего времени несовершенного) и -sa (в бурятском варианте). Этот же вариант -hā выступает в западных говорах в суффиксах повелительного деепричастия, но только в сочетании с повелительной частицей -šxe, (монг. šu, калм. čigi): -hāšxe.

Как видим, суффикс -sa употребляется, как и маньчжурский -či, для образования тех же грамматических форм: исходного падежа и условного деепричастия.

ГЛАГОЛ

Глагольные основы

Общий обзор

1. Алтайские глаголы, корневые или же образованные от других частей речи при помощи суффиксов, выражают, вообще говоря, действие или состояние какого-нибудь предмета и не уточняют начало действия или состояния, время их протекания, сам ход действия, отношение к другим предметам и т. д. В тех случаях, когда было необходимо дать такого рода характеристику действия, тюркские и монгольские языки издавна добавляли к основному глаголу второй самостоятельный глагол, который и должен был дополнить значение главного глагола. С течением времени подобные добавочные глаголы все больше и больше утрачивали свой самостоятельный характер и становились вспомогательными словами. Иногда этот процесс шел дальше, и вспомогательные глаголы начинали превращаться сначала в энклитики или суффиксы, не подчиняющиеся закону сингармонизма, а затем в суффиксы, закономерно видоизменяющиеся в соответствии с ним. Рассматриваемый процесс длится и до сих пор, а в отдельных алтайских языках мы находим даже все его фазы. Часто язык поль-

зуются одновременно двумя существующими параллельно друг другу формами; по-видимому, существование обеих фаз вполне допустимо, пока одна из них не вытеснит другую. Так, например, монгольский глагол *baui-* «стать, быть», употребляющийся для выражения длительного (дуративного) действия, в калмыкском языке выполняет вспомогательную функцию либо в виде самостоятельного глагола, либо в виде суффикса, не подчиняющегося закону гармонии гласных: *sūžə bāpā* и *sūžāpā* «сидит (в настоящий момент), все еще сидит».

Во всех алтайских языках имеется большое количество вспомогательных глаголов, а наряду с ними не меньшее число суффиксов, которыми они либо были замещены, либо замещаются теперь. К числу таких наиболее распространенных принадлежат глаголы со значением «быть, становиться, лежать, сидеть, ходить, приходить, отходить, входить; выходить, бросать, давать, брать, мочь, не мочь, видеть» и т. п. Во всех, особенно в новейших, грамматиках алтайских языков на эти глаголы и возникшие на их месте суффиксы обращается очень много внимания; им посвящено также немало специальных исследований¹.

Мы не будем здесь заниматься вспомогательными глаголами, но дадим свод суффиксов, употребляющихся в алтайских языках. Такой свод даст основу для ряда сравнительных построений.

2. Суффиксы образуют от глаголов новые основы, которые можно назвать вторичными (модифицированными) и которые соответствуют залогам (*voix*) и видам (аспектам) индоевропейских языков, но охватывают значительно более широкий круг понятий. Они заменяют чуть ли не целиком индоевропейские префиксы, а также сочетания глаголов с различными вспомогательными словами, определяющими характер и способ действия.

Наибольшее число их мы находим в тунгусских языках, несколько меньше в маньчжурском и монгольском и менее всего в тюркских языках. Такое распределение суффиксов

¹ К. М. Черемисов, Заметки по бурят-монгольскому языку. Записки Бурят-Монгольского Государственного НИИ языка, литературы и истории, I, Улан-Удэ, 1939, стр. 24-69.

не может не обратить на себя внимания, потому что именно тунгусские языки сохранили вообще больше всего первичных категорий, а в данном случае преобладают формы, которые в других алтайских языках следует, по всей вероятности, рассматривать как наиболее поздние. Причину этого явления следует искать в общей эволюции тунгусских языков. Они, вероятно, долго пользовались мало разграниченными корнями, что, в конце концов, можно наблюдать и в современном языке. Когда под влиянием соседних языков процесс разграничения усилился, из одинаковых языковых элементов начали выделяться не только имена и глаголы, но также и суффиксы, причем происходило это примерно так же, как в китайском языке. В результате образование суффиксов ускорилося. В их роли стали выступать старые корни независимо от того, что параллельно в языке существовали образованные от этих же корней глаголы с аналогичным значением. Другими словами, образование глаголов и суффиксов шло параллельно. Известное подтверждение данного положения можно видеть в маньчжурском языке, где имеется именно два подобных ряда: ряд глаголов и ряд суффиксов, почти идентичных с точки зрения формы и содержания.

Общие количественные различия служат причиной того, что суффиксы выступают в отдельных языках очень неравномерно. Только относительно небольшое число суффиксов первого рода можно найти во всех языках; в отношении других в отдельных языках наблюдаются большие или меньшие пропуски, и эти пропуски заполняются обычно вспомогательными глаголами.

3. Рассматриваемые суффиксы в зависимости от их семантической роли можно разделить на несколько групп. Попытки классификации предпринимались уже не раз, но обычно исследователи не выходили за пределы отдельных языков или языковых групп; такой характер носят попытки, предпринятые в отношении монгольского литературного и бурятского языков, а также в отношении северотунгусского языка. Мы дадим новую классификацию, которая учитывает все три семьи алтайских языков.

Суффиксы глаголов, являющихся причиной действия или состояния (в отношении к подлежащему или дополнению)

Глаголы каузативные (понудительного залога) и страдательные, действительные и средние

	общетюрк.	якут.	монг.	маньч.	тунг.
Каузативные	-t̄ir, -t, -r	-tar, -γuɫ, -ɫya	-bu	-kan -wkan	
	-q̄iz, -q̄ir	-t, -r	-ya, -xa	-ukan, -mu-	kan
Страдательные	-ɫ, -t	-ɫ	-γda	-bu	-wu (-u, -mu)
Переходные			[-γa]		-ki, -gi, -w(-u)
Непереходные			-ra		-rga, -ča
Возвратные	-п	-п			

1. Каузативные суффиксы образуют основы, которые выражают законченное действие или состояние, совершившееся вследствие непосредственного распоряжения лица — подлежащего (приказ, просьба, совет, принуждение) или вследствие его пассивного поведения (позволение, допущение, терпимость): лицо — подлежащее дает только распоряжение, позволение, либо занимает пассивную позицию, но само действие (состояние) выполняется (или вызывается) другим лицом. Подобные суффиксы очень распространены во всех алтайских языках, поскольку здесь мало самостоятельных глаголов со значением «приказать, просить, позволить» и т. д. и употребляются они только в специальных случаях. Этот недостаток можно преодолеть, употребляя глагол «говорить»: тюрк. *t̄ä-*, монг. *ge-*, маньч. *se-*, тунг. *gün-* — с формой повелительного наклонения глагола, обозначающего действие или состояние. Такой оборот равнозначен форме, образующейся путем присоединения каузативного суффикса к основе глагола: монг. *bičikü* «писать», *bičigülkü* = *biči gekü* «приказать (позволить) написать» = «сказать: пиши!»; тюрк. *oqımaq* «читать», *oqıturmaq* = *oqu t̄ämäk* «приказать (позволить) читать» = «сказать: читай!»; маньч. *dosimbi*

«входить», dosibumbi = dosi sembi «приказать (позволить) войти» = «сказать: войди!»¹

2. Суффиксы страдательные (пассивные) образуют глаголы с прямо противоположным значением; они выражают действие, которому подвергается подлежащее со стороны другого лица. В алтайских языках, как и в индоевропейских, эти суффиксы присоединяются обычно к переходным глаголам: монг. bičigdekü «быть написанным», тур. oquñmaq «быть читанным», маньч. ĵafabumbi «быть взятым» (ĵafambi «брать»).

3. Непереходные глаголы, присоединяя каузативные или пассивные суффиксы, получают несколько иной семантический оттенок по сравнению с тем, о котором говорилось выше; соединяясь с первыми, они становятся переходными, а в сочетании со вторыми обозначают состояние, в котором вынуждено находиться подлежащее, причем участие другого лица в обоих случаях играет незначительную роль, а часто и совсем ее не имеет: монг. sañuñu «сидеть», sañuñuñu «приказать (позволить) сидеть»; и «посадить», sañuñudañu «быть вынужденным сидеть»; kügkü «дойти, добраться», küggekü «приказать (позволить) добраться» и (чаще) «доставить», kügügdekü «быть вынужденным дойти, добраться». Особенно характерно в данном случае образование страдательной формы у непереходных глаголов; следует, однако, сказать, что это явление еще мало исследовано, хотя оно выступает, насколько нам известно, в монгольских языках — в «Сокровенном сказании монголов», где примеров его очень много, — а также в современном калмыцком языке¹ [42].

4. Каузативные (понудительные) и пассивные (страдательные) глаголы объединяет одна черта, а именно участие в действии двух лиц, выступающих в разных ролях: одно — как непосредственный исполнитель действия, второе — как инициатор или объект действия. Вероятно, благодаря этой особенности суффиксы обоих типов глаголов иногда совпадают: так, например, в маньчжурском языке один суффикс -bi (-mbi) имеет и каузативное и страдательное значение; в южнотунгусских языках суще-

¹ Котвич, Опыт², стр. 222 (§ 192); ср. G. J. Ramstedt, JSFOu XXVIII, 3, стр. 49. (§ 59).

ствуют, как сообщает Г. Василевич, суффиксы: страдательный -wu (-u, -tu) и транзитивный (в глаголах движения) -wi, иначе говоря, здесь присутствует тот же элемент -w-, что и в маньчжурском¹.

Очень сложен вопрос о происхождении указанных в таблице суффиксов и их взаимоотношениях. Прежде всего обращает на себя внимание большое количество и разнообразие выступающих на монгольской и тюркской почве каузативных суффиксов. Подобное явление можно объяснить только тем, что современный состав суффиксов представляет собой результат длительной эволюции и, возможно, длительного взаимовлияния обеих языковых групп. Этому вопросу много внимания уделял Г. И. Рамстедт, который дал очень интересное его толкование². Между прочим, он пытался восстановить древнейшие варианты суффиксов, учитывая не только те, что встречаются в современных литературных памятниках и живых диалектах, но и те, что уже вышли из употребления, но сохранились в некоторых застывших формах основ. Опираясь на его выводы, можно составить следующую таблицу каузативных (переходных) суффиксов, мертвых и продуктивных:

Основные формы	Варианты	Сочетания
монг. -*γi, -*γu, -γa	*qi, *qu (*χu) *qa (-χa)	-γuł, -quł (χuł), -łya -qiz, -quz, -γiz, -γuz -qar
тюрк. -*tī, -*tu, -*ta	-t, -či	-tīr, -tur
монг. -l (-l)		
тюрк. -r, -z		

Обращает на себя внимание тот факт, что основные формы суффиксов принадлежат по существу к мертвым категориям, восстанавливаемым гипотетически, а реально употребляются сочетания суффиксов разных групп. Подобные сочетания очень распространены в алтайских языках, и вполне возможно, что именно в них сохранились первоначальные формы суффиксов. Факт существования всех форм и вариантов Г. И. Рамстедт обосновывает многочисленными примерами, однако он вынужден признать,

¹ Василевич, Очерк, стр. 93—94.

² Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3.

что довольно значительная группа примеров ненадежна, и с этой оценкой их, конечно, следует согласиться. Вообще вся проблема требует еще дополнительных разысканий специалистов, в результате чего, возможно, возникнет необходимость сделать некоторые дополнения и изменения.

5. Данные современных языков свидетельствуют о том, что наиболее употребительны суффиксы первой и второй группы, причем суффиксы первой распространены в монгольских языках, а второй — в тунгусских; впрочем, отдельные варианты их можно встретить и здесь и там; так, например, *-*ya*, *-*qa* встречаются в сочетаниях второй группы, а *-ti* — в монгольских языках в виде *-ci* в качестве транзитивного суффикса. Что же касается суффикса *-l(-l)*, то мы встречаем его в монгольских языках в качестве составной части живых сочетаний и в качестве самостоятельного суффикса в застывших формах; в тюркских же языках он выполняет функцию живого страдательного суффикса.

Главные суффиксы первой и второй группы имеют, очевидно, разную основу, но существует, как нам кажется, возможность их взаимного сближения с типологически-семантической точки зрения. Как уже говорилось выше, каузативные формы можно заменить сочетанием вспомогательного глагола «говорить» с повелительной формой основного глагола. В монгольском языке таким вспомогательным глаголом является *ge-*, а в тюркском *tā-*. Поэтому они соответствуют форме суффиксов, в связи с чем возникает предположение, что они происходят от этих глаголов.

В отношении более редких суффиксов *-g*, *-z* и *-ĭ* следует сказать, что чередование таких согласных представляет собой явление, часто наблюдаемое не только в суффиксах, но и в корнях.

6. Что явилось причиной возникновения большого количества каузативных суффиксов и их вариантов на почве как монгольских, так и тюркских языков? Можно полагать, что это явление зависело непосредственно от расширения области их значений, охватывающих разнообразные формы проявления какого-нибудь действия или состояния. Можно было бы предположить, что первона-

нально разные способы совершения действия выражались специальными суффиксами или их сочетаниями; однако в известном в настоящее время языковом материале свидетельств этому предположению нет. В практике современных диалектов, так же как и в старых памятниках, все суффиксы и их варианты охватывают весь комплекс форм проявления действия и, различаясь между собой только с формальной стороны, употребляются в каждом отдельном случае в зависимости от фонетических условий¹. Известное семантическое разграничение можно обнаружить только тогда, когда на участии другого лица не акцентируется внимание и переходной является только каузативная основа; однако это явление, вероятно, уже вторичное, появившееся в более позднее время.

Можно также производить сравнения на более широкой основе в пределах представленной выше группы суффиксов. Каузативный суффикс -i чередуется после согласных i и даже после г с п; Г. И. Рамstedт сравнивал его с тюркским возвратным суффиксом -п не только с фонетической точки зрения, но и в чисто семантическом отношении. Каузативный суффикс тюрк. -г можно сравнить с непереходными суффиксами монг. -га и тюрк. -гга. Наконец, тюрк. -*ta, возможно, имеет, как предполагает Г. И. Рамstedт, связь с монгольскими и страдательными суффиксами -da(-ta) и -yda.

Кроме того, особого внимания заслуживает тот факт, что обе первые группы суффиксов имеют в своем составе варианты как с узкими, так и с широкими гласными. Этот факт, а также значительное количество вариантов свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с группировкой на более широкой основе, аналогичной группировке вокруг суффикса принадлежности -iу.

7. Особую группу составляют каузативные и страдательные суффиксы, выступающие в тунгусских языках. Главную роль играет здесь, по-видимому, страдательный суффикс -bu, который выступает в этой форме в маньчжурском языке, где имеет, как мы уже видели выше, тоже каузативное значение. В тунгусских языках ему соответствует -w(u), -w(ü), -u, -ü (если основа оканчивается на -п, то пb

¹ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 134—137.

переходит в т), -gū, -w. И. Захаров возводит этот суффикс к глаголу *bu-* «давать»¹; такая этимология возможна, хотя сама по себе не напрашивается. Однако следовало бы изучить вопрос, не имеет ли тунгусо-маньчжурский суффикс *-wu* какой-нибудь связи с монгольским суффиксом *-*γu*.

В качестве специального каузативного форманта в северо-тунгусских языках выступает *-wkān* (*-fkān*), который имеет также вариант *-ūxān* и *-tukān*. В этой форме данный суффикс подают все исследователи, начиная с А. Кастрена, однако, возможно, конечное *-n* принадлежит здесь не собственно суффиксу, а окончанию причастия *-па*. Г. И. Рамстедт рассматривал его в качестве сложного элемента, первая часть которого представляет собой уже известный нам суффикс *-wu*². Г. Василевич, наоборот, возводит его к глаголу *irkā-*, *iwkā-* «принудить, приказать»³. Оба эти объяснения в равной степени допустимы, но в настоящее время трудно отдать предпочтение какому-либо из них, так как оба требуют дальнейших разысканий. Г. Василевич вообще не анализирует происхождение глагола *irkā-*, который уже сам может иметь в своем составе рассматриваемый суффикс. Следует в связи с этим добавить, что элемент *-w(-f)* выступает и в других тунгусских суффиксах, например: *-wžiga*, *-bžiga* (как указывает А. Кастрен⁴, в инфинитиве) или *-wkā*, *-fkā* (по мнению Г. Василевич, при образовании причастий безличной необходимости⁵).

Для обозначения разных фаз какого-нибудь действия или изменения состояния до сих пор всюду употребляются вспомогательные глаголы, например: «хотеть что-нибудь сделать, намереваться, кончить» и т. п. Только тунгусские языки предпочитают в этих случаях суффиксы, поэтому за основу приведенной здесь классификации были взяты именно тунгусские суффиксы. Однако и за пределами тунгусских языков выявились тенденции к образованию

¹ Захаров, стр. 159—162 (§ 130).

² Ramstedt, JSFOu XXVIII, стр. 73 (§ 90).

³ Василевич, Очерк, стр. 94; ср. также глагол *irkāf* „брось! оставь! пусти!“, отмеченный тем же автором (Словарь, стр. 59).

⁴ Castrén-Schiefner, стр. 30 (§ 83).

⁵ Василевич, Очерк, стр. 69 (§ 20, 7).

Суффиксы глаголов, обозначающих фазы действия или состояние

	тюрк.	монг.	маньч.	тунг.	
				эвенк.	лам.
дезидеративные	-а (<-*γа)	-γа, -ā		-kti -mu	-mal -mś(a) šči
потенциальные	-aı (кара-им.) -ai (чув.)	-ni	-n'e (-niye)	-gla (нерч.) -l(i)	-l (-ld o)
инхоативные континуативные (дуративные)	-а -yog (тур.) -ata (кирг.)	-žā (калм.)	-ža	-ža, -ča	-dda,-tta -šči -šo
узуальные перфектные		-čik (калм.) -čкэ -sa (бурят.)		-rпа	-kar(a), -har(a) -šп(a)
проперативные негативные	-baχta (якут.) -ma				

суффиксов, выражающих стремление или возможность совершения какого-нибудь действия или состояния, протекание его в настоящий момент или в известное время и достижение им известного предела.

Протекание действия или состояния выражается обычно при помощи глаголов, определяющих положение, в котором совершается действие или проявляется состояние, а именно при помощи глаголов «стоять, ходить, лежать» и т. п. Чаще всего употребляются глаголы «стоять»: тюрк. *tur-*, монг. *baui-*, а также «ходить»: тюрк. *uog-*, монг. *uabu-*, или «лежать»: тюрк. *uat-*; в связи с этим первые получили очень широкое дополнительное значение — «находиться, быть». Именно из этих глаголов развились в некоторых языках суффиксы со значением протекания действия или состояния (дуративные): тур. *-uog*, кирг. *-ata*¹, калм. *-žā*; неясным остается происхождение тунгусского суффикса *-ža*. Суффиксы *-uog*, *-ata* выступают в форме настоящего времени, а суффиксы *-žā* и *-ža* — еще и во многих других формах. Кроме того, в данной связи следует отметить суффикс тюрк. *-a*, бурят. *-ā*, который, как мы увидим ниже, имеет, по крайней мере в некоторых глагольных формах, аналогичное значение.

Полное окончание действия или перерыв в состоянии передается в монгольском языке с помощью глагола «бросать»: *ogki-* (камл. *okā-*). Этот глагол превратился в суффикс калм. *-čik*, *-čək*, *-čkə*, *-čk*, которому в бурятском соответствует суффикс *-ša* неясного происхождения.

Среди многочисленных тунгусских суффиксов заслуживают особого упоминания те, которые образуют дери-вативные (со значением желательности) глаголы; выражая разные оттенки желания и намерения, они подверглись вследствие этого довольно детальному разграничению; например, в языке ламутском, по словам Богораза, имеются следующие суффиксы: *-mel* (выражающий готовность выполнить какое-нибудь действие), *-mš* (выражающий желание), *-uč* (выражающий намерение)².

¹ Батманов, Грамматика, III, стр. 54.

² В. Г. Богораз, Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник, I, Л., 1931, стр. 30.

Суффиксы глаголов, обозначающих многократные действия, выполняемые одним или несколькими лицами

	тюрк.		монг.	маньч.	тунг.	
	обще-тюрк.	якут.			эвенк.	лам.
фреквентативные	-qıta -aıa (тур.)	-ıaıa (-aıa)	-ıa -čaya	-ča -ša -ta -nǰa	-kta -wā(n) -sama	 -wan -an
итеративные			-ıǰa -yaıǰa	-ıǰa -nǰa -rǰa -yanǰa -chanǰa		
кооперативные	-š	-s	-ča -ıča	-ča	 -ıdi	 -ıd(a)
реципрокативные	[-š]	[-s]	-ıda -ıdu	-nu -ndu	 -māt -mači	 -mat

1. Эта группа суффиксов более развита даже на монгольской и тюркской почве. Ее функция — обозначение многократных действий разных типов, действий, совершаемых одним лицом много раз, несколькими лицами в один и тот же промежуток времени или постоянно, по

привычке. В тунгусских языках разграничение идет тоже достаточно далеко; так, по словам Г. Василевич, эвенки различают действия, происходящие в разных местах (-kta), в разное время (-wā, -wān) или относящиеся к разным объектам (-sata)¹. Впрочем, уйдя далеко по пути разграничения, алтайские языки все же не сумели установить его окончательно, и очень часто одни суффиксы смешивают с другими — например, суффиксы совместности с суффиксами взаимности (кооператива и реципрока) — даже в рамках отдельных языков. Совершенно очевидным нам представляется взаимное воздействие одной семьи языков на другую, причем преобладающим было как будто влияние монгольских суффиксов повторяемости (фреквентатива) -ṣaṣa, -ṣa совместности (кооператива) -ṣa, -ṣa, взаимности (реципрока) -ṣa, многократности (итератива, быстрые равномерные движения) -ṣa.

2. Среди этих суффиксов очень важное место занимает элемент -ṣa. Он образует от глаголов новые глаголы, которые обозначают действие, совершенное либо одним лицом много раз, либо же один раз одновременно несколькими лицами, и поэтому называются многократными (фреквентатив, итератив).

О суффиксе -ṣa говорил уже Г. И. Рамстедт², однако большинство его выводов пока трудно подтвердить новыми материалами. Все же он установил связь между монг. -ṣa и тюркским суффиксом совместности действия -ṣ. Эту мысль следует, конечно, распространить и в отношении монгольского варианта -ṣa, который мог проникнуть в маньчжурский из монгольского языка при посредстве одного из восточных диалектов (в которых ṣ- литературного языка изменяется в ṣ-) или из тюркских языков.

При современном состоянии исследований можно полагать, что монг. -ṣa перешел, с одной стороны, в тюркскую область в виде -ṣ, а с другой — в маньчжурские языки в виде -ṣa и -ṣa.

И. Захаров³ предполагает, что маньчжурские суффиксы -ṣa и -ṣa восходят к глаголам: первый к аṣa-

¹ Василевич, Очерк, стр. 96.

² Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 29—32 (§ 34—38), 61—62 (§ 76).

³ Захаров, стр. 166, 169, 171.

«собираться», а второй к *fašša-* «стараться». Последний глагол имеет и другой вариант: *ašša-* «действовать, двигаться» (монг. *ayaši-* «двигаться»). Это предположение очень ненадежно, особенно по отношению к *-ša*. Данный суффикс выступает на монгольской почве только как диалектный вариант (например, в бурят-монгольском вместо нормальной формы *-ča*). Поскольку в тунгусских языках не имеется ни *-ča*, ни *-ša*, следует полагать, что маньчжуры заимствовали их от монголов и, возможно, от тюрков в различные периоды развития своего языка. Таким образом, монгольский суффикс *-ča* в обоих вариантах, возможно, был представлен и в тюркских и в маньчжурских ¹.

Монг. *ča* — элемент непродуктивный, употребление его сводится к небольшому числу глаголов, выражающих воздействие друг на друга двух или нескольких лиц. Значительно чаще он выступает в сочетании с дополнительными морфологическими элементами: *-čaṣa -čša, -čša, -ṣaṣa*. Элемент *-ṣa* в *-čaṣa*, вероятно, идентичен (как полагает Г. И. Рамstedt) каузативному суффиксу. Следует, однако, помнить, что даже прежде *-čaṣa* не всегда сообщал глаголам значение переходности ², а в настоящее время он не имеет ничего общего с переходным или непереходным значением. Другой особенностью суффикса *-čaṣa* является тот факт, что обычно он не подчиняется ассимиляции, о чем свидетельствуют формы живых диалектов: калм. *-схā ~ -схā* и бурят. *-саṣā, -соṣō* ³.

Особого внимания заслуживает семантическая эволюция суффиксов монг. *-čaṣa* и тюрк. *-š*. Так, в некоторых тюркских и монгольских диалектах они являются формантами множественного числа в различных формах спряжения, то есть обозначают главным образом действие, совершаемое несколькими лицами. Такого рода эволюция отмечена, с одной стороны, в языке донских калмыков (во всех трех лицах множественного числа в различных спрягаемых формах), а с другой — в киргизском языке и в Восточном Туркестане (только в 3 л. мн. ч.) ⁴.

¹ Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 32 (§ 38).

² Там же, стр. 11 (§ 10).

³ Котвич, Опыт², стр. 225 (§ 195).

⁴ Там же, стр. 248 (§ 220); Батманов, Грамматика, III, стр. 9, 14, 17, 19, 22; Баскаков, Насилов, стр. 209, 211, 212.

3. На втором месте следует поставить суффикс *-la* (*-l*), который тоже появляется или самостоятельно, или в сочетании с другими суффиксами не только в монгольских, но и в тюркских и маньчжурских языках. В тюркских языках он представляет собой второй компонент в *-qila* (караим. *-kała*, якут. *-ala -lała*, тур. *ala*, в последнем в нескольких словах)¹. Этот суффикс, по-видимому, проник в монгольский язык, где он выступает в многочисленных случаях в качестве составной части суффикса *-kila*; он представлен и в нижеследующей таблице.

Можно предполагать, что *-ča* служил первоначально средством образования основ со значением действия, совершенного несколькими лицами (значение совместности и взаимности — кооператив, реципрок), а *-la* обозначал действия, производившиеся много раз одним лицом (значение частого повторения, многократности — фреквентатив или итератив).

4. И. Захаров² высказал предположение, что суффикс маньчжурских основ со значением взаимности *-ndu* происходит от наречия *ixhunde* «вместе», то есть что базой суффикса *-ndu* является окончание *-nde*. Однако окончание *-nde* не включает в себе ничего, что могло бы говорить о его употреблении в данной функции. Вернее было бы сравнить *-ndu* с монгольским суффиксом той же категории *-lda*, *-ldu*, который выступает и на тунгусской почве в виде *-ldi*. В таком случае монгольский суффикс приобретает соответствующие параллели во всей области распространения тунгусо-маньчжурских языков.

Монгольские суффиксы со значением размеренных или быстрых, повторяющихся действий *-lža* и *-yalža* проникли в маньчжурский язык в виде *-lža*, *-pža*, *-gža* и *-yanža* (*-yanža*)³. Существование двух вариантов (с *-п-* и *-l-*) вышеуказанных суффиксов подтверждает правильность такого объяснения маньчжурского *-ndu* (<монг. *-ldu*).

¹ Катанов, стр. 519—523; Батманов, Грамматика, III, стр. 47; Дену, стр. 380 (595); Zajaczkowski, Sufiksy, стр. 125—126 (§ 14).

² Захаров, стр. 170—171 (§ 137—138).

³ Там же, стр. 167—168.

Суффиксы глаголов, выражающих степень проявления или способ совершения действия или состояние

	тюрк.	монг.	маньч.	тунг.
интенсив			-kiya(-k'a) -giya(-g'a) -xiya(-x'a)	-kat, -kakut -t(-či) солон. -ši
деминутив		-kīḷa, -zaḡana -zāna (бурят.)		
лимитатив		-ski -mta (бурят.)		-kso, -ḡur
имитатив				-kan

Другие способы усиления действия, кроме механического повторения его, мало употребляются, и поэтому суффиксов со значением интенсивности представлено тоже мало. Несколько больше суффиксов, обозначающих ослабление или ограничение действия. Связь между суффиксами малоощутима: только монг. -kīḷa, по-видимому, соответствует тюрк. -qīḷa¹.

Суффиксы глаголов, обозначающих направление движения

Для обозначения необходимости совершения действия в том или ином направлении, то есть в тех случаях, когда обычно употребляется форма супина, в алтайских языках используются вспомогательные глаголы, которые определяют направление действия. В некоторых языках эти

¹ Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 82 (§ 100, 6).

глаголы заменяются особыми категориями суффиксов, и здесь на первый план выступает маньчжурский язык, в котором их больше всего — больше, чем даже в северотунгусских языках, которые в отношении других групп суффиксов стоят впереди остальных языков. Что же касается других алтайских языков, то здесь можно назвать лишь дагурский язык, который получил один суффикс.

Приведем свод употребляющихся глаголов движения и соответствующих им суффиксов:

Значение	тюрк.	монг.		маньч.		тунг.	
		глагол	суффикс	глагол	суффикс	глагол	суффикс
„идти, ходить“	yüğü- yogı- bar- yāt-	yabu-		yabu-			
„подходить, достигать“	yāt-	kür-		isi-		is-	
„приходить“	kāl-	ire-		ži-	-nži	éme-	
„входить“	kir-	oro-		dosi-		ī-	
„выходить“	čiq-	yar-		tuči		yū-	
„уходить, идти“	kit-	od-				ɟene	-na
		oči,	-iči	gene-	-na	gene-	-sin
		iči-					-nasin
„посылать“	īt-	ile-		uŋgi-	-ŋgi		

Приведенные в таблице суффиксы, несомненно, восходят к соответствующим глаголам и имеют то же значение, что и глаголы. Остается неясным происхождение только тунгусского суффикса -sin, который обозначает движение без точного определения его направления. Но это заслуживает, как нам представляется, особого внимания, ибо следует предполагать, что он выступает в маньчжурских глаголах isi-, dosi- и, возможно, в tuči-, как и в wesi- «подниматься» и wasi- «опускаться». Впрочем, его употребление относится к другому периоду маньчжурского сло-

вообразования, именно к тому времени, когда возникли вспомогательные глаголы. На монгольской почве в глаголах *ige-*, *ого-* и *yaг-* мы тоже видим общий элемент *-га (-г)*.

Суффиксы глаголов, обозначающих сходство:

тюрк. *-sī*, *-su*, монг. *-ši*

1. С помощью этих суффиксов в тюркских и монгольских языках образуются отыменные глаголы со значением «становиться чем-нибудь, становиться похожим на что-нибудь». Эти глаголы могут иметь на тюркской почве возвратный суффикс *-п* или каузативный *-t*: *adam* «человек» — *adamsī* «приобрести черты человека»; *adamsīp-* «становиться подобным человеку; делать вид, что похож на человека»; *adamsī(n)t-* «делать человеком, считать кого-либо человеком»; *yaqši* «добрый» — *yaqšisi(n)-* «становиться добрым», *yaqšisi(n)t-* «считать кого-нибудь добрым, похвалить». В монгольском языке глаголы на *-ši* могут иметь каузативный суффикс *-ya>* *-ya*, однако монгольские глаголы чаще всего имеют значение или страдательное, или каузативное: *aɫdar* «слава, молва» — *aɫdarši-* «прославиться, получить огласку»; *sayin* «добрый» — *sayišiya-* «считать добрым, похвалить».

О вышеназванных суффиксах подробно говорили Г. И. Рамstedт¹ и Ж. Дени²; с их выводами можно вообще согласиться, но некоторые частности, несомненно из-за отсутствия данных, не попали в поле их зрения и потому заслуживают дополнительного рассмотрения.

Главной, ранее незамеченной особенностью тюркского суффикса *-sī*, *-su* является то, что он может присоединяться к причастиям на *-qan*, *-yan* (кирг.)³ и к инфинитиву на *-maq* (казах.)⁴; образованные таким способом глаголы имеют значение «приобрести черты, особенности какого-нибудь действия; сделать вид, что выполняется какое-нибудь действие»: *qaraqansī-* «притворяться смотрящим»;

¹ Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 75—77 (§ 93—95).

² Делу, стр. 595—596 (§ 890, 2).

³ Батманов, Грамматика, III, стр. 6, 19; Юдахин, стр. 92: *bolqansu-* и *passim*.

⁴ Мелноранский, I, стр. 61 (§ 7, 1).

qarataqsı- — то же. От этих глаголов можно образовать все формы спряжения, например: *ǰazıansı* «делай вид, что пишешь!», *ǰazıansıdı* «сделал вид, что пишет», *ǰazıansısa* «если сделает вид, что пишет», *ǰazbaıansı* «не притворяйся (не делай вид), что пишешь» (кирг.), *qarataqsıyan* (казах.) «тот, который делал или делает вид, что смотрит». Это дает возможность объяснить происхождение суффикса *-sıyan*, который отметил П. Мелиоранский при формах инфинитива на *-таq*; только отрицательное (согласно П. Мелиоранскому) значение этих форм (*qarataqsıyan* «притворяется, что не смотрит») может возбуждать некоторые сомнения: можно, однако, предполагать, что здесь мы имеем дело с каким-то недоразумением.

Суффикс *-sı* (*-sı*) с рассмотренным значением известен и в чувашском языке: именно в курмышском говоре он присоединяется к причастиям настоящего времени на *-an*; *-sı* сообщает этой форме семантический оттенок мнимого действия: *kaıa-* «говорить», *kaıansı* «будто бы говорящий»; *taɣ-* «убегать», *taɣansı* «будто бы убегающий»; *kät-* «ждать», *kärensı* «будто бы ожидающий», *kätmensı* «будто бы не ожидающий». Эти формы имеют связь с глаголом *ru-* «становиться»¹.

2. В различных тюркских языках² можно найти ряд суффиксов с начальным *-sı*, *-su*, например: *-sımaq*, *-sımał*, *-sıman*, *-sım*, *-sıł*, которые образуют от имен прилагательные со значением «похожий на что-нибудь» или прилагательные с уменьшительным значением. Г. И. Рамстедт отождествлял элемент *-sı* с данным глагольным суффиксом *-sı*³, но подробно этого вопроса не рассматривал, и проблема происхождения этих суффиксов не была разрешена в тюркологической литературе. Мысль Г. И. Рамстедта нам представляется правильной; следует только ее дополнить указанием на то, что слова с суффиксами *-sımaq*, *-sımał*, *-sıman*, *-sıł* являются, собственно, именами (прилагательными) со значением сходства, образованными при помощи *-таq*, *-таł*, *-ман*, *-ı* от глагольных основ с суффиксом *sı*: *kısi* «человек», *kısiısi* «становиться человеком.

¹ Ашмарин, стр. 326 (§ 82).

² Батманов, Грамматика, II, стр. 12; Мелиоранский, I, стр. 30; Дену, стр. 325—326 (§ 519, прим. 1).

³ Ramstedt, JSFOu; XXVIII, 3, стр. 77.

приобрести характерные черты человека», *kiši sīmaŋ kiši sīmaq* «похожий на человека» (кирг.).

Из последних примеров видно, что в киргизском языке эти сложные суффиксы не подчиняются закону гармонии гласных; некоторые исследователи, например К. К. Юдахин¹, склонны даже рассматривать суффикс *-sīmaq* как самостоятельное слово.

Суффиксы *-sīmaq*, *-sīman*, *-sīmaŋ*, *-sīŋ* употребляются особенно часто при названиях цветовых качеств и выражают оттенки цвета: *aq* «белый», *aqsīmaŋ* «беловатый».

Этот же элемент *-sī* ~ *-si* входит, по-видимому, в состав окончания *-žasīna*, которое в турецком языке присоединяется к формам имен, аориста и причастий; эти формы обозначают сравнение, а также действие, имеющее только видимость сходства с каким-нибудь действием: *gälir-žāsīnā* «как будто бы приходит». В данном случае это окончание можно было бы расчленить следующим образом:

- ža- суффикс меры или сравнения (<čay)
- sī- суффикс сходства
- n- возвратный суффикс
- a- суффикс деепричастия настоящего времени

Ж. Дени дает, однако, другое объяснение: *ža-sī-n-a*, считая, что этот морфологический комплекс имеет в основе суффикс *-ža* (<čay), усиленный при помощи элемента *-sīna*, который, вероятно, является дательным падежом притяжательного суффикса 3 лица².

Суффикс дуративных глаголов -a ~-ā

1. П. Мелиоранский, издавая филологический трактат Ибн аль-Муханны³, обратил внимание на имеющиеся в нем формы причастий на *-aḡān* ~ *-āgān* (*aḡān*, *berāgān*, *külāgān*), которые арабский автор рассматривает как интенсив к формам с суффиксом *-aḡān* ~ *-gān*. П. Мелиоранский достаточно подробно рассмотрел это явление. Прежде всего он установил, что такие же причастия на

¹ Юдахин, стр. 458.

² Делу, стр. 646 (§ 929), 1104 (дополнения к § 517), 502 (§ 796).

³ П. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке, Спб., 1900, стр. LIX—LXIV.

-ауап встречаются и в других произведениях мусульманских филологов (Абу Хайян, XIV в.) и в некоторых современных языках (татарский, близ Тобольска; кумыкский, киргизский, узбекский) они имеют преимущественно значение «часто совершающий какое-нибудь действие». Затем он считал возможным установить их связь с формами типа *barīdī*, *gālidī*, *barudī*, *gālūdī*, записанными самим Ибн аль-Муханной; первые из них имеют, вероятно, значение интенсивов, а вторые — потентативов; кроме того, он устанавливал их связь с парами глагольных основ типа: *toq-||toqī-*, *soq-||soqa-* и т. п.

На основе этих данных П. Мелиоранский высказал предположение, что в тюркских языках могли (а отчасти и сейчас могут) образовываться усилительные (интенсивные) и потентативные основы глаголов путем присоединения к глагольному корню гласного: в некоторых диалектах — узкого, в других — широкого. Образованные таким путем глагольные основы в разные времена и в разных диалектах могли употребляться в разных значениях для разных целей.

2. То же явление на основе данных турецкого языка рассмотрели Ж. Дени¹ и Н. К. Дмитриев². Первый зарегистрировал ряд параллельных суффиксов:

-уап	-тап	-тап	-пап	-гап
-ауап	-атап	-атап	-анап	-агап

Рассматривая вопрос о происхождении удлинённых форм, он высказал мысль, что они развились из кратких вариантов, однако он не старался установить, существует ли какое-нибудь различие в значениях обоих вариантов суффиксов (за исключением суффикса -ауап). Н. К. Дмитриев ограничился лишь замечанием, что -а присоединяется к односложным основам.

Что же касается кумыкского языка, то исследования Н. К. Дмитриева подтвердили факт существования там двух пар суффиксов, которые различаются между собой значением и сферой употребления:

¹ Denu, стр. 563—566 (§ 862), 569 (§ 865, прим.) 581—582 (§ 871), 456 (§ 706).

² Н. К. Дмитриев, Аффикс -уап в новоосманском языке, ДАН СССР, В, 1926, стр. 69.

-ауап (причастие настоящего времени)	-уап (причастие прошедшего времени)
-аџақ (при исходе на согласный)	-џақ (при исходе на гласный ¹)

Точно так же в киргизском и казахском языке, по свидетельству П. Мелиоранского², И. А. Батманова³ и К. Юдахина⁴, целый ряд суффиксов, образующих от глаголов прилагательные со значением склонности к какому-нибудь действию или со значением повторяющегося действия, получает дополнительный элемент -а; такими суффиксами являются: -ауап, -оуоп; -ауаџ, -оуоџ; -аџақ; -апақ, -опақ.

Среди них мы видим и суффикс -уап: аџауап «часто берущий»; қаџауап = қаџапақ «склонный к бегству». Заслуживает внимания то, что в киргизском языке, имеющем долгие гласные, в данном случае выступает -ā- (-ō-).

З. Н. К. Дмитриев⁵ пытался дать свод случаев, в которых выступает каждый из вариантов. Однако его список не является исчерпывающим и, кроме того, охватывает суффиксы другой категории (-а отыменных глаголов, -а деепричастий настоящего времени). Поэтому ниже мы даем новый их свод⁽⁴³⁾.

-уап наст. вр. (кумык.)	-ауап наст. вр. (кумык.), наст.-прош. вр. (чув. апап ⁶) прилагательные, обозначающие повторяющееся действие (тюрк. кирг. -ауап, казах.).
-------------------------	--

¹ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 156—160, 138—139.

² Мелиоранский, I, стр. 65.

³ Батманов, Грамматика, II, стр. 40; III, стр. 63.

⁴ Юдахин, стр. 27, 345.

⁵ Н. К. Дмитриев, Аффикс -уап в новоосманском языке, ДАН СССР, В. 1926, стр. 69.

⁶ Ашмарин, стр. 309—310 (§ 71).

-ǰақ буд. вр. (аз., в любом положении; кумык. -ǰақ после гласного)	-аǰақ буд. время (тур., в любом положении; кумык. -аǰақ после согласного).
-тақ прилагательные (тур.)	-атақ прилагательные (тур.)
-һақ прилагательные (тур.)	-аһақ прилагательные (тур.)
-апақ прилагательные (тур.)	-апақ прилагательные (тур.)
	„склонный выполнять что-нибудь; часто повторяющий какое-нибудь действие“ кирг. -āпақ, казах.)
-гақ прилагательные (тур.)	-āгақ прилагательные (тур.)
	-āуағ „склонный выполнять что-нибудь; часто повторяющий какое-нибудь действие“ (кирг., казах.: -ауағ)
	-āсақ — то же (кирг.)
[i]r — аорист, наст.-буд. вр. (общетюрк.) ¹⁴⁴⁾ , наст. вр. (аз.)	-аг аорист, наст.-буд. вр. (общетюрк.), буд. вр. (аз.)

4. Последний пункт мы излагаем в соответствии с толкованием Ж. Дени¹. Аорист в тюркских языках имеет формант -г, который, присоединяясь к основам на согласный, получает шесть форм: две с гласными широкого образования и четыре — узкого. Этот факт не является нормальным, но он возможен и имеет немало аналогий; во всяком случае, выделение вариантов с широким гласным связано с двумя обстоятельствами. С одной стороны, иногда (например, в азербайджанском) они имеют иной

¹ Дениу, стр. 935—936 (§ 1343).

семантический оттенок, чем варианты с гласными узкого образования, а с другой стороны, именно суффикс -г присоединяется к основам, обозначающим длительное действие. Таким путем возник турецкий суффикс -уог. В связи с этим не исключена возможность, что тюркские языки пытались выработать общий дуративный суффикс именно путем объединения его с рассматриваемым формантом -а.

5. Подобное удлинение глагольных основ известно также и в монгольских языках, и прежде всего в бурятском. Благодаря исследованиям Руднева и других мы знаем, что некоторые глагольные формы, образованные от удлиненных основ при помощи подобной морфемы, имеют иной семантический оттенок по сравнению с формами, образованными от неудлиненных основ, например:

-han, -hon	(< монг. -γsan)	-ahan, -ohon	давно	про-
	прошедшее			шедшее
	совершенное			совершенное
-gša, -gšo	(< монг. -γši)			
	настоящее	-ašša, -oššo	прошедшее	
	многократное		многократное	

Приведенные формы свидетельствуют о том, что в тюркских и монгольских языках существовала особая вторичная (видоизмененная) основа, которая обозначала действие, находящееся в процессе совершения и, следовательно, длящееся, не доведенное до конца или повторяющееся, почему эту основу и можно назвать дуративной.

6. Она образуется при помощи суффикса -а, и не исключена возможность, что этот суффикс имеет какую-то связь со вспомогательными глаголами: тюрк. ä- и монг. а- «быть». Как известно, оба этих глагола не получили прочной основы для постоянного существования и находятся, особенно в живой разговорной речи, на грани исчезновения. Они уступили место другим глаголам с более конкретным значением, и в тех случаях, когда возникает потребность передать понятие длительности (дуративности), употребляются глаголы: тюрк. tur-, yat-, монг. bayi- «стоять, лежать, быть» (если идет речь о состоянии покоя) или же тюрк. уйгү-, уог-, монг. уабу- «ходить» (когда говорится о действии, связанном с движением). Эти

глаголы даже превратились в особые дуративные суффиксы¹. Можно, следовательно, предполагать, что при таких обстоятельствах старый суффикс -а, -ā не получил широкого применения и сохранился только в некоторых диалектах, да и то лишь в отдельных формах^[45].

В связи с тем, что дуративный суффикс имеет то краткий, то долгий гласный (-а, -ā), следует предполагать, что раньше существовал вариант* -уа, однако не исключена и вероятность того, что удлинение гласного а — явление вторичное, возникшее не в результате утраты первоначального велярного согласного, а по аналогии с другими формами с подобным же значением (о них речь будет ниже); поэтому, возможно, первоначально суффикс имел форму -а.

Суффикс глаголов, выражающих желание или возможность выполнения какого-либо действия: тюрк. -а, монг. -уа

1. Исследования тюркологов не оставляют сомнений в отношении того, что в тюркских языках существует вторичная основа со значением желания или возможности выполнения какого-нибудь действия (*optativus, potentialis*). Так, в чувашском для этой цели употребляется суффикс -ај ~-еј (в удлиненной форме -ајг ~-ејг)², в турецком -а ~-ā. Образованные при помощи этих суффиксов основы могут иметь разные окончания спряжения, хотя и с некоторыми ограничениями: в чувашском нет некоторых форм, а в турецком употребляются только отрицательные формы, то есть формы, выражающие невозможность совершения какого-нибудь действия.

Опираясь на тот факт, что в староосманском языке форма со значением возможности образовывалась при помощи суффикса, начинающегося с узкого гласного (*sāvīmātāk* при современном *sāvātātāk*), Дени был склонен считать эти формы сложными образованиями, в которых в качестве второго члена выступает вспомогательный глагол и- «мочь», известный по староуйгурским текстам³.

¹ См. выше, стр. 204.

² Ашмарин, стр. 255—257 (§ 51).

³ Дену, стр. 377—379 (§ 592—593).

Соответствует ли это предположение действительности, трудно сказать, но не исключена возможность, что рассматриваемый суффикс мог иметь варианты и с узким гласным, независимо от происхождения, которое приписывает ему Дени.

С другой стороны, формы наклонения, выражающие разные оттенки желания совершить какое-нибудь действие, образуются в тюркских языках при помощи суффиксов -а, -уа, -ај, -қај, -уај, и Дени полагает, что эти варианты развились из первоначальной формы -қа, -қај¹ (46). Его мнение обоснованно, однако нам кажется, сюда можно внести некоторые дополнения, а именно — сравнить упомянутые оптативные суффиксы с указанным выше суффиксом возможности -а, -ај. В результате возникнет большое гнездо, в котором объединятся суффиксы, выражающие как желание, так и возможность выполнения действия.

2. Аналогичные суффиксы мы находим также на монгольской почве, причем не только в литературном языке, но и в диалектах. Необходимо тут учитывать следующие морфологические элементы:

монг.	диал.	бурят.		
-уа-гај	-ā-rǎ	-ā-raј	-ō-goј	форма приказания
-уа-сај	-ā-sǎ	-ā-saј	-ō-soј	(прескриптив)
		-ā-si	-ō-si	форма желательная
		-haј	-hoј	(оптатив)
-ба-су	-wā-sə	-ā-hā		форма условная
		-hā, -hō		(кондиционалис)

Что касается элемента -уа, который входит в состав суффиксов -уагај, -уасај, то Рамстедт полагает, что в оптативе и аналогичных формах (волюнтатив -уа, императив 1 и 2 лица, кондиционалис, прескриптив) общемонгольский язык имел, кроме нормальной глагольной основы, также основу, осложненную элементом -уа, который называется потетитативным и которому на тюркской почве соответствует -а². Некоторые исследователи сначала был

¹ Катанов, стр. 610—617 (§ 60); Дену, стр. 396 (§ 620), 925, 932 (§ 1343); Батманов, Грамматика, III, стр. 47—49; Дмитриев, Гр. кумык., стр. 121—123.

² Ramstedt, Konjugation, стр. 63, 71.

склонны принять мнение Г. И. Рамстедта, но позже признали, что основа, оканчивающаяся на -ya, представляет собой просто форму причастия прошедшего несовершенного, и именно так объяснили все формы (изъявительного и желательного наклонения), имеющие дополнительный элемент -a.

Более сложен вопрос об условном наклонении. Бурятские варианты этого наклонения: -hā и -āhā^[127] — позволяют предполагать, что и тут мы имеем дело с удлинением основы при помощи суффикса -a, -ya^[128]. Это предположение согласуется с формами суффикса, которые мы находим в «Сокровенном сказании монголов»: -asu (boŋu' asu, ūkü'esü), и которые, по-видимому, следует выводить из -yasu (*boŋuyasu, *ūkügesü); однако вопрос осложняется тем, что в монгольском литературном языке нормальным суффиксом является -basu, а -yasu выступает только в форме условного наклонения вспомогательного глагола bö: bögesü. В живых диалектах (кроме бурятского) этот суффикс встречается редко, но обычно в форме, совпадающей с литературной: -wasu, -wäsə (ордос., калм.). По-видимому, тут произошло разграничение форм. «Сокровенное сказание» и бурятский язык основываются на суффиксе -ya, а литературный язык и другие диалекты опираются на -ba, -wa. Однако это не противоречит выводу, что мы имеем здесь дело с вариантами одного суффикса, потому что чередование согласных b||w||γ(g) представляет собой общеизвестное явление на монгольской почве. Раньше мы полагали, соглашаясь с Бобровниковым и Поповым, что -ba является окончанием прошедшего времени; эту мысль, несмотря на возражения Г. И. Рамстедта, мы не отвергаем и теперь, однако более соответствующими действительности мы склонны считать выводы, представленные здесь.

3. Происхождение тюрко-монгольского суффикса -a, -ya, образующего оптативно-потенциальные основы, не ясно, однако не подлежит сомнению, что первоначально он не имел ничего общего с дуративным суффиксом -a. Только с течением времени обе формы начали смешиваться; этому способствовала фонетическая эволюция отдельных языков, которая привела к тому, что эти суффиксы получили одинаковую форму.

Спряжение

Общий обзор

1. На систему алтайского спряжения большое влияние оказали два обстоятельства: преобладание именного (номинального) типа предложения и тенденция к выражению при помощи суффиксов отношений зависимости одних предложений от других. В результате оказались слаборазвитыми другие категории (за исключением форм приказанья и желанья), особенно формы изъявительного наклонения (*verbum finitum*), в то время как система оригинальных именных форм развилась необычайно широко. При этом причастия и деепричастия (*converba*), если к ним присоединяются особые предикативные суффиксы, выступают не только в зависимых, но и в независимых предложениях. Почти совершенно нет союзов и местоимений или относительных наречий; иначе говоря, в алтайских языках чуть ли не вообще отсутствуют зависимые предложения, соединяющиеся с главными при помощи подобных слов; такие предложения выступают только в виде так называемых причастных оборотов, где сказуемое имеет форму причастия или деепричастия, причем для точного выражения отношения к главному предложению к ним добавляются в случае необходимости те или иные суффиксы: предикативные, притяжательные или суффиксы склонения¹⁰⁰.

— Таков общий характер спряжения, но отдельные его черты проявляются в разных языках неравномерно: в одних известные признаки более распространены, в других — менее; иногда же их вообще нет. С другими признаками дело обстоит иначе. По-видимому, эволюция первоначальной системы спряжения (если таковая существовала) шла в различных направлениях. Однако в целом образуется довольно согласованное единство, на фоне которого при более точном исследовании находят объяснение особенности, выступающие в отдельных языках и группах языков.

2. Ниже мы предлагаем читателю: 1) общий свод глагольных форм и 2) свод форм, которые употребляются в качестве сказуемого в зависимых и независимых предложениях.

Общий перечень глагольных форм

А. Формы самостоятельные

1. Повелительное наклонение (императив)
2. Желательное наклонение (оптатив)
3. Изъявительное наклонение (индикатив)

Б. Формы несамостоятельные

1. Субстантивные:
 - а) неопределенная форма (инфинитив)
 - б) существительные с глагольными признаками
 - в) существительные обычные
2. Адъективные:
 - а) причастия обычные
 - б) причастия специальные
 - в) прилагательные обычные
3. Наречные:
 - а) деепричастия обычные
 - б) деепричастия специальные
 - в) наречия обычные ^[50]

Глагольные формы в роли сказуемого

Независимые предложения	Зависимые предложения	Примечания
1. Повелительное наклонение		
2. Желательное наклонение ^[51]		
3. Изъявительное наклонение (с суффиксами или без них)		Отсутствует в тунгусском

4.	Причастия (без суффиксов) в определенных предложениях	В турецком и в тунгусском (с суффиксами)
5.	Причастия + предикативные суффиксы	Причастия + суффиксы склонения (иногда также притяжательные в дополнительных или обстоятельственных предложениях)
6.	Деепричастия обычные (без суффиксов)	В монгольском и маньчжурском отсутствуют предикативные суффиксы
7.	Деепричастия + предикативные суффиксы	Деепричастия специальные + притяжательные суффиксы
		В монгольском и маньчжурском отсутствуют предикативные суффиксы, а в тюркском — притяжательные

Все глагольные формы можно разделить на две группы, которые мы, за отсутствием соответствующих терминов, называем группой самостоятельных и несамостоятельных форм.

2. Первая группа охватывает формы, употребляющиеся исключительно как сказуемые независимых или главных предложений. Они образуют три наклонения: повелительное, желательное и изъявительное.

а) Повелительное и желательное по своей структуре примерно одинаковы во всех языках. Для образования их служат суффиксы, которые различают не только разные виды приказания, желания или намерения, но также и лица; такой двойной семантический характер суффиксов — для алтайских языков явление исключительное. Единственная форма приказания, обычно форма 2 л. ед. ч., не имеет никакого суффикса и представляет собой чистую основу глагола. Исключение составляют тунгусские языки, в которых и для этой формы имеется особый суффикс (1 л. -кта, 2 л. -ка?) и в известной мере тюркские языки, где часто к глагольной основе присоединяются

усилительные суффиксы (-qïŋ, -qïŋ). При таких условиях повелительное и желательное наклонения образуют довольно единый комплекс форм, которые в грамматиках чаще всего распределяют по лицам. Подробности — ниже, в особом разделе.

б) Изъявительное наклонение, как уже говорилось выше, развилось в разных языках слабо и при этом очень неравномерно. В тунгусских языках к нему можно отнести формы аориста, часть которых образуется непосредственно от глагольной основы с помощью предикативных суффиксов, а часть имеет перед предикативными суффиксами еще специальный формант аориста -га (во вспомогательных глаголах -si, -hi); они обозначают обычно действие только что законченное или же оканчивающееся в момент сообщения о нем. Этот формант -га следует отличать от суффикса причастия настоящего времени -gi. В тюркских языках имеется только одна нормальная форма изъявительного наклонения — прошедшее категорическое с суффиксом -di, -ti. Вероятно, здесь тоже имела ранее форма аориста с суффиксом -г (подобно тому, как в тунгусском -га), но теперь она выступает в качестве причастия настоящего времени. Только турецкий язык сохранил значение аориста с оттенком настоящего времени, но зато там возникла удлиненная форма дуративного характера (-уо-г), которая уже не имеет значения причастия, в связи с чем ее можно отнести к формам изъявительного наклонения.

Лучше всего эти формы развились в монгольских языках. Там имеется целая группа их: три (и даже больше, если учитывать различные варианты, происхождение которых до сих пор окончательно не выяснено) передают различные оттенки настоящего-будущего времени, а три — оттенки прошедшего времени.

В тунгусских и тюркских языках отсутствие форм изъявительного наклонения восполнилось с помощью несамостоятельных форм (вторая группа) с добавлением к ним предикативных суффиксов; таких суффиксов монгольские языки (за исключением калмыцкого и бурятского) не знают, и, по-видимому, это обстоятельство было причиной возникновения в них большого количества форм изъявительного наклонения.

Изъявительное наклонение в противоположность двум другим не различает лиц: во всех трех лицах выступают одни и те же формы, в случае необходимости лицо обозначают личные местоимения или предикативные суффиксы (в тех языках, где они имеются); часто же при некоторых формах суффиксы и местоимения употребляются одновременно.

3. Ко второй группе следует, кроме несамостоятельных форм, отнести формы, выступающие в качестве сказуемого зависимых предложений; они могут выступать в этой роли и в независимых предложениях, но тогда к ним обычно присоединяются предикативные суффиксы (если такие существуют) или глагол-связка, которая в настоящее время часто опускается.

Выражение сказуемого не единственная функция форм второй группы, как в предшествующей группе. Они могут выражать и другие члены предложения: подлежащее, дополнение, определение или обстоятельство, и тогда приобретают характер существительных, прилагательных или наречий. Отсюда идет и их деление на три категории: формы субстантивные (инфинитив и существительные обычные), адъективные (причастия и прилагательные обычные) и наречные (деепричастия и наречия обычные). Несамостоятельные формы, приобретая особенности другой части речи, сохраняют также и некоторые особенности глаголов, и прежде всего следующую:

они управляют теми же падежами, что и основные глаголы; только те формы, которые мы называем обычными или собственно существительными, прилагательными и наречиями, лишены особенностей глаголов.

а) В категории глаголов мы находим прежде всего инфинитив, но этот тип форм не получил в алтайских языках значительного распространения; он выступает только в тунгусских языках с суффиксом *-таq* (сокращенная форма *-та*). Этот суффикс проник и в область монгольских языков, где он образует только обычные существительные, да и то очень ограниченное число, например: монг. *хауигтау* «обман», *жогитау* (калм. *зöгтэг*) «отвага, отважный». Инфинитив получает суффиксы некоторых падежей и даже частицы, в результате чего образуются сложные формы типа деепричастий. Так, в турецком имеются сложные

суффиксы: -таqла («благодаря тому что; вследствие того что; несмотря на то что»), -таqсiзiн, -мадан («без того, чтобы») ¹, в монг. -тауҗа (бурят. -msо, -msаg, -msоg «как только»). В киргизском и в языке Восточного Туркестана встречается сложный суффикс -таqҗi, с помощью которого образуется особая форма спряжения (вид причастия), обозначающая намерение ².

б) Форма, очень близкая к -таq и называемая иногда инфинитивом II, образуется в тюркских языках с помощью суффикса -yи, -й, -и, -w; однако на первый план здесь выступают особенности, характерные для существительных, в монгольском же, как мы увидим далее, параллели этой формы имеют значение обычных имен.

Суффикс -yи соединяется с суффиксом -җi; в результате этого возникает сложный суффикс -yиҗi, с помощью которого образуются существительные, обозначающие действующее лицо. Существительные на -yиҗi еще не лишены особенностей глаголов: yazyиҗi «пишущий, писатель» (bitig yazyиҗi «пишущий письмо»). В монгольском этому суффиксу соответствует -yaҗi такого же субстантивно-глагольного характера: biҗigeҗi «пишущий, писатель» (sudur biҗigeҗi «пишущий книгу, писатель, автор») ¹⁵². Однако глагольные особенности здесь проявляются слабо.

в) Еще меньше они проявляются на тюркско-монгольской почве в глагольных существительных, обозначающих действие и образующихся с помощью суффиксов тюрк. -š, монг. -t и других ³. Таким образом, в этих языках наблюдается как бы постепенное стирание глагольных признаков и возникновение настоящих глагольных существительных.

В тунгусских глагольные признаки в существительных данного типа проявляются значительно сильнее, о чем свидетельствуют существительные, обозначающие не только действующее лицо, но и его действие или даже место: aйтmi «лечить», аiҗиппи «лекарь, врач», огогwo аiҗиппи «лекарь оленей» (буквально «тот, кто лечит оленей»);

¹ Делу, стр. 1047—1049 (§§ 1426—1428), 942—943 (§ 1348), 1042 (§ 1419), 943—947 (§ 1349), 1041 (§ 1419).

² Батманов, Грамматика, III, стр. 51—52; Баскаков, Насилов, стр. 223.

³ См. ниже, в главе, посвященной отглагольным существительным.

tesimī «вытирать, чистить», tesiwūp «орудие для вытирания или чистки», iktelwe tesiwūp «зубная щетка» («то, чем чистят зубы») ¹.

г) К адъективным формам относятся в основном причастия, более или менее соответствующие этой части речи в других языках, однако в алтайских языках они используются значительно более широко. Они употребляются не только в зависимых предложениях для выражения отношения какого-нибудь действия к действию главного предложения, но и в роли разных членов независимых предложений и могут как таковые иметь все суффиксы, характерные для данных членов предложения и частей речи — прилагательных или существительных. Это наиболее распространенная форма спряжения, которая может заменять различные недостающие формы: в независимых предложениях — формы изъявительного наклонения (чаще в тунгусских и несколько менее часто в тюркских языках), в зависимых — формы деепричастий. Имеются даже свидетельства тому, что многие формы изъявительного наклонения и деепричастий развились из причастий, так что причастия можно рассматривать как основу алтайского спряжения, которое в связи с этим приобретает вообще именной характер. Наконец, причастия (вместе с деепричастиями) служат для выражения отношений между зависимыми и независимыми предложениями и для этой цели получают суффиксы разных падежей. Поэтому отношения между предложениями выражаются тем же способом, что и отношения между членами предложения.

Причастия с суффиксами склонения имеют характер существительных и могут обозначать три категории понятий: действие («факт, что что-нибудь совершается»), действующее лицо («тот, который что-то делает, совершает») и объект или результат действия («то, что делается, создается»).

Количество причастий значительно больше того, которое известно в других языковых семьях, но в отдельных языках оно колеблется. Кроме того, не все причастия употребляются одинаково часто и выступают в одинаковой

¹ В а с и л е в и ч, Очерк, стр. 135—136; В а с и л е в и ч, Словарь, стр. 9, 137.

роли; здесь существуют различия. Чаще всего употребляются те, которые более близки по своему значению к индоевропейским и в большей степени принимают во внимание категорию времени.

В результате возникли две категории причастий; одна соответствует прилагательным и существительным, подлежит изменению, получая падежные и притяжательные суффиксы, и выступает в предложении не только в качестве определения и сказуемого, но и в роли дополнения и обстоятельства; другая соответствует обычным прилагательным, выступает в предложении чаще всего в роли определения и сказуемого, но иногда также с функцией дополнения и обстоятельств^[52]. Особого внимания заслуживает первая категория, которая сыграла в истории алтайских языков большую роль. Она немногочисленна: в ее состав почти во всех алтайских языках входят два причастия; одно обычно называется причастием настоящего времени и обозначает действия, одновременные с главным действием, а другое — причастие прошедшего времени, обозначает предшествующее действие. Приведем суффиксы этих причастий из всех языковых групп:

Языки	Причастия настоящего времени	Причастия прошедшего времени
тюрк. { <ul style="list-style-type: none"> орхон. якут. кумык. тур. другие 	-г -г -(а)žaq -(а)žaq -г	-duq -pīt (<-miš) -yan -dīq -qan
монг.	-χu	-γsan
маньч.	-га	-qa, -χα
тунг.	-gi	-ča

В тюркских языках, как видно из таблицы, существуют две пары отдельных причастий, но обычно языки пользуются только одной парой, а другая попадает в категорию второстепенных образований, часто уже застывших. Чаще всего можно встретить пару причастий на -г и -qap, значительно реже (именно в юго-западных языках) — пару с суффиксами -ǰaq и -diq. Существуют, однако, языки, которым известны смешанные пары, например кумыкский (-[a]ǰaq и -qap), якутский (-г и -pīt; последний суффикс соответствует суффиксу времени прошедшего неуверенного -miš других языков, так как вопреки ожиданию в якутском языке нет суффикса -qap).

Другие алтайские языки имеют только по одной паре причастий той же категории; заслуживает внимания то, что в маньчжурском языке имеются суффиксы -га и -qa, -ха, которые соответствуют особенно распространенной в тюркских языках паре -г и -qap.

Наиболее характерной особенностью этих категорий является то, что именно они употребляются во всех языках для образования так называемых причастных оборотов, причем без суффиксов они заменяют обычные придаточные определительные, дополнительные и сказуемые предложения (за исключением вышеназванных языков), а с соответствующими суффиксами и послелогами также подлежащие и обстоятельственные.

д) Другая группа причастий выражает не только временные отношения, но и особые оттенки, связанные с действием, например однократность или многократность, длительность, привычность, повторяемость, совершение или несовершение действия в тот или иной момент, необходимость и т. п. Вообще эта группа более многочисленна и разнородна, чем первая, но в отдельных тюркских и монгольских языках, а также в маньчжурском мы находим не много причастий этого типа, в то время как в тунгусских языках отмечено большое их количество. Эти причастия употребляются реже, чем первые, особенно редко в причастных оборотах; обычно же они выступают как прилагательные в роли определения или сказуемого — без каких бы то ни было суффиксов (за исключением вышеназванных языков) — и только иногда исполняют в качестве существительных роль подлежащего или сказуемого,

Характер действия	Монг.	Тюрк.	Тунг.			
			эвенк.	баргуз.	солон.	лам.
Однократное наст. времени (только что законченное)	-үсі					
Привычное прошедшее неопределенное	-day	(-dīq) -mīš	-wki -na			
Мнимое	-mš(калм.)	-mīš (кирг.)	-ksā			
Необходимость	-ydaɣuj	-mafi	-ɣat, -wkā	-ɣki	-ɣki	-nna, -maj
Действие, еще не законченное	-ya (edüj)	-qataq	-da, -ta			
Действие, которое собираются совершить		-asī	-mačin			-mna
Действие возможное или то, которое совершится в будущем			-ǰaɣa	-ǰiɣa, -ǰiɣō		
Действие, которое могло бы совершиться			-mča			-mč

получая при этом суффиксы соответствующих падежей. Для иллюстрации этой категории форм приведем свод суффиксов в различных языках, не претендуя, однако, на исчерпывающий материал.

е) Формы обычных прилагательных отличаются от причастий тем, что имеют очень мало глагольных признаков или вообще их лишены. Можно предполагать, что эта категория форм раньше представляла собой нормальные причастия, но постепенно была заменена в этой роли другими формами или вообще утратилась в результате изменений, вызванных эволюцией языка. Чаще всего мы имеем тут дело с мертвыми или полумертвыми суффиксами в словах, которые сами могут рассматриваться как в той или иной степени застывшие. В различных алтайских языках подобный процесс утраты давними причастиями их глагольных особенностей совершается неравномерно; бывают случаи, когда суффикс, кое-где еще сохраняющий свою продуктивность, в некоторых языках или даже говорах является уже совершенно мертвым элементом.

Подобные прилагательные чаще всего выражают два понятия: пассивное состояние предмета, способность или склонность к совершению какого-нибудь действия и подверженность какому-нибудь действию (например, «взятый, склонный брат, годный или достойный быть взятым»). Количество суффиксов, употребляющихся при образовании этих форм, очень велико, но чаще всего выступают следующие:

-qar, -qir, -qur или -yar, -yir, -yur — засвидетельствованы в тюркских и монгольских языках со значением пассивного состояния; в маньчжурском им соответствуют -хип ~ -хип, -sхип ~-sхип;

-таг и -таг — в монгольских (изредка в тюркских) языках с тем же значением;

-yaĭ, -xaĭ (-mxaĭ, -gxaĭ) — в монгольском обозначает пассивное состояние; -та-yaĭ и -mта-yaĭ выражают способность совершить какое-нибудь действие;

-паq, -саq, -qan, qaс — в тюркском обозначает способность к действию или усиление действия;

маньч. -сиqа — «годный или достойный какого-нибудь действия» (в монгольском этому суффиксу соответствует -taĭ или -ху metü).

ж) К наречным формам принадлежат деепричастия, которые более или менее соответствуют деепричастиям индоевропейских языков, но, как и причастия, употребляются в алтайских языках более широко, чем в индоевропейских; количество их здесь тоже значительно большее. Их нормальная функция — выражение сказуемого в обстоятельственных предложениях или просто замена обстоятельств как в зависимых, так и в независимых предложениях. Однако иногда в тюркских и тунгусских языках деепричастия употребляются в качестве форм изъявительного наклонения; причем в этом случае они имеют предикативные суффиксы. Таким образом, не всегда можно отграничить сферы употребления деепричастий и причастий; разные языки пользуются теми или иными формами неравномерно, и только частности определяют их парадигмы спряжения.

С точки зрения своего происхождения и роли в предложении деепричастия, как и причастия, можно разделить на две группы: деепричастия обычные (собственно деепричастия), более соответствующие индоевропейским, и специальные.

Обычных деепричастий некоторые алтайские языки имеют по два или даже по три. Нормально в них различаются, с одной стороны, действия, одновременные с главным, а с другой — действия, им предшествующие. Другими словами, существуют деепричастия как бы двух времен: настоящего и прошедшего¹⁵⁴⁾. Такая картина наблюдается в большинстве тюркских языков и в монгольском. Однако действия предшествующие часто разграничиваются тоже на две группы, а именно на действия, предшествующие главному действию только хронологически, и на действия, хотя и предшествующие главному, но тесно с ним связаны и сопутствующие ему в своих результатах; такую картину представляют монгольские и некоторые тюркские языки. Иногда же берется другой принцип разделения, а именно — противопоставление прошедшего времени будущему, то есть отграничение действий, предшествовавших в прошлом, от действий, которые будут предшествовать другому в будущем; такой принцип деления представлен в тунгусских языках. В результате возникли три деепричастия, из которых одно выражает действие

	Тюрк.							Монг.	Маньч.	Тунг.	
	орхон.	якут.	северн.	алт.	ново-уйг.	кирг. казах.	южн.			эвенк.	лам.
Одновременность, слитность	-а -i -и	-а [-i]	-а -i	-а -i	-а -i	-а -i	-а -i	-п	-me	-na	-nika
Предшествующее действие, соединение	-р	-an	-р	-р	-р	-р	-р	-čü -ǰü			
Предшествующее (хронологически) действие	-р	-at	-qač	-ala	-qač	-р	-р	-γad	-me -fi [-pi]	-mī ksa[-ksā]	-mī

одновременное и называется деепричастием настоящего времени (или «деепричастием слитным», по терминологии В. Радлова — «Gerundium der Verschmelzung»), другое — «деепричастие соединительное» (по терминологии В. Радлова — «Gerundium der Verbindung»), обозначающее действие предшествующее или связанное с главным, и третье — «деепричастие разделительное», которое обозначает действие хронологически предшествующее, но не связанное с главным. Это деление характерно для тюркских и монгольских языков, в то время как в тунгусских языках представлены деепричастия со значением действия одновременного, предшествующего в будущем и предшествовавшего в прошлом. О суффиксах деепричастий дает представление таблица на стр. 233:

Все три категории деепричастий были характерны, по-видимому, только для тунгусских и монгольских языков. Тюркские же языки различали только действия одновременные и предшествующие (вообще). Со временем в северных и восточных тюркских языках под влиянием соседних языков стали разграничиваться действия предшествующие. Так, в этих языках возникли три категории деепричастий и вошел в употребление третий суффикс: у якутов -*āt* (монгольского происхождения), в других же языках суффикс -*qač*, который близок монгольскому и тунгусскому суффиксам¹.

з) Деепричастия специальные развились главным образом из причастий, а в тюркских языках также и из инфинитива (-*maq* ~-*mäk*). Благодаря тому что для выражения различных обстоятельств часто пользовались формами причастий или инфинитива, имевшими суффиксы соответствующих падежей или послелогиче и частицы, суффиксы причастий и инфинитива так тесно соединились с дополнительными морфологическими и синтаксическими элементами, что возникли как бы специальные сложные морфологические элементы, происхождение которых говорящий не всегда мог себе представить. Таким путем возникли как бы новые формы спряжения, которые, утратив чуть ли не все именные особенности, стали неизменяемыми, то есть деепричастиями. Именно такие дееприча-

¹ См. ниже, в особом разделе.

ствия мы находим в тюркских языках (суффиксы: -qanča, -qalī||-aŋi, -maqta, -madan, -maqsižin, -inža), в монгольском литературном языке (суффиксы: -taŋa, -mauča, -χula, -γsaγar) и в маньчжурском (суффиксы: -taŋa, -γuaŋa, -χai, -tai).

Однако здесь существует важное исключение. В некоторых языках деепричастия подобного происхождения сохранили одну особенность причастий — способность присоединять к себе суффиксы: возвратные, в том случае, когда действующее лицо или логическое подлежащее зависимого и главного предложения одно и то же, либо личные, когда действующие лица разные. Эту особенность мы наблюдаем прежде всего в тунгусских языках, где, как указывает Г. Василевич, существуют три подобных деепричастия: степени (consecutiva) с суффиксом -knan, одновременности действия в прошлом или окончания его в прошлом (limitativa) с суффиксом -γasi и, наконец, цели (супин) с суффиксом -dā, -tā¹. В калмыкском языке известны два деепричастия: одновременности или конца действия в прошлом с суффиксом -tŋ (<монг. -taŋa) и временно-условное с суффиксом -χ'a (<монг. -χula); наконец, в бурятском имеются те же деепричастия, что и в калмыкском (-toŋo, -xoŋar, xoŋoŋ), а кроме того, деепричастия со значением предшествующего действия с суффиксом -msar, -msōg (<монг. mauča-γar) и дуративно-обстоятельственный суффикс -har, -hōg (<монг. -γsaγar). Тюркские языки подобной особенности не знают, по-видимому, вследствие того, что в них притяжательные суффиксы выступают перед суффиксами падежей, и, следовательно, когда глагол уже почти сливался с падежными суффиксами, притяжательные суффиксы уже не могли занять свое обычное место и перестали соединяться с подобной формой, тем более что возвратно-притяжательные суффиксы тюркским языкам неизвестны.

Не все специальные деепричастия развились из причастий на исконно родной почве: среди них есть и заимствованные (например, монг. -taŋa, маньч. γuaŋa), а также такие, происхождение которых до сих пор выяснить не удалось (например, монг. -g-un, тунг. -knan, -γasi)⁽⁵⁵⁾.

¹ Василевич, Очерк, стр. 111—113 (§ 38).

К специальным деепричастиям принадлежат условные формы, соответствующие условному наклонению индоевропейских языков. В тунгусских, тюркских языках, а также бурятском эти формы имеют особые суффиксы. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае тюркские языки не отличаются от остальных алтайских, но пользуются специальными личными суффиксами — теми же, которые мы находим (в роли предикативных) при форме изъявительного наклонения прошедшего категорического времени на *-tī*, *-dī*.

Категории времени, числа и лица

1. Алтайским языкам не чуждо понятие о нормальных категориях трех времен: настоящего, прошедшего и будущего, но они представляют их недостаточно определенно, так что иногда границы между ними стираются и одна и та же форма может обозначать два времени; например, форма, которая чаще всего обозначает настоящее время, может при разных обстоятельствах выражать еще прошедшее или будущее время. Точность момента совершения действия устанавливается описательно (*coniugatio periphrastica*) при помощи вспомогательных глаголов, которых во всех алтайских языках очень много. Из этих глаголов иногда развиваются суффиксы, которыми пользуются для образования особых основ, соответствующих залогам или видам индоевропейских языков. Отдельные случаи перехода вспомогательных глаголов в суффиксы наблюдаются и до сих пор; иногда один и тот же язык или говор использует вспомогательные глаголы параллельно и в роли самостоятельных слов и в форме суффиксов.

Кроме того, существует еще особая форма спряжения, которая вообще не различает категории времени: это аорист, выделенный исследователями как особая форма изъявительного наклонения в тюркских и тунгусских языках. Наконец, существуют инфинитивы, которые рассматриваются как глагольные имена, близкие причастиям, и которые имеют особенности как глаголов, так и имен. В тюркских языках выделяют даже две формы инфинитива: одна с суффиксом *-таq*, в которой преобладают

глагольные особенности, а другая с окончанием на -уи, -й, -и (-w) с преобладанием именных признаков¹⁵³¹.

2. В алтайских языках различаются два грамматических числа, и глагольные формы с именными признаками — то есть обычные причастия — в случаях, когда они выступают в роли существительных, могут иметь обычные суффиксы множественного числа. Однако в различных группах языков сфера употребления форм множественного числа значительно расширяется, хотя само число проявляется в них не одинаково. Чаще всего эта форма употребляется в северотунгусских языках в соответствии с основным своим принципом, согласно которому определения и сказуемые согласуются со словами, к которым они относятся, в числе и падеже, так что иногда можно встретить даже деепричастия с формантом множественного числа. Реже этот формант выступает в тюркских языках, но и здесь, согласно общему правилу, он присоединяется к формам 3 л. мн. ч. прошедшего категорического времени (-dī-lar ~-di-lār).

В монгольских языках глагольные формы (кроме причастий со значением существительных) суффиксов множественного числа в настоящее время не получают. Однако раньше было иначе. В «Сокровенном сказании монголов» и других памятниках XIII—XIV веков можно было часто встретить причастия, особенно часто прошедшего времени на -уsаn, с окончанием множественного числа даже в тех случаях, когда они выступали в роли согласуемого определения или сказуемого. По-видимому, это реликт значительно более широкого использования в те времена множественного числа вообще (может быть, под влиянием тунгусских языков).

В монгольской фразеологии словаря «Мукаддимат аль-адаб» при формах прошедшего времени на -ba ~-be часто выступает тюркское окончание множественного числа -lar (-ba-lar, тюрк.-dī-lar). Однако это единственное свидетельство подобного явления; пожалуй, оно было характерно только для какого-то монгольского говора, который находился в длительном контакте с тюркскими языками.

С другой стороны, в современных диалектах отмечаются попытки образования глагольных форм множествен-

ного числа при помощи многократного суффикса маньч.-*-сау* и тюрк. *-š*¹.

3. Обычное представление о трех лицах присуще алтайским языкам также в области глагольных форм; разумеется, при этом следует принимать во внимание также факт существования двух форм местоимения 1 л. мн. ч. — инклюзивной и эксклюзивной. Чаще всего на лицо указывает самостоятельное личное местоимение, которое выступает при глагольных формах в роли подлежащего. Однако весьма характерен и тот факт, что во всех алтайских языках употребляются еще особые местоименные суффиксы, которые добавляются к различным формам, особенно к формам, образованным от причастий. Эти суффиксы употребляются даже тогда, когда подлежащим в предложении является самостоятельное личное местоимение (в монгольских языках и в маньчжурском достаточно употребления только последнего).

Парадигмы тунгусского спряжения

1. Система спряжения, которой пользуются северо-тунгусские языки, обстоятельно исследована А. Кастреном; на основании его исследований Шифнер составил достаточно подробные парадигмы спряжения. Другие исследователи пользовались ими как образцами вплоть до последнего времени; лишь новые работы Богораза, Г. Василевич и других позволили дополнить и расширить эти парадигмы новыми частными фактами. Наиболее любопытной является попытка Г. Василевич представить весь комплекс тунгусского спряжения; однако, поскольку автор строит свою парадигму на одном примере, более систематичный анализ форм потребует ее изменения. К сожалению, отсутствие материалов не позволяет составить исчерпывающую и достаточно ясную схему спряжения.

Мы также стремимся сгруппировать спрягаемые формы на морфологической основе, то есть в соответствии с их происхождением; при этом мы опираемся на данные двух тунгусских языков — эвенкского (по работам Г. Василевич²) и ламутского (по работам Богораза³).

¹ См. выше, стр. 207.

² Василевич, Очерк, стр. 189—192.

³ Богораз, Тунгусский сборник, I, стр. 31—41.

2. В наших таблицах учитывается роль дуративного суффикса эвенк. -*жа*, лам. -*dd(a)*. Благодаря ему ряд форм могли быть противопоставлены друг другу как формы несовершенного (длительного) и совершенного (или неопределенного) действия. В настоящее время трудно провести систематическое их разделение, однако можно заметить, что противопоставление совершенных и несовершенных форм тунгусского спряжения с помощью дуративного суффикса зашло достаточно далеко. На алтайской почве его можно наблюдать еще в калмыкском языке, где дуративный суффикс -*жа* имеет широкую сферу употребления. В то же время турецкий суффикс -*уог* выступает только при образовании формы настоящего времени изъявительного наклонения; как нам кажется, это основная функция дуративных суффиксов.

В тунгусском спряжении различаются формы самостоятельные, то есть употребляющиеся в качестве сказуемого независимых предложений, и несамостоятельные, то есть выступающие в той же роли в предложениях зависимых. Первые, называемые обычно «*verba finita*», образуют три наклонения: повелительное, желательное и изъявительное. Формы повелительного и желательного наклонений до сих пор называют повелительными формами настоящего и будущего времени, но, поскольку они имеют совершенно особые окончания и различаются семантически, в наших парадигмах они выступают как отдельные наклонения.

Формы изъявительного наклонения с точки зрения их происхождения можно разделить на три группы.

Первая группа форм образуется непосредственно от основы простого или дуративного глагола с суффиксом -*жа*, -*dd(a)*, который, однако, с течением времени удлиняется ввиду присоединения суффикса -*га*. Сюда принадлежит аорист, который чаще всего обозначает настоящее время, но может иметь также значение прошедшего времени, близкого к настоящему, то есть, иначе говоря, обозначается не только действие в процессе его совершения, но и действие только что законченное, только что начатое или то, которое должно вот-вот совершиться. Эти формы имеют, следовательно, довольно неопределенный характер, который изменяется в зависимости от контекста, а иногда

и от диалекта. Однако они точно разграничены: суффиксы *-жа+-га* образуют настоящее время, а суффиксы *-т+-га* (*>-На*) — ближайшее будущее время. Для обозначения лиц и чисел эти группы форм пользуются специальными окончаниями.

Вторая группа образуется от обычных причастий с окончанием *-сā* (эвенкский, прошедшее время), *-жапā* (эвенкский, будущее время) и *-гi* (ламутский, настоящее-прошедшее время) и от специальных с окончаниями *-пki* (эвенкский, многократные формы), *-пāt* (эвенкский, значение необходимости), *-тс̄* (ламутский, *coniunctivus*) и др. В формах этой группы для различения лиц и чисел употребляются притяжательные суффиксы (вторая группа обычных суффиксов).

Третью группу образуют формы, состоящие из причастий главного глагола (в единственном и множественном числе) и вспомогательного глагола *-bi* в соответствующей форме. Чаще всего главный глагол выступает в форме причастия прошедшего или будущего времени, но можно встретить и формы какого-нибудь специального причастия, например на *-wkī* (привычность действия), *-gsā* (фиктивность), *-пāt* (необходимость), *-тасiп* (намерение) и т. п.

Повелительное наклонение

		эвенк.	лам.
Ед. ч.	1	emekte	
	2	emekeŋ	minali
	3	emegin	
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeget	
	1 (экскл.)	emektew	minahar
	2	emekeŋu	minald'i
	3	emektiŋ	

Желательное наклонение

(повелительное будущего времени, накл. цели)

Ед. ч.	1	emeŋnem	minadaku
	2	emežewi	minadaš
	3	emeŋnen	minadan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeŋnep	minadat
	1 (экскл.)	emeŋnew	minadakuŋ

2	emežewer	minadašon
3	emežnetin	minadatan

*Изъявительное наклонение**А. Простые формы**Аорист*

а) Образованный от обычной основы
(формы со значением законченного действия)

Настоящее совершенное

	эвенк.	лам.	
Ед. ч.	1	emet	minarom
	2	emenni	minand'i
	3	emen	minan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emet	minarop
	1 (экскл.)	emewun	minaru
	2	emesun	minaš
	3	emetin	minar

Настоящее совершенное

Ед. ч.	1	emet
	2	emenni
	3	emeren
Мн. ч.	1 (инкл.)	emetep
	1 (экскл.)	emetew
	2	emetes
	3	emetep

б) Образованный от дуративной основы
(формы со значением незаконченного действия)

Настоящее несовершенное

Ед. ч.	1	emežem	minaddom
	2	emeženni	minadendi
	3	emežen	minadden
Мн. ч.	1 (инкл.)	emežep	minaddep
	1 (экскл.)	emežew	minaddu
	2	emežes	minadeš
	3	emežetin	minadda

Настоящее время

Ед. ч.	1	emežem
	2	emeženni
	3	emežeren
Мн. ч.	1 (инкл.)	emežerep
	1 (экскл.)	emežerew
	2	emežeres
	3	emežere

Будущее I

Ед. ч.	1	minad'im
	2	minad'ind'i
	3	minad'in
Мн. ч.	1 (инкл.)	minad'ip
	1 (экскл.)	minad'iru
	2	monad'iš
	3	minad'ir

Ближайшее будущее

Будущее

Ед. ч.	1	emeželim	minadd'im
	2	emeželinni	minadd'ind'i
	3	emežeHen	minadd'in
Мн. ч.	1 (инкл.)	emežeHer	minadd'ip
	1 (экскл.)	emežeHew	minadd'iru
	2	emežeHes	minadd'iš
	3	emežeHe	minadd'ir

Б. Причастные формы простые

Настоящее несовершенное

Ед. ч.	1	minariu
	2	minariš
	3	minarip
Мн. ч.	1 (инкл.)	minarit
	1 (экскл.)	minariun
	2	minarišon
	3	minaritan

Прошедшее совершенное

Ед. ч.	1	emečew	minačau
	2	emečes	minačaš

	3	emečep	minačan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emečet	minačat
	1 (экскл.)	emečewun	minačaun
	2	emečesun	minačašon
	3	emečetin	minačatan

Прошедшее несовершенное

Ед. ч.	1	emežečew	minaddačau
	2	emežečes	minaddačaš
	3	emežečep	minaddačan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emežečet	minaddačat
	1 (экскл.)	emežečewun	minaddačaun
	2	emežečesun	minaddačašon
	3	emežečetin	minaddačatan

Прошедшее многократное

Ед. ч.	1	emeŋkiw
	2	emeŋkis
	3	emeŋkin
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeŋkit
	1 (экскл.)	emeŋkiwun
	2	emeŋkisun
	3	emeŋkitin

Будущее время

Ед. ч.	1	emežeŋew	minad'(i)ŋau
	2	emežeŋes	minad'(i)ŋaš
	3	emežeŋep	minad'(i)ŋan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emežeŋep	minad'(i)ŋat
	1 (экскл.)	emežeŋewun	minad'(i)ŋaun
	2	emežeŋesun	minad'(i)ŋašon
	3	emežeŋepin	minad'(i)ŋatan

Сослагательное наклонение

Ед. ч.	1	emetčew	minamču
	2	emetčes	minamčiš
	3	emetčep	minamči
Мн. ч.	1 (инкл.)	emetčet	minamčilti
	1 (экскл.)	emetčewun	minamčilbun
	2	emetčesun	minamčilšon
	3	emetčetin	minamčil

Наклонение намерения
(intentionalis)

Ед. ч.	1	emeč̣inmi
	2	emeč̣inni
	3	emeč̣inin
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeč̣intī
	1 (экскл.)	emeč̣inmun
	2	emeč̣innun
	3	emeč̣intīn

Долженствовательное наклонение
(necessitativus)

Ед. ч.	1	emeč̣etiw	minannau
	2	emeč̣etis	minannaš
	3	emeč̣etīn	minannan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeč̣etit	minannat
	1 (экскл.)	emeč̣etwun	minannaun
	2	emeč̣etsun	minannašon
	3	emeč̣etīn	minannatan

В. Сложные формы

Действия, совершившиеся в прошлом

Ед. ч.	1	emeče	bisim
	2	emeče	bisinni
	3	emeče	bisin
Мн. ч.	1 (инкл.)	emečeł	bisip
	1 (экскл.)	emečeł	bisiw
	2	emečeł	bisis
	3	emečeł	bisi
Ед. ч.	1	emeče	bičew
	2	emeče	bičes
	3	emeče	bičen
Мн. ч.	1 (инкл.)	emečeł	bičet
	1 (экскл.)	emečeł	bečewun
	2	emečeł	bičesun
	3	emečeł	bičetīn

Ед. ч.	1	емеџе	bižew
	2	емеџе	bižes
	3	емеџе	bižen
Мн. ч.	1 (инкл.)	емеџел	biženet
	1 (экскл.)	емеџел	bižewun
	2	емеџел	bižesun
	3	емеџел	biženetin

Действия, которые должны совершиться
в будущем или возможные

Ед. ч.	1	емеžе	bisim
	2	емеžе	bisinni
	3	емеžе	bisin
Мн. ч.	1 (инкл.)	емеžел	bisip
	1 (экскл.)	емеžел	bisiw
	2	емеžел	bisis
	3	емеžел	bisi
Ед. ч.	1	емеžе	bičew
	2	емеžе	bičes
	3	емеžе	bičen
Мн. ч.	1 (инкл.)	емеžел	bičet
	1 (экскл.)	емеžел	bičewun
	2	емеžел	bičesun
	3	емеžел	bičetin
Ед. ч.	1	емеžе	bižew
	2	емеžе	bižes
	3	емеžе	bižen
Мн. ч.	1 (инкл.)	емеžел	biženet
	1 (экскл.)	емеžел	bižewun
	2	емеžел	bižesun
	3	емеžел	biženetin

Действия привычные

Ед. ч.	1	emewki	bisim
	2	emewki	bisinni
	3	emewki	bisin
Мн. ч.	1 (инкл.)	emewkił	bisip
	1 (экскл.)	emewkił	bisiw

	2		emewkiŋ	bisiŋ
	3		emewkiŋ	bisi
Ед. ч.	1		emewki	bičew
	2		emewki	bičes
	3		emewki	bičen
Мн. ч.	1 (инкл.)		emewkiŋ	bičet
	1 (экскл.)		emewkiŋ	bičewun
	2		emewkiŋ	bičesun
	3		emewkiŋ	bičetin
Ед. ч.	1		emewki	bižewew
	2		emewki	bižewes
	3		emewki	bižewen
Мн. ч.	1 (инкл.)		emewkiŋ	bižewet
	1 (экскл.)		emewkiŋ	bižewewun
	2		emewkiŋ	bižewesun
	3		emewkiŋ	bižewetin

Действия необходимые

Ед. ч.	1		emeget	bisiŋ
	2		emeget	bisinni
	3		emeget	bisin
Мн. ч.	1 (инкл.)		emegetiŋ	bisiŋ
	1 (экскл.)		emegetiŋ	bisiw
	2		emegetiŋ	bisiŋ
	3		emegetiŋ	bisi
Ед. ч.	1		emeget	bičew
	2		emeget	bičes
	3		emeget	bičen
Мн. ч.	1 (инкл.)		emegetiŋ	bičet
	1 (экскл.)		emegetiŋ	bičewun
	2		emegetiŋ	bičesun
	3		emegetiŋ	bičetin
Ед. ч.	1		emeget	bižewew
	2		emeget	bižewes
	3		emeget	bižewen
Мн. ч.	1 (инкл.)		emegetiŋ	bižewet
	1 (экскл.)		emegetiŋ	bižewewun
	2		emegetiŋ	bižewesun
	3		emegetiŋ	bižewetin

Действия мнимые (фиктивные)

Ед. ч.	1	emegse	bisim
	2	emegse	bisinni
	3	emegse	bisin
Мн. ч.	1 (инкл.)	emegseŋ	bisip
	1 (экскл.)	emegseŋ	bisiw
	2	emegseŋ	bisis
	3	emegseŋ	bisi
Ед. ч.	1	emegse	bičew
	2	emegse	bičes
	3	emegse	bičen
Мн. ч.	1 (инкл.)	emegseŋ	bičet
	1 (экскл.)	emegseŋ	bičewun
	2	emegseŋ	bičesun
	3	emegseŋ	bičetin
Ед. ч.	1	emegse	bižew
	2	emegse	bižes
	3	emegse	bižen
Мн. ч.	1 (инкл.)	emegseŋ	bižet
	1 (экскл.)	emegseŋ	bižewun
	2	emegseŋ	bižesun
	3	emegseŋ	bižetin

Действия, которые только намереваются совершить

Ед. ч.	1	ememečin	bisim
	2	ememečin	bisinni
	3	ememečin	bisin
Мн. ч.	1 (инкл.)	ememečir	bisip
	1 (экскл.)	ememečir	bisiw
	2	ememečir	bisis
	3	ememečir	bisi
Ед. ч.	1	ememečin	bičew
	2	ememečin	bičes
	3	ememečin	bičen
Мн. ч.	1 (инкл.)	ememečir	bičet
	1 (экскл.)	ememečir	bičewun
	2	ememečir	bičesun
	3	ememečir	bičetin

Ед. ч.	1	ememečín bižew
	2	ememečín bižes
	3	ememečín bižen
Мн. ч.	1 (инкл.)	ememečir bižet
	1 (экскл.)	ememečir bižewun
	2	ememečir bižesun
	3	ememečir bižetin

В зависимых предложениях в роли сказуемого выступают причастия и деепричастия, образуя так называемые причастные и деепричастные обороты. В этом случае причастия (как обычные, так и специальные) получают окончания того или иного падежа с добавлением в случае необходимости притяжательного суффикса: возвратного, если предмет или действующее лицо одно и то же и в зависимом и в независимом предложении, или же личного, если предмет или действующее лицо различны. Причастные и деепричастные обороты выступают в роли различных членов предложения, причем следует обратить внимание на то, что даже в оборотах с определительным значением причастия имеют форму того же падежа и числа, что и определяемые слова, то есть целиком согласуются с ними.

Деепричастные обороты выражают разные обстоятельства; при этом обычные деепричастия остаются без изменения, присоединяя в соответствующих случаях лишь суффиксы множественного числа; к специальным же деепричастиям присоединяются притяжательные суффиксы для обозначения лица и числа, так же как к причастиям независимых предложений (формы изъявительного наклонения второй группы). К числу специальных деепричастий принадлежат деепричастия с окончаниями: эвенк. -knan (limitativus), эвенк. -rasī, лам. -ṅšij (contemporalis-limitativus), маньч. -ki (conditionalis).

К числу зависимых оборотов можно отнести также супин, который образуется от причастий с окончанием -da (эвенк.) и -da (-ta) (лам.) при помощи возвратно-притяжательного суффикса: единственного числа -wi (лам. -i), множественного числа -war (лам. -ur). Заслуживает внимания то, что формы супина идентичны с формами 2 лица желательного наклонения. Ниже мы даем только формы, образованные от специальных деепричастий.

Простые формы деепричастий

эвенк.

лам.

Условное наклонение

Ед. ч.	1	emerekiw	minaruku
	2	emerekis	minarākaš
	3	emerekin	minarākan
Мн. ч.	1 (инкл.)	emerekit	minarākat
	1 (экскл.)	emerekwum	minarukun
	2	emereksun	minarākašon
	3	emerektin	minarākatan
Ед. ч.	1	emežekiw	
	2	emežekis	
	3	emežekin	
Мн. ч.	1 (инкл.)	emežekit	
	1 (экскл.)	emežekwun	
	2	emežeksun	
	3	emežektin	

Наклонение одновременности (limitativus — contemporalis)

Ед. ч.	1	emeḡesiw	minaḡšiu
	2	emeḡesis	minaḡšiš
	3	emeḡesin	minaḡšin
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeḡesit	minaḡšit
	1 (экскл.)	emeḡesiwun	minaḡšiun
	2	emeḡesisun	minaḡšišon
	3	emeḡesitin	minaḡšitan
Ед. ч.	1	emeknenmi	
	2	emeknenni	
	3	emeknenin	
Мн. ч.	1 (инкл.)	emeknentī	
	1 (экскл.)	emeknenmun	
	2	emeknennun	
	3	emeknentin	
Ед. ч.		emeḡesiwi	minaḡšij
Мн. ч.		emeḡesiwer	minaḡšiur
Ед. ч.		emeknenmi	
Мн. ч.		emeknenmar	

Формы повелительного и желательного наклонений

1. Все алтайские языки обладают достаточно развитой системой глагольных форм, которые дают говорящему возможность выразить желание совершения какого-либо действия; в грамматиках отдельных языков такие формы обычно относят к повелительному или желательному наклонению. Оно предусматривает разные способы достижения цели, а именно: с одной стороны, более или менее категорическое приказание, просьбу, совет, убеждение, а с другой — желание, намерение, надежду, заботу и т. п. Все эти формы различаются по лицам и числам, при этом следует подчеркнуть, что даже большинство монгольских и маньчжурских языков, которые вообще таких грамматических категорий не учитывают, стараются в данном случае следовать тем же путем. Впрочем, в отдельных языках эта система не смогла развиваться равномерно и удержаться в строгих рамках нормы, особенно при распадении языков на диалекты и говоры. Разные оттенки значений, часто очень тонких, стали перекрещиваться. Одни формы заменились другими, некоторые из них утратились или изменили свою первоначальную фонетическую форму и семантику. Таким образом, произошло смещение форм и значений; например, одна и та же форма в разных диалектах стала обозначать разные лица и числа или разные оттенки приказания или желания. В результате парадигмы форм, выражающих, с одной стороны, приказание, а с другой — просьбу или желание, стали очень неоднородными и иногда включали неполный комплекс форм. Взаимно дополняя друг друга, они могут образовывать вместо нескольких разных групп лишь одну, более или менее полную. Еще большие различия заметны тогда, когда какая-нибудь форма перекочевывает из одной группы языков в другую, например из тюркских в тунгусские или монгольские. В таких случаях шедшую здесь в разных направлениях эволюцию помогают восстановить лишь самые кропотливые разыскания. Ниже мы даем для общей ориентации несколько парадигм суффиксов со значением приказания и желания, принадлежащих языкам, в которых различаются лица и числа. 2. Начнем с тюркских:

Суффиксы форм повелительного наклонения

	якут.		чув.	тур.	аз.	кумык.	казах.	кирг.
Ед. ч. 1	настоящее I	будущее II -iǰxtibin	-am					
2	0	-ar	0	0	0	0	0	0
3	-tın	-iǰxtın	-(t)tər	-sın -sun	-sun	-sın -sun	-sın -sun	-sın -sun
Мн. ч. 1		-iǰxtibit	-ar					
2	-iǰ	-arǰ	-ər	-in -un -iniz -unuz	-iǰ -uǰ -iǰiz -unuz	-iyiz -uyuz	-iǰdar -uǰdar -iǰiz -uǰuz	-iǰizdar -iǰiz -iǰizdar -uǰuz -uǰuzdar
3	-tın(n)ar	-iǰxtın(n)ar		-sınlar -sunlar		-sıllar -suǰlar	-sın -sun	-iǰsın -uǰsun

Суффиксы форм повелительного наклонения

	тат.	тув.	карагас.	саг.	хамийск.	кашг.	тар.
Ед. ч. 1							
2	0	0	0	0	0	0	0
3	-sīn -səp	-sīn -sun -zīn -zun	-sīn -sun -zin -zun	-sīn -sun -zin -zun	-sun	-sun	-sun
Мн. ч. 1							
2	-ïyüz -oƷoz	-ïyar -uƷar	-ïƷar -uƷar	-ïƷar -uƷar	-iƷ	-iƷ -uƷ -iƷiz -uƷuz	-iƷ -iƷlar -uƷ -uƷlar
3	-sīnnar -sənnar	-sīnnar -sunnar -zīnnar -zunnar	-sīnnar -sunnar -zīnnar -zunnar	-sīnnar -sunnar -zīnnar -zunnar	-sun	-sun	-sun -iſsun

	якут.		чув.	ст.-осм.	тур.	аз.	кумык.	казах.
Ед. ч. 1	-iim	-āyabīn	-əvin(ččə)	-am	-ayim	-am -ayim	-ayim	-ayin
2		-āyayin	-əzəp(ččə)	-asın	-asın	-asın		
3		-āraj	-in(-ččə)	-a	-a	-a		
Мн. ч. 1	-iax	-āyabīt	-əvərin(ččə)	-a(w)uz	-ayiz -afim -aq	-aq -ayiq		-aiq -aliq
2		-āyayit	-əzər(ččə)	-asijiz	-asiniz	-asiz		
3		-āyallar	-əzin(ččə)	-alar	-alar	-alar		

Собранные здесь данные свидетельствуют о том, насколько сложна система форм желательного наклонения в тюркских языках, и одновременно позволяют заметить тенденцию к ее упрощению. Наиболее полной является система якутского языка, который до сих пор сохранил повсеместно в употреблении ряд параллельных форм, более простых и более развитых. Точно так же хорошо развита система южнотюркских языков (например, анатолийского и азербайджанского), а также чувашского; в них сохранились во всех лицах не только отдельные, но иногда и параллельные формы. Между тем другие языки упростили свои системы до такой степени, что в них, собственно, сохранились только две формы, да и то едва лишь в первом лице (единственного и множественного числа), правда, с целой группой разнообразных вариантов. Чтобы можно было более четко разобраться в этой группе, мы дадим здесь основанную на исследовании Н. Катанова¹ и других источниках и по возможности ясную группировку суффиксов, выступающих чаще всего в первом лице.

Ед. ч.		Мн. ч.		
-ауһ	-ауһ	-аһһ (казах., кирг.)	-аһ	-аһ
-ауһ	-аһ, -аһ	-аһһ (уйг.)	-аһһ	-аһһар,
-аһ		-аһһ	-аһ, -аһ,	-аһар
-һ			-аһар	
		-аһһ	-аһар	
		-аһһар	-аһһ	
		-аһһ		

Перечисленные в этой таблице суффиксы -һ, -аһ и -аһ (якут. -һ) возникли в результате сокращения более сложных форм -ауһ, -ауһ и -ауһ; они выступают в некоторых диалектах (сибирских); что же касается -аһ и -аһ (без долготы), то эти формы могли возникнуть непосредственно в результате соединения -а+һ и -а+һ¹⁵⁷¹.

3. Тунгусские языки имеют полный комплекс рассматриваемых форм. Мы предлагаем здесь для примера суффиксы форм со значением приказа, употребляющиеся в четырех диалектах².

¹ Катанов, стр. 633—638, 647—654, табл. XIII.

² Бойцова, стр. 165.

	тунг.	негид.	солон.	нан.
1	-kta	-xta (-kta)	-gati, -kti	-gita
2	-kał	-xał (-kał)	-xa	-u, -ru, -du
3	-gin	-ŋin (-gin)	-gini	-gini
1 (экскл.)	-ktaw (un)	-ŋaj (gai), -ŋan	-gāri	-gipu
2	-kałū	-xasun (-ka- sun), -xan	-xaldū	-usu, -rusu, -dusu
3	-ktīn, -gītīn	-ŋitin (-gitin)	-gini	-giti

Кроме этих форм, в тунгусских языках существуют еще формы желательного наклонения, которые, однако, исследователи вслед за А. Кастреном обычно называют повелительными формами будущего времени. Приведем три группы суффиксов этих форм¹:

	эвенк.	солон.	лам.
Ед. ч. 1	-ŋna-m	-dū-ni	-daku
2	-dā-wi	-dā-wi	-daš
3	-ŋna-n	-dā-ni (-dāā)	-dan
Мн. ч. 1 (инкл.)	-ŋna-t	-dā-weli	-dakun
1 (экскл.)	-ŋna-w(un)	-dā-mū	-dat
2	-dā-war	-da-sū	-dašon
3	-ŋna-tīn	-dā-ni (-dāā)	-datan

Как видно из таблицы, формы желательного наклонения образуются от основ на -ŋna и -da(-ta). Первый суффикс напоминает тюркско-монгольский суффикс желательного наклонения -ya, -ā, а суффикс -da, -ta — общеалтайское окончание с аналогичным значением -d, -t, о котором еще будет идти речь. К основам, образованным при помощи указанных суффиксов, присоединяются окончания местоименного происхождения (притяжательные) с некоторыми особенностями.

4. Раздел суффиксов повелительного и желательного наклонений в маньчжурском языке в противоположность тунгусским удивительно беден. Собственно, мы имеем здесь только следующие формы, употребляющиеся как в единственном, так и во множественном числе:

¹ Castrén-Schiefner, стр. 28 (§ 77), 34 (§ 92) и сл.; Василевич, Очерк, стр. 107; Тунгусский сборник, I, стр. 24, 33; Бойцова, стр. 161—166 (§ 50).

- 1 -ki
2 0
3 -kini

Форма 2 л. повелительного наклонения представляет собой чистую глагольную основу; только в виде исключения некоторые глаголы имеют реликтовые формы с суффиксами -so, -su, а иные также с -fu, -n, -nde.

Наконец, существует форма, выражающая просьбу, с суффиксом -ċipa.

Желательное наклонение на -ki очень распространено; для выражения намерения и желания этот суффикс обычно соединяется с вспомогательным глаголом sembi «говорить», уabuki sembi «намереваюсь или намереваемся пойти», «пойду» или «пойдем».

5. Приведем группы суффиксов, образующих формы повелительного и желательного наклонений в монгольском литературном языке, а также в трех диалектах.

МОНГ.-ЛИТ. КАЛМ. ХАЛХ. ОРДОС.

Формы повелительного наклонения

Ед. ч.	1				
	2				
	3	-tuɣaj	-tχä	-t'ugā	optativus
Мн. ч.	1				
	2	-ɣtun (dχun -ɣtuj)	-tŋ	-otā -otō -tā -tō	benedictivus
	3	-tuɣaj	-tχā	-t'ugā	

Формы, выражающие просьбу, желание, позволение

Ед. ч.	1	-su	-sə	voluntativus
			-səwə	
			-sw	
			-səwədən	
			-swdŋ	
			-sūw	
			-sūwdŋ	

	2		-ā-čī	-ā	precativus
			-ō-čī		
			-īč		
	3		-a	-ga ¹	concoissivus
Мн. ч.	1	-ya	-yā	-yā	voluntativus
			-yō		
				-yā, -yē	
	2	-y		-i	precativus
	3	-it			concoissivus
		-a			

Как видно из таблицы, группа монгольских суффиксов хорошо развита, но значительно отличается от групп тюркской и тунгусо-маньчжурской.

Г. И. Рамstedt¹ подверг монгольские суффиксы подробному анализу, но встретился здесь с большими трудностями; со многими его взглядами теперь уже нельзя согласиться, однако преодолеть эти трудности мы не можем и до сих пор. Данный нами краткий свод суффиксов должен облегчить последующее рассмотрение вопроса:

I	II	III	IV
-su	-ya, -īya	-tu-yai	-ya-sa-i
-su-yai	-i-č, -i-t	-y-tu-n	
		-y-tui	-ya-ra-i
		-tu-n	

6. В формах повелительного наклонения, выражающих приказание 2 лицу (единственного числа), используется чистая основа без окончания; эта особенность известна всем тюркским и монгольским языкам. Специальные суффиксы добавляются иногда лишь для того, чтобы выразить более усиленное или более ослабленное приказание.

В тюркских языках для этой цели употребляется суффикс -gīl(-yīl), а также -čī, -čū; исключение составляет небольшое число языков (например, язык Восточного Туркестана, киргизский, кумыкский, казахский), где используется для этой цели суффикс -qīn (-yīn)². В некото-

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 4—14, 61—75.

² Deny, стр. 389—390 (§ 609); Мелиоранский, I, стр. 62; Дмитриев, Гр. кумык., стр. 119—121; Батманов, Грамматика, III, стр. 46.

рых случаях эти суффиксы употребляются так часто, что создается впечатление, будто они являются как бы постоянными формантами повелительного наклонения. Тюркологи (например, Ж. Дени) возводят -qïŋ (-yïŋ) к тюркскому глаголу qïŋ «делать», хотя вариант -qïp, -yïp доставляет им некоторые хлопоты. Эти ученые не учитывают того, что в монгольском языке глагол «делать» имеет форму ki- (<*qï-); следовательно, можно предполагать, что эта форма является корнем также и в тюрк. -qïŋ, -qïp. Таким образом, существующая в настоящее время гипотеза получает еще один аргумент в свою пользу⁽⁵⁸⁾.

В монгольском дополнительные суффиксы употребляются значительно реже, но в бурятском наблюдается присоединение к форме 2 лица повелительного наклонения суффикса -la (иногда -l-ši) для обозначения смягченного приказа и -dā для усиленного приказа. В калмыцком языке обращают на себя внимание суффиксы -lčp и -ltp, а также -lžōsāp и -ltōsāp, которые выражают некоторое усиление приказа или просьбы, например: sūlčp «сядь же» при sū «садись»¹.

В бурятском, по-видимому, употребляется частица со значением интенсивности -la, которая иногда присоединяется к местоимению 2 л. -lši; в калмыцких же суффиксах мы имеем как бы морфему другого происхождения, например суффикс отглагольного существительного -l + притяжательный суффикс (l-čp, -l-tp), то есть sūl-čp, а не sū-lčp. Таким образом, не только в тюркском, но и в монгольском выявляется тенденция, которая может привести к тому, что усилительные суффиксы, присоединяющиеся факультативно к глагольной основе, срастутся с ней в одно целое, а формы 2 лица повелительного наклонения будут иметь постоянный формант.

В тунгусских языках данный факт представлен в иной форме. Там чистые основы не образуют самостоятельных форм и формы 2 лица повелительного наклонения имеют обязательный суффикс, который никогда не бывает элементом факультативным. В северных языках в этой роли выступает суффикс -kaŋ, в южных — ряд других: в удэй-

¹ Котвич, Опыт², стр. 236 (§ 208, 2), 279—280 (§ 250).

ском (ороч.) -на (вероятно, сокращенная форма суффикса -kaŋ), в нанайском -ŋu, -du, -u.

В маньчжурском языке под влиянием монгольских и тюркских языков во 2 лице повелительного наклонения употребляется чистая основа. Однако в небольшом количестве глаголов, главным образом вспомогательных, встречаются остатки старой системы, а именно — суффиксы -su и -so; другие суффиксы, выступающие в повелительном наклонении глаголов, как, например, -n, -nu, -fu, принадлежат, собственно, к старым глагольным корням или основам.

7. Формы желательного наклонения в тюркских языках отмечены постоянным элементом -а, который, видимо, имеет для них основное значение, потому что образует специальные основы, выражающие желание. С помощью личных суффиксов от этих основ образуется ряд форм; так возникли параллельные турецкие и азербайджанские формы. Опираясь на указания Дени, мы можем полагать, что турецкие формы являются здесь старшими¹.

Вот их суффиксы:

	аз.	ст.-тур.	тур.
Ед. ч.	1	-m	-yīm
	2	-sān	-sīn
	3	0	0
Мн. ч.	1	-vuz	-yīz -īim
	2	-q	-q
	3	-sīz -lar	(-sīz) -sīnīz -lar

Следует заметить, что указанный суффикс -а совершенно не выступает в формах обычного повелительного наклонения.

8. Наряду с суффиксом основы -а в формах желательного наклонения выявляется факт существования еще ряда других элементов, сфера употребления которых, однако, ограничена. Сюда принадлежат: -sī, -tī, -ya, -i, -f, -q, -p, -(i)p, -m, -r, -yaŋ. Каждый из них появляется только

¹ Дени, стр. 413 (§ 645).

в некоторых формах, и при этом только в некоторых языках. Они присоединяются после суффикса -а и часто сочетаются парами, так что иногда в одной форме желательного наклонения можно выделить даже три таких суффикса. Встречающиеся иногда личные суффиксы присоединяются только после них, исключение представляет собой чувашский язык, в котором имеются любопытные отличия: суффикс -ip присоединяется в нем после личных суффиксов.

В суффиксах этой категории выявляется ряд особенностей, во многих случаях до сих пор не установлена окончательно не только их роль, но даже их форма. Поэтому сделаем несколько разъяснений.

а) В повелительных формах больше всего бросается в глаза элемент -sī, -tī. Во всех тюркских языках он выступает в третьем лице обоих чисел (во множественном числе иногда в сочетании с суффиксом -lar): -sīn (в сибирских диалектах также -zīn), в чувашском -(t)tər (во множественном числе -(č)čər). Можно предполагать, что этот суффикс не является специальным формантом третьего лица, потому что в якутском языке он употребляется также и в 1 лице (в виде -tī). Чередование -sī||-tī на тюркской почве объясняется, по-видимому, только диалектными различиями.

Тот же суффикс с такими же параллельными формами встречается и в тунгусских языках. В маньчжурском языке в качестве форманта 2 л. ед. ч. выступает -su, -so; в других тунгусских языках суффиксы -ta, -ti представляют собой составную часть окончания 1 и 3 л., например в эвенкийском -kta и -ktin. Параллелизм маньч. s||тунг. t, вероятно, объясняется тоже результатом диалектных расхождений, которые предполагаются и в тюркских языках.

Несколько иначе представляется, далее, вопрос в монгольском. Здесь мы находим в повелительно-оптативных формах формант 1 л. ед. ч. -su(γaj) и формант 3 л. обоих чисел -tu-γaj, а кроме того, во 2 л. мн. ч. — формант -γtun (бурят. -gtij, старая форма -dγun), который напоминает тунгусские -kta, -ktin. Вероятно, всюду выступает тот же элемент -sī, -tī, а чередование s||t используется для выражения различных лиц. Можно предполагать, что рассмат-

риваемый суффикс возник на тюркской почве и что первоначальной его формой было *-sī*, *-su*, то есть, иначе говоря, он имел два варианта с четырьмя формами; однако в некоторых диалектах вследствие их фонетических особенностей на первый план выдвинулась параллельная форма *-tī*, *-tu*. Этот суффикс приняли затем другие языки; при этом тунгусские языки благодаря контактам с различными тюркскими диалектами сохранили также чередование *s||t*, а монгольские использовали его и для морфологических целей.

Этот суффикс принимает формы различных лиц, что, видимо, связано со слабым разграничением этих форм вообще.

Следует, наконец, заметить, что во всех группах языков он соединился с элементом *-k*, о котором речь будет идти ниже; итак, имеем: в якутском — *-ixtīn*, в тунгусском *-kta*, *-ktin*, в монгольском — *-γtun*.

б) Суффикс *-ya* в полной основной форме выступает только в якутском языке; чаще всего, однако, встречается вариант *-j*. В прошлом исследователи совершенно не учитывали первого варианта и, видя, что *-j* стоит обычно после вышерассмотренного суффикса *-a*, выделяли особый суффикс *-aj*, который, по их мнению, восходит к *-qaj* (*-γaj*)¹. Они не учитывали того факта, что *-qaj*, *-γaj* выступает на тюркской почве только в полной форме (с начальным согласным) и образует параллельные формы, так что в отдельных диалектах встречается не только *-aj*, но и *-qaj*, *-γaj*. Именно данный факт заставляет нас отвергнуть это предположение и признать *-j* вариантом суффикса *-ya*. Суффикс *-ya* часто употребляется в монгольских языках, где он образует 1 л. мн. ч. (а иногда и ед. ч.) так называемых повелительных, а точнее говоря, желательных (оптативных) форм (по терминологии Г. И. Рамстедта — волюнтатив). В литературном языке он выступает в виде *-ya*, в живых диалектах — *-yā*, *-ya̅*, *i* и *-yan* (ордос.). Формы, образованные при помощи суффикса *-ya*, обозначают поощрение к совершению какого-либо действия или намерение его выполнить¹.

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 10—11, 73—75; Котвич, Опыт², стр. 239 (§ 209, 2).

Здесь следует принять во внимание еще одну форму. В монгольских диалектах часто выступает форма со значением просьбы, которую Г. И. Рамstedт называет прекативом. Она относится к 2 лицу обоих чисел, которое, между прочим, выражается употребляющимся после нее личным местоимением *-či*, *-ta* (или в сокращенной форме *-č*, *-t*). Эта форма образуется в калмыкском и бурятском при помощи суффикса *-ĭ*, а в других диалектах, например халхаском, *-ā* или *-ō*. Так, в калмыкском встречаем *awič* и *awit* «прошу тебя (вас) взять, будьте добры взять», в халхаском — *sūgāč* *sūgāt* «прошу тебя (вас) сесть»¹.

Происхождение этой формы, которая отсутствует в литературном языке, не ясно; напрашивается предположение, что и здесь мы имеем дело с суффиксом желательного наклонения *-ya* или с каким-либо живым вариантом, соответствующим образом сократившимся в *-ĭ*. Если принять эту гипотезу, мы имели бы интересную монгольскую параллель к тюркской форме 1 л. ед. ч. желательного наклонения, которая в сибирских диалектах имеет также сокращенный вариант *-im*.

в) Суффикс *-ĭ*, *-i* выступает только во множественном числе тюркских форм, иногда самостоятельно, а чаще в сочетании с другими элементами, образуя сложные суффиксы *-ĭm*, *-ĭq*, *-iŋ*. Первоначально, вероятно, он выступал в форме *-ĭ*; что же касается варианта *-i*, то он развился вторичным путем или из суффикса *-ĭq*, *-li* в результате отпадения последнего согласного (в киргизском выступает и *-ĭq* и *-li*), или же, скорее, в результате ошибочного членения приведенных сложных суффиксов, где *i* является, возможно, соединительной гласной. В некоторых говорах Восточного Туркестана *-ĭ* заменилось *-p*, например в Турфане *-epi* (в других говорах этого края *-eli*), в Хами *-aiŋi*.

Суффикс *-ĭ* получил в тюркских языках широкое распространение, он выступает так же часто, как и *-i*, *-yī* (*<-ya*), поскольку часть диалектов использует один, а часть — другой суффикс; иногда даже в одном языке (например, в казахском, ойратском, караимском, узбек-

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 6, 65—67; Котвич, Опыт², стр. 235—236 (§ 208,1).

ском) можно встретить параллельно оба суффикса (-ауїq, -аїq). Элемент -ї привлекает особое внимание тюркологов как составная часть суффикса -їm, который находим уже в Codex Sinaiticus и который сохранился до сих пор в турецком, караимском, белтырском и гагаузском языках. Однако прежние попытки объяснить его происхождение не дали желаемых результатов, как это вынужден был отметить Н. К. Дмитриев¹. Не претендуя на разрешение этого вопроса, мы можем, однако, указать два пути, по которым следовало бы вести дальнейшие исследования. Один путь мы находим в тюркских языках, а другой — в монгольских.

1. В связи с тем, что суффикс -ї встречается только в формах множественного числа, можно предположить, что он имеет какую-то связь с нормальным формантом этого числа -ıag, который иногда присоединяется и к глагольным формам. Мы уже имели случай высказать предположение, что -ıag развился из общеалтайского суффикса собирательности или множественности -*ı, который в тунгусских языках выступает даже в качестве окончания множественного числа²; к этой мысли мы возвращаемся и сейчас. Вероятно, та же морфема выступала на тюркской почве в виде приставки, но не исключена возможность, что суффикс -ıag утратил конечный согласный и вошел в сокращенной форме в состав оптативных суффиксов. В таком случае -їm, как суффикс I л. мн. ч., мог представлять собой часть той же парадигмы тюркских притяжательных суффиксов, что и -s-ı и -ıag-ı¹⁹⁰¹.

2. В монгольских языках, особенно в живой речи, употребляется утвердительная частица -la (возможно, <-ele). Она присоединяется ко всем глагольным формам, а в литературном языке ее можно встретить даже в форме желательного наклонения на -ya, например žıgıya-ıa «давайте веселиться!» Калмыцкий язык тоже часто пользуется этой частицей, но наряду с ней употребляет частицу -ıp, которая также может присоединяться к разным глагольным формам. Последняя форма возникла, вероятно, в результате соединения двух утвердительных

¹ Дмитриев, Строй, стр. 39.

² Kotwicz, Les pronoms, стр. 29—30.

частиц: $\text{fa} + \text{pö}^1$ и по своему звучанию соответствует тюркскому суффиксу $-\text{im}$; не имеется ли, следовательно, какой-нибудь связи между этими двумя морфемами? Частица $-\text{fa}$ известна также и в тюркских языках, особенно в языках Сибири и Восточного Туркестана, где она очень распространена. Любопытнее всего то, что она присоединяется также к формам желательного наклонения; приведем несколько примеров из тувинского литературного языка: $\text{a}\text{f}\text{aj}-\text{l}\ddot{\text{a}}-\text{b}\ddot{\text{a}}\text{p}$ «конечно, возьму!»; $\text{pa}\text{q}\text{aj}-\text{l}\ddot{\text{a}}-\text{s}\ddot{\text{a}}\text{p}$ «конечно, пойдешь!»; $\text{tu}\text{š}\text{q}\text{aj}-\text{l}\ddot{\text{a}}-\text{s}\ddot{\text{a}}\text{p}$ «встретитесь!»; из туркестанских наречий: $\text{'a}\text{f}\text{aj}-\text{fa}$ «возьму же», $\text{a}\text{'aj}-\text{li}(\text{q})-\text{fa}$ «**ВОЗЬМИ** же!»; $\text{a}\text{ls}\text{up}-\text{fa}$ «пусть он возьмет (пусть они возьмут)!»^{2 (61)}. В киргизском языке выступает частица ele , которая придает разным оборотам характер решительности, безусловности³.

г) Окончание $-\text{q}$ встречается только во множественном числе в сочетании с суффиксами $-\text{aj}$ и $-\text{a}\text{f}$, причем одинаково часто и с тем и с другим. Это абсолютно тот же элемент, который в комплексе личных суффиксов специальных представляет собой формант I л. мн. ч.⁴ Его происхождение так же загадочно, как и суффикса $-\text{y}$ той же группы: и $-\text{q}$ и $-\text{y}$ не имеют ничего общего с местоимениями, на которые они должны были бы опираться. В некоторых диалектах центральной Сибири, например в шорском, сагайском, койбальском, тувинском, карагасском, а также в языке орхонских надписей суффикс $-\text{q}$ заменяется даже местоименным суффиксом $-\text{b}\ddot{\text{i}}\text{z}$, $-\text{b}\ddot{\text{i}}\text{s}$ ($-\text{m}\ddot{\text{i}}\text{z}$)⁵. Тюркологи (например, Ж. Дени) ищут для $-\text{q}$ параллель даже в венгерском языке⁶, но до сих пор никто не пытался найти ее в более близких областях, а именно тунгусо-маньчжурских языках, где элемент $-\text{k}$ сыграл, вероятно, немалую роль.

Прежде всего здесь следует принять во внимание монгольские суффиксы $-\text{ki}$ и $-\text{ki}\text{ni}$, которые выступают,

¹ Котвич, Опыт², стр. 277—278 (§ 247), 327—328 (§ 307).

² Катанов, стр. 760—761, 853—854, 888—889; Баскаков, Наилов, стр. 220—221.

³ Юдахин, стр. 223.

⁴ Батманов, Грамматика, III, стр. 48.

⁵ П. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке, стр. LXX—LXXII.

⁶ J. Deny, Les langues du monde, стр. 213.

как мы уже видели, также в I и 3 лицах оптативно-повелительных форм. Кроме того, все тунгусские группы притяжательных и личных суффиксов имеют в своем составе уже известные нам окончания; любопытнее всего то, что во многих из них мы находим элемент -k (в удлиненной форме -gi). В связи с этим возникает вопрос, не является ли это -k тем же суффиксом, который известен нам из тюркских языков и который проник в маньчжурский. Однако здесь следует учесть одно обстоятельство: уже Г. И. Рамстедт обратил внимание на то, что во многих монгольских языках (например, калмыкском, бурятском, халхаском, ордосском) существует окончание -g, которое часто включается в состав форм 3 лица повелительного наклонения, но выражает скорее позволение (concessivus). По мнению Г. И. Рамстедта, это -g заимствовали тунгусские языки и маньч. -ki является его вариантом¹. Этот исследователь упустил, однако, из виду тюрк. -q, поэтому с его мнением согласиться трудно. По всей вероятности, оба суффикса: монгольский -g и тюркский -q, оказали свое влияние на тунгусо-маньчжурскую систему, но, естественно, каждый в своей области. Здесь следует провести какой-то рубеж в соответствии с основным значением этих суффиксов, а именно: можно предположить, что в тунгусо-маньчжурских формах I лица (обоих чисел) представлен тюркский суффикс, а в 3 лице — монгольский.

Элемент -ki, -k выступает на тунгусской почве еще в условных формах. Он добавляется к именным глагольным формам на -ga, -pa, -da (-ta), -la и -ža(ča); таким путем образуются сложные суффиксы -gaki (-gak), -žaki (-žak) и т. п. Поскольку условные действия часто достаточно тесно связаны с действиями желательными, не исключена возможность, что -ki, -k тунгусских условных форм является эквивалентом тюркского суффикса -q.

Ввиду того что элемент -k широко распространен во всей области алтайских языков, и прежде всего в системе желательных и условных форм, естественно будет предположить, что на почве тюркских языков его тоже использовали в желательных формах и что там он употреблялся в качестве форманта I л. мн. ч., то есть в наи-

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 69—70.

более важной из этих форм. Только позже он, вероятно, проник, именно как формант 1 л. мн. ч., и в группу притяжательно-личных суффиксов.

д) Окончание *-ŋ* выступает только во множественном числе, причем либо совсем без элементов (*-āŋ* алт., ойрат., саг., койб.), либо в сочетании с *-t* (*aŋtaŋ*, карагас., кызыл.); каково его происхождение, сказать трудно. В группах притяжательных и личных суффиксов *-ŋ* выступает в качестве суффикса 2 л. ед. ч.; кроме того, во многих диалектах он употребляется в притяжательных формах 2 л. мн. ч. наряду с нормальным суффиксом *-ŋiz*. В двух последних случаях связь между обоими *-ŋ* несомненна, но можно ли сказать, что здесь мы имеем дело с тем же суффиксом, который употребляется в 1 л. мн. ч. желательного наклонения? Правомерно было бы предположить, что суффикс *-ŋ* перекочевал из одной грамматической формы в другую ввиду того, что последняя охватывает не только 1, но и 2 лицо (сравните «идемте») — ведь в повелительных и желательных формах подобные передвижения суффиксов из одного лица в другое не представляют собой явление исключительное. Однако в данном случае установление такого факта затрудняется тем обстоятельством, что происхождение *-ŋ* вообще, так же как и появление его в рассматриваемых группах форм, еще не разгадано.

е) Значительно менее употребительны элемент *-g* (возможно, *-ag* или *-ga*). На тюркской почве он встречается главным образом в чувашском и якутском в повелительно-желательных формах разных лиц обоих чисел (якут. *-āg* и чув. *-əg*).

Этот суффикс выступает, вероятно, и на монгольской почве: уже Бетлингк сравнивал окончание 3 л. форм желательного наклонения в якутском языке *-āgaŋ* с монгольской формой прескриптива на *-yagaŋ*¹, и Г. И. Рамstedт это сравнение одобрил². Следует также помнить, что в некоторых южнотунгусских языках, например в гольдском (нанайском), 2 л. ед. ч. повелительного наклонения образуется с помощью суффикса *-gi*.

¹ Böhlingk, Über die Sprache der Jakuten, стр. 304 (§ 516, 5); Ramstedt, Konjugation, стр. 62—64.

² Ramstedt, Konjugation, стр. 63.

ж) Функцию желательного суффикса исполняет также *-ip* (возможно *-n*). Чаще всего он входит в состав суффикса I л. ед. ч. *-auip*, известного во многих тюркских диалектах. В сознании говорящих суффикс *-ip* должен был сочетаться с понятием именно признака I л. ед. ч., тем более, что во многих диалектах ему соответствует *-m*. Однако это понятие ошибочно, потому что *-ip* в чувашском, а может быть, и в якутском появляется также и в 3 л. повелительного наклонения. Кроме того, в чувашском он встречается в формах желательного наклонения после местоименных суффиксов I л. обоих чисел (*-v-ip*, *-vɛr-ip*)¹²². Значение его не ясно; Н. Ашмарин, не сумев составить себе о нем представления, пытался установить его происхождение на почве других языков¹, с чем трудно согласиться.

На тунгусской почве этот же суффикс можно найти в качестве составной части 3 л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения *-gip* и *-ktin*.

з) Суффикс *-m* выступает в различных тюркских языках: азербайджанском, кумыкском, казахском, татарском — как формант I л. ед. ч.; Ж. Дени был склонен считать его вторичным элементом, который в формах желательного наклонения заменил по аналогии вышеуказанный суффикс *-ip* (*-n*)². Иначе его рассматривает Н. К. Дмитриев, который допускает, что здесь используются специальные личные суффиксы: в единственном числе *-m*, в множественном *-q*³; его мнение нам представляется правильным.

и) Суффикс *-qaj*, *-ɣaj* широко распространен в тюркских языках; он не известен только на юго-западе и, прежде всего, в турецком. Всюду он образует формы причастного характера и выражает действия желательные либо возможные или вообще те, которые должны совершиться в будущем. Такое значение сближает *-qaj*, *-ɣaj* с суффиксом тюрк. *-a*, монг. *-ɣa*, образующим основы желательного наклонения, что дало исследователям почву для их сопоставления. Н. К. Дмитриев⁴ считает их суффиксами одного порядка, полагая, что *-a* и *-qaj* образуют на тюркской

¹ Ашмарин, стр. 308 (§ 69).

² Дену, стр. 414 (§ 648, прим.); 932—933 (§ 1343, 10 с.).

³ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 121—123.

⁴ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 122—123.

почве два типа желательного наклонения, а Ж. Дени¹ и И. Батманов² возводят суффикс -а к -qaj. Эти взгляды трудно принять целиком. Прежде всего следует помнить, что -а образует только основу желательного наклонения, к которой при образовании форм желательного наклонения присоединяются еще различные суффиксы; сам же суффикс -qaj образует формы причастий. В настоящее время оба суффикса выступают в отдельных языках параллельно именно с такими значениями, поэтому мы не можем принять гипотезу происхождения -а из -qaj. Здесь есть также трудности и фонетического характера: суффикс -qaj имеет во всех диалектах, где он распространен, начальный согласный, который сохранился также и на монгольской почве. При этих условиях факт утраты -q является очень проблематичным; во всяком случае, он мог иметь место не всюду, да и то в далеком прошлом, то есть значительно раньше, чем эти два суффикса окончательно разграничились. Таким образом, не отвергая представленного объяснения, мы все же считаем, что при сравнении морфологических элементов -а, -aj и -qaj следует быть очень осторожным³.

На монгольской почве факт существования -yaj можно засвидетельствовать в нескольких группах форм самого различного характера. Прежде всего этот суффикс встречается в повелительном наклонении в качестве составной части суффиксов 1 и 3 л. -suqaj и -tuqaj. Вероятно, он играл здесь какую-то специальную роль, потому что основные элементы -su и -tu также имеют аналогичное значение. Заслуживает внимания тот факт, что -y- не утрачивается в живых диалектах. Предположение Г. И. Рамстедта, будто базой суффикса -tuqaj является *tuу, не основывается на каких-либо реальных данных⁴. В монгольском языке имеется, как мы уже видели, форма желательного наклонения, которая образуется с помощью суффикса -yasaj. Г. И. Рамстедт⁵ возводит его к *-ya-su-yaj. Однако с его объяснением трудно согласиться, так как существование *-yasuqaj не засвидетельствовано на

¹ Дени, стр. 925 и 932 (§ 1343).

² Батманов, Грамматика, III, стр. 48.

³ Ramstedt, Konjugation, стр. 72—73.

⁴ Там же, стр. 9—10, 70—72.

монгольской почве ни в письменных памятниках, ни в диалектах. Наоборот, эти источники доказывают, что в -suṡai — суффиксе, который Рамстедт считал, по-видимому, основой исходного элемента, — конечная часть (-ṡai) является элементом факультативным, ибо в старших памятниках (например, в «Сокровенном сказании монголов») чаще всего выступает лишь -su. Между тем весьма правдоподобна мысль, высказанная Г. И. Рамстедтом вскользь, о том, что, возможно, существует какая-то связь между монгольским суффиксом -ṡasai и тюркским суффиксом условных форм -sa (раньше -sar)¹. Конечные элементы -г и -i не являются основной частью суффиксов², а -ṡa- имеет обособленное значение и, как мы уже видели³, принадлежит основе^[44].

Исконными элементами здесь, следовательно, являются монг. -sa и тюрк. -sa. Поэтому никаких препятствий фонетического характера для отождествления обоих суффиксов нет; что же касается значения тунгусской и монгольской форм, то можно сослаться на пример с суффиксом -q, который тоже участвует, с одной стороны, в образовании форм желательного наклонения (в тюркских языках), а с другой, — форм условных (в тунгусских языках).

О происхождении подобного суффикса -ṡagai речь шла выше. В маньчжурском окончании -ṡaiṡa, которое также образует формы желательного наклонения с оттенком просьбы (aiṡaiṡa «пожалуйста, говорите»), можно выделить два элемента, из которых первый (-ṡai) образует условное деепричастие, а второй (-ṡa) является показателем формы. Так, например, aiṡaiṡa могло бы означать: «если бы ты сказал», то есть «пожалуйста, скажите».

Ф о р м ы и з ъ я в и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я
Киргизская форма изъявительного наклонения ele (монг. bile)

1. В тюркских, монгольских и маньчжурских языках существуют две частицы ele (=ia): одна утвердительная,

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 71—72.

² Kotwicz, Les pronoms, стр. 74—76. Ср. также замечание относительно суффикса -ṡu (стр. ...).

³ Там же, стр. 185—186.

часто с ограничительным значением «только, именно только»¹, а другая обобщительная: «все»².

Первая частица представлена, между прочим, в киргизском языке, где она, выступая после какого-нибудь слова, придает ему ограничительное, но особым образом подчеркнутое значение: *toquz ele kün qaldı* «осталось только девять дней»³.

2. Кроме этой частицы, в киргизском языке существует слово *ele*, которое выступает при сказуемом и играет как бы роль глагола-связки в прошедшем времени. Чаще всего это слово соединяется с именами (*tün ele* «была ночь») и причастиями; последние словосочетания выражают обычно предположение или опасение (*boŋor elem* «я был бы», *boŋon boŋoyoŋ ele* «как бы не было грозы»). Слово *ele* имеет личные суффиксы (предикативные) и, что следует подчеркнуть, те же специальные группы суффиксов, которые выступают в условной форме и прошедшем категорическом времени (на *-tī, -dī*).

О существовании этого слова до недавнего времени еще ничего не было известно. Лишь И. А. Батманов посвятил ему много внимания в своей киргизской грамматике. Он называл его служебным словом и рассматривал вместе со словами *emes* и *ekep*, отметив, однако, что эти последние возникли от недостаточного тюркского глагола *ä-, äŋ-* «быть» (хотя не на киргизской почве) и что происхождение *ele* до сих пор не известно⁴. Между тем одновременно с ним К. К. Юдахин в своем киргизско-русском словаре прямо утверждает, что *ele* — форма вспомогательного глагола «быть», и отсылает читателя к

¹ Катанов, стр. 760—761, 853—854, 888—889; Дыренкова, стр. 222 (§ 148); Котвич, Опыт², стр. 277 (§ 247), 328—329 (§ 307,1).

² Захаров, стр. 117 (§ 94—95), 189—190 (§ 161—162); И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь. СПб, 1875, стр. 175; Голстунский, I, стр. 84—85.

³ Юдахин, стр. 223.

⁴ Батманов, Грамматика, III, стр. 53, 65—68. В другом месте (стр. 71), вероятно, в результате какого-то недоразумения, Батманов, кажется, не отличает вспомогательного слова *ele* „был“ от одинаково звучащей частицы. Однако уже в работе „Части речи“ (стр. 19) автор совершенно определенно высказывается в пользу предположения о происхождении *ele* „был“ от глагола *ä-, äŋ-*.

глаголу ä-, äg-, правда, в довольно осторожной форме: «Сравни ä-...»¹.

Осторожность обоих исследователей вполне понятна: опираться в данном случае можно только на глагол ä-, äg-, но этого недостаточно — среди известных из разных источников производных от него мы не находим форм ele. Кроме того, вообще тюркское спряжение не знает форм с окончанием -le.

3. Поскольку даже такие распространенные формы, как emes и ekep, не находят опоры в области киргизского языка, для совершенно неизвестной формы ele следует искать тоже другой источник.

Таким источником может служить монгольский язык. Здесь в разных диалектах выступает суффикс прошедшего времени -la (собственно -la) с параллелью -luca в литературном языке. Очень много форм с этим более кратким окончанием -la встречается в пекинском издании повести о Гесер-хане (начало XVIII века). Среди них встречаем также форму bile «был» (монг. bölüge, калм. bilä), то есть параллельную с ele, образованную от недостаточного вспомогательного глагола bö- «быть»². Эту же форму bile отмечает словарь «Мукаддимат аль-адаб» (XIV—XV века). Слово ele, которое, несомненно, образовалось с помощью этого же суффикса, должно было бы означать (и действительно означает, когда употребляется самостоятельно) «был», но, сочетаясь с разными причастиями в сложной форме, могло передавать разные семантические оттенки.

*Загадочная форма изъявительного наклонения на -t
в «Сокровенном сказании монголов»*

1. В 1935 году Хениш — издатель текста «Сокровенного сказания монголов» — обратил внимание на три глагольные формы, образованные с помощью окончания -t, а именно: abčirat, köbgerit, ügület, хотя в комментарии ограничился лишь несколькими словами о них: «abčirat и köbgerit — неизвестные глагольные восклицательные формы на -t?»³. Сопроводив свое объяснение вопросом,

¹ Юдахин, стр. 224.

² Котвич, Опыт², стр. 309—310 (§ 283).

³ Haenisch, стр. 115.

Хениш хотел показать, что он не был уверен в правильности своего предположения.

Однако позднее мнение Хениша полностью принял А. С. Козин; заметив, что форма на -t представлена в вышеуказанном памятнике еще в нескольких глаголах, он постарался в особой статье объяснить ее значение и происхождение¹. Для этой цели он сравнил одиннадцать параграфов «Сокровенного сказания монголов» с соответствующими отрывками хроники «Алтан Тобчи» Лубсана Данжана (конец XVII века), которая охватывает большую часть текста XIII века; он рассмотрел семнадцать глагольных форм на -t, встретившихся в данном памятнике; этим формам соответствует главным образом частица со значением сомнения или неуверенности же. Примеры:

ügület (§ 21)	yabut (§ 195)
uxat же (§§ 21, 209)	nišit же (§ 227)
хубиальдүт же (§ 153)	eyetüldüt же (§ 248)
elset же (§§ 173, 176)	ba'ut же (§ 259)
abčirat же (§§ 174, 189)	morilat же (§ 265)
хатхүлдүт же (§ 176)	mököri'ülüt же (§ 278)
köbgerit (§ 189)	süyüt же (§ 278)
günesület (§ 195)	sa'ut (§ 279)
idet (§ 195)	

К ним следует добавить temečet (§ 64, дважды).

2. Как можно заключить из свода А. С. Козина, Лубсан Данжан уже не знал формы на -t, поскольку чаще всего опускал те предложения текста хроники, в которых она встречалась, лишь в редких случаях заменяя ее формами на -m или -хип. Это позволило А. С. Козину считать, что по своему значению форма на -t действительно близка известным монгольским образованиям на -m, -mij и -хип, но имеет некоторый оттенок сомнения, что подчеркивается частицей же. Касаясь ее происхождения, А. С. Ко-

¹ А. С. Козин, Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. Ученые записки ЛГУ, № 20, серия филологических наук, 1939, вып. I, стр. 28—33.

зин высказывает мысль, что та же морфема выступает прежде всего в немногочисленных отглагольных существительных типа *saγat* (*saγad*) «препятствие», *genet* (*gened*) «неожиданность», в окончании деепричастия *-tafa* и, наконец, в «глагольных именах» с суффиксом *-t*, *-it* в древнейших тюркских языках¹.

С выводами А. С. Козина относительно значения загадочной формы можно согласиться почти полностью. По-видимому, она действительно представляет собой форму изъявительного наклонения будущего времени, возможно, с некоторым оттенком сомнения, в связи с чем и употребляется специальная частица *je* «по-видимому, кажется, ведь». Такое значение достаточно явно обнаруживается в отрывках текста, изученных А. С. Козиним. Значительно труднее принять его предположение о происхождении этой формы. Частое употребление ее в «Сокровенном сказании монголов» доказывает, что редакторы хроники хорошо ее знали, но монгольской морфологии она была, несомненно, чужда и поэтому сравнительно быстро была вытеснена. Мнимые следы употребления ее в монгольском суффиксе *-t* очень ненадежны; особенно же сомнительна ее связь с таким широко распространенным суффиксом, как *-tafa*. Ранняя утрата формы на *-t* заставляет предполагать, что она не сумела оказать влияния на монгольскую морфологию и действительно была и оставалась для нее чуждой.

3. Более правильным нам представляется высказанная А. С. Козиним мимоходом мысль о связи суффикса *-t* с тюркской морфологией.

Случаи употребления в «Сокровенном сказании монголов» тюркских форм известны; здесь достаточно упомянуть формы на *-tsag*, которые исчезли так же быстро, как и формы на *-t*.

В тюркских языках широко распространена частица *tur*, *tir* (*dur*, *dür*), которую тюркологи возводят к глаголу *tur*-и которая иногда выступает в качестве связки, выражая некоторый оттенок сомнения, а иногда в качестве форманта 3 л. сказуемого. В некоторых языках (казахском,

¹ Так мы расшифровываем употребляемое Козиним сокращение „в др. тюр. языках“ (ук. соч., стр. 33).

узбекском) она сокращается в *dī*, а в киргизском и диалектах алтайских тюрков также в *-t*.

То же *-t* присоединяется к форме деепричастия настоящего времени с конечным *-a* (в киргизском и на Алтае) после согласных и на *-i* после гласных и образует форму 3 л. изъявительного наклонения со значением настоящего времени (иногда также будущего или прошедшего времени); например: кирг. *žazat* «пишет, напишет» (*žaz-* «писать»), *kelet* «приходит, придет» (*kel-* «приходить»), *bořot* «становится, станет» (*boř-* «становиться»), *kögöt* «смотрит, посмотрит» (*kög-* «смотреть»), *oquřt* «учится, будет учиться» (*oqu-* «учиться»), *žöpöřt* «уходит, уйдет» (*žöpö-* «уходить»). Подобные формы очень распространены в киргизском и в языке алтайских тюрков¹; с тем же значением они могли проникнуть на монгольскую почву.

Следует также отметить, что тот же суффикс *-t* употребляется также в чувашском языке для образования настоящего-будущего времени во всех лицах. Приведем парадигму спряжения от глагола *kařa-* «говорить»:

Ед. ч.	1	<i>kařařəř</i>	Мн. ч.	1	<i>kařatpəř</i>
	2	<i>kařařəř</i>		2	<i>kařařəř</i>
	3	<i>kařat'</i>		3	<i>kařařčəř²</i>

Высказанное выше предположение совершенно правдоподобно с хронологической точки зрения, так как киргизы господствовали в степях Средней Азии с середины X до середины XI века. Однако полная идентификация монгольской формы на *-t* с киргизской наталкивается на известные трудности. В монгольском языке суффикс *-t* добавлялся, как это видно из приведенных примеров, непосредственно к глагольным основам, а на тюркской почве — к формам деепричастия на *-a* или *-i*. Следует, однако, помнить, что монгольские глагольные основы оканчиваются преимущественно на гласный, а тюркские, наоборот, на согласный; однако ввиду того, что тюркские глаголы образуют формы деепричастия при помощи большой группы вокалических окончаний, эта разница как бы

¹ Батманов, Грамматика, III, стр. 26—27; Дыренкова, стр. 185—190 (§ 113).

² Ашмарин, стр. 303 (§ 64), 318.

стерлась, и монголу легко могло показаться, что, добавляя суффикс *-t* к своим глагольным основам, он поступает так же, как киргиз.

В киргизском форма с окончанием *-t* относится только к 3 лицу, но обычно никакой другой внешний формант не подчеркивает этого лица, поэтому монголы, мало знакомые с киргизским языком, могли предоставить суффиксу *-t* более широкую сферу употребления, то есть использовать форму на *-t* во всех трех лицах, как мы это видим в языке «Сокровенного сказания монголов» (во множественном числе *bida, ta, tede*).

Хотя предполагаемая первоначальная форма суффикса *-t*, а именно *tur*, имеет до сих пор в киргизском языке оттенок неуверенности, ее сокращенная форма, кажется, уже этого оттенка не имеет¹⁴³. Вероятно, это было замечено монголами, почему они и стали присоединять к ней в случае необходимости частицу со значением неуверенности — *je*. В результате данная форма могла отличаться от близкой по значению чисто монгольской формы настоящего времени на *-tu, -tuḷ*.

В данной связи можно также добавить, что в маньчжурском аналогичная форма настоящего времени (с окончанием *-mbi*) в тех случаях, когда ей необходимо придать оттенок неуверенности или предположения, получает частицу *dege*. Происхождение этой частицы неизвестно; во всяком случае, ее существование не установлено ни в тунгусском, ни в монгольском. Поэтому возникает вопрос, не заимствована ли она у тюрков, потому что частица *dege*, возможно, соответствует с фонетической и семантической точек зрения тюркской частице со значением неуверенности *dur, dūr*.

Причастия и деепричастия

Тюркский суффикс аориста -г

1. Неточное разграничение в алтайских языках категории времени послужило причиной возникновения в тюркских и тунгусских языках особых форм аориста. Он образуется с помощью суффикса *-г, -га*; впрочем, во

многих случаях первоначальное значение этого суффикса стерлось, и в разных языках он служит для образования разных форм, которые только более или менее точно определяют время или какую-нибудь другую категорию глагола. Чаще всего суффикс -г образует формы настоящего, ближайшего будущего или же недавнего прошлого времени. Они имеют характер причастий, но могут выступать в качестве изъявительного наклонения глагола. Подробности о роли суффикса -г в настоящее время следует искать в грамматиках отдельных тюркских и других алтайских языков.

В тюркских языках суффикс -г, присоединяясь к основам на согласный, получает шесть различных форм: две с широким гласным (-аг ~-ӓг) и четыре с узким (-ӓг ~-иг, -уг ~-ӱг), не считая собственно -г, выступающего после основ на гласный.

Между тем обычно в этих языках суффиксы имеют варианты либо только с широким, либо только с узким гласным. В связи с этим тюркологи предполагают, что первоначально элемент -г входил в состав двух суффиксов, одного — с широким гласным и второго — с узким гласным, и что эти суффиксы имели разные значения. Ведь и сейчас можно наблюдать, что в азербайджанском языке вариант -аг обозначает будущее время, а вариант с -ӓг — настоящее¹⁴⁴. Однако в большинстве языков эти формы со временем смешались, и сейчас часто можно встретить отдельные глаголы, которые не различают их значения и имеют суффиксы как с узким, так и с широким гласным. Иногда в связи с фонетическими особенностями диалекта одни формы начинают вытеснять другие; некоторые языки (киргизский, казахский) пользуются обоими суффиксами — и -аг и -ӓг, однако здесь их значения вообще слились и форма аориста стала соответствовать настоящему-будущему времени.

Не возражая против такого представления данной проблемы, мы, однако, считаем, что следовало бы разрешить вопрос, каким именно образом один морфологический элемент мог расщепиться на два с разными значениями. В данной связи можно предположить, не имеем ли мы в вариантах с широким гласным тот же дуративный суффикс -а, который спорадически выступает и в других

случаях ¹. Аналогичную мысль высказал уже Ж. Дени², и, по-видимому, ему не возражают другие исследователи, в частности Н. К. Дмитриев, который совсем недавно рассматривал эту проблему и сделал несколько замечаний³. Именно поэтому мы поместили выше вариант -аг в числе тех форм, которые образуются от дуративных основ. Если же мы откажемся от этого предположения, мы должны будем считать, что имеем дело с совершенно исключительным, однако допустимым явлением, о котором свидетельствуют аналогичные формы некоторых других тюркских суффиксов; разграничение же значений было бы тогда явлением вторичным.

2. Суффикс -г встречается также в чувашском спряжении. Речь идет о форме прошедшего времени (по терминологии Ашмарина⁴ — «прошедшее действие»), которая образуется с помощью суффикса -г от основ на гласные и согласные, за исключением основ на *l*, *p*, *g* либо с помощью суффикса -t от основ на *l*, *p*, *g*. Параллелизм начального согласного в суффиксе — особенность фонетики чувашского языка (ср. окончания местного падежа -га и -та, а также исходного падежа -ган и -тан). Единственным препятствием для признания этого времени за форму старого аориста могло бы быть его значение, так как преобразование аориста в прошедшее время, редкое в алтайских языках, однако, как мы увидим ниже, не единственное явление: аналогичное ему явление имеется и в других языковых группах.

3. В тюркских языках существуют четыре слова, оканчивающиеся на -г, структура и функция которых интересовали многих исследователей: *äg* «быть», *bag* «есть, существующий, присутствующий, существование, имущество, богатство», *tug* «есть» (глагол-связка), -уог — турецкий суффикс настоящего длительного (дуративного) времени.

Этимология указанных слов и суффиксов, особенно двух последних, неоднократно привлекала внимание многих тюркологов. Больше всего литературы посвящено

¹ См. выше, стр. 213—218.

² Дени, стр. 935—936 (§ 1343).

³ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 96—101.

⁴ Ашмарин, стр. 305—307 (§ 66).

суффиксу -уог; обзор этой литературы дал Т. Ковальский¹. Каждая основа исследовалась отдельно, но вообще преобладала тенденция рассматривать все эти основы в качестве корней. Однако при таком понимании этого вопроса возникали две трудности. С одной стороны, äg-, -tur и -уог утрачивают в некоторых случаях конечное -г; предполагалось, что оно исчезает перед некоторыми согласными в разных диалектах и говорах. С другой стороны, tur играет часто роль связки, а -уог образует настоящее длительное время, в связи с чем они должны были иметь какое-то окончание. Поэтому полагают, что -tur и -уог являются сокращенными формами turur и уогur².

Подобная гаплогогия не чужда тюркскому; так, в тувинском и карагасском аорист от основ на -г, кроме нормальных, имеет также формы сокращенные, так что тематическое -г вместе с последующим гласным утрачивается: turur > tur «стоит, есть», čogur < čög и čog «ходит», köür > kög и kög «смотрит»³; на Алтае глаголы tur-, otur-, d'ür «ходить» и даже d'at- «сидеть» образуют подобным же образом настоящее время изъявительного наклонения: turim, oturim, d'ürim, d'adim⁴. Однако это явление нельзя назвать всеобщим, оно ограничивается лишь некоторыми диалектами. Поэтому существующие до сих пор гипотезы не завоевали признания и проблема происхождения рассматриваемых слов остается нерешенной.

Но тогда возникает вопрос, правильным ли путем шли исследователи и не следует ли пойти по совершенно другому пути? Ведь можно представить себе, что äg-, bar, tur, -уог — сочетания основ с окончаниями аориста, а не корни¹⁹⁷¹. Такое предположение сразу отменяет все вышеуказанные трудности, хотя рождает новые: рассматриваемые суффиксы, за исключением bar, представляют собой базу для образования разных глагольных форм, что для форм аориста обычно невозможно. Однако и это явление можно легко понять: все основы имеют значение вспомогательных глаголов и часто употребляются.

¹ Т. Kowalski, Osmanisch-türkische Dialekte, EI, IV, стр. 1006—1008.

² Делу, стр. 352 (§ 552), 391 (§ 613).

³ Катанов, стр. 108 (§ 31 с), 538, 831 (§ 86 б, в), 841—842, 1341.

⁴ Дыренкова, стр. 195—197 (§ 118).

Благодаря этому они могли уже давно принять застывшую форму и получить в некоторых случаях значение баз, способных присоединять другие суффиксы, вытесняя старые корни.

Эта новая мысль позволяет объединить рассматриваемые основы в одну логическую группу; таким образом, мы получим любопытную картину постепенного развития вспомогательных глаголов и их сокращения в суффиксы, ибо *ba* и *äg* являются самостоятельными словами, *tug* употребляется в роли самостоятельного глагола «стоять» или глагола-связки «есть», а также в роли суффикса в сокращенных формах *-tu*, *-tī*, *-t*, и, наконец *-uog* выступает только в роли суффикса. Однако, прежде чем принять такое толкование, необходимо исследовать вопрос, существуют ли свидетельства того, что тюркский язык имел корни **ba-*, **ä-*, **tu-* и **uo-*. Мы постараемся это сделать на более широкой алтаистической почве, не ограничиваясь только областью тюркологии.

а) Тюркский вспомогательный глагол *ä-*, *äg-* является недостаточным глаголом; старые памятники и живые диалекты сохранили только несколько его форм, которые можно разделить на группы, приведенные в таблице на стр. 281. Как видно из таблицы, старшие формы, относящиеся к VIII веку, образовались от основы *äg-*, а те, что встречаются в современных языках, — от более краткой основы *ä-*. Эти последние известны в трех вариантах: *ä-*, *e-* и *i-*, которые различаются между собой степенью открытости гласного¹. В данной связи следует заметить, что в монгольском языке имеется аналогичный вспомогательный глагол *a-*, который представляет собой как бы вариант с наиболее широким гласным, дополняющий ряд тюркских вариантов с более узкими гласными. Заслуживает также внимания то, что в якутском языке выступают обе основы: одни формы образуются от *äg-*, а другие от *ä-*.

Наряду с тюркскими вариантами со значением переходности действия «быть» можно указать и другой ряд тюркских слов с переходным значением («делать, творить»):

<i>ä-</i>	<i>e-</i>	<i>i-</i>	„быть“
<i>ät-</i>	<i>et-</i>	<i>it-</i>	„делать“

¹ Примеры можно найти в словаре Радлова в разделах на буквы *ä*, *e*, *i*, а также в статьях на основы *ät-*, *et-*.

орхон.	ärür	ärti		ärsär		ärkän	ärmiš		äriñč
уйг.	ärmäz	ärti	ärälim	ärsär		ärmäz- kän	ärmiš		
якут.	ärär	ätä		äbätär		ärän	äbit ibit	ärdäx	
кирг.	emes	edi			ele	eken			
казах.	emes	edi	emej			eken			
Вост. Турк.	emes	edi				eken	emiš		
тат. (крым.)				isä		ikän	imiš	idük	äkäč
тур.		idi		isä		ikän	imiš		

Напрашивается предположение, что второй ряд представляет собой каузативные формы, образованные от форм первого ряда при помощи суффикса *-t*. Это, естественно, опровергло бы предположение В. Банга, что суффикс каузативных глаголов *-t* восходит именно к *āt*¹, что, впрочем, сам автор не поддерживал². Следует заметить, что И. А. Батманов также считает *āt*- каузативной формой, а корнем считает согласно традиции *āg*-; иначе говоря, *āt*-, по его мнению, образовалось из **ārt*-³.

Из всего изложенного, по нашему мнению, следует, что корнем рассматриваемого глагола является *ā*-, который в некоторых диалектах расщепился на варианты с узкими гласными: *e*- и *i*-.

Среди сохранившихся форм достаточно распространилось слово *āntās* «не есть, нет (не имеется), не то», которое представляет собой нормальную отрицательную форму аориста от корня *ā*-; можно поэтому предполагать, что существовала также утвердительная форма аориста, которая нормально звучала *āg*-. Именно эта форма засвидетельствована как форма не самостоятельного образования, а снабженная различными суффиксами спряжения, происхождение которых можно легко объяснить. Глагол *ā*-, как и монгольский *a*-, употреблялся раньше, по общепринятому мнению, для образования многих описательных форм; именно таким образом объясняется возникновение не только разных сложных форм, но и ряда сложных суффиксов. Не составляет исключения и сам вспомогательный глагол, от которого образовались тем же путем сложные формы. Убедительный пример этого дает нам калмыкский язык, в котором стало широко употребляться слово *saŋji* «был», возникшее в результате слияния двух форм: монг. *aysan aži* (*γu*). Точно так же могли возникнуть и тюркские формы *ārđi* < **āg* + *āđi*, *ārkan* < **āg* + *ākān*. Первоначальные формы сложных образований до такой степени стерлись, что все забыли, каково их происхождение; *āg* стали рассматривать как основу, образовав даже

¹ W. Bang, Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkssprachen, 11, SPAW, 1916, XXXVIII, стр. 925.

² В письме от 14 февраля 1933 года.

³ Батманов, Части речи, стр. 19.

от нее форму аориста ägür. Это объяснение может, вероятно, быть подтверждено на примере очень редких форм казахского языка dersin «пусть говорит», žersin «пусть ест», которые, по-видимому, представляют собой результат слияния формы аориста с формой 3 лица повелительного наклонения от глагола ä-: dersin = der + esin, žersin = žer + esin^{1 (88)}.

б) Слово tur выступает во всей тюркской языковой области в качестве связки и имеет варианты: более пространные tur, dur, tır, dır и более краткие tu, du (в караимском также do), tı, dı и даже -t (в киргизском и чувашском). Все эти варианты могут соединяться с разными суффиксами спряжения, например с суффиксами причастий прошедшего времени -уан: turуан, duуан (doуан), dıуан.

Пространные варианты восходят, по мнению тюркологов, к глаголу tur-||dur- «стоять», база кратких же до сих пор не установлена, вероятно, она может быть найдена на тюркской почве.

Напрашивается мысль, что слово tut- «задержать, поставить» является каузативной формой основы *tu-, что совершенно аналогично всему говорившемуся выше о глаголе ät-. Оба глагола: ät- и tut- — выступают в орхонских надписях с одинаковым значением в связи с общественно-государственными терминами. Мелиоранский их переводит: «устроить, упорядочить, держать»², но они могут также иметь значение: «быть причиной того, чтобы что-нибудь произошло или случилось; обеспечить бытие, сделать» или «поддержать». Кроме того, имеется еще очень распространенный в тюркских, монгольском и маньчжурском языках глагол toqta-||tuqta- «установиться, стать», в котором тоже можно выделить корень *tu-, *to-.

Следовательно, у нас есть определенные основания для предположения, что в тюркских мог раньше существовать корень *tu-, по отношению к которому связующее слово tur являлось формой аориста. Что же касается форм спряжений turуан, tuуан и других, то они могли образоваться с помощью вспомогательного глагола turуан < *tur-г ägän^{1 (89)}.

¹ Мелиоранский, I, стр. 57, прим. 1.

² П. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВОРАО, XII, 1889, стр. 82—83.

в) Слово *baq* встречается в различных тюркских языках в роли разных частей речи: в качестве глагола (причастие настоящего времени, настоящее время изъявительного наклонения, «существующий, есть»), прилагательного — «присутствующий» или существительного — «имущество». Оно тесно связано с некоторыми другими тюркскими и монгольскими словами, а именно со словом *baq* (монг. *baqa*) «имущество, домашняя утварь» и, возможно, с *bai* (монг. *baian*) «богатый, богатство». Следует также принять во внимание монгольские слова *baui-* (<**baui-*) «находиться, быть, стоять», *baui-* «усесться, сесть, опуститься на землю» и *baifa-* «поместиться», а также с маньчжурским словом *ba* «место».

Во всех этих словах можно выделить корень **ba-*.

г) Дуративный суффикс *-uog* встречается только в турецком языке. Он тоже имеет два варианта: более пространный *-uog* и более краткий *-uo*, с несколькими мелкими разновидностями. После оживленной дискуссии тюркологов пришли, кажется, к общему выводу, что этот суффикс восходит к глаголу *uog-* «ходить», который раньше играл роль вспомогательного глагола, главным образом при деепричастии настоящего времени. Преобразование самостоятельного глагола в суффикс произошло, вероятно, сравнительно недавно, так что память о его происхождении еще жива в сознании говорящих, почему он и не подчинился закону гармонии гласных. В своей исконной форме глагол *uog-* или **uo-* на тюркской почве не сохранился, и только в тюркских (уйгурских) текстах из Восточного Туркестана мы находим основу *uog-*¹; однако о его существовании свидетельствуют некоторые производные слова, например: *uog-* «ехать, быстро идти», *uogun* «конь с ровным бегом». Несравненно чаще встречаются варианты с передними гласными: *uög-*, *uüg-*, или более пространные формы: *ögu-*, *ögu-*, *uügü*, *uügi-*. При сопоставлении всех этих данных создается довольно странная картина. В то время как в самостоятельных словах в результате перехода гласного в передний ряд или в результате его удлинения корень подвергся значительному преобразованию, возникший из него суффикс сохранил пер-

¹ *Bang — Gabain*, стр. 58.

воначальную форму и не подчинился общему закону гармонии гласных. А между тем здесь следовало бы ожидать скорее иного явления.

Выяснить этот вопрос помогают данные родственных языков. В монгольском языке наряду с *yogci-*, *žogci-* и *žiguγa* (калм. *žoga*), которые являются соответствиями тюркских слов *yogt-* и *yogγan*, мы имеем еще глагол *yabu-* (калм. *yowə-*), а на тунгусо-маньчжурской почве параллельно с *žiga-* (ср. тув. *šogu-*) «двинуться, уходить» существует еще *yabu-* и *yoo-* «ходить» (маньч.), *yü-* «выходить» (тунг.). Эти параллельные формы: монг. *yabu-* и маньч. *yabu-*, *yoo-* могли еще в очень отдаленном прошлом слиться на тюркской почве; об этом свидетельствует следующее сравнение: монг. *dabusun*, маньч. *dabsun* || тюрк. *tuz, toz* «соль»; монг. *öber* || тюрк. *öz*, «сам»; чув. *urəx* «отдельный, другой» (тюрк. *özgä*).

Другими словами, не исключена возможность, что в тюркском языке когда-то существовало слово **yö*, из которого развилось, с одной стороны, существительное *yof* «путь», а с другой — суффикс *-yo-g*, со временем утратившийся. Долгий гласный, который входил в состав корня **yö*, позволял суффиксу *-yog* сопротивляться закону гармонии гласных и сохранить гласный заднего ряда не только в литературном языке, но и в большинстве анатолийских говоров.

Как видим, предложенное выше объяснение происхождения *äg-*, *tug*, *bag* и *-yog* как форм аориста на *-g* не лишено реального основания; можно надеяться, что дальнейшие исследования подтвердят наше предположение¹ (1901).

4. Монгольский язык не имеет настоящего аориста; в значении более или менее близком к нему используется причастие будущего времени с окончанием *-хү*. В связи с этим тюркский суффикс аориста *-g* на монгольской почве стал малоупотребителен; только в литературном языке

¹ Мыслями по данному вопросу автор поделился еще в 1932 году с тремя тюркологами: В. Бангом, Т. Ковальским и С. Шапшалом. Они отнеслись к ним доброжелательно, хотя и сделали ряд оговорок (особенно много В. Банг). Десять последующих лет не дали ничего, что могло бы заставить отвергнуть гипотезу в целом. Поэтому она и изложена здесь, хотя и в несколько видоизмененной форме.

с его помощью образуются две формы: супин с окончанием -г-а и предшествующее деепричастие на -г-ип (чаще всего перед прямой речью).

Что же касается первого суффикса, то все исследователи единодушно рассматривают его как показатель дательного падежа тюркского аориста; по-видимому, он возник на монгольской почве, ибо на тюркской мы лишь в нескольких диалектах, главным образом сибирских, находим форму -агүа, (-i)гүа, -(u)гүа, а в якутском -агi.

Второй суффикс -г-ип вызывает различные сомнения. Поскольку в тюркском подобная форма не существует, была высказана мысль, что в данном случае мы имеем монгольскую форму родительного падежа того же аориста. Однако трудно понять, почему, собственно, эта форма употреблялась для образования особого деепричастия. Г.И. Рамстедт возражал против этого объяснения, полагая, что -ип представляет собой какой-то вторичный элемент¹. Однако в старых рукописях, отражающих следы уйгурского влияния, нашлась форма на -г-ип, которая, несомненно, является формой родительного падежа, например: уабиг-ип хоуип-а «по уходе», бүтүгег-ип бууап «доброе дело выполнения». Но и этот факт не разрешил вопроса окончательно, потому что подобные обороты причастного характера в других старомонгольских памятниках не употребляются, а между тем форма с окончанием -г-ип выступает очень часто в качестве деепричастия предшествующего (перед прямой речью) в оборотах типа ügülerün ...ke'ebe «говоря... сказал». Особенно часто мы находим ее в «Сокровенном сказании монголов», причем не только в данном значении, но и в качестве деепричастия, выражающего действие, одновременное с главным, например: жа'уга одугун ба игегүн ба кү'ün-не есе үзекдебе «не был замечен в то время, когда уходил и когда приходил» (§ 145); олон дайисун-дур ха'улугун хамту нигене ха'улуга «когда будем нападать на многочисленных неприятелей, то давайте нападать вместе» (§ 164).

На тюркской почве форма аориста употреблялась перед прямой речью, как утверждает Ж. Дени на основе ста-

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 64. Ср. Владимирцов, ВВРАО, XX, стр. 178—179.

роосманских текстов, без какого бы то ни было суффикса, например *aɟur*¹. Поэтому тюркские языки не могут помочь нам выяснить вопрос о происхождении монгольского *-ɣ-ur*; пока еще он остается открытым.

5. Интересна в этом отношении тунгусская система спряжения. Хотя она еще обстоятельно не исследована, однако уже и теперь можно сказать, что северотунгусские языки знают аорист с тем значением, с которым он выступает на тюркской почве; однако у них нет для его образования какого-либо особого форманта — он образуется путем добавления непосредственно к основе специальных личных суффиксов. Вместе с тем в формах настоящего времени, а иногда вообще в формах, выражающих только что свершившиеся или еще не свершившиеся действия, мы находим суффикс *-га*, который, по-видимому, соответствует тюркскому *-г*. Суффикс *-га* выступает чаще всего во всех лицах настоящего времени, за исключением 1 и 2 л. ед. ч., а иногда только в некоторых лицах и прежде всего в 3 л. Наряду с *-га* все северотунгусские языки имеют в известных положениях суффиксы *-да* и *-та*, *-па* (тунгусский, солонский, ламутский) и *ʔа* (тунгусский), *-уа* (негидальский)². По-видимому, эти суффиксы представляют собой варианты морфемы *-га*, однако этот вопрос еще не совсем ясен. Василевич то утверждает, что суффикс настоящего совершенного времени имеет варианты *-га*, *-та*, *-па* и *-та*; то рассматривает те же варианты в качестве самостоятельных элементов с очень близкими значениями. Взаимные отношения между этими морфемами или вариантами не выяснены. Однако с Василевич можно согласиться в отношении первого пункта: суффикс *-га*, который ближе других стоит к формам аориста, в настоящее время не имеет признаков причастия; его следует поэтому относить к числу тематических (словообразовательных) суффиксов³.

В тунгусских языках существует еще один суффикс, который здесь следует принять во внимание, а именно суффикс *-ги* (варианты: *-ни*, *-ти*, *-ли*), который образует причастия настоящего времени, а по форме и значению

¹ Deny, стр. 915 (§ 1339).

² Castrén-Schiefner, стр. 27—28 (§ 73), 32 и сл. (§ 92 и сл.); Василевич, Очерк, стр. 102—103, 112, 189, 191.

³ Василевич, Очерк, стр. 104.

близок к -га. Некоторые исследователи стремились доказать, что эти суффиксы — разного происхождения. С таким мнением можно не только согласиться, но и подтвердить его дополнительными данными, однако все это, собственно, не имеет отношения к вопросу о происхождении суффиксов и прежде всего ничего не говорит о том, каким образом тюркский суффикс -г получил на тунгусской почве другие варианты. По-видимому, мы имеем здесь дело с гнездом суффиксов, которые, разившись из тюркского -г, нашли на тунгусской почве благоприятные условия для дальнейшего развития.

В маньчжурском языке тоже встречается суффикс -га: он служит для образования причастия настоящего-будущего времени¹. Отдельной формы аориста этот язык не знает.

Тюркские суффиксы причастий прошедшего времени

1. В тюркском существуют три причастия прошедшего времени; они образуются при помощи суффиксов -qan (-qan), -dīq и -mīš. Эти причастия известны во всех тюркских языках, но не во всех языках они распространены одинаково; иногда суффикс -qan выступает в качестве живой, а -dīq — в качестве мертвой морфемы в застывших выражениях (большинство диалектов), иногда же наоборот (юго-западные языки); -mīš чаще всего выступает как живой суффикс наряду с -dīq, но иногда приобретает какой-то особый семантический оттенок; например, в турецком языке он выступает наряду с -dīq, но обозначает незаконченное действие, а в киргизском наряду с -qan, -qon (-qan, -qon), но только в сочетании с глаголом *bol-* «становиться», образуя формы со значением сходства и подражания. Можно, следовательно, предполагать, что раньше все три суффикса выступали в пратюркском языке, вероятно, с различными семантическими оттенками, а после распада его на диалекты получили разную сферу употребления.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что алтайские языки по-разному относились к рассматриваемым суффик-

¹ Kotwicz, RO, XIV, стр. 100.

сам: на монгольской почве нормальное употребление в качестве живой и распространенной морфемы имеет только суффикс -dīq в виде варианта с широким гласным — -daу, а -qan распространен в качестве живой морфемы только в маньчжурском языке; другие суффиксы появляются лишь кое-где и преимущественно в качестве мертвых морфологических элементов.

Исследователи уделяли много внимания этим элементам (особенно суффиксу -piš). Однако не все вопросы можно считать разрешенными, в связи с чем мы даем ниже о каждом из этих суффиксов несколько дополнительных замечаний.

2. В 1939 году мы высказали предположение, что маньчжурский суффикс причастия прошедшего времени -qa ~ -qo ~-ke||-xa ~-xo ~-xe восходит к тюркскому суффиксу -qan¹. Фонетическое и семантическое совпадения тут совершенно очевидны. Утрата конечного -n представляет собой очень распространенное во всех алтайских языках явление. В данном же случае причиной этого могло быть то обстоятельство, что маньчжурские глагольные формы вообще оканчиваются на гласные, в то время как в исходе имен и именных форм n встречается неоднократно.

В монгольских языках тоже можно, по-видимому, найти более или менее надежное соответствие тюркскому -qan||-уан. Здесь есть несколько продуктивных суффиксов, которые образуют отглагольные имена, а именно -уан, -уа, -луан, -луа, однако не все эти суффиксы можно сравнивать с тюркским -уан; уже в 1912 году Рамстедт высказал мнение, что монг. -уан является чисто монгольской, не заимствованной морфемой²; в отношении других суффиксов он высказывается тоже осторожно. Действительно, вопрос требует очень тщательного исследования. А пока можно привести лишь несколько примеров, которые имеют в своем составе суффикс -уан, вероятно, тюркского происхождения:

монг. уabuуан, калм. уowуу «пеший»³.

¹ Kotwicz, RO, XIV, стр. 100—101.

² Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 13 (§ 12).

³ Ramstedt, Konjugation, стр. 109; Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 13 (§ 12). Высказанные в обеих работах взгляды о происхождении суффикса -уан не совсем согласованны.

монг. *boɣan*, калм. *boɣuŋ* «каждый»¹. Это слово встречается в той же форме и с тем же значением на тюркской почве, поэтому не исключена возможность, что оно образовалось там от глагола *bo-* «стоять», который, как известно, одинаково широко распространен и в монгольских и в тюркских языках.

Монг. *oɣan*, калм. *oɣuŋ* «много, многочисленный», вероятно, того же происхождения, что и вышеназванное *-boɣan*. Как известно, глагол *bo-* имеет вариант *o-* в юго-западных тюркских диалектах, где начальное *γ-* в суффиксах тоже утрачивается; в этих диалектах *oɣan* является, следовательно, нормальным вариантом при *boɣan*.

tuɣan «худой, истощенный». Это слово, соответствующее формам монгольского литературного языка *tugaɣan*, *tuɣaɣan* (также в «Ноуа-уи уи-уи» 1389 года, f^o, 25r и в «Сокровенном сказании монголов», § 168, 190, 193 и 194), *turaŋɣaj*, встречается в словарях лейденского анонима и «Мукаддима аль-адаб», а также в диалекте монгол. В «Мукаддима аль-адаб» встречается еще вариант *tuɣan*, а также слово *tuɣuqsan*; последнее слово имеет то же значение, что и *tuɣan*||*tuɣan*, и является нормальной формой причастия прошедшего времени от глагола *tuɣ-*, *tuga-* «худеть». Можно поэтому полагать, что *tuɣan* является тюркской формой, параллельной монгольской *tuɣuqsan*, образованной от глагола *tug-* (Словарь Махмуда Кашгарского) «быть худым».

Слова *ɣibilɣan* «воплощение, включение, изменение» (от монгольского глагола *ɣibil-* «изменяться»), *ɕakilɣan* «гром, блеск» (монг. *ɕakil-* «блестеть», тюрк. *ɕaqɣan* «гром», а также «сверкнуло») и другие образования от глаголов с конечным *-ɣ*. Не принадлежат сюда, естественно, производные на *-ɣа*, *-ɣан*, образованные от глаголов с конечным гласным, например *uɣɣilɣan* «чтение» (монг. *uɣɣi-* «читать»).

öciken||*öcigen* «недавно, вчера». Это слово встречается уже в «Сокровенном сказании монголов», в произведении Ибн аль-Муханны (*eçügen*, возможно *öciken*?), а также в диалектах: ордос. *öcögön* «недавно», могол. *ücökön* «вче-

¹ Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 13.

рашний». Кроме того, известно сочетание со словом *edür* «день», *öcüge ödür* («Мукаддима́т аль-адаб»), *öcigeldür* (ст. монг. тексты), *ück|dŕ, öck|dŕ öck|dür* (калм.), *öcükdŕ* (баит.), *öcögdör, oöcögdör* (халх.) «вчера»¹. Б. Я. Владимирцов сравнивает его с монгольским *ečüs* «конец» и восстанавливает корень в виде *öcü-, oči-*, но не указывает, какое значение мог иметь этот корень.

Следует предполагать, что он соответствует тюркскому *öt-* «проходить, миновать», так что рассматриваемое слово, вероятно, обозначало «прошлый, минувший, дальнейший»². Элемент *l*, который представлен в слове *öcigeldür* и в калмыцких формах, Г. И. Рамстедт, а вслед за ним Б. Я. Владимирцов рассматривают как сокращение монгольской частицы *ele* (*öciken + ele + edür*)³.

Что же касается других слов, которые в монгольском литературном языке имеют *-уап*, а в живом языке сливаются, образуя долгие гласные, например *uŕaуап > uŕāп* «красный», *idegen > idēп* «пища», то их в настоящее время лучше не принимать во внимание.

3. Форма прошедшего законченного (категорического) времени с окончанием *-dī* является единственной формой изъявительного наклонения, которая употребляется в тюркских в качестве спрягаемого глагола, но которую в противоположность другим глаголам изъявительного наклонения долго не могли возвести к причастию или вообще к именной форме. Только в 1900 году П. Мелиоранский высказал предположение, что прошедшее время возникло на базе отглагольных существительных, оканчивающихся на *-dī (-tī)* типа *ayündī, sizündī*, которые до сих пор, хотя и редко, встречаются в разных тюркских языках. Это предположение затем принял Брокельман, который его значительно видоизменил; по его мнению, основу для возникновения формы прошедшего времени составляло отглагольное существительное на *-t*: *barit* «хождение»,

¹ Владимирцов, Сравн. гр., стр. 153, 156, 229; Котвич, Опыт², стр. 332 (§ 312); Бурдуков, стр. 71; Басангов, стр. 46.

² Сравните тюркские слова с подобным же значением *ötä, ötäki*, образованные от глагола *öt-*. Deny, стр. 906—907 (§ 1338.2).

³ Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 13 (§ 12, 5); Владимирцов, Сравн. гр., стр. 153.

gälit «приход»¹. Вопрос о происхождении рассматриваемой формы казался разрешенным удовлетворительно. Правда, гипотеза П. Мелиоранского устанавливала связь временной формы на -dī с существительным, а не с причастием, но именно это позволяло понять, почему прошедшее время получает притяжательные суффиксы, а не личные (предикативные).

Однако в своем предположении П. Мелиоранский основывается на достаточно запутанных и проблематичных исходных положениях. Отглагольные существительные с окончанием -t, насколько можно судить по примерам их употребления, издавна были, вероятно, обычными существительными, лишёнными глагольных признаков. Если, следовательно, они действительно употреблялись первоначально со словами var «есть» и uok «нет, не имеется», как предполагал П. Мелиоранский, они не могли при этих условиях получить все глагольные признаки и стать действительно спрягаемым глаголом. Таким образом, возникает вопрос, исчерпала ли гипотеза П. Мелиоранского все возможности объяснения генезиса формы на -dī и не следует ли произвести дальнейшие разыскания?

Проще всего вопрос можно было бы решить, приняв мысль о сближении суффикса -dī с морфемой -dīq, которая в юго-западных тюркских языках — турецком, гагаузском, татарском (Крыма), азербайджанском и туркменском — образует причастия прошедшего времени. С фонетической точки зрения это возможно, поскольку на тюркской почве известны примеры утраты конечного -q или -y; в результате такого явления возникают новые формы, которые, усложняясь, приобретают новый семантический оттенок и иногда приспособляются к языку настолько, что существуют параллельно со старыми формами. Для примера достаточно указать на следующие пары суффиксов:

-maq	-ma
-çaq	-ça
-ñy	-ñ

¹ П. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке, стр. LXIX — LXXII; Brockelmann, Altosmanische Studien, I. ZDMG, LXXIII, 1919, стр. 12—14. Ср. Дмитриев, Строй, стр. 35—36, и Гр. кумык, стр. 107—109.

Таким образом, не следует удивляться тому, что в 1921 году Ж. Дени стал сторонником более простого объяснения этой формы, приведя в подтверждение своей правоты свидетельство Махмуда Кашгарского (XI век), согласно которому в одних тюркских племенах в I и 3 лице употреблялись формы на *-dīm* и *-dī*, а в других — лишь суффикс *-duq*, *-dīq* без каких-либо окончаний¹. Однако Дени, по-видимому, не смог склонить на свою сторону русских тюркологов, и Н. К. Дмитриев в своих последних, уже упоминавшихся нами работах ссылается только на гипотезу П. Мелиоранского и Брокельмана, не упоминая даже о взглядах Дени.

Несмотря на то, что свидетельство Махмуда Кашгарского имеет, по словам Ж. Дени, решающее значение, не мешает обратить внимание еще на одно обстоятельство. На тюркской почве наблюдается как бы соперничество между суффиксами причастий прошедшего совершенного: с одной стороны, *-dīq* и *-mīš*, а с другой — *-qan* (*-γan*)². Раньше, как уже указывалось выше, все эти суффиксы выступали в тюркском параллельно. В настоящее время, однако, *-dīq* и *-mīš* встречаются только в южных диалектах, в других же употребляются *-qan* (*-γan*). Таким образом, наступило как бы разделение сфер нормального употребления суффиксов. Можно предполагать, что решающую роль в этой эволюции сыграло именно образование на месте формы причастия *-dīq* — спрягаемого глагола с сокращенным суффиксом *-dī*: эта новая форма удержалась во всей тюркской языковой области; одновременно само причастие на *-dīq*, как бы выполнив свою роль, то есть образовав спрягаемый глагол, отошло в сторону. В подавляющем большинстве языков этот суффикс уступил место своему конкуренту.

Не исключена возможность, что суффиксы *-dī* и *-dīq* имеют соответствия и на монгольской почве. Уже Г. И. Рамstedт сопоставил тюрк. *-dī* с монгольским суффиксом деепричастия на *-ᠵи* ~ *-ᠵū*, *-ᠸи* ~ *-ᠸū*³. Это сопоставление

¹ Дену, стр. 1110—1113 (§ 653, 700, 715); см. также стр. 1129—1130 (§ 87) и Brockelmann, KSz, XVIII, стр. 41.

² Дмитриев, Гр. кумык., стр. 146; Zajączkowski, Sufiksy, стр. 102 (§ 29).

³ Ramstedt, Konjugation, стр. 106—107.

можно расширить, учитывая монгольский суффикс прошедшего времени (неожиданного) $\text{-}\dot{\text{z}}\text{u}\dot{\text{x}}\text{u}\dot{\text{i}} \sim \text{-}\dot{\text{z}}\dot{\text{u}}\dot{\text{k}}\dot{\text{u}}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\text{u}\dot{\text{x}}\text{u}\dot{\text{i}} \sim \text{-}\dot{\text{c}}\dot{\text{u}}\dot{\text{k}}\dot{\text{u}}\dot{\text{i}}$, который в «Сокровенном сказании монголов» постоянно выступает в форме $\text{-}\dot{\text{z}}\text{u}'\text{u}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\text{u}'\text{u}\dot{\text{i}}$ (ср. монг. $\text{-a}\dot{\text{z}}\dot{\text{i}}\text{y}\text{u}$), а в литературных текстах (и диалектах) иногда в сокращенной форме $\text{-}\dot{\text{c}}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{z}}\dot{\text{i}}$ ¹. Возможно, он соответствует тюркскому $\text{-d}\dot{\text{i}}\text{q}$. Сравните:

тюрк.	монг.
$\text{-d}\dot{\text{i}}$	$\text{-}\dot{\text{z}}\text{u}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\text{u}$ ($\text{-}\dot{\text{z}}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\dot{\text{i}}$)
$\text{-d}\dot{\text{i}}\text{q}$	$\text{-}\dot{\text{z}}\text{u}\dot{\text{x}}\text{u}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\text{u}\dot{\text{x}}\text{u}\dot{\text{i}}$, ($\text{-}\dot{\text{z}}\text{u}'\text{u}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\text{u}'\text{u}\dot{\text{i}}$; $\text{-}\dot{\text{z}}\dot{\text{i}}$, $\text{-}\dot{\text{c}}\dot{\text{i}}$)

Эти примеры интересно иллюстрируют наши замечания о происхождении тюркского суффикса $\text{-d}\dot{\text{i}}$ из $\text{-d}\dot{\text{i}}\text{q}$.

Однако данная этимология не бесспорна. Нет никакого сомнения в том, что $\text{-d}\dot{\text{i}}$ должно было дать на монгольской почве $\text{-}\dot{\text{z}}\dot{\text{i}}$ ($\text{-}\dot{\text{c}}\dot{\text{i}}$), но как тогда объяснить возникновение литературной формы $\text{-}\dot{\text{z}}\text{u}$ ($\text{-}\dot{\text{c}}\text{u}$)? Можно считать, что мы имеем здесь дело с вариантом гласного заднего ряда, параллельным форме $\text{-d}\dot{\text{i}}$, — ведь в монгольском тюркское $\dot{\text{i}}$ часто заменяется звуком u , но тогда в монгольском должны были бы возникнуть суффиксы $\text{-}^*\text{du}$, $\text{-}^*\text{tu}$, тем более что и на тюркской почве морфема $\text{-d}\dot{\text{i}}$ может иметь вариант с гласным u : -du . Как видно, здесь все же наступило какое-то уподобление:

Напрашивается и другое предположение, уже высказанное, правда, разными исследователями, прежде всего Г. И. Рамstedтом²: монгольским соответствием тюркскому суффиксу $\text{-d}\dot{\text{i}}\text{q}$ является $\text{-da}\text{y} \sim \text{-deg}$ — окончание причастия настоящего времени со значением привычного действия (попеч usus). Якутский язык знает вариант $\text{-t}\dot{\text{a}}\text{x} \sim \text{-t}\dot{\text{a}}\text{x}$ ($\text{-d}\dot{\text{a}}\text{x} \sim \text{-d}\dot{\text{a}}\text{x}$), который, видимо, указывает на то, что суффикс причастия даже на тюркской почве заключает в себе двойной вокализм (гласные узкого и широкого образования). Фонетический характер тюркских и монгольских суффиксов не вызывает сомнений, семантические же оттенки их разные; первый обозначает время прошедшее (несовершенное), а второй — время настоящее (привычное). Вероятно, такое перемещение значений могло совершиться потому, что привычное действие пред-

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 82.

² Там же, стр. 91—93.

полагает и основывается на многократном повторении действия в прошлом, а следовательно, имеет известный оттенок прошедшего времени.

Если мы не будем придавать большого значения отмеченным здесь трудностям — в первом случае фонетическим, а во втором — семантическим, — то окажется, что тюркские варианты нашего суффикса (-dī, -dīq) имеют на монгольской почве свои соответствия.

Наконец, следует подчеркнуть, что монгольский суффикс -day тоже подвергается сокращению. Это имеет место в случаях, когда он соединяется с частицами ügei, mön и т. п. Например, калм. aldugā, aldimṅ <монг. aḷada yügei, aḷaday mön (или aḷaday yaḷuma?)>.

4. Суффикс -mīš ~-mīš образует на тюркской почве причастия прошедшего, а иногда и настоящего времени,

выражая чаще всего действие, свидетелем которого говорящий не был. В разных диалектах сфера его употребления и значение меняются; поэтому тюркологи уделяют ему много внимания и даже специальные работы¹ (171).

В киргизском языке форма на -mīš, кроме многочисленных застывших оборотов (например, turmīš «жизнь, быт», boḷmīš «существование»), самостоятельно теперь не употребляется; она соединяется с вспомогательным глаголом boḷ- и выражает действия, выполнение которых носит лишь показной либо частичный характер: aḷimīš boḷmaq «делает вид (притворяется), что берет», žazīmīš boḷmaq «делает вид, что пишет»². В чувашском языке встречаются образования на -māš ~-māš, обозначающие действие, которое будто бы нельзя совершить: rātmāš «будто бы не знающий», iḷtmāš «будто бы не слышащий», kognmāš «будто бы не видящий»³. Такое значение суффикса в киргизском и чувашском представлено в совершенно исключительных случаях, и поэтому И. А. Батманов склонен даже считать, что он отличается от общетюркского -mīš⁴.

¹ Н. К. Дмитриев, К вопросу о значении османской глагольной формы на „мыш“. Записки Коллегии востоковедов, II, 1927, стр. 91—96; Кононов, Турецкая глагольная форма на „мыш“, Ученые записки ЛГУ, № 20, Серия филологических наук, вып. 1, 1939, стр. 34—49; Zajaczkowski, Sufiksy, стр. 101—102 (§ 28).

² Батманов, Грамматика, III, стр. 61; Юдахин, стр. 171.

³ Ашмарин, стр. 326, прим. 1.

⁴ Батманов, Грамматика, III, стр. 61.

В связи с этим большое значение приобретает тот факт, что засвидетельствованные в киргизском сочетании формы на *-mīš* с глаголом *bol-*, употребляющиеся для выражения того же семантического оттенка («делать вид, что что-то совершается»), известны также калмыкскому языку: *untamš bolxə* «притворяться спящим, немного (для виду) заснуть»¹.

Этот оборот необычен и для монгольских языков; поэтому следует полагать, что калмыки заимствовали его непосредственно от киргизов. Вообще суффикс *-mīš* на монгольской почве не получил прав на существование, так что те немногочисленные слова, которые содержат его, вероятно, проникли в монгольский язык непосредственно из тюркских. Приведем несколько примеров:

žemis («Мукаддимат аль-адаб» и «Ноиа -уі уі-уи» 1389 года — *žemiš*) «плоды» соответствует, как уже неоднократно говорилось, тюрк. (кирг.) *žemiš* (*yāmiš*) «то же самое» и маньч. *žemiṯ* «доза лекарства»². Основой следует считать тюркскую форму, которая образовалась от глагола *yā-||žā-* «есть».

toḡmīš. В «Сокровенном сказании монголов» находим предложение *kö'ün minu toḡmīši*, которое издатели, по-видимому, не поняли. Хениш считает *toḡmīši* тюркским словом и на основе китайской глоссы переводит его «который очистился»³. А. С. Козин оставил его без точного перевода. Хениш справедливо приписывает этому слову тюркское происхождение, но указанное им значение трудно признать соответствующим действительности. В киргизском языке имеется глагол *toḡol-* «вырасти, возмужать»⁴, который на общетюркской почве звучал, вероятно, *toḡul-*. Поэтому предложение получает совершенно естественный смысл: «сын мой возмужал (вырос)». Можно предполагать, что автор китайских глосс имел в виду тот же глагол, но только указал то его значение, которое употребляется лишь в отношении жидкостей: «отстояться, принять нормальное состояние, очиститься».

¹ Котвич, Опыт², стр. 298—299 (§ 266), 316 (§ 294).

² Владимирцов, ЗВОРАО, XX, 1911, стр. 174, 179—180; Котвич, РО, XIV, 1939, стр. 97.

³ Haenisch, стр. 115.

⁴ Юдахин, стр. 511.

Поскольку засвидетельствованных в настоящий момент примеров на -mīš, заимствованных, как уже было сказано, монголами, по-видимому, непосредственно из тюркских языков, немного, — тюркологи (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов), не сумев установить происхождения суффикса -mīš в тюркских языках, пытаются отождествить его с монгольским суффиксом -maŋ ~-mel; это мнение совпадает с мнением Г. И. Рамстеда. Принимая их гипотезу, мы должны были бы ожидать в монгольском языке две соответствующие параллели к тюркскому суффиксу:

а) -maŋ — старшую форму, которая относится, вероятно, к китайскому периоду (когда тюркское *š* соответствовало монгольскому *ʃ*) и еще до сих пор является продуктивной морфемой;

б) -mīš — более позднюю форму, которая возникла в киргизский период (X век) и сохранилась в многочисленных застывших уже выражениях, а также в специальном сочетании с глаголом *boŋ-*, употребляющемся до сих пор в калмыкском языке.

Суффиксы тюрк. -yü, монг. -yü и -yüžai

В ряде тюркских языков, как старых (язык орхонских надписей и уйгурских текстов из Восточного Туркестана), так и современных, имеется суффикс -yü ~-gü, при помощи которого от глаголов образуются *nomina actionis* (так называемый инфинитив II)¹. Этот суффикс кое-где преобразуется в -ü ~-ü (кирг., казах., диалекты сибирских тюрков²) или -w (куман., якут.).

¹ Zajączkowski, *Sufiksy*, стр. 73—75 (§ 8). К приведенной там литературе можно добавить: Radloff, *Die jak. Spr.*, стр. 49; Батманов, *Грамматика*, III, стр. 56—59 (§ 54); Баскаков, *Насилов*, стр. 222—224.

² Катанов (стр. 565) сблизил -ü с суффиксом -ay, но с этим трудно согласиться, потому что слова с конечным -ay имеют другую эволюцию:

Восточный Туркестан	казах.	кирг.	
tay	taw	tö	„гора“
bay	baw	bö	„сноп“
say	saw	so	„здоровье“
say-	saw-	sä-	„донть“

Имена на *-yu* могут иметь еще другие суффиксы, и прежде всего *-čī* и *-īī* (<*-īīy*); в таких случаях они имеют значение, близкое к значениям причастий настоящего времени, в первом случае действительного, а во втором страдательного залога, например: казах. *baıǵaıǵı* «привязанный (теперь)»¹. В монгольском языке им соответствуют имена с окончаниями *-yači* ~ *-geči* и *-yatai* ~ *-getei*: *yuayači* (калм. *yuāčā*) «тот, который привязывает», *yuayatai* (калм. *yuātā*) «привязанный»².

В монгольском языке известен, однако, тот же суффикс *-yu* ~ *-gū*, при помощи которого образуются от глаголов прилагательные, обозначающие состояние или положение, например: *daguyu* «послушный» (*dagu-* «давить, жать»), *soytoyū* «пьяный» (*soyto-* «быть пьяным»), *ilegū* «оставшийся, лучший» (*ile-* «остаться, быть в избытке») ³.

Монг. *-yu* входит в состав особого глагольного окончания *-yužai* ~ *-gūžei* (калм. *-ūzā* ~ *-üzā*, *-ūwzā* ~ *-ūwzā*, *-wūzā* ~ *-wūzā*), которое выражает предположение или опасение, что случится что-то неожиданное⁴. Вторая часть окончания *-yužai* является, вероятно, частицей *že*, к которой (как и во многих других случаях) добавлен элемент *i*⁵.

Суффикс тюрк. *-qī*, *-yī*, *-qu*; монг. *-xu*

1. Данный тюркский суффикс⁶, имеющий четыре формы с гласными узкого образования, следует отличать от суффикса *-yu* хотя бы потому, что в некоторых языках (например, киргизском) оба суффикса (*-yu* и *-qī*) употребляются параллельно, но в различных функциях⁷. Суффикс *-qī*,

¹ Мелиоранский, I, стр. 64.

² Котвич, Опыт², стр. 102 (§ 91), 291—292 (§ 260,1).

³ Там же, стр. 115—116 (§ 103).

⁴ Там же, стр. 280—282 (§ 252).

⁵ Рамстедт сближал элемент *-žai* непосредственно с тюркским суффиксом *-žaq* ~ *-žäk*, но позже признал это сближение ошибочным и высказал предположение, аналогичное нашему. См. Ramstedt, Konjugation, стр. 90—91, и JSFOu, XXVIII, 3, стр. 73 (§ 90).

⁶ См. Zajaczkowski, Sufiksy, стр. 66—68 (§ 5), 71—73 (§ 7), 81—82 (§ 13), 169 (§ 2) и приведенную там литературу.

⁷ Батманов, Грамматика, III, стр. 60—61 (§ 55, 5 и 13) и 56—59 (§ 54, II).

-қи в различных тюркских языках не только выступает самостоятельно, но и является основой довольно большой группы сложных суффиксов: -qïp, -qip, -qïç, -qiç (оба в четырех формах) и -qig (в двух формах). Они образуют от глаголов имена, которые выступают иногда в роли существительных (-qï и -qïç), а иногда в роли прилагательных (-qïp и -qig). Самое широкое значение имеют суффиксы -qïç, и qïp, из которых первый образует главным образом существительные (действующее лицо, орудия действия, предмет, подвергающийся действию, наконец, место действия), а другой — прилагательные.

2. Некоторые исследователи (Ж. Дени, В. Банг, Н. К. Дмитриев) сближают суффикс -qïp с окончанием причастия прошедшего времени -qap, в основе которого лежит суффикс с шестью формами¹. Однако его следует, по-видимому, относить лишь к одному гнезду, в которое входят не только -qïp и -qap, но и другие вышеуказанные суффиксы.

3. Их следует дополнить также суффиксами -qïg, -qig (-yïg, -yig с четырьмя формами), которые в различных тюркских языках образуют формы, употребляющиеся в ругательствах; часто их рассматривают, так же как -qïf или -qïp, в качестве особых формантов 2 лица повелительного наклонения. С таким объяснением трудно согласиться, поскольку суффикс -qïg употребляется со всеми лицами и, кроме того, имеет специальный притяжательный суффикс 3 лица (-yig-i, -yig-u). Скорее он является специальным причастием, соответствующим латинскому герундию, и, следовательно, его можно рассматривать наравне с другими суффиксами данной группы².

4. Элементы -qï, -qi и -qïp, -qip находятся, видимо, в тесной связи с монгольским суффиксом причастия будущего времени -хи ~-kü (-хип ~-küp, -хуй ~-kүй)³. Монголоеды и тюркологи с давних пор считали бесспорным соответ-

¹ Дену, стр. 569—571 (§ 866); Дмитриев, Ук. мест., стр. 70.

² Мелиоранский, стр. 62 (§ 7,4); Дмитриев, Гр. кумык., стр. 120—121; S. Szaparszał, Staroturecki przyrostek -yur(u) ~ -yur(y) zachowany gdzieniegdzie we współczesnej mowie potocznej, RO, XIV, стр. 81—89.

³ Катанов, стр. 570—571.

нием этого суффикса тюркский элемент -*yu*, о котором мы уже говорили; к их мнению после тщательного исследования обширного материала присоединился и Г. И. Рамstedт¹. Однако этот взгляд не выдерживает критики, так как тюркскому -*yu* должно было бы соответствовать в монгольских языках -*yu* или -*ü*. Сопоставление тюркского -*qu* с монгольским -*chi* безупречно с фонетической точки зрения, но вызывает некоторые оговорки с точки зрения семантической, поскольку тюркский суффикс -*yu* имеет больше глагольных признаков, чем -*qu* или -*qup*. Важные для нашего положения данные мы находим в киргизском языке, где суффикс -*qı* (-*yı*), -*qu* (-*yu*) образует специальные формы со значением возможности, которые даже изменяются по лицам. Тот же суффикс с дополнительным элементом -*s* (<-*sız*) образует формы, выражающие невозможность совершения действия. Кроме того, в монгольском языке существуют суффиксы -*yağ* и -*gig*, которые полностью соответствуют тюрк. -*quğ* (-*yur*); все эти элементы образуют прилагательные с очень близким значением «находящийся в каком-то состоянии»².

Тюркский суффикс -*qaç* (-*yaç*)

Этот суффикс образует формы деепричастия прошедшего времени, например *aŋyaç* «взяв, после того как взял»; он был известен в чагатайском языке, восточнотуркестанских, а также в сибирских и приволжских диалектах. О. Бётлингк, а вслед за ним и Г. И. Рамstedт³ сравнивали этот суффикс с якутским -*at* ~-*ät* и монгольским -*yađ* ~-*ged*, однако В. Радлов справедливо заметил, что якутский суффикс не имеет ничего общего с -*qaç*, поскольку общетюркскому -*ç* в якутском соответствует -*s*, а не -*t*. В. Радлов высказал мнение, что якутское -*at* является континуантом монгольского -*yađ*⁴, а если принять за основу тюрк. -*qaç*⁵, то следует обратить внимание на исследование вопроса о происхождении названных суффиксов. Если же мы

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 89—91.

² Батманов.

³ Böhlingk, стр. 179 (§ 183), 310 (§ 523). Ramstedt, Konjugation, стр. 107—108.

⁴ Radloff, Die jak. Spr., стр. 42.

⁵ Denny, стр. 578 (§ 870), 1009—1010 (§ 1395).

примем во внимание тунгусский суффикс *-ksa* ~ *-kso* ~ *-kse*, который выражает то же самое, картина явно изменится. Этот суффикс является как бы промежуточной формой, особенно если предположить, что *-ksa* мог иметь вариант *-*kas*. Подобное передвижение гласного для отделения друг от друга двух рядом стоящих согласных характерно для алтайских языков, и тунгусские языки дают много тому доказательств: суффикс повелительного наклонения I л. *-ktâ>-gita*, 3 л. *-ktin>-gitin* и т. д. В соответствующих параллельных образованиях других языков мы вправе ожидать того же. Не менее часты явления чередования в исходе слова согласного *ç* с *s* в тюркских языках и *t* с *s* в монгольских. Таким образом, все названные суффиксы: тюрк. *-qaç*, монг. *-γad* (якут. *-at*) и тунг. *-ksa*, вероятно, могут быть включены в состав одной группы.

Тюркский суффикс *-qañ* (*-γañ*)

1. Этот суффикс выступает в тех же языках, что и *-qaç*. В подавляющей части тюркских языков этот суффикс сохраняет в начале форманта согласный звук (*q*, *γ*), который утрачивается только в некоторых языках, например тур. *-añ* ~ *-älñ*, тув. и сиб. диал. *-aŋa* ~ *-älä*, *-aŋa* ~ *-älä*. Формы, образованные с помощью суффикса *-qañ* (*-γañ*) или его вариантов, имеют в некоторых диалектах значение супина, а в других обозначают начало действия («с той поры как, с того момента как», *gerundium initiale*; формы на *-añ*, *-aŋa*), иногда же (говоры Восточного Туркестана) они обозначают как супин, так и *gerundium initiale*. Представленные здесь семантические различия и фонетические особенности могут указывать на то, что мы имеем дело с двумя разными морфологическими элементами¹. Окончательно этот вопрос до сих пор не решен, не ясно так же, можно ли, подобно некоторым исследователям (Ж. Дени), приводить в качестве варианта суффикс *-qana* ~ *-känä* (говоры Восточного Туркестана) и *-qaŋaq* ~ *-käläk*, *-γaŋaq* ~ *-gäläk* (диалекты сибирские и алтайские; тувинский язык, киргизский суффикс-частица *-elek*)².

¹ Дену, стр. 1031 (§ 1412).

² Катанов, стр. 576—577; Дену, стр. 930 (§ 1343,4).

Последний образует причастия, выражающие ожидаемое, но еще не свершившееся действие. В данной связи следует принять во внимание кумыкский суффикс -qanġi ~-känli, -yanġi ~-gänli (<-qan-ġi), который образует деепричастие со значением «с тех пор как» и может помочь выяснению вопроса о первоначальном строении названных суффиксов, по крайней мере тех из них, которые имеют временное значение¹.

2. В других алтайских языках мы не находим соответствий тюркскому суффиксу -qaġi, -aġa, -qaġaq. Однако здесь следует помнить и о маньчжурском окончании деепричастия -ŋaġa ~-ŋuoġo ~-ŋgeġo («до того как, прежде чем»). Во всяком случае, элемент -ġa и в окончании данного деепричастия и в суффиксе монгольско-тунгусского деепричастия -taġa ~-toġo (~-tele)² может иметь какую-то связь с подобным же элементом тюркского суффикса³.

Суффикс тюркского деепричастия -а и монгольского причастия -ya

1. В морфологии тюркских глаголов большую роль играет деепричастие настоящего времени («gérondif concordant», по терминологии Ж. Дени). Теперь он образуется при помощи суффикса -а ~-ä (после согласных) и i (после гласных), но раньше употреблялась более сложная система вариантов, которые Томсон для периода орхонских надписей восстановил в виде -а ~-ä, -i ~-i, -u ~-ü (-yu ~-yü). Таким образом, существовали параллельно варианты с широкими и с узкими гласными, которые, возможно, выражали разные семантические оттенки; однако с течением времени они, вероятно, стерлись, и уже в языке VIII века никаких семантических различий установить нельзя³. Исследователей орхонских надписей больше всего интересовала форма на -yu: она засвидетельствована несколько раз и по своему значению как бы противопоставляется форме деепричастия прошедшего времени -p, -b: baġayū «начиная» при baġar «начав», так же как монгольское

¹ Дмитриев, Гр. кумык., стр. 144—145; Катанов стр. 604—609; Дену, стр. 927—930 (§ 1343).

² См. ниже, стр. 306—310.

³ Мелиоранский, ЗВОРАО, XII, стр. 79, 132.

деепричастие на -п, противопоставляется деепричастию на -жу: terigülen и terigüležü. Вариант на -уи встречается еще в уйгурских текстах из Восточного Туркестана (например, ančulayu, tünčulayu, sayu), однако теперь он уже не употребляется; старая же группа вариантов сократилась до -а и -і, к числу которых следует относить также употребляющийся теперь в разных диалектах суффикс -а, -і. Превращение і в і не должно нас удивлять: вероятно, варианты -і после местоимения -и чаще всего употреблялись после гласных; среди них доминирующую роль играли а и ä; это обстоятельство как бы ограничивало употребление суффикса с той же звуковой формой. Наступила, следовательно, эволюция, известная в алтайской языковой области: tilä-i > tilä-(y)-i > tilej (ср. монг. sayin > sain > sajn). При таком решении вопроса трудно согласиться с мнением Ж. Дени и И. А. Батманова, что при добавлении рассматриваемого суффикса к основам на гласный звук — а утрачивается и остается только вспомогательный согласный -у-, который на самом деле служит только для отделения друг от друга двух гласных ¹.

Формы на -а, -і, кроме основной функции, выполняют почти во всех тюркских языках роль основы настоящего времени. Поскольку они присоединяют только предикативные суффиксы, можно утверждать, что первоначальное их значение было другим. Их следует относить к группе тех деепричастий, которые возникли на месте причастий самым простым, то есть, по-видимому, синтаксическим путем, без каких бы то ни было фонетических или морфологических изменений ².

Однако следует заметить, что Ж. Дени выводит суффикс -а, -і из -қа, -қай; его мнение можно считать абсолютно правильным, хотя другое его предположение — отождествление этого суффикса с суффиксом -ға основ желательного наклонения — принять трудно ³: мешают значительные семантические различия между обоими суффиксами.

2. Тюркский суффикс -а ~-ä, -і оказал влияние и на монгольскую морфологию.

¹ Дену, стр. 920 (§ 1342); Батманов, Грамматика, III, стр. 25.

² См. выше, стр. 234—236.

³ Дену, стр. 931—935 (§ 1343).

а) Уже в 1902 году Г. И. Рамстедт сравнивал его с монгольским суффиксом прошедшего несовершенного времени -ya ~-ge¹; это предположение мы аргументировали новыми данными². Теперь можно указать еще на одну характерную особенность — на частое употребление в тюркских и монгольских языках двойной формы на -a (монг. диал. -a ~-ā) для обозначения непрерывных действий, происходящих в течение длительного времени либо повторяющихся; тюрк. *bara bara*, калм. *yowā yowā* «идя и идя (долго без перерыва)».

Монгольские формы на -ya встречаются в роли причастия и спрягаемого глагола уже в «Сокровенном сказании монголов»: *bariya (bari'a) gü'ün aldaba* «оставил схваченного человека», *Şigi xutuXu ese abu'a* «Шиги хутуху не брал». В литературном языке эти формы очень часто соединяются с частицей *edüj*, образуя оборот -ya *edüj* со значением «еще не сделанный, еще не сделал»: *abuYa edüj* «еще не взятый, еще не взял». В «Сокровенном сказании монголов» этому обороту соответствует сочетание -aj *üdü'üi (> -yaj edügüj)*: *gü'ün-ne ber ögte'ej üdü'üj okin ažu'u* (§ 87) «девушка еще никому не была отдана». По-видимому, эта форма в языке «Сокровенного сказания» образовалась при помощи суффикса -'a и -'ai. Этот же памятник знает аналогичные дублиеты и в других морфологических элементах:

-tu	-tuj
-le'e	-le'ej
-žu'u	-žu'uj

Параллелизм -ya, -yaj может способствовать выяснению формы на -'aj (*yabu'ayu*), которая выступает в монгольских памятниках, написанных алфавитом 'phags-pa, и происхождение которой окончательно не выяснено. По мнению А. М. Позднеева³ и Б. Я. Владимирцова⁴,

¹ Ramstedt, Konjugation, стр. 85—86.

² Kotwicz, RO, XII, 1936, стр. 124—125.

³ А. М. Позднеев, Лекции по истории монгольской литературы, II, СПб, 1897, стр. 110, 115.

⁴ Б. Я. Владимирцов, Монгольский международный алфавит XIII века, „Культура и письменность Востока“, X, М., 1931, стр. 37—38.

она представляет собой особую форму причастий, неизвестную монгольским грамматикам. Позже оказалось, что она засвидетельствована также в «Сокровенном сказании монголов» и в других древних памятниках и даже в «Хронике» Саган (Санан) Сечена; она употребляется не только в роли причастия, но и спрягаемого глагола. В 1937 году М. Левницкий¹ собрал много данных о ее употреблении, которые доказывают, что она выражает действие не совершившееся, но возможное и поэтому очень близка форме латинского причастия на *-igus*. Вышеприведенные данные позволяют рассматривать форму на *-ai* монгольских памятников, написанных алфавитом *'phags-pa*, как соответствие хорошо известного причастия прошедшего несовершенного времени с окончанием *-ya*, однако следует полагать, что она обозначала не только действия, не законченные в прошлом, но также действия, которые должны совершиться или, возможно, совершатся в будущем. Широта значений здесь не столь уж важна, однако она заставляет принять во внимание одну возможность, а именно предположение о том, не соответствуют ли формы на *'ai* тюркским причастиям возможности с суффиксами *-qaj*, *-yaj*.

б) Никто до сих пор не обращал внимания на то, что второй вариант суффикса тюркского деепричастия *-i* выступает также на монгольской почве, хотя является уже мертвой морфемой. Речь идет именно о форме причастия настоящего времени, которую, вопреки мнению Г. И. Рамстедта², указал Б. Я. Владимирцов. Немногочисленные примеры ее употребления можно найти в «Сокровенном сказании монголов», в «Хронике» Саган Сечена, в пекинском издании повести о Гесер-хане и в других текстах: *buḡ*, *boḡuj*, *ayisuḡ*, *oduḡ*, *daḡuj*, *oluḡ* («Сокровенное сказание монголов», § 55).

Особого внимания заслуживает слово *daḡuj*, основу которого составляет монгольский глагол *daḡu-* «давить, прижимать» и который до сих пор употребляется всюду

¹ M. Lewicki, *Inscriptions mongoles inédites en écriture carrée*, CO, 12, Wilno, 1937, стр. 34—35.

² Г. И. Рамстедт, «Остатки причастия настоящего времени» в монгольском языке, ДРАН. В, 1924, стр. 55—56. Ср. Ramstedt, *Konjugation*, стр. 74.

в функции наречия «затем, потом». На тюркской почве ему точно соответствует наречие *basa* «снова, потом», образованное от глагола *bas-* «давить, прижимать» при помощи варианта *-a* того же самого деепричастного суффикса. Слово *basa* «снова, потом» заимствовали монголы, и в монгольском языке оно стало употребляться еще более широко, чем в тюркском.

в) Третий вариант деепричастного суффикса *-u* ~ *-uü* в тюркских языках выступает редко; он существует также и в монгольском языке, где образует одну из форм настоящего времени.

Из вышеизложенного следует, что один тюркский суффикс расщепился в монгольском языке на три разные и независимые друг от друга морфемы:

<i>oduḡa</i>	<i>oduḡ</i>	<i>oduḡu</i>
	<i>buḡ</i>	<i>buḡu</i>

Суффиксы деепричастий:

монг.-маньч. *-taḡa* и маньч. *-ḡaḡa*

Оба суффикса образуют на монгольской и маньчжурской почве деепричастия времени со значением: *-taḡa* ~ *-tele* (~ *-toḡo*) «в то время как, пока», *-ḡaḡa* ~ *-ḡoḡo* ~ *-ḡeḡe* «прежде чем». Исследователи с давних пор полагают, что *-taḡa* — элемент монгольского происхождения, заимствованный маньчжурским, где он послужил затем образцом для образования суффикса *-ḡaḡa*.

Алтаисты считают оба суффикса элементами сложными, однако по вопросу о членении их высказывают разные мнения.

1. Суффикс *-taḡa* Г. И. Рамстедт, опираясь на существующую в халхаском диалекте форму *-daḡa*, делит на следующие составные части: *-daḡ* — суффикс монгольских отглагольных существительных и *-a* — окончание дательного падежа¹. Между тем А. С. Козин видит в нем сочетание суффикса гипотетического причастия *-ta* и сокращенную форму окончания совместного падежа: *-ḡa* (< *-ḡuḡa*).

¹ R a m s t e d t, Konjugation, стр. 50—61, 111—112.

Обе гипотезы берут за основу образование деепричастий путем присоединения окончаний склонения к именным формам глагола. Это совершенно естественно, потому что большинство алтайских деепричастий возникло именно таким путем. Однако Г. И. Рамстедт берет за основу форму существительного, не имеющего признаков глагола. Предположение А. С. Козина согласуется с общим принципом образования деепричастий, однако то причастие является, как мы уже видели, совершенно гипотетическим. Поэтому нас не может удовлетворить ни та, ни другая этимологии.

а) В языке нерчинских тунгусов выступает глагольная форма с суффиксом *-daŋa* (*-taŋa?*) \sim *-dälä*. А. Кастрен, первым указавший ее, сближал ее с монгольским деепричастием на *-taŋa*, так как обе формы имеют одинаковое значение («в то время как»)¹. Позднее оказалось, что тот же суффикс *-daŋa* с той же функцией существует и в языке баргузинских тунгусов, которые заимствовали его, вероятно, у монголов.

Исследования Г. М. Василевич позволяют объяснить эту форму на основе данных тунгусских языков². Именно она указала, что в эвенкийском языке известна форма причастия, которая обозначает еще незаконченное действие и образуется с помощью суффикса *-da*, *-ta*. Причастие на *-da* выступает чаще всего с окончанием местного падежа *-ŋa*; таким образом, мы получаем деепричастные формы со сложным суффиксом *-daŋa* (*-taŋa*)³.

Такое объяснение позволяет понять, почему монг. *taŋa* имеет притяжательные суффиксы и почему второй член сложного окончания с древнейших времен (даже в «Сокровенном сказании монголов») имеет одинаковую форму: *-ŋa* (в живых диалектах даже *-ŋ*), и никогда не выступает в форме *-ŋuŋa* (> в живых диалектах *-ŋä*).

б) В пользу этимологии суффикса *-taŋa*, опирающейся на данные тунгусских языков, говорит еще и тот факт, что причастие на *-ta*, *-da* можно найти также в других алтайских языках.

¹ Castrén—Schiefner, стр. 30 (§ 86,4).

² Василевич, Очерк, стр. 70—71 (§ 20, 10).

³ Там же, стр. 71, 163.

Так, маньчжурское деепричастие с суффиксом *-tai ~ -tei ~ -toj*¹ представляет собой, по-видимому, форму родительного-творительного падежа именно этого причастия и образует параллель к причастию на *-хай ~ -хеi ~ -хоi* (собственно, родительный-творительный падеж от причастия на *-ха ~ -хо ~ -хе*²).

В тюркских языках, как древних, так и современных, довольно часто выступает суффикс *-taĉi, -daĉi*, который образует отглагольные имена, обозначающие возможное или неизбежное³ действие или состояние. Этот суффикс, несомненно, является сложной морфемой, но происхождение первой его части *-ta, -da* до сих пор не выяснено. Однако, поскольку элемент *-ĉi*, обозначающий действующее лицо или лицо, постоянно связанное с каким-то действием, сочетается в алтайских языках иногда с окончаниями причастий и других отглагольных имен (ср. тюрк. *-yüĉi, -taqĉi*, монг. *-yaĉi*), можно предполагать, что и в данном случае мы имеем дело с сочетанием суффикса *-ĉi* с суффиксом причастия *-ta, -da*.

В результате мы могли бы ожидать в алтайских языках три формы одного и того же причастия — *-taĉa, -tai, -taĉi*.

2. Более серьезные трудности возникают в связи с маньчжурским деепричастным суффиксом *-ŋaĉa*. Представленное выше объяснение окончания *-taĉa* заставляет нас расчленить *-ŋaĉa* на *-ŋa-ta* и проследить его происхождение на основе монгольских языков. Действительно, в тунгусских языках существует элемент *-ŋga*, но в качестве составной части нескольких сложных суффиксов, а именно:

суффикса, который исследователи подают в разных вариантах: Г. Василевич в виде *-žanga, -čauŋa*⁴, Ринчино — *-diŋoĉ, -diŋa*⁵, Кастрен — *-žigā, -žigō*⁶. Он служит для образования причастий, обозначающих действия воз-

¹ Захаров, стр. 194 (§ 169).

² Там же, стр. 193—194 (§ 168).

³ W. Radloff, Die Altürkische Inschrift, NF, стр. 118—119, Zajączkowski, Sufiksy, стр. 98—99 (§ 26).

⁴ Василевич, Очерк, стр. 67, 106 (§ 20, 3, 33, 11).

⁵ W. Kotwicz, Le dialecte tongous de Bargouzine, CO, 1, Wilno, 1932, стр. 14.

⁶ Castrén—Schiefner, стр. 31 (§ 87,3), 32—60.

можные, а в сочетании с вспомогательным глаголом — для образования будущего времени изъявительного наклонения. О составных частях этого суффикса исследователи не говорят; только Г. Василевич указывает, что тунгусы пользуются особым суффиксом -ʒа для образования именной глагольной формы, обозначающей действие в момент его совершения¹.

Можно, следовательно, полагать, что рассматриваемый суффикс представляет собой сочетание разных вариантов именно этого -ʒа с элементом -η(g)а и что последний имеет какое-то собственное значение, например возможности, и может выступать в более самостоятельной роли.

-ηgasī; этот суффикс образует деепричастия, обозначающие действие, во время которого совершалось какое-то другое действие, повторяющееся или длительное. Эти деепричастия имеют притяжательные суффиксы².

-ηgat; образует именные глагольные формы со значением необходимости³.

Приведенные данные позволяют, как нам кажется, сделать предположение, что в тунгусском языке существует особый суффикс -ηga, который образует именные глагольные формы, обозначающие незаконченное возможное или даже невозможное действие, и что именно этот суффикс вместе с окончанием местного падежа -la образует маньчжурский сложный суффикс -ηуаla.

3. Точности ради следует добавить, что и в монгольских диалектах суффикс -ηга также известен; он употребляется либо самостоятельно (халх. и бурят. ηга), либо же в сочетании с другими элементами (хори-бурят. -ηηго)⁴. Эти образования представляют собой деепричастия способа и выражают действие, которое совершается одновременно с главным действием, но только побочно, мимоходом.

Происхождение этих суффиксов не ясно; впрочем, можно предполагать, что на монгольской почве они

¹ Василевич, Очерк, стр. 71 (§ 20, 11), 95.

² Там же, стр. 112, 162, 164 (§ 38, 2, 64, 6, 7).

³ Там же, стр. 108 (§ 35).

⁴ Ramstedt, Konjugation, стр. 49, 109; Руднев, Хори-бурятский говор, стр. ХСIII (§ 178).

появились под влиянием развитой тунгусской морфологии, хотя и не исключена возможность, что они связаны с притяжательным суффиксом *-ben* (бурят. *-ā, -gā*).

Отглагольные существительные

1. При образовании отглагольных существительных^[73] в алтайских языках различается не только сам процесс действия, но и предметы, испытывающие это действие или свидетельствующие о его результате. Чаще всего разные значения передают соответственно разные суффиксы, но в тех случаях, когда достаточно четкого разграничения нет, один суффикс может передавать несколько значений. Во всяком случае, количество такого типа морфем достаточно велико; это позволяет допускать, что каждый из алтайских языков стремился к точному разграничению, но в большинстве случаев цель не была достигнута.

Сравнение суффиксов свидетельствует о том, что и здесь имел место далеко зашедший процесс взаимовлияния языков. Примеры:

тюрк.	-q	-m	-š	-t
монг.	-γ (-γα) ¹	-m	-t	-s (un)
маньч.		-n		-sup

Связь между этими суффиксами несомненна. Не требует подробных объяснений чередование тюрк. *-š* || монг. *-t*, так как это явление, достаточно распространенное не только для системы корней (например, тюрк. *yaš* || монг. *ᠵаᠯауи* «молодой», тюрк. *taš* || монг. *ᠴᠢᠯауиᠨ* «камень»), но и для суффиксов (тюрк. *-mīš* || монг. *-maᠯ*). Тюркскому суффиксу *-t* как норма соответствует монг. *-s*. Такое чередование имеет место даже на монгольской почве. Правда, в монгольском литературном языке тюркскому суффиксу отглагольных имен *-t* соответствует только *-sup*, однако конечное *-n* — элемент непостоянный, и уже в некоторых формах склонения он утрачивается, в халхаском же языке его нет даже в именительном падеже, например монг. *ᠬᠠᠯᠢᠰᠤᠨ*, халх. *ᠬᠠᠯᠢᠰ* «кора»¹. Маньчжурский язык

¹ G. J. Ramstedt, *Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen*, JSFOu, XXI, 2, 1902, стр. 45 (§ 54).

принял форму литературного языка -sun: *χuwalasun* (*χuwaliyasun*) «согласие, гармония».

Не все эти суффиксы употребляются одинаково часто: на почве тюркских языков чаще всего выступает -q, который присоединяется к основам не только с узкими гласными (-i̇q, -uq), но и с широкими (-aq), а в монгольских языках — суффикс -ʃ.

В маньчжурском языке главным показателем различных проявлений действия является окончание отглагольных имен -п. По-видимому, маньчжурский язык, допускающий в исходе только -п (и -п), заменил этим согласным все консонантные тюркско-монгольские суффиксы.

2. Интересно отношение рассмотренных суффиксов к другим морфемам. Теперь все они служат для образования отглагольных существительных, однако имеются свидетельства того, что по крайней мере отдельные существительные имели (и даже сохранили по сей день) некоторые признаки глаголов. Это относится главным образом к тем, что образованы с помощью пары суффиксов: тюрк. -š и монг. -ʃ. В говорах Восточного Туркестана существительные на -š до сих пор обозначают не только само абстрактное действие, но и потребность конкретного действия; например, *eliš* обозначает не только «взятие», но и «потребность что-то взять». Выполняя глагольную функцию, эти существительные обычно соетаются со словом *keräk* «потребность»: *elišim keräk* «я должен взять», *meniñ xizmätkä berišim keräk* «мне нужно пойти на работу»¹.

В монгольском языке отрицательные обороты типа *üzel ügej* имеют также глагольное значение: «не видя», *tegüni üzel ügej* «не видя этого». Возможно, калмыкские формы повелительного наклонения *üz|čñ* «посмотри, пожалуйста», или *üz|tñ* «посмотрите, пожалуйста», возникли точно так же на основе аналогично образованного слова, то есть, иначе говоря, -l является именным словообразовательным суффиксом, а не утвердительной частицей (-la > -l)².

Такое положение вещей позволяет сопоставить два ряда суффиксов:

¹ Баскаков, Насилов, стр. 222—223.

² См. выше, стр. 259.

-m	-ma	-maq
-t	-dī	-dīq

Оба ряда возникли, по всей вероятности, одним и тем же путем, что лишний раз подтверждает мысль о связи вышеуказанных суффиксов с чисто глагольными формами. Второй ряд мы подробно рассматривали с данной точки зрения в особом разделе¹. Таким образом, здесь, вероятно, имело место постепенное развитие двух морфем: -m и -t, однако не совсем ясно, который из данных вариантов следует считать старшим. Впрочем, и здесь можно предположить, что -maq и -dīq образовались от промежуточных вариантов путем присоединения суффикса -q.

Эти замечания позволяют, как нам кажется, продолжить сравнение следующим образом, а именно:

Глагольные суффиксы тюрк. -mīš и монг. -maʃ, которые нами уже не раз сравнивались, являются, по-видимому, сочетаниями промежуточного варианта -ma и суффикса тюрк. -š или монг. -ʃ.

Нам представляется также возможным, что монгольские суффиксы отглагольных существительных -daʃ и -dasu имеют генетическую связь с -day — монгольским вариантом тюркского суффикса -dīq. На это обратил внимание уже Г. И. Рамstedt, который, однако, усматривал в элементе -da- формант страдательных глаголов².

3. Слабее развиты другие категории отглагольных существительных. Приведем свод суффиксов, служащих для образования существительных, обозначающих действующее лицо, орудие действия и место действия:

	действующее лицо	орудие действия	место действия
тюрк.	-yüci, -yüf	-qıç, -(a)q	-(a)q
монг.	-yaçi, -yüf	-yur	-yuri, -yuli
маньч.	-qu, -buqu	-qu, -fun	-qu
тунг.	-mni	-wun	-kit, -žak

В этом своде бросается в глаза, с одной стороны, фонетическое сходство тюркских, монгольских и отчасти маньчжурских суффиксов, а с другой — их семантическое

¹ См. выше, стр. 291—295.

² Ramstedt, JSFOu, XXVIII, 3, стр. 46—47 (§ 57), 49 (§ 60); Ramstedt, Konjugation, стр. 91—93, 111—112.

различие. Обращают на себя внимание суффиксы типа -yüci, -yüf, -yügi, yüli, -qu, -qič, которые, по-видимому, являются сложными образованиями. Основной их элемент -yü, -qu имеет, как видно, непосредственную связь с тюркским суффиксом -yü, -ü (инфинитив II). Формы на -yü соединяются с другими суффиксами: -či (формант со значением действующего лица), -г, -f или -gi и -li. Элементы -f и -г, по-видимому, обозначают разные категории понятий (например, действующее лицо, орудие действия), но на монгольской почве особенности языка помогли их смешению. Именно суффикс -yüg, присоединяясь к основам, уже имеющим в своем составе г, принимает вследствие диссимиляции форму -yüf (arčiyüf «щетка» вместо arčiyüg). Таким образом, -yüf образует в монгольском существительные не только со значением действующего лица, но и орудия действия. Маньчжурский язык заимствовал свою систему суффиксов из монгольских или тюркских языков, но отбросил конечные согласные -г и -f, в результате чего мы находим там лишь суффикс -qu, который образует существительные всех рассматриваемых здесь категорий.

В результате указанного обстоятельства, а также относительно редкого употребления этих суффиксов образованные с их помощью существительные не смогли быть разграничены.

Тунгусские языки располагают собственной системой суффиксов, не связанной с морфологией других алтайских языков.

НАРЕЧИЯ И ЧАСТИЦЫ

Наречия и наречные суффиксы

Общий обзор

В состав алтайских наречий обычно включаются слова самого разного происхождения. Поскольку исследователи придерживаются в данном вопросе самых различных мнений, состав этой части речи в настоящее время трудно определить точно; однако здесь все же можно выделить ряд групп.

1. Корневые слова немногочисленны и не всегда имеют соответствия во всех языках. Примеры:

	монг.	маньч.	тунг.	тюрк.
„очень“	maši	umesi	—	āj
„снова“	daki ⁽⁷⁴⁾	daxime	—	taqī
„вообще“	yerü	gemu	—	

2. Качественные прилагательные могут выступать в роли наречий, не изменяя своей формы. Впрочем, в монгольском языке прилагательные с конечным -п утрачивают его (исключение — sayin «хороший, хорошо»), а иногда получают окончание дательного или творительного падежа: уеке «великий», уекедe «очень», бурят. бага «малый», багаг «мало».

3. Наречную категорию выделяют и среди числительных; к ней относятся те, что обозначают «количество раз» и образуются при помощи особых суффиксов: монг. -та, маньч. -geri, -ŋgeri, тунг. -га. В роли наречий иногда выступают и основные числительные — без каких-либо особых формантов, — так же как и прилагательные, близкие наречиям по своей семантической функции; например, монг. arba (<arban «десять раз»).

4. Известные группы существительных, а также местоимения (вопросительные, указательные и определительные) имеют иногда суффиксы, которые формально да и в семантическом отношении напоминают окончания склонений, не вошедших, за исключением только некоторых языков, в состав соответствующих парадигм. Формы, образующиеся при помощи этих суффиксов, обычно имеют ограниченную сферу употребления и по своему значению соответствуют наречиям. Следовательно, мы имеем здесь дело как бы со специальными наречными суффиксами. Некоторые из них продуктивны и до сих пор, другие являются уже элементами мертвыми, засвидетельствованными лишь в немногочисленных примерах.

Ниже мы дадим обзор важнейших суффиксов этой категории.

а) Монг. -уаг ~-гег. В монгольском литературном языке окончание творительного падежа имеет две формы: -баг (после гласных) и -(i)уаг (после согласных). Иногда.

особенно в старых памятниках, суффикс *-bar*, *-(i)уаг*, кроме обычного значения, имеет также значение совместного падежа (комитатива, «вместе с кем-нибудь»). Наряду с этими формами выступает еще *-уаг*, который всеми исследователями рассматривался в качестве третьего варианта того же окончания, несмотря на то, что *-уаг* имеет несколько иной семантический оттенок, а именно: выражает способ совершения действия. Суффикс *-уаг* не принадлежит к числу общеупотребительных. Чаще всего его можно встретить в словах *yosуаг* «по закону», *töröger* «согласно обычаю», *üneger* «в самом деле»; наряду с ним существуют нормальные формы творительного падежа: *yosun-i-уаг*, *törö-ber*, *ünep-i-yoг*, которые обозначают не способ, а причину совершения действия — «по закону, по обычаю». В живых диалектах варианты *-bar*, *-(i)-уаг*, *-уаг* в результате эволюции языка слились в одну форму *-аг* (*-ög*): *yosаг* (*yosör*), *törär* (*törör*), *ünег*. На этом фоне мы должны рассматривать старый суффикс *-уаг* как особый наречный суффикс, хотя и генетически связанный с окончанием творительного падежа.

Кроме того, суффикс *-уаг* стал, по-видимому, употребляться не только с существительными, но и с местоимениями; так, местоимения *bügüde*, *хутафа* «все», *ede* «эти», *tede* «те» могут присоединять факультативно суффикс *-уаг*, не изменяя при этом своего значения. Г. И. Рамstedт и другие исследователи, интересуясь происхождением элемента *-уаг*, считали его вариантом монгольской частицы *ber*. Мы разделяли их взгляд¹; однако нам кажется более правдоподобным предположение, что *-уаг* — тот же суффикс, который, как мы говорили выше, первоначально имел значение совместности (комитатива) и только с течением времени утратил это значение, уступив место значению основного слова. В живых диалектах *-уаг* в таких случаях вообще не употребляется. В «Сокровенном сказании монголов» довольно часто встречаются формы *ede'er*, *tede'er*, *bügüde'er*; они свидетельствуют о том, что *-уаг* подвергся стяжению, в результате чего образовались длинные гласные, подобно уже упоминавшимся *yosаг*, *törär*, *ünег*.

¹ Kotwicz. Les pronoms, стр. 70.

б) Тюрк.-монг. -qa ~-kä, -ya ~-gä. Этот суффикс представляет собой окончание дательного падежа, которое в варианте с глухим согласным (-qa) сохранилось в северотунгусских языках. Этот суффикс проник очень давно в монгольские языки и в литературном языке активно участвует в образовании наречных основ. И в тех и в других языках -qa, -ya встречаются не только в роли самостоятельных наречных морфем: тюрк. *pämigä*, *pämägä* «почему? за сколько? где?», монг. *хатиya* «где?», но и в составе сложных суффиксов — суффиксов склонения (двойное склонение), например тюрк. -yaru, или же словообразовательных, например монг. -yadu¹.

в) Аналогичные в структурном отношении сложные энклитики-суффиксы, второй частью которых является элемент -gi: монг. *bügi*, маньч. *dari*, *deri*, *geri*, тюрк. -*durü*, -*düz*, -*dür*. Вообще, насколько об этом можно судить, они не подчиняются закону гармонии гласных, а некоторые, например монг. *bügi*, даже выступают в качестве самостоятельных частиц. Следовательно, более правильным будет называть их энклитиками.

Образованные с их помощью слова выполняют функцию наречий времени и места.

Маньч. *dari* и монг. *bügi* сочетаются с существительными, выражающими значение времени:

маньч.	монг.	
<i>inengi-dari</i>	<i>edür-büri</i>	„ежедневно, каждый день“
<i>b'a (biya)-dari</i>	<i>sara-büri</i>	„ежемесячно, каждый месяц“
<i>aña (aniya)-dari</i>	<i>žil-büri</i>	„ежегодно, каждый год“

Маньч. *deri* обозначает «через, вдоль, все еще» и в литературном языке выступает как самостоятельное слово; однако в языке племени сибо в Илийском крае он является, по мнению Радлова, формантом элатива (вместо литературного -*či*)².

Маньч. *geri*, как уже говорилось выше, образует наречия-числительные, обозначающие «количество раз».

Тюрк. -*dürü*, -*dür* -*dür* выражает значение «вдоль, на всем пространстве». Об этом суффиксе речь будет ниже.

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 66—67.

² См. выше, стр. 193.

г) Монг. -үиг, тунг. -li. Суффикс -үиг в монгольском языке, а также -iŋ ~-iŋ в живых диалектах обозначает место, по которому или вдоль которого совершается движение или вообще какое-нибудь действие. Обычно он присоединяется к основам неразграниченным, обозначающим место и время ¹, а иногда (в некоторых языках и диалектах, например бурятском) — к указательным местоимениям. В калмыкском языке он имеет более широкое употребление, потому что он выступает в качестве форманта направительного падежа (директива) в склонении почти всех существительных. Употребление -iŋ как форманта склонения явилось, по-видимому, результатом контаминации -үиг и -гу ².

В северотунгусских языках монгольскому -үиг соответствует окончание склонения -li, которое употребляется или самостоятельно, или в сочетании -du-li.

д) Тюрк. -iŋ, -up. Современным тюркским языкам творительный падеж неизвестен, но, по общему мнению, свидетельством его бывшего существования является окончание -iŋ, -up, которое можно выделить в немногочисленных словах, обозначающих образ действия и время действия: qıŋiŋ «в течение зимы, зимой» ^[75]. Трудно сказать, имел ли он когда-нибудь более широкое употребление, хотя можно предположить, что он существует в качестве элемента факультативного не только в виде -iŋ, -up, но также и в виде -p в таких словах, как birlä(n), ilän «вместе с..., с», kimi(n), gibi(n) «словно, как», qaŋan «когда», в суффиксе -ŋauŋ и, возможно, еще в других словах, которые имеют в исходе загадочное -p. В таком случае суффиксы -län, -ŋauŋ и -ŋan можно было бы рассматривать как сочетания окончаний двух падежей (двойное склонение).

е) Монг. -үši, -ši, тунг. -ski, маньч. -si. Эти элементы являются разными вариантами одного суффикса; как -га и -үиг, они присоединяются к той же группе нерасчлененных основ, обозначающих место и время. Следовательно, этот суффикс принадлежит к числу специальных наречных суффиксов и обозначает, как и окончание -гу, направление. Он состоит, очевидно, из двух элементов

¹ См. выше, стр. 69—70.

² См. Lewicki, CO, 15, стр. 25.

с одинаковым значением: -si, -ši и -γ, -k, которые могут функционировать и самостоятельно (о к см. выше, в разделе склонения).

5. Некоторые деепричастия, особенно образованные от вспомогательных глаголов, имеют значение, сближающее их с обычными наречиями. Конечно, это касается прежде всего тех деепричастий, которые благодаря частому употреблению изменили или основное значение глагола, от которого они образованы, или же свою первоначальную фонетическую форму, например калм. tegād «затем, потом», тюрк., монг. basa «снова», калм. ууңгād «почему?»

В особых разделах настоящей работы мы рассматриваем специальные наречные суффиксы: общеалтайские -la, -ga, -ri, -ru, -na, монгольский -γup и тюркский -dūri, -dīr, -dur, -düz.

Суффикс склоняемонаречный -la ~-lä (~-lo)

Выше мы уже говорили о том, что суффикс -la служит в разных алтайских языках для образования форм нескольких падежей.

1. В северотунгусских языках -la представляет собой нормальный формант местного падежа, но иногда получает специальное значение: с несамостоятельными основами, обозначающими место и время, он образует часто слова наречного характера. Много примеров тому собрал Кастрен¹, особенно подробно этот вопрос рассматривала Г. Василевич².

Суффикс -la часто присоединяется к причастиям, которые обозначают действия еще не совершенные (причастия на -da) и уже совершенные (причастия на -ča). Таким образом, возникают сложные деепричастные суффиксы -dala (-lała) «в то время, как, пока, прежде чем» и -čala «потом, когда, когда уже, по»³.

2. В маньчжурском языке суффикс -la сохранился только в некоторых наречиях со значением места или

¹ Castrén—Schiefner, стр. 62—66 (§ 108, 5—109).

² Василевич, Очерк, стр. 51—56 (§ 17).

³ Там же, стр. 155 (§ 61), 163 (§ 64, 7).

времени: *amała* «сзади», *doło* «внутри», *dele* «сверху». Кроме того, *-ła* входит в состав сложных деепричастных суффиксов *-tała* и *-çyła*.

3. Выше уже шла речь¹ о тюркском суффиксе *-ła*, который можно выделить в застывших оборотах, обозначающих время и способ совершения действия. Вероятно, это был тот же суффикс склонения, но в настоящее время слова с этим суффиксом употребляются в роли наречий.

Тюркологи обычно предполагают, что *-ła* является сокращенной формой послелого *ilä*, или *birilä*². Возможно, их объяснение не противоречит фактическому положению вещей, но оно не учитывает того факта, что послелого *ilä*, *birilä* также имеют суффикс *-ła*, происхождение которого тоже следует объяснить.

Суффикс *-ła* в тюркских языках употребляется в следующих случаях:

а) В застывших словах, обозначающих время и способ совершения действия: *taŋla* «на рассвете, рассвет» (в разных диалектах), *ertele* «утром» (кирг.), *öglä* «в полдень, полдень» (тур.), *quŋla* «раз» (караим.), *yaŋla* «только что» (караим.), *yaŋiŋla* «тогда же, недавно» (алт.).

Интересно происхождение слова *öglä*: Сами-бей возводит его к *ög* «грудь, перед», а Дени — к *öd* «время»³; соответствующее монгольское слово *öglüge* «утро» свидетельствует в пользу первой этимологии.

Больше всего примеров этого типа сохранилось, пожалуй, в чувашском языке, где суффикс *-ła* является, по-видимому, живым элементом⁴.

б) Имеются также более явные свидетельства употребления суффикса *-ła* в качестве живой и самостоятельной морфемы. Современные тюркские языки не знают творительного и совместного падежей; их заменяют послелого *birilä*, *bilä* или (в южных языках) *ilä*. Иногда наряду с ними

¹ Стр. 112—113.

² W. Radloff, *Die älttürkische Inschrift*, NF, стр. 84; Дени, стр. 585 (§ 876); T. Kowalski, *Osmanisch-türkische Dialekte*, E I, IV, § 80; Zajaczkowski, *Sufiksy*, стр. 44 (§ 29); И. А. Батманов, *Употребление падежей в киргизском языке*, НИИ киргизского языка и письменности, Фрунзе — Казань, 1938, стр. 38—40; Дмитриев, *Гагауз.*, стр. 5—6.

³ Дени, стр. 255, прим. 1.

⁴ Ашмарин, стр. 229—231 (§ 42, 44, 45).

или вместо них встречается также формант -la; так, например, в турецком языке в одинаковой морфологической функции употребляются ilä после основ на гласный и -la ~-lā после основ на согласный¹. Поэтому трудно согласиться с мнением тюркологов, будто -la может быть сокращенной формой послелого birlä (или одного из его многочисленных вариантов), выступающего в большинстве тюркских языков. Так, например, в говорах алтайских тюрков послелого bīla, pīla встречаются редко, зато -la представляет собой совершенно нормальный суффикс склонения творительного-совместного падежа². В турецком языке суффикс -la может быть вторичным, но в алтайских говорах он, по всей вероятности, является первичным³.

в) Послелого birlä и ilä. Тюркологи единодушно считают, что birlä восходит к bir «один»; такая этимология может показаться на первый взгляд правильной как с фонетической, так и с семантической точек зрения. Однако, поскольку в объяснении ilä (корень или конечный элемент) имеются большие расхождения, принять их гипотезу о происхождении birlä не представляется возможным. Кроме того, каждого исследователя должно удивить огромное количество вариантов, в которых выступают эти оба послелого. Приведем свод их, используя в качестве основы его преимущественно работы Катанова³:

birlä(n)					
bilä(n)	bīnan, pīnan,		mīnan		
	binän pinan muḷa(n)		minän		
				mānän	
bīla	pīla				
buḷa(n)			munan		
ḷa					
bän	pän		man	ilä(n)	inän
			män		
					nan

¹ Делу, стр. 585—588 (§ 875—880).

² Дыренкова, стр. 66—71 (§ 17, 8—19), 219 (§ 145).

³ Катанов, стр. 750—752, табл. XIV; см. также Дмитриев, Гр. кумык., стр. 88—89; И. А. Батманов, Употребление падежей, стр. 39.

Эти варианты очень напоминают видоизменения начального согласного личного местоимения *bān ~ mān* и указательного *bu ~ tūp-*. В отношении числительного *biḡ* такие видоизменения нам неизвестны. Это обстоятельство заставило нас искать объяснение *ilā* и *biḡlā* на основе местоимений; оно имеет одну положительную сторону: позволяет сразу выяснить происхождение обоих послелогов¹. Во всяком случае, следует считаться с тем, что здесь могла сыграть известную роль контаминация корней различного происхождения.

Окончание *-la(n)*, *-pa(n)* в приведенных формах представляет собой рассматриваемый здесь суффикс *-la*. Однако оно представлено в формах *bān (ban)*, *rān (rap)*, *mān (map)*, которые выступают в нескольких диалектах наряду с формами *bīnan*, *rīnan*, *mīnan*; следует полагать, что это разные морфологические элементы: первый с суффиксом *-la*, а второй без него, так же как *-bīla*, *-ba*, выступающие параллельно друг другу в караимском языке². Весьма возможно, что корни их тоже разного происхождения; во всяком случае, трудно согласиться с мнением Зайончковского, будто бы *-ba* является сокращенной формой *-bīla*.

г) Формант творительного падежа в чувашском языке *-vaḡa*. Этот формант выступает параллельно с *-pa* и поэтому образует пару, сходную с караимской *bīla* и *ba*. В данном случае еще с большей уверенностью можно сказать, что *-vaḡa* является сложным суффиксом, возникшим на месте двух разных элементов: *pa + la* (двойное склонение). Сокращенную форму *-rḡa* мы находим в формах, образованных от указательных местоимений: *karḡa*, *ṣarḡa* и *arḡa*³.

д) Суффикс *-la* иногда соединяется с суффиксами от глагольных имен, как, например, тур. *-maḡla ~ māklā*⁴ или тув. *-aḡa ~ ālā* (в других диалектах *-qīlī ~ kilī*⁵); эти сложные суффиксы, подобно монгольским и маньчжурским морфемам *-taḡa (-daḡa)*, *-ḡaḡa*, *-ḡaḡa*, образуют формы деепричастий.

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 50—51.

² Zajączkowski, Sufiksy, стр. 42—43 (§ 27).

³ См. выше, стр. 149.

⁴ Делу, стр. 1047 (§ 1426).

⁵ Катанов, стр. 604—609.

е) Наречия образа действия в турецком языке *böilä* «вот так», *şöilä* «так», *öilä* «иначе» образуются от указательных местоимений с помощью послелого *ilä*. Они употребляются не только в роли наречий, но и как местоимения: «вот такой, такой, другой»¹.

ж) Тюркские собирательные числительные образуются с помощью суффикса *-ü*, *ou*, *-ä*, а иногда и *-üfa(n)* или *-äfa(n)*. Можно полагать, что элемент *-fa(n)* имеет непосредственную связь с рассматриваемым суффиксом *-fa*².

Приведенные выше группы примеров позволяют утверждать, что в тюркских языках существует особая морфема *-fa*, которая получила довольно широкое распространение, но сохранилась главным образом в застывших оборотах. Только иногда она выявляет склонность к выполнению старых самостоятельных функций. Главной такой функцией было, как справедливо предполагал Банг³, образование творительного падежа, однако с оттенком совместного (комитатива).

Нет никакого сомнения в том, что этот суффикс имеет очень близкую параллель на монгольской почве в окончании совместного падежа *-füya* > *-fä*, которое мы выше включили в гнездо суффиксов, группирующихся вокруг элемента *-fū*⁴.

4. По всей вероятности, этот же суффикс входит в состав монгольских деепричастных суффиксов *-tafa*, *-xula*, выступающих в литературном языке и в живых диалектах, а также в состав суффикса *-bafa* (*-wafa*), который употребляется только в живой разговорной речи. Заслуживает внимания то, что суффиксы деепричастий даже в литературном языке имеют в своем составе форму *-fa* — ту же, что встречается в диалектах; как видно, именно под их влиянием и совершилось упрощение литературной формы (*-füya* > *-fä* > *-fa*) в сложных морфемах. Благодаря этому упрощению формы тюркский суффикс местного падежа *-fa* и монгольское окончание совместного падежа *-fa* совпали, в результате чего в обеих языковых областях мы

¹ Deny, стр. 225 (§ 344), 263—264 (§ 402—405).

² Kotwicz, Les Contributions, RO, VII, стр. 207; Катанов, стр. 308—312.

³ „Túrán“, I, 1918, стр. 95.

⁴ Стр. 109—116.

теперь находим соответствующие друг другу деепричастные формы:

тунг.	-daŋa	-čaŋa
монг.	-taŋa	-χuŋa

Труднее представить себе происхождение суффикса условного деепричастия *-baŋa*; нам представляется, что он был образован аналогичным путем, однако вопрос осложняется из-за его первой части, происхождение которой до сих пор нельзя считать достаточно выясненным. Предполагают, что *-ŋa* является сокращенной формой обобщающей частицы *eŋe*. Следует также помнить, что в тунгусском аналогичная частица имеет форму *waŋ* и сочетается очень часто с вопросительными местоимениями и условными деепричастиями. В первых она выражает значение неопределенности, а во вторых — позволения¹.

5. Менее ясно отношение обоих суффиксов — тюркского и монгольского — к тунгусо-маньчжурскому окончанию *-ŋa* ~ *-ŋo* ~ *-ŋe*; во всяком случае, следует помнить, что иногда, прежде всего при образовании деепричастий, все три форманта играют почти одинаковую роль.

В то же время рассматриваемые суффиксы не имеют никакой связи ни с утвердительной частицей *-ŋa* (вопреки предположению В. Радлова), ни со словообразовательными суффиксами или же суффиксами спряжения *-ŋa*, которых в алтайских языках даже несколько.

Суффиксы наречий места
-га ~-gä (-ge), -гї ~-gi, -гу ~-gü, -па ~-pā (-pe)

1. Суффиксы *-га*, *-гї*, *-гу* образуют гнездо вариантов, имеющих в своем составе гласные широкого и узкого образования. Эти варианты очень распространены в тюркских и монгольских языках и различаются по значению: *-га* обозначает место («где?»), а *-гї*, *-гу* — направление («куда?»). Они имели характер суффиксов склонения и иногда соединялись с другими аналогичными окончаниями, образуя

¹ Castrén—Schieffner, стр. 24 (§ 65, 66), 67—68 (§ 116—118); Василевич, Очерк, стр. 164—165 (§ 64, 8); Василевич, Словарь, стр. 28, 193.

сложные суффиксы двойного склонения. К последним принадлежат -yaŋ ~-gäŋ, которые в старых тюркских памятниках и прежде всего в орхонских надписях, а также в текстах, найденных в Восточном Туркестане, являются нормальными формантами направительного падежа (директива). Сложным суффиксом следует считать также и -düŋi.

О суффиксах -га, -гї, -гу мы уже писали в связи с алтайскими местоимениями¹; Левицкий посвятил им особое исследование²; к этим работам мы и отсылаем читателя.

2. Суффикс -па (-ïпа) возник на тюркской почве. Его происхождение не вызывает сомнений; он представляет собой сочетание притяжательного суффикса 3 лица с формантом дательного падежа: -ï-п-а «в его (их), на него (них)». От тюрков суффикс -па был заимствован монголами. В обоих языковых областях он выступает параллельно с суффиксом -га и иногда перекрещивается с последним. О нем мы тоже писали в статье, посвященной местоимениям³.

3. Суффиксы -га, -гї, -гу, а также -па выступают в двух группах слов, широко употребляющихся в алтайских языках.

а) Первую группу образуют слова, обозначающие место и время действия, основы которых не выступают в качестве самостоятельных слов. Они возникли, вероятно, в то время, когда еще не ощущалась потребность в образовании новых понятий, связанных с положением предметов во времени и пространстве, когда пользовались главным образом жестикуляцией. Эти основы употреблялись только с суффиксами, обозначающими изменение в положениях предметов и их взаимоотношения. В результате возникла группа нерасчлененных основ, которые становились той или иной частью речи только в разных грамматических формах, то есть благодаря соединению с суффиксами. Слова, образованные от них при помощи окончаний склонения или специальных суффиксов, играют роль наречий. Приведем важнейшие из них:

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 51, 61—68.

² Lewicki, Przyrostki przysłówkowe -ra ~ -rā, -ru ~ -rū, rī ~ -rī.

³ Kotwicz, Les pronoms, стр. 56—66.

	тюрк.	монг.	маньч.	тунг.
„гора“	üst-	dege-	dele, we-	soło-(soli-), dī- ugi-
„низ“	ald-	doro	feže-, wa-	edi-, ige-, xergi-
„перед“	il- öŋ-	emü-	žule-	žule
„зад“	ar-	aru	ama-	ama (amar)
„внутри“	ič	doto-	doło	
„наружу“	taš	γada-	tule	tuli
„бок“	yan, yaq	žaxa	žaxa	
„близко“		oyi-	γanči	daga
„далеко“		γoło	γoro	goro

Большинство основ представляет собой корни, но некоторые из них заставляют предположить более сложное происхождение. Например, на основе сравнения тюрк. art и aγqa с монг. aγu мы можем предполагать, что это — слова общего происхождения, которые имеют в своем составе нерасчлененный корень ar-; конечные же элементы -t, -qa и -u являются суффиксами. Сравнивая таким путем разные слова данной группы, мы можем выделить следующие элементы:

-qa	-γa
-t,	-to, -da

Элементы -qa и -γa имеют, по всей вероятности, непосредственную связь с тюркским формантом дательного падежа (-qa), а остальные — с тюркско-монгольским формантом местного падежа (-da, -du). В результате же присоединения к подобным основам суффиксов -га, -гї, -гу, -па образуются сложные суффиксы типа двойного склонения, хотя, вероятно, сложная структура слова уже не осознается говорящим.

б) Ко второй группе принадлежат вопросительные и указательные местоимения — как корни, так и образованные от них с помощью специальных суффиксов основы. Такого типа основы семантически и формально объединяются с основами предшествующей группы и тоже самостоятельно не употребляются.

	тюрк.	монг.	маньч.	тунг.
„где? какая сторона?“	qa-, qan-	γanīγa γaj-, γā- qaj-		

„этот, эта сторона, здесь“	nägä buga	ina- nai- nä- ene	ere	är äwgidä
„там, та сторона“	ötä	čina- čaj-, cā- tere	ča- tere	tar bargida

В этой группе можно выделить элементы -ya, -па. О-ya мы говорили уже выше; -па, вероятно, тоже является тем же самым суффиксом, о котором мы уже говорили. Что же касается -j, то в настоящее время мы можем сослаться только на замечания, сделанные нами в работе о местоимениях¹. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что в «Сокровенном сказании монголов» (§ 142, 170, 257) мы находим формы činagi и činapa; в последней форме представлено как бы удвоение суффикса -па, вызванное тем, что основа čina- уже тогда рассматривалась в языке как неразложимая. Местоименные корни в сочетании с суффиксом -га, а в одном случае — и с -па, играют во всех группах алтайских языков более самостоятельную роль.

В монгольском языке ene и tere, а в маньчжурском ege и tege являются самостоятельными указательными местоимениями «этот» и «тот».

В турецком языке и в близких к нему диалектах слова nägä, buga, ſuga, oga имеют окончания пространственных падежей и, как существительные, отличаются большей самостоятельностью значения: «какая сторона? вот эта, эта, та сторона».

В северотунгусских языках äg и tar употребляются с тем же значением, что и в турецком языке: «эта, та сторона»².

В маньчжурском языке, а также в тюркских языках указанные слова, присоединяя суффиксы склонения, сохраняют в своем составе -га, в то время как в монгольском и северотунгусских языках -га утрачивается.

¹ Kotwicz, Les pronoms, стр. 74—75.

² Василевич, Очерк, стр. 55—56 (§ 17).

Монгольский архаический суффикс -γun ~-gün

В древних монгольских текстах встречается несколько слов, имеющих в своем составе этот суффикс. Примеры:

ayūidaγun	„отдельно, самостоятельно“
ešinegün ¹ , ešine'ün	„скрытно, тайно“
dolo'un	„скрыто“
dergede'ün	„рядом“
urida'un	„спереди“
χoyina'un	„сзади“
χada'un	„вне, сверх“
dotora'un	„внутри, в середину“
čina'un	„с той стороны“
žaxa'un	„между“
dege'un	„выше, над“

Все они образовались от слов, которые в монгольском литературном языке и в диалектах обозначают место (отвечают на вопрос «где?») и являются образованиями на -da, -na и -ga от самостоятельно не употребляющихся корней. Только в žaxa'un и dege'un суффикс -γun (-'un) присоединен непосредственно к несамостоятельному корню.

Что же касается значения рассматриваемых слов, то контекст, в котором они встречаются, указывает, по-видимому, на то, что они обозначают обстоятельства образа действия на фоне пространственных отношений.

Обращает на себя внимание тот факт, что наречия места и времени, образованные при помощи суффиксов -da, -na, -ga, имеют в литературном языке и диалектах также другие суффиксы, например -γug (-ür), -ača, -γu, -āgān. В результате образуется несколько групп наречий, которые обозначают разные пространственные и временные отношения и представляют собой как бы особую систему склонения². Слова с суффиксом -γun

¹ Слова ayūidaγun и ešinegün выступают в монгольском документе, который нашел А. Ле-Кок в Идикут-шахри (Восточный Туркестан); см. G. J. Ramstedt, *Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan*, SPAW, XXXII, 1909, стр. 844. Другие примеры представлены в „Сокровенном сказании монголов“.

² Котвич, Опыт², стр. 340—342 (§ 318).

дополняют эту систему и образуют группу обстоятельств образа действия:

локатив	пролатив	модалис
urida	urdägür	urida'un
χοуina	χṓnägür	χοуina'un
γадана	gazägür	γada'un
dotora	dotägür	dotora'un
činana	cägür	čina'un
degere	dägür	dege'ün
žayura	(žurägür?)	žaxa'un

Среди производных на -уип выделяется слово dolo'un «скрытно, тайно». С этимологической точки зрения оно имеет связь с монгольским dotora < *dotara «внутри», но образовалось от другой основы: dolo- (ср. маньч. dofo «внутри»). В обоих случаях мы имеем один корень *do- «внутренняя часть, внутреннее», осложнившийся разными суффиксами с несколько разграниченными значениями.

Происхождение суффикса -уип не ясно. Его можно только сближать с тюркским архаическим окончанием творительного падежа -ip, -up; что же касается -ү-, то оно могло появиться или по аналогии (ср. в тюркских текстах из Восточного Туркестана qamaуip «совместно, все вместе»), или же как дополнительный элемент (соединительный согласный) между двумя гласными¹. В 1936 году мы высказали предположение, что суффикс -уип, возможно, находится в какой-то связи с элементом -güip- основы склонения монгольских указательных местоимений ene и tere (egün-, tegün-)².

Тюркские суффиксы -dürі, -dір, -dur, -düz

В тюркских текстах, найденных в Восточном Туркестане, не очень ясно написаны производные от корней или основ üst, öp, kid, taš, kün, которые разные издатели (Ф. В. К. Мюллер, А. Ле-Кок, В. Радлов, С. Е. Малов, В. Банг, А. Габэн) расшифровывали по-разному:

¹ Kotwicz, Les Contributions, RO, XII, стр. 125.

² Kotwicz, Les pronoms, стр. 73.

	öndür-i			(kündür-i) (ködür-i)
üstürt-i (üstürdi, üsdürti)	öndürt-i öndüni	kidirt-i	taštirtü	kündüni

В конце концов В. Банг и А. Габэн приняли чтение, с одной стороны, üstürti «вверху, сверху», öndürti «вперед, вперед», kidirti «внизу» и taštirtü «снаружи», с другой — öndüri «на востоке» и kündüri «на юге»; однако об их происхождении они сказали только то, что «обе категории, вероятно, образованы по аналогии с какой-то неизвестной моделью, возможно, по аналогии с деепричастием (öndür-i, öndürt-i)»¹. Ввиду этого мы здесь укажем и другие аналогии.

В одной из грамматик монгольского литературного языка утверждается, что в монгольских рукописях XIV века местоименный суффикс 3 л. -pi сокращается до гласной i, то есть принимает ту же форму, что и соответствующий тюркский суффикс. В качестве примера приводится оборот döğben züg-tür-i «в четырех его направлениях». К сожалению, это высказывание слишком лаконично, чтобы служить основой для каких-либо выводов. Прежде всего следует заметить, что в известных оригинальных памятниках монгольской письменности XIV века i в таком значении не встречается. Вероятно, имелись в виду монгольские переводы буддийских текстов, сделанные в XIV веке и сохранившиеся до наших дней в позднейших списках, часто с разными поправками и изменениями². В этих примерах мы находим много тюркских терминов и форм. Поэтому не исключено, что монгольское окончание -tür-i соответствует тюркскому -dür-i в öndüri, kündüri. Но один пример не может служить достаточным основанием для монг. tür-i = тюрк. -dür-i, а кроме того, не помогает установлению их значения.

¹ W. Bang, von A. Gabain, Türkische Turfan-Texte I, SPAW, XV, 1929, стр. 261; Bang—Gabain, стр. 23, 27, 32, 43, 53.

² Б. Я. Владимирцов, Монгольский сборник рассказов из Raicantra, Сборник музея антропологии и этнографии, V, 1921, предисловие.

Важные указания на их семантический характер мы находим в современных тюркских языках. Правда, эти указания относятся лишь к терминам, выражающим временные, а не пространственные отношения, что в данном случае было бы более желательным, но тем не менее они имеют для нас большую ценность, поскольку в алтайских языках пространственные и временные отношения выражаются почти одинаково.

В киргизском языке сохранились три теперь уже непродуктивных суффикса: -d̄ir, -dur (-t̄ir, -tur), -d̄üz и -q̄is̄in, -qusun. Примеры:

ǰajdir	„летом, все лето“
q̄ist̄ir	„зимой, всю зиму“
kündür	„днем, весь день“
tündür	„ночью, всю ночь“
kündüz, kündüzü, kündüzün	„днем, весь день“
tündüz, tündösü, tündüzün	„ночью, всю ночь“
q̄is̄q̄is̄in	„в течение зимы, всю зиму“
t̄ünküsü	„в течение ночи, всю ночь“
kündüzküsun	„весь день“
kününküsün	„весь день“ ¹

Представленный свод примеров можно дополнить аналогичными фактами и из других тюркских языков².

Несомненно, существует тесная фонетическая и семантическая связь, с одной стороны, между суффиксами -d̄ir, -dur и -d̄üz (-d̄ös), а с другой — между ними и окончанием -d̄uri в öpd̄uri, künd̄uri. В самом деле, -d̄ir, -dur выступает без конечного -i, а суффикс -d̄üz (-d̄ös) может его присоединять.

Образованный по аналогии с -d̄üzün, суффикс -q̄is̄in, -qusun в известной мере облегчает анализ рассматриваемых здесь окончаний.

Их основу составляют элементы -d̄i, -du (-t̄i, -tu) и -q̄i, -qu. Первый элемент, по-видимому, соответствует монгольскому -du, который, во-первых, выполняет роль окончания дательного-местного падежа (наряду с -dur,

¹ Батманов, Грамматика, II, стр. 63; Юдахин, стр. 284—285, 425, 526.

² См., например, Баскаков, Насилов, стр. 90.

-tur) и, во-вторых, образует прилагательные от нерасчлененных основ, выражающих пространственные и временные отношения, или от наречий места или времени. Элемент -qī, -qu идентичен обще-алт. суффиксу -ki, (-qī), который мы находим в прилагательных со значением «находящийся где-то, принадлежащий кому-то». Поэтому оба элемента имеют, по-видимому, один и тот же семантический характер.

В другой части наших суффиксов: -г, -гī, -z, -zū, -s, -sī — мы имеем, вероятно, варианты одной морфемы, которую можно сравнивать с элементом -гī, известным в маньчжурском и монгольском языках. В маньчжурском суффикс -гī усиливает значение основы, к которой он присоединяется: taɣaɣi «(все) предки», fuɣaɣi «совершенно красный». Он входит также в состав суффикса или частицы daɣi, которая имеет временное значение и выступает при существительных и причастных формах: b'a (biya)-daɣi «каждый месяц», žixə daɣi «каждый раз, как придет». На монгольской почве маньчжурскому daɣi соответствует суффикс-частица būri: žil būri «ежегодно, каждый год». Таким образом, мы можем предполагать, что усилительное значение имеет и другая часть приведенных здесь тюркских суффиксов.

Конечные -ū, -īn (-ūn) являются, как это видно из свода форм kündüz, kündüzū, kündüzūn, элементом факкультативным. Для лучшего понимания этого элемента приведем две группы аналогичных образований:

kün	künū	künūn	künündä
qış	qışī	qışīn	qışında

Конечный гласный в словах künū, qışī тюркологи рассматривают в качестве местоименного суффикса 3 лица, а его употребление объясняют тенденцией тюркских языков к образованию этим способом группы наречий со значением времени: künū, tünū «днем и ночью», bir künū «однажды», bu yoɣu «на этот раз», kündüzū «днем». Это объяснение представляется нам правильным; таким образом можно объяснить и формы типа künūn и künündä, то есть рассматривать их в качестве форм винительного и местного падежей от слов, имеющих в своем составе

притяжательный суффикс 3 лица. Однако формы типа *künün*, *qışın* можно интерпретировать иначе; так, тюркологи считают ее застывшим творительным падежом на *-ın*, *-un*¹.

В соответствии с вышеизложенными замечаниями мы можем рассматривать *kündüzü*, *tündüzü* как форму неопределенного падежа (*casus indefinitus*) с притяжательным суффиксом 3 лица, а *kündüzün*, *tündüzün* — как форму творительного падежа. Если наше предположение правильно, то следует полагать, что тюркский суффикс *-dürü* расчленился на три элемента (*-dü-r-i*) и выражал значение «на всем пространстве, в течение всего периода времени» (*öndürü* «на всем востоке», *kündürü* «в течение всего дня» или «на всем юге»).

Вопросительные суффиксы

1. Согласно общепринятому мнению, универсальным вопросительным суффиксом в тюркских языках является *-mı* ~ *mü*, *-mı* ~ *mı*, а в монгольских — *-yu* ~ *gü*. Однако уже в 1919 году Томсен указывал, что языку орхонских надписей известен вопросительный суффикс *-yu*: *baγu* «есть ли?»². Замечание Томсена следует дополнить: это тот же суффикс, который мы находим в монгольских языках: в литературном языке и в бурятском *-yu* (*-gu*), в калмыкском и в монгольских диалектах — сокращенная форма *-ü*, в языке «Сокровенного сказания монголов» — просто *-u* (*busut-u*, *ese-ü*). В маньчжурском языке этот суффикс представлен в форме *-u*³, а в тунгусском — в виде *-gu*, *-wu*, *-ngu*, *-ku*.

Заслуживает внимания то, что старшая, вероятно первоначальная, форма монгольского суффикса *-yu* сохранилась до сих пор в бурятском и северотунгусском языках, другие же монгольские языки и маньчжурский язык пользуются уже сокращенной формой *-ü*, *-u*. В литературном языке иногда выступает старая форма *-yu*, но чаще употребляется сокращенная форма: *-u* или (после гласных) *-ü*.

¹ Батманов, Грамматика, стр. 60—63.

² MSFOu, XXXVII, 1919, стр. 46—48.

³ На письме он передается при помощи буквы для гласного *o*, которая, однако, обозначает *u*.

2. Общетюркский суффикс *-tu*, *-tū* в некоторых языках (например, казахском, киргизском, тувинском, в диалектах алтайских тюрков) бывает представлен в форме *-bu*, *-bū* (*-ru*, *-rū*) и *-ba*, *-bo* (*-ra*, *-ro*); по-видимому, именно в таком измененном диалектном варианте этот суффикс и проник на монгольскую почву, где встречается (в виде *-b*) в калмыкском, халхаском и бурятском языках¹.

Таким образом, мы видим, что оба вопросительных суффикса, монгольский и тюркский, имеют достаточно широкую сферу употребления и за пределами своей исконной языковой территории. Можно поставить вопрос, разумеется, с оговорками, нет ли какой-либо генетической связи между *-yu* и *-tu*? Ведь чередование согласных $y(g) || m || b$ алтайским языкам не чуждо.

3. В живых монгольских языках иногда используется вопросительный суффикс *-i*, который в бурятском и калмыкском выступает в виде *-ur*, *-yū*, *-ī*, *-j*. В маньчжурском ему соответствует суффикс *-ni*: *ombini*; соединяясь с отрицательной частицей *aqi*, *-ni* утрачивает конечный гласный: *aqin*.

¹ Котвич, Опыт², стр. 327—328 (§ 306.3).

III. СИНТАКСИС

Множественное число

Понятие множественности передается в алтайских языках с помощью специальных суффиксов. Поэтому существительные и соответствующие им части речи (кроме личных местоимений) имеют обычно две основы: одну с формантом множественности, а другую — без него; правда, четкой семантической границы между ними провести нельзя. Случается, что иные слова с формантом множественности обозначают единичные предметы: так, например, с ним употребляются названия таких предметов, которые вызывают у говорящего чувство особого уважения; в то же время некоторые слова, не имеющие форманта множественности, могут обозначать группы предметов или различные их категории. Как правило, форманты множественности употребляются в тех случаях, когда необходимо ясно указать, что речь идет о нескольких отдельных предметах и когда какие-либо другие показатели множественности — числительные, местоимения или наречия («несколько, много, многие, все» и т. д.) — отсутствуют. Этот вопрос подробно рассмотрел Ковальский в особой монографии, посвященной тюркскому суффиксу множественности *-lar*¹; им занимались также и другие исследователи в своих грамматиках отдельных алтайских языков².

Только что кратко изложенные правила употребления множественного числа имеют довольно неопределенный характер. Это не должно нас удивлять, потому что употребление данной формы зависит в значительной степени от индивидуальности говорящего; часто можно наблюдать значительные расхождения не только между языками,

¹ Kowalski, Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar* ~ *-lar* in den Türksprachen.

² Дмитриев, Гр. кумык., а также другие работы, указанные в первых разделах настоящего исследования.

но и между произведениями одной и той же литературы. Создается впечатление, что алтайские языки не имели тенденции к урегулированию этого вопроса, к созданию настоящей грамматической категории множественного числа, которая соответствовала бы множественному числу индоевропейских языков.

На основе имеющихся в нашем распоряжении исследований мы можем констатировать факт, что тунгусские языки принадлежат к числу таких алтайских языков, которые чаще всего употребляют множественное число, выражая его морфологическими средствами. В этом отношении тунгусские языки пошли столь далеко, что суффиксы множественного числа употребляются в них как с существительными, имеющими в качестве определения числительные или другие слова со значением множественности: *ıtan beyeŋ* «трое людей», *kete huteŋ* «много ребят», так и с прилагательными — определениями существительных, употребляющихся во множественном числе: *aya beye* «хороший человек», но *ayaŋ beyeŋ* «хорошие люди», *emeŋi hute* «приходящий мальчик», но *emeŋil huteŋ* «приходящие мальчики», *ŋur ınaŋaŋil* «двести»¹.

Эта черта не была чужда монгольскому языку XIII и XIV веков², особенно в отношении существительных, выступающих в сочетании с определением-числительным. Приведем примеры из «Сокровенного сказания монголов»: *dolo'an kō'ūd* «семь сыновей», *tabun ɣıru'ut* «пять пальцев» (§ 52—53, § 191), *dalan turɣa'ut* «семьдесят человек дневной стражи», *tede dörben noɣajs ket tede* «кто эти четыре пса?» (§ 195). То же самое в сложных числительных: *tabun ɟa'ut alda* «пятьсот локтей» («саженей»; § 195), *ɣurban ɟayıd yučin tabun aldas* «триста тридцать пять локтей»³.

Согласование в числе можно наблюдать, хоть и не столь часто, также в прилагательных и причастиях: *ɣo'as sayıt okıt* «прекрасные, добрые девушки» (§ 121); *ɣonoɣsat ɟeri'üt...*, *güre'elekset irgen...*, *güre'elekset ɣaɟar...*, *dürbekset ulus* «войско, перекочевавшее... люди, окружившие... места, окруженные... народ, охваченный тревогой» (§ 146).

¹ Василевич, Очерк, стр. 87—88 (§ 26), 135 (§ 51).

² Kotwicz, CO, 4, 1933, стр. 23.

³ Kotwicz, RO, VIII, 1934, стр. 196.

В монгольской письменности более позднего времени сфера употребления суффикса множественного числа значительно сужается; в настоящее время употребление его регулируется теми нормами, о которых мы говорили в начале данной главы.

То же и в современных тюркских языках; впрочем, вышеуказанные правила не были, по-видимому, им чужды и издревле. Так, исследование с данной точки зрения древнейших памятников — орхонских надписей — показало, что суффикс *-laγ*, являющийся теперь единственным показателем множественного числа, раньше выступал реже; наряду с ним в языке использовалось еще несколько других суффиксов: *-t*, *-z*, *-ap* ~ *-āp*, *-γup* ~ *-gūp*. В связи с этим было высказано предположение, что для тюркских языков первоначально было характерно не столько понятие множественности, сколько понятие собирательности и что разные группы собирательных предметов обозначались особыми формантами; только суффикс *-laγ* имел характер множественности и выступал в роли общего форманта множественного числа, хотя и столь же редко, как и в монгольском языке¹. Можно даже полагать, что монгольские языки именно под влиянием тюркских отказались от широкого употребления множественного числа, отдаляясь тем самым от тунгусских.

Употребление суффикса множественного числа при существительных, имеющих в качестве определения числительные, представляет собой исключительное явление в современных тюркских и монгольских языках; встречается он в постоянных, теперь уже стертых оборотах, например: тур. *üç aylar* «три (святых) месяца», монг. *тірүүн буγад* «тысяча Будд».

Прилагательные в роли сказуемого

Основной особенностью прилагательных алтайских языков является то, что, выступая в роли определения, они не изменяются, то есть не присоединяют никаких суффиксов: склонения, притяжательных, множественного числа или других. Это правило действует в тюркских,

¹ Г р я н в е с ч, стр. 57—60, 65—69.

монгольских и маньчжурском языках. Однако в северотунгусских языках прилагательные и выступающие в их роли слова согласуются с определяемыми существительными и имеют те же суффиксы (склонения множественного числа, притяжательные), например: *ayaldu beyeldu* «добрым людям». Это явление достаточно ясно иллюстрируют изданные в течение XIX века тунгусские тексты, однако исследователи долго не придавали ему серьезного значения и не комментировали. Только новейшие исследования представили достаточное количество материала, который и использовала в своих грамматических исследованиях Василевич¹.

То же явление можно наблюдать, правда, в не столь широких масштабах, а часто даже и как исключение — в других языках.

Еще в 1914 году А. Д. Руднев заметил, что в хори-бурятском говоре прилагательные согласуются иногда с существительными в числе, однако более подробно он эту проблему не исследовал². То же самое отметил Санжеев, говоря о некоторых (более точно не определенных) бурятских говорах³. На основе замечаний обоих авторов можно было бы полагать, что мы имеем в данном случае дело с одним из позднейших проявлений тунгусского влияния, однако мы можем наблюдать его также и в древнейших памятниках монгольской письменности, например: *хо'as sayit okit* «прекрасные, добрые девушки» («Сокровенное сказание монголов», § 121), *ugidus sayid* «предшествующие (прежние) сановники» (письмо Илхана Улджейту, 1305 год). По-видимому, согласование монгольских прилагательных раньше было представлено более широко и сохранилось как пережиток в некоторых бурятских говорах. Во всяком случае, эта синтаксическая особенность не распространяется на формы падежей.

В тюркских языках известно другое необычное, исключительное явление. В них строго соблюдается правило неизменяемости прилагательных, употребляемых в роли определения; это правило касается также

¹ Василевич, Очерк, стр. 135 (§ 51), 139—142 (§ 54).

² А. Д. Руднев, Хори-бурятский говор, СПб, 1913—1914, стр. III (§ 106).

³ Санжеев, стр. 215.

причастий, выступающих в определительных оборотах. Однако в турецком языке выявляется одна характерная особенность: если подлежащее такого оборота (логическое) отличается от подлежащего главного предложения, то причастие получает притяжательный суффикс. Эта особенность чужда другим тюркским, а также монгольским языкам и поэтому рассматривается в турецком языке как явление вторичное¹.

Существительные в роли определения (изафет)

Общая структура алтайских языков первоначально характеризовалась значительной неопределенностью, и отношения между словами в принципе определялись их порядком в предложении. Однако со временем жизнь заставила установить более точные способы выражения этих отношений и прежде всего отношения зависимости между существительными. Возникшая в связи с этим система определения отношений между словами получила в грамматиках русских ученых арабско-персидское название *изафет*; она предусматривает главным образом три способа выражения определительных отношений. Очередность их возникновения и их роль в современных языках иллюстрируют следующие примеры:

а) *tämür baş* «железная голова», буквально «голова из железа» как из материала, более точно не определенного;

б) *at başı* «голова коня» или «коней» как родового понятия, тоже точно не определенного;

в) *atın başı* «голова коня» — определенного, известного.

Эта система принята всеми грамматиками; в последнее время была предпринята разработка отдельных ее моментов (Ж. Дени, Н. К. Дмитриев, К. Гренбек, В. А. Богородицкий). Однако все новейшие исследователи, за исключением, может быть, только Дени, ограничивались лишь рамками тюркских языков, почти совершенно не интересуясь, как эта проблема решается другими алтайскими языками.

¹ Дени, стр. 476—481 (§ 746—754).

Вообще следует отметить, что монгольские языки сделали значительные шаги в направлении морфологизации, а тем самым в выражении определительных отношений, в результате чего они в настоящее время гораздо реже, чем тюркские языки, пользуются такими способами выражения отношений зависимости, которые допускают различную интерпретацию. Правда, в них сохранились старые конструкции с более общим значением, но теперь они являются застывшими образованиями; они малоупотребительны и подвергаются различным диалектным преобразованиям. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тюркский изафет уже не употребляется в монгольских языках систематически; хотя отдельные его конструкции кое-где еще можно встретить ¹.

Наиболее распространенной до сих пор остается конструкция первого, то есть старейшего, типа (*temür хауаһа* «железные ворота»). Как и в тюркских языках, этот тип употребляется здесь главным образом в тех случаях, когда необходимо указать материал, состав или количество. Не исключено, что тот же тип изафета представлен в оборотах *Čingis хауан жарлиу боһурун* «Чингис-хан сказал» или *теүри дауи(н) җарба* «небо подало голос», то есть «загремело» ².

Другой тип изафета употребляется только в исключительных случаях, примеры его содержат древнейшие памятники монгольского языка. Классический пример представляет собой оборот *Аргун үге тапи* «Аргун, слово наше» (лист Илхана Аргуна) и другие аналогичные обороты, фигурирующие в многочисленных ярлыках монгольских владык XIII—XIV веков. Уже в 1932 году мы обратили внимание на то, что этот оборот образован по тюркскому образцу: *Türk Bilgä қауан саһи́м* «турецкий Билге-хан, слово мое» (орхонские надписи), а с другой — *Tәмүг Qutluq sözǘm* «Темюр Кутлук, слово мое» (ярлык Темюр Кутлука; аналогичные обороты встречаются и в других документах крымских ханов) ³.

¹ Бобровников, стр. 216—219 (§ 362—366).

² См. выше, стр. 31.

³ Kotwicz, CO, 4, 1933, стр. 6—7. См. также F. W. K. Müller, *Uigurische Glossen, Festschrift für Friedrich Hirth*, Berlin 1920 (=OZ VIII), стр. 316; J. Deny, *Les langues de monde*, стр. 228.

Приведенные примеры указывают на принадлежность 1 лицу, но тот же способ выражения мог использоваться и в отношении других лиц: *Агун үге чину* — 2 лицо; *Агун үге ину* — 3 лицо. Единственное отличие монгольского оборота от тюркского — это употребление родительного падежа личного местоименного суффикса, который выступает, как и тюркский местоименный суффикс, тоже после определяемого существительного. По-видимому, монгольский литературный язык отражает период перехода от личных местоимений к притяжательным суффиксам.

Очень много примеров третьего типа изафета мы находим в «Сокровенном сказании монголов»: *похут хала'удун hodun hüsün anu... keyisçü iremü* «перья и пух уток и гусей... долетает» (§ 31), *Отчигин Теб-Тенгирийин жаха ину баргизу...* «Отчигин схватил воротник Теб-Тенгри» («схватился за Теб-Тенгриев воротник», § 245).

К третьему типу может быть отнесен и оборот *Сиггис-хауану төреген ину* «рождение Чингис-хана; факт, что Чингис хан родился»; это один из причастных оборотов, которыми изобилует монгольский язык, но в такой форме он выступает только в качестве подлежащего обычного предложения.

Наиболее характерный, второй тип изафета употребляется во всех тунгусских языках, как северных, так и южных (гольдский, ольча и др.), например: тунг. *ogor iyeltin* «олени, рога их», то есть «оленьи рога», *tatkit žun* «школа, дом ее», то есть «школьное здание», *ekun huten* «кто, сын его?», то есть «чей сын?», то *dugen* «дерево, вершина его», то есть «вершина дерева»; нан. *žaygin žogduwo* «чиновник, дом его», то есть «дом чиновника»; ольч. *andaxa indani* «гость, собака его», то есть «собака гостя», *dampuli piktöni* «купец, сын его», то есть «сын купца», *dampuli žöпöхө öžö žugtini* «купец прибыл в хозьян дома его», то есть «в дом хозяина»¹.

Опираясь на систему изафета, исследователи тюркских языков приписывают категории определенности значи-

¹ Василевич, Очерк, стр. 135, 141; Бойцова, стр. 78, 143; Протодьяконов; P. Schmidt (Smits), *The language of the*

тельную роль в сфере выражения отношений между членами предложения. Употребление суффикса родительного и винительного падежей, а иногда и других морфем в определениях и ближайших дополнениях ограничивается, вероятно, только случаями, когда речь идет об известных или так или иначе определяемых предметах. В противном же случае никакие морфологические показатели не употребляются и существительное, способное нести синтаксическую функцию, выступает в своей исходной форме; учитывается только нормальный порядок слов в предложении. В результате даже при современном состоянии тюркских языков, когда в них превалирует морфологизация, старая категория неопределенности тем не менее сохраняется как постоянная семантическая категория, которая вместе с порядком слов оказывает влияние на структуру предложения.

Конечно, такой взгляд в основном правилен, и морфологи, вероятно, будут вынуждены пересмотреть те части своих грамматик, где говорится об «опущении» разных именных морфологических элементов. Однако тюркологи идут в своих выводах как будто слишком далеко, о чем свидетельствуют довольно многочисленные исключения, которые они сами отмечают. Имея в виду структуру монгольских языков, мы должны были бы пока ограничиться утверждением, что в именах, как и в глаголах, алтайские языки вообще морфологизировались, сохранив тем не менее старый порядок слов в предложении. Однако там, где порядок слов, а также содержание предложения гарантируют правильное понимание, такие морфологические элементы, как падежные окончания (особенно родительного и винительного), показатели множественного числа и принадлежности, не обязательны — говорящий может ими пользоваться произвольно, учитывая в основном лишь категорию определенности. В то же время, если такой гарантии нет, употребление вышеназванных элементов обязательно независимо от того, каков характер названия предмета — определенный или неопределенный. Выводы тюркологов касаются главным образом неопределенного падежа и определенного члена предложения^[77].

Категория обладания и принадлежности

(Общие замечания)

Способы передачи отношений обладания и принадлежности уже были описаны более или менее обстоятельно в грамматиках разных алтайских языков и не требуют здесь особых комментариев. Однако некоторые связанные с ними проблемы до сих пор еще полностью не разрешены, а иные вообще не затрагивались. Ниже мы дадим несколько замечаний по этим вопросам.

В алтайских языках нет переходных глаголов со значением «иметь что-нибудь, владеть чем-нибудь», и непереходных со значением «принадлежать, являться собственностью, находиться у кого-нибудь», поэтому для передачи таких понятий эти языки используют суффиксы или синтаксические обороты¹⁷⁸⁾.

1. Значения обладания выражаются при помощи суффиксов, присоединяющихся к названию предмета обладания; при этом обозначающее его существительное может оставаться существительным, а может и преобразоваться в прилагательное. В первом случае используются лично-притяжательные суффиксы, образованные от местоимений, или же особые притяжательные обороты, а во втором — специальные суффиксы со значением «владеющий чем-нибудь». Рассматриваемая система лучше всего развилась в северотунгусских языках, а в других представлена лишь частично. Так, из монгольских только калмыцкий и бурятский языки располагают целой группой лично-притяжательных суффиксов, остальные же языки их не знают. В тюркских языках отсутствуют возвратно-притяжательные суффиксы. Наконец, маньчжурский язык не имеет ни тех, ни других и ограничивается только суффиксами третьей категории, образующими прилагательные со значением «владеющий чем-нибудь».

Суффиксы первой группы образовались из личных местоимений; присоединяясь к названиям предметов обладания, они заменяют притяжательные местоимения «мой, твой, наш, ваш, его, их»; они употребляются тогда, когда в предложении нет подлежащего и владелец не упоминается.

Возвратно-притяжательные суффиксы имеют в своей основе, вероятно, суффикс со значением «сам» и заменяют возвратное местоимение «свой»; они употребляются лишь тогда, когда владелец выступает в предложении в роли подлежащего.

В тех языках, где притяжательных суффиксов нет, отношения владения чем-нибудь передаются при помощи родительного падежа личных местоимений или местоимения «сам»; как факультативный, этот способ известен и другим алтайским языкам.

Суффиксы третьей категории, образующие прилагательные со значением «владеющий чем-нибудь», являются, видимо, разными вариантами тюркского суффикса *-lŷ*; исключение составляют только северотунгусские языки, в которых употребляется особый суффикс *-ŷi*.

Наряду с суффиксами, обозначающими «владеющий чем-нибудь», в алтайских языках существуют еще суффиксы или частицы со значением «не владеющий»; к ним относятся: в тюркских языках *-siz*, *-suz*, в монгольских — *ügei*, в северотунгусских — *aŷin*, в маньчжурском — *aŷu*. Они являются отрицательными соответствиями суффиксов третьей категории, а следовательно, тоже образуют прилагательные. Отсюда вывод, что в каждом языке от различных существительных могут образоваться пары прилагательных со значением «владеющий чем-нибудь» и «не владеющий чем-нибудь».

Эти прилагательные могут выступать в функции существительных; тогда они имеют форманты множественного числа (в монгольском языке в этом случае употребляется специальный формант *-tan* ~ *-ten*) и форманты падежа, а также могут выполнять роль различных членов предложения, в том числе и сказуемого. Вспомогательный глагол в форме настоящего времени обычно опускается; его полностью заменяют отрицательные частицы, выступающие в роли именной части составного сказуемого со значением «нет, не имеется».

Существительное, имеющее в своем составе суффикс или частицу со значением «владеющий» или «не владеющий», может иметь определение, состоящее из одного или большего числа слов, так что характер основы окончательно не утрачивается.

2. При выражении отношений принадлежности суффиксы присоединяются к словам, обозначающим владельца. Если название владельца должно сохранить характер существительного, то он нормально выступает в родительном падеже, а если он приобретает значение прилагательного, то получает специальный суффикс *-ki* (*-qi*), о котором мы говорили в особом разделе ¹.

Наряду с описанной здесь морфологической системой во всех алтайских языках (за исключением маньчжурского) используется синтаксический способ, так называемая изафетная конструкция, которую мы рассматривали выше.

Пребывание в каком-либо месте или у кого-нибудь часто выражается в этих языках с помощью вспомогательного глагола «быть», который в этом случае играет роль самостоятельного слова и требует существительного в форме местного или дательного падежа.

¹ См. выше, стр. 117—123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Известные в настоящее время сравнительно-исторические исследования по алтайским языкам вообще имеют еще только вводный характер; они требуют углубления и расширения при более деятельном, чем до сих пор, участии специалистов по отдельным языковым группам, особенно тюркской и тунгусской. Однако уже теперь можно сделать некоторые выводы (правда, пока в виде гипотез и предположений) по вопросу о взаимоотношениях этих языков. Выводы формулировались раньше, но обычно в общей форме и на основании недостаточного материала. Только Поливанов, учитывая широкий ряд языковых явлений, дал довольно удачную общую характеристику строя алтайских языков; однако и этот ученый, прокладывая путь своим исследованиям о корейском и японском языке, не всегда правильно представлял себе положение вещей. Завершая серию очерков по алтаистике, мы, со своей стороны, выскажем некоторые замечания по поводу отношений между алтайскими народами и их языками. Еще за несколько веков до нашей эры к северу от современного Китая обитали три группы племен, говоривших на разных, но близких по своему характеру языках. Этими группами были: тюркская и монгольская в степях современной Монголии и в окружающих их с севера лесах, а также тунгусская в бассейне Амура и в Восточной Сибири. Горы Хингана и озеро Байкал представляли собой, вероятно, границу между первыми двумя группами, с одной стороны, и третьей — с другой.

Языки этих этнических групп были уже тогда достаточно разграничены; однако древнейшие памятники их письменности относятся к довольно позднему времени: тюркские — к VII—VIII векам, тунгусские (джурдженские) —

к XII веку и монгольские (записанные уйгурским письмом) — к XIII веку. Есть основания полагать, что уже издавна от вышеуказанных групп начали отделяться некоторые племена. Несомненно, раньше всех от тюрков отошли предки современных чувашей, а также, возможно, протобулгары; уже во время нашествия гуннов в Европу эти племена уже оказались далеко на западе. Под влиянием финских племен там образовались чувашский и, возможно, протобулгарский языки; оставаясь тюркскими языками с очень архаическими особенностями, они впитали, однако, большое количество финских элементов, как лексических, так и морфологических. В чувашском языке, существующем и в настоящее время, сохранились многие свидетельства древнего тюркского наследия; протобулгарский язык следует считать погибшим. В период господства тюрков в Средней Азии (VI—VIII века) от них, по всей вероятности, оторвались предки современных якутов. Сохранив в своем языке тюркские особенности, они с течением времени подверглись на новой территории влиянию монгольского и тунгусского. Одновременно на другом конце области тюркских языков — в южном Поволжье — обособились хазары; их язык усвоил, как видно, немало иранских элементов; в настоящее время этот язык исчез, не оставив даже наследников.

В X веке тюркские племена под натиском китаев оставили Монголию и сконцентрировались в Восточном и Западном Туркестане. Там образовался новый конгломерат народов, который в середине XI века был описан с этнографической и языковой точки зрения Махмудом Кашгарским. В культурном отношении этот конгломерат оказался настолько сильным, что сумел создать общий литературный язык (названный позднее чагатайским) с развитой письменностью; однако политическая роль его не была, по-видимому, сильной: от него тоже постоянно отрывались и устремлялись на запад разные племена — одни, под старыми названиями огузов (Oğuz) и туркменов (Türkiš), двигались в Иран и Малую Азию, другие, под названием Вăĵăpăġ (печенеги) и Qırcaq (куманы, половцы), — в европейские степи. Валом, разделявшим их, были Каспийское и Черное моря, а также Кавказские горы. Южная группа образовала несколько очень сильных государств.

Самое мощное из них возникло в Малой Азии, где образовался новый литературный центр, подпавший, однако, под сильные персидское и арабское влияния, которые изменили его чуть ли не до основания. Старотурецкий язык долго сохранялся в относительно чистом виде в среде народных масс; в настоящее время высшие слои населения также стремятся избавиться от чуждого влияния.

Возникает вопрос: не имели ли места аналогичные процессы в прошлом и на монгольской почве? Эта мысль представляется весьма правдоподобной; уже выдвигались даже гипотезы о монгольском происхождении аваров, китаев и татар, известных в тюркских эпиграфических текстах (орхонских) под названием *Otuz Tatar* «тридцать татар» и *Toquz Tatar* «девять татар». Достоверности этих гипотез мешает тот факт, что народности эти бесследно исчезли. Между тем возможны и другие предположения. Так, тщательные исследования показали, что монгольский язык наряду с собственным, доминирующим языковым материалом имеет в своем составе многочисленные тюркские элементы, как лексические, так и морфологические, в чем он сближается с языками чувашским, якутским и маньчжурским. Следовательно, он мог, как и эти языки, оторваться в очень отдаленном прошлом, а возможно, в эпоху господства гуннов в Центральной Азии, от общего монгольского корня, как и предки чувашей, и подвергнуться тюркскому влиянию. Однако здесь есть одно большое отличие: в то время как параллельно чувашскому языку (с финскими элементами) сохранились тюркские языки без каких бы то ни было посторонних элементов, а параллельно маньчжурскому — тунгусский язык, тоже почти лишенный чуждых элементов, для монгольского мы никакого параллельного языка, из которого можно было бы выводить монгольский и который унаследовал бы только протомонгольский материал без каких-либо посторонних примесей, указать не можем.

Правда, существуют монгольские архаические диалекты, сохраняющие многие старые черты. К ним обычно относят монгуорский, монгольский и дагурский; к ним можно также отнести, оставляя в стороне некоторые особенности, также бурятский язык, который по своему строю очень напоминает якутский. Однако ни один из них

не может быть принят во внимание как предок монгольского языка, так как даже самые архаические их особенности относятся не ранее чем в XII веку.

На Дальнем Востоке, к югу от реки Амур, тунгусские племена объединились под названием джурдженов; в области языка они стали инициаторами движения, которое оторвало их от остальных тунгусских племен и привело к образованию уже в конце XVI века маньчжурского языка. Оставаясь в первый период своего существования (до середины XVII века) тунгусским, этот язык впитал первоначально много монгольских архаических элементов, восходящих к XII веку, а позже и элементы китайские.

Земли монголов лежали между тюркской и маньчжурской территориями; все эти три области в свою очередь сталкивались в той или иной мере на севере с тунгусской, а на юге с китайской областями. Границы между отдельными этническими группами не были постоянными и претерпевали в ходе политической борьбы различные изменения, не слишком, впрочем, значительные. Таким образом, между языками и диалектами существовали постоянные контакты, более или менее явные следы которых можно наблюдать в сохранившихся до нашего времени письменных памятниках и на данных современных языков. Это дает нам возможность достаточно уверенно говорить о тюркских заимствованиях в монгольском, тунгусском и маньчжурском языках, а также о тунгусском влиянии на тюркский и монгольский языки. Монгольский язык в силу своего территориального положения испытал влияние обоих языковых областей.

Конечно, эти взаимовлияния не были равномерными, а степень проникновения чуждых элементов не везде была одинаковой. Тюркские и тунгусские языки сохранили свою самобытность лучше других; монгольские подверглись сильному влиянию тюркского — как в области лексики, так и в области морфологии — и меньшему — тунгусского.

Выявить заимствованные элементы трудно не только из-за отсутствия данных в имеющемся в нашем распоряжении фактическом материале и недостаточной его разработанности, но и в связи с общим направлением исследований, определившимся в данной области науки. Тюркологи заняли выжидательную позицию и почти совсем не участ-

вовали в сравнительно-исторических исследованиях. Исследователи тунгусского языка со времен Кастрена и Шифнера заняты исследованиями в своей области, которые до сих пор не могут довершить, несмотря на сделанные за последнее время значительные успехи; сравнительные исследования Шмидта свелись к очень общим замечаниям. Таким образом, вся тяжесть труда по исследованию языковых отношений в рамках трех групп пала на плечи монголоведов (Г. И. Рамstedт, Б. Я. Владимирцов и др.), которые с самого начала своей научной деятельности приняли положение, что все три алтайские языковые группы связаны между собой тесными узами родства, что существующие в них общие элементы являются результатом именно этих связей и только в незначительной степени обязаны своим происхождением соседству и взаимовлияниям, которые относятся к более позднему периоду, что, наконец, больше всего архаических черт сохранил монгольский язык. Даже тюрколог Немет, полагавший сначала, что существование общих тюрко-монгольских элементов следует объяснить результатом длительных контактов в жизни тюрков и монголов, принял затем точку зрения монголоведов. Все эти исследователи опираются в своем мнении на огромный общий для всех трех языковых групп материал, а также на сходство многих языковых явлений, однако гипотезой о едином источнике трудно объяснить тот факт, что эта общность ограничивается лишь небольшой частью тунгусских языков. Каково же тогда может быть происхождение основных и доминирующих составных элементов в тех языках, которые трудно связать общностью происхождения? Следует также учесть то обстоятельство, что, по крайней мере в исторический период, тюркские племена с точки зрения численности, сплоченности и своей политической значимости были более сильны, чем другие, и были способны скорее навязать свой язык другим народам, чем подвергнуться их влиянию; много тому свидетельств мы находим в истории тюркских племен, осевших не только в Восточном и Западном Туркестане, но и в Малой Азии, где турецкий язык вышел победителем в борьбе с языками всех других народов.

Таковую же устойчивость и способность оказывать влияние на языки других племен тюрки выявили, вероятно,

и в отношениях с алтайскими народами. Чтобы навязать свой язык племенам, с которыми они сталкивались, они использовали перевес в политическом отношении в китайский и тюркский период. То же самое повторилось позже, когда тюркские племена подпали под власть монголов, на тех территориях, где численное превосходство было на стороне тюрков. Достаточно указать, что среди тюркских народов имеются многочисленные этнические группы со старыми монгольскими названиями, например найманы, керейки, кунграки (*хункирад*), джалаиры и многие другие, пришедшие из степей Центральной Азии на запад и растворившиеся в тюркском окружении до такой степени, что до сих пор удалось разыскать только одну группу, в которой еще помнят монгольский язык, — моголов Афганистана, существующую в преимущественно иранском окружении. Правда, среди монгольских народов также можно найти разные этнические единицы с тюркскими и другими названиями, но они немногочисленны и ни в коей мере не могут возместить монголам тот урон, который им нанесли тюрки. Современная численность тюркского населения (30 000 000 и монгольского 3 000 000) говорит об этом совершенно определенно.

Что касается тунгусов, то они, обитая в лесистой и болотистой области Северной Азии, поддерживали слабую связь с другими алтайскими народами и поэтому только в незначительной степени подвергались их языковому влиянию; только те тунгусские племена, которые осели на юге от Амура, в современной Маньчжурии, то есть в более благоприятных географических условиях, установили более близкие связи со своими соседями. При таких обстоятельствах монголы навязали маньчжурам большое количество элементов своего языка, но в отношении северных тунгусов их влияние оставалось очень незначительным. Таким же слабым было и тюркское влияние, которое, например в маньчжурском, можно объяснить слабыми контактами тюрков с южными тунгусами.

Такое распределение сил и возможностей послужило причиной того, что в алтайских языках самое сильное ассимиляционное влияние шло от тюрков к монголам и от монголов к южным тунгусам, на север же проникали только немногочисленные элементы, как тюркские, так и мон-

гольские. Следов проникновения в обратном направлении до сих пор удалось заметить очень мало, это было отмечено уже в наших «Les Contributions aux études altaïques, I—III», последующие исследования лишь добавили к общей картине новые данные и подробности.

При всех указанных условиях вопрос об общем алтайском языке, из которого будто бы выделились отдельные языковые семьи, ставится под сомнение. Во всяком случае, существование этого общего языка следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры. В эпоху гуннов (начиная с IV—III веков до нашей эры) уже существовали совершенно обособленные тюркский, монгольский и тунгусский языки с различными словарным фондом и морфологией, близкие друг другу только типологически, то есть в основном только с синтаксической точки зрения. Сходство и совпадения чаще всего связывали между собой тюркские и монгольские языки, что соответствовало также тюрко-монгольским территориальным, экономическим и политическим отношениям. Тунгусские языки стояли значительно дальше как от тех, так и от других. Если здесь допустимо сравнение, то можно сказать, что тюркские, монгольские и тунгусские языки представляли собой три здания, построенные разными строителями из разного материала (скажем, из дерева, камня и бетона), но по одному плану; монгольский и тюркский планы были почти идентичны — некоторые отличия определялись лишь особенностями материала и вкусами строителей, в тунгусском же здании наблюдались многочисленные отклонения от конструкции. Что же касается конкретных отношений между вышеупомянутыми совпадениями и сходством, то на основе существующего, очень неполного материала можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и около 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10%, а морфологических около 5%.

Можно ли исходя из этих данных говорить о существовании особой алтайской языковой семьи? На этот вопрос следует отвечать утвердительно. Однако ее основу составляют не генетические связи, а типологическое сходство,

которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями. Они находятся теперь на разных стадиях развития: вперед выдвинулись тюркские языки, за ними непосредственно следуют монгольские, забегая иногда вперед, и, наконец, довольно далеко позади них идут тунгусские. Контакты способствуют углублению сходства этих языков, которое выражается во взаимном проникновении лексических и морфологических элементов.

Принимая все это во внимание, можно как будто говорить о существовании в Центральной Азии с древнейших времен концентрического круга близких в типологическом отношении языков. Пока в него включаются в основном три языка, но не исключено, что будущие исследования расширят этот круг, включив сюда еще какие-нибудь другие языки, в которых наблюдаются аналогичные явления.

Вне этого круга находится теперь другая группа языков, в которой почти нет элементов, общих с первой (независимо от их происхождения), но которая в основных моментах своего строя содержит много аналогий. Следовательно, эту группу, охватывающую уральские языки, можно рассматривать в качестве второго концентрического круга. Таким путем можно было бы получить известное основание для предположения об урало-алтайской языковой семье, которое даже в свете результатов последних исследований нельзя считать совершенно безнадежным.

Алтайские народы поддерживали более или менее оживленные отношения не только между собой, но и с другими окружающими их этническими группами. Благодаря этому их языковые элементы проникали иногда очень далеко. Следы этого проникновения сохранились в большей или меньшей степени у разных народов Азии и Европы. Поскольку оно шло почти непрерывно, начиная с очень отдаленных времен, исследователь может найти в языках этих народов очень ценные алтайские элементы, которые восходят к разным периодам и имеют соответствующие архаические черты. Особенно ценны тюркские заимствования в угро-финских языках, и прежде всего в венгерском, в котором уже в течение длительного времени они старательно разыскиваются и подробно объясняются. Монголь-

ские заимствования путешествовали скорее на Восток; в этом отношении интересные результаты должно дать тщательное исследование составных элементов корейского языка. Корейцы осели к юго-востоку от областей, занятых алтайскими народами; располагаясь на Корейском полуострове, они сталкивались на севере с южными тунгусами, а на северо-востоке — с монголами. Вероятно, в результате этих контактов в корейский язык, хотя и обособленный, издавна проникали, и довольно в значительном количестве, тунгусские и монгольские элементы. Опираясь на этот факт, Г. И. Рамstedт и Е. Д. Поливанов высказали гипотезы о принадлежности корейского языка к семье алтайских языков. Эта гипотеза, как и другие попытки расширить алтайскую семью путем включения в нее японского, юкагирского или других палеоазиатских языков, имеет, по крайней мере в настоящее время, мало шансов на прочное место в науке.

ПРИМЕЧАНИЯ¹

[1] Анализ структуры слова в агглютинативных языках, в частности в тюркских, отмечает наличие четырех структурных элементов: 1) корня; 2) первой основы, состоящей из корня и аффиксов лексико-грамматического словообразования и представляющей собой конечный итог лексического словообразования; 3) второй основы, состоящей из корня, аффиксов лексико-грамматического словообразования и аффиксов функционально-грамматического словообразования, формирующих функциональную субстантивную или атрибутивную форму и, наконец: 4) аффиксов словоизменения

[2]* Здесь о «едином целом» можно говорить лишь в смысловом отношении; хотя подобные слова часто пишутся вместе, слитно, в живой речи они произносятся раздельно: *dü gar-* «раздается звук», ибо при слитном произношении мы имели бы *dügar-* (нормально-долгий гласный может быть только либо в односложном слове, либо в конечном слоге многосложного слова, в последнем же слоге встречается только сверхдолгий гласный). Ср. *pot dère* «книга наверху» и *pot dër* «на книге». Эти примеры показывают применение одного и того же слова в качестве наречия и послеложного суффикса; сверхдолгота гласных в монголистике обозначается знаком *ˆ* над соответствующей гласной буквой.

[3] Исключения составляют корни слов, состоящие из (с)сс типа тюрк. *ast* «низ», *üst* «верх», *tart-* «тянуть».

[4] Возможно, что слова типа тюрк. *bułut* «облако» *kärgäk* «потребность, дело» исторически восходили к сложным основам *buł+ut*, *kär+gäk*, то есть состоящим из корня **buł*, **kär* и аффиксов именного образования. В монгольском же они являлись более поздними заимствованиями.

[5] В. Л. Котвич приводит убедительные доказательства тому, что более краткие формы корней в тюркских языках типа *äg* «муж» *kök* «голубой», *ög* «мать» и прочие являются более древними по отношению к монгольским *ägä*, *kökä*, *äkä*, хотя тюркские краткие формы корня типа *aw*, *kök* могли быть результатом стяжения более

¹ Примечания, отмеченные звездочками, написаны Г. Д. Санжевым, остальные — Н. А. Баскаковым.

сложных основ, следы которых остались в туркменских долготях гласных $\bar{a}w$ «охота», $\bar{g}ök$ «голубой» (ср. чув. *кавак* «синий, голубой, сизый»)

[6] Строго говоря, к первообразным аффиксам могут быть отнесены только аффиксы, соответствующие по своей структуре cgc ; все же другие, более краткие аффиксы представляют собой результат позднейшего фонетического развития $(c)gc$, $cg(c)$, $(c)e(c)cgc$ или $(cg)c$. Это не исключает возможности наличия в современных языках сложных аффиксов, состоящих из нескольких, например: $c(gc)+(c)gc = cgc$ или $c(gc)+(c)e(c) = cg$ и т. д.

[7]* Такие же сращения знаменательного глагола со вспомогательными встречаются в западных диалектах бурятского языка и некоторых говорах монгольского, например в дархатском.

[8] В словах *хапış*, *бикайış* возможно элемент $-i\check{s}$, $-ā\check{s}$ восходит к уменьшительному аффиксу $-š$, $-āš$, $-i\check{s}$ (ср. алт. (ойр.) *ајақ* «чашка», *ајауаš* «чашечка») и не имеет, следовательно, связи с аффиксом $-daš$, $-taš$, $-laš$.

[9] Теоретически гипотеза В. Томсена, К. Грэнбека о происхождении аффикса родительного падежа $-ni\check{c}$ из $pā\check{c}$ «вещь» более вероятна.

[10] Глагольные формы в алтайских языках, в частности в тюркских, имеют скорее не именной, а причастный характер. Форма повелительного наклонения второго лица исторически также восходит к причастию на $-y\check{u}l\sim -y\check{u}p$, которые сохранились, например, в староузбекском языке.

[11]* В монгольских языках производные глаголы на $-га$ являются «пассивными», соответствующими по своему значению так называемым средним глаголам в индоевропейских языках, как это и видно из представленных автором примеров.

[12] К аффиксам, выражающим более, чем одно грамматическое значение, в тюркских языках могут быть отнесены, например, аффиксы условного наклонения $-sa$, $-sā$ ($<-y\check{u}sa\check{r}$, $-i\check{g}sā\check{r}$), которые имеют также оттенок настояще-будущего времени.

[13] Падежные аффиксы, то есть окончания склонения, не являются морфологическим критерием, определяющим имя существительное. Они могут быть присоединены и к прилагательным (например: *atlar-pu\check{c} jaqsusup* «лучшую из лошадей»), или к числительным (например: *atlarpu\check{c} birine* «одной из лошадей»).

[14] Происхождение аффикса $-isi\check{c}$ ($-i-si$ в слове *birisi* «один из них») раскрывается в соответствующей форме *birüzi* в алтайском (ойротском) языке, которая исторически восходит к собирательному

числительному *birü* (ср. казах. *biräw*) + аффикс принадлежности третьего лица *-si*.

[15] Вряд ли можно отождествлять аффикс принадлежности третьего лица с индоевропейским определенным артиклем, так как в изафетных сочетаниях типа *at başu* «голова лошади» || «лошадиная голова» этот аффикс не имеет значения показателя определенности.

[16] В современном казахском языке аффикс причастия на *-yap*, *-gän* ~ *-qap*, *-kän* не имеют губных вариантов как в словах с задними (*soqqan*), так и в словах с передними гласными (*külgän*, а не *külgön*).

[17]* Форма *-lda* ~ *-lde* проникает в литературный язык под влиянием устной речи.

[18] Аффикс *-qa*, *-kä* в словах типа кирг. *atakä*, возможно, восходит к звательной форме на *-qaj*, *-käj*. Что касается аффикса *-ka* в караимском и гагаузском языке, то, принимая во внимание ограниченность употребления, его можно считать заимствованным из славянских языков.

[19]* Употребление творительного (орудного) падежа со значением совместного характерно почти для всех монгольских языков.

[20]* В монгольских языках прилагательные, образованные при помощи суффикса *-ki*, могут служить определениями других имен лишь будучи производными от наречий или от имен в форме дательно-местного падежа, например: монг. *gerteki toyuça* «котел, находящийся в юрте». В современном монгольском языке образования на *-ki* в форме множественного числа *-хад* ~ *-хед* ~ *-хон* ~ *-хон* являются существительными, обозначающими коллективы людей по принадлежности к тому, что выражено в производящей основе, например: *surgüliḡhad* «коллектив школы» *frontiḡhон* «фронтовики».

[21] Этимология аффикса *-sy+z*, *-si+z* В. Банга весьма вероятна и имеет подтверждение на материале других тюркских языков, ср. Н. А. Б а с к а к о в. Каракалпакский язык, т. II, М.—Л., 1952, стр. 456.

[22]* То же самое надо сказать и о всех монгольских языках.

[23] Аффикс *-ma+s*, *-mä+s* ~ *-ma+z*, *-mä+z* состоит генетически из двух частей: *-ma*, *-mä* — аффикса отрицательной формы и *-z*, *-s* — аффикса, образующего причастную форму на *-g>-z*, *-s*.

[24] Предположение Н. И. Ашмарина, поддержанное В. Л. Котвичем, о происхождении аффикса *-ma-s*, *-mä-s* < *-ma-g*, *-mä-g* вполне справедливо. В чувашском языке сохранились оба варианта отрицательной формы, то есть *-ma-g* и *-ma-s*, из которых первая является более архаичной и встречается в застывших формах, а вторая,

более новая, возможно заимствованная из других тюркских языков (татарского, башкирского) — более продуктивной. В связи с этим отпадает возражение Б. А. Серебрянникова («Вопросы языкознания», № 4, 1960) о якобы отсутствии в чувашском языке формы на -таг.

[25] Новейшие исследования отмечают не три, а две степени отдаленности в системе указательных местоимений в тюркских языках: «этот» и «тот», но вместе с тем указывает на наличие соответствующей пары конкретизированных местоимений «этот самый, сей» и «тот самый, оный».

[26] Кроме сложных местоимений типа тапау, апау, в некоторых тюркских языках встречается особый тип субстантивно-указательных местоимений типа буру, туру и оу, которые могут принимать аффиксы принадлежности и склоняться; происхождение их, по-видимому, не связано со сложением основ двух местоимений.

[27] Положение полных или усеченных личных местоимений и местоименных показателей в предикативных сочетаниях в оппозиции объясняется, по-видимому, замещением субстантивного элемента в составе предиката — первоначально отвлеченного понятия «вещь» (ср., например, в тувинском языке *šiwā*), затем указательного местоимения *oi* и только позже личных местоимений, а впоследствии местоименных полных или усеченных аффиксов.

[28]* Эти «энклитики» называются ныне в советской монголо-ведной литературе лично-притяжательными частицами (в отличие от лично-предикативных частиц же, ниже именуемых автором «глагольными личными суффиксами», употребляемых не только с глагольными сказуемыми, но и с именными).

[29] Сочетание личных местоимений с именами в предикативных словосочетаниях — явление более позднее. Генетически эти сочетания восходят к сочетаниям имени, связки и личного местоимения, то есть к сочетаниям типа *mān baŋuqčy tururmān* > *mān baŋuqčy* тап «я — рыбак».

[30] Происхождение глагольных лично-предикативных суффиксов, как и самих личных местоимений, по-видимому, связано с единой более старой по отношению к ним формой типа *māniç*, *sāniç*, *oŋiç*, которая восходит через особые субстантивные местоимения типа *tuŋu*, *sonu*, *oŋu* к указательным местоимениям, а последние — к словам с реальным предметным значением. Позже форма типа *māniç* дифференцировалась в значениях личного местоимения (*mān*), лично притяжательного (*māniç*), лично-предикативного аффикса полной (-тап, -mān) и усеченной формы (-уш, -im) и, наконец, притяжательных possessивных аффиксов (-т, -im, -уш).

[31] В. Л. Котвич совершенно прав, считая, что лично-предикативные усеченные аффиксы как в старых, так и в современных языках не выражают никаких притяжательных отношений и имеют

явно предикативный характер. Поэтому считать их притяжательными аффиксами только по внешнему виду (да и то только для 1 и 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч.) никак нельзя. Впрочем, точка зрения об отношении этой группы местоименно-предикативных аффиксов к possessивным в настоящее время поддерживается исследователями очень редко.

[32] Происхождение местоименного аффикса 2 л. мн. ч. -пуз, -җаг, -уаг вряд ли составляет загадку. Наличие в современных языках более полных вариантов этих аффиксов (туркм. -супуз, н.-уйг. -уҗтаг) позволяет предположить, что аффикс -пуз представляет собой стяженную форму -саң (<sāniŋ) + аффикс мн. ч. -уз, а аффикс -җаг ~ -уаг, -сап (<sāniŋ) + аффикс мн. ч. -таг.

[33] Генезис местоименного аффикса 1 л. мн. ч. -қ, -уқ связан, как справедливо отмечает В. Л. Котвич, с формой желательного наклонения того же лица и числа -туқ > -ту. Не исключена возможность его происхождения также от причастия на -дуқ, -дiк

[34] Можно согласиться с В. Л. Котвичем в том, что гипотеза о происхождении форманта прошедшего времени -ду, -дi из имени действия на -yt, -it (П. Мелиоранский, К. Брокельман) не имеет достаточных оснований. Вместе с тем вполне вероятно, что генетически формы на -дуқ, -дiк, -ду, -дi и -yt, -it представляют собой ступени фонетического развития единой формы на -дуқ, -дiк.

[35] Предположение автора об общем происхождении тюркской формы на -sa, -sā и монгольской формы на -yasaj, -gāsaj является весьма вероятным, так как аффикс -sa, -sā в тюркских языках относится к группе именных, а не глагольных аффиксов, и, следовательно, форма на -sa, -sā в тюркских языках должна восходить к более полной форме *-ууsаr, -igsār, ср. тувинскую желательную форму на -уqsa, -iksā и древнетюркскую на -sar, -sār (см. подробно Н. А. Басков, К вопросу о происхождении условной формы на -sa, -sā в тюркских языках, сб. «Академику В. А. Гордлевскому...» М. — Л., 1953).

[36] Можно сказать, что не преобладающее большинство, а все спрягаемые глагольные формы происходят от причастий. К причастным же формам восходят и предикативные словосочетания имени со связкой (ср. туркм. mān iŋčidirin < mān iŋ i turur mān «я рабочий»), а также имени с местоименным аффиксом (ср. туркм. iŋči mān < iŋčidirin < iŋči turur mān). Следовательно, все местоименные предикативные аффиксы, и полные и усеченные, являются предикативными, а не possessивными и восходят к соответствующим личным местоимениям.

[37] К тому же самостоятельному слову с реальным значением «человек, тело сам» восходят и возвратные местоимения öz и boj, pos в тюркских языках.

[138] Весьма соблазнительна также мысль о единстве происхождения возвратных местоимений в тюркских языках *boj* ~ *pos*, *pozı*, с одной стороны, и *öz* — с другой, если иметь в виду слабую позицию губно губного *b* ~ *p* в тюркских языках (ср. *boı* > *oi* «быть»).

[139] Характер эксклюзивности и инклюзивности сохранился в тюркских языках, например в местоимениях личных *män* «я», *sän* «ты», *oi* «он» и т. д. и *män* (или *mäniŋ*) *özim* «я сам», *sän* (или *säniŋ*) *oziŋ* «ты сам», *oi* или (*onuŋ*) *özi* «он сам».

[140] Вряд ли аффикс *-tu*, *-t*, происходящий, как это является вполне доказанным, из *tugur*, можно считать личным аффиксом 3 л. Известно, что в тюркских языках местоименный предикативный аффикс 3 л. во всех формах отсутствует. В 3 л. обычно сохраняется в более полной форме исходная спрягаемая основа сложного глагола, к которой относится и аффикс *-tu*, *-t* (<*tugur*), встречающийся в формах настоящего-будущего времени в казахском, каракалпакском, киргизском и в других тюркских языках.

[141] Гипотеза В. Л. Котвича о происхождении некоторых аффиксов повелительного залога в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках из сочетания основы глагола в повелительной форме 2 л. и основы, выражающей глагол речи, например, в тюркских языках *tä-*, *dä-* «говорить», является весьма вероятной, но в тюркских языках только в отношении аффикса повелительного залога *-t* (ср. *oqu-* «учиться», *oquı-* (<*oqu tä-* «учить»).

[142] * Образование страдательной формы от основ непереходных глаголов в монгольских языках связано с тем, что эта форма употребляется со значением побудительной и что страдательный залог в этих языках некогда отпочковался от побудительного (повелительного; как известно, в маньчжурском языке страдательный и побудительный залогов имеют одну и ту же форму).

[143] Предложенный автором свод глагольных форм со сложными аффиксами, усложненным формантом *-a*, выражающим повторность действий, также охватывает разные по происхождению и значению формы. Так, аффикс *-aŋan*, *-äŋän* в тюркских языках в формах типа *qaŋaŋan* «часто убегающий, беглец» представляет собой простое стяжение причастного аффикса, состоящего исторически из деепричастного *-a* + вспомогательный глагол *tug* + причастный аффикс *-ŋan* — *a-tug-ŋan*, который в различных тюркских языках получил различные типы стяжения: узб. *-adiŋan*, ног. *-ataŋan*, каракалп. *-atıŋan*, казах. *-atın*, алт. *-atan*, а в некоторых основах, наиболее часто употребляющихся в данной форме в ряде языков, стянулось до форманта *-aŋan*.

[144] Генезис аффикса аориста *-ig* в тех языках, где он по значению противопоставляется аффиксу *-ag*, *-äg*, связан с фонетическим развитием сочетания, состоящего из вспомогательного глагола *ja-* или *-jogu-* и аффикса аориста *-ag*, *-äg*. Это сочетание стянулось

в результате фонетического развития в различные формы: тур.-jog, туркм. jag, азерб. -ig и пр.

[45] См. примечание 43.

[46] Гипотеза Ж. Дени о происхождении глагольной формы желания -а, -ja, -aj, -qaj, -qaj из первоначальной формы на -ya является весьма продуктивной и подтверждается на материале других тюркских языков. Что же касается аффиксов возможности -а, -aj, то последние имеют иное происхождение и в большинстве языков (н.-уйг. и др.) связаны с вспомогательным глаголом al- «брать, взять».

[47] * В бурятском языке hā является послелогом со значением «если», который употребляется при всех именах, в том числе и при причастиях (формы āhā в этом языке нет, и здесь, по-видимому, -āhā представляет собою ошибочно и слитно написанное сочетание данного послелога с причастием прошедшего времени на -ā).

[48] В тюркских языках при установлении генезиса условной формы на -sa, -sā так же восстанавливается элемент -yu ~ -yū, который на тюркской почве соответствует имени действия. Таким образом, архитип аффикса условной формы в тюркских языках восстанавливается в виде *-yu-sa-r, -gū-sā-r.

[49] Определяя систему спряжения в алтайских языках, автор отличает две основные ее особенности: преобладание именного типа предложения и тенденцию к выражению зависимости одних предложений от других при помощи особых аффиксов, присоединяющихся к причастиям и деепричастиям, в результате чего так называемые «зависимые предложения» приобретают характер причастных и деепричастных оборотов.

Если вторая особенность действительно характерна для алтайских языков, в которых истинные придаточные предложения, сочетающиеся посредством союзов и союзных речений, встречаются лишь как исключение, то первая особенность, то есть характеристика всех предложений как именных, не может быть отнесена по крайней мере к тюркским языкам, где все предложения, напротив, исторически восходят к предложениям с глагольным типом сказуемого, в том числе и предложения со сказуемым, выраженным именем со связкой (так как связка имеет исходной формой причастие), или именем с утраченной связкой.

Особенность сказуемых тюркских предложений заключается в том, что все они по своей природе представляют причастную форму, не исключая и таких форм, как условная (-sa, -sā < -yusaq, -igsār), или прошедшего времени (-dy, -di < -dyq, -dik), или повелительно-желательные формы (-ajun, -ājin < -yajman, -gājman) и пр.

[50] Автор приводит в общем исчерпывающий перечень глагольных форм, употребляющихся в качестве сказуемого в зависимых оборотах и предложениях. Следует только отметить, что все так

называемые самостоятельные формы генетически восходят к адъективным или, вернее, атрибутивным формам глагола, то есть к причастиям.

Данная схема классификации независимо от В. Котвича использовалась также и советскими тюркологами.

[151] * В Советской монголистике повелительные и желательные формы глагола по грамматическим соображениям объединяются в одну категорию повелительно-желательного наклонения (см. Г. Д. Саижеев, Наклонения в монгольских языках, «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 3—26).

[152] Наряду с формой -γиџу в некоторых тюркских языках имеются иные фонетические оформления этой же формы, например в казахском, каракалпакском и некоторых других языках — форма -шwџу, а в алтайском (ойротском) — близкая к монгольской форма -аџу, -āџи.

[153] Гипотеза о причастии как единственной основе спряжения в алтайских языках подтверждается на материале многих тюркских языков, что уже неоднократно отмечалось в работах советских тюркологов, большинство которых разделяет точку зрения автора и о полисемии причастия как обозначающего три категории понятий: а) факта действия, б) действующего лица, в) объекта или результата действия. К этим функциям причастия можно добавить, что причастие выступает также и в функции *verbum finitum*. Впрочем, существуют представители иной точки зрения, которые считают, что каждая из функций выражается самостоятельной формой; в данном случае мы имеем, по их мнению, дело с четырьмя омонимичными формами.

[154] К̄ очень точной характеристике автора деепричастных форм и их значений следует добавить следующее: сами по себе деепричастные формы не имеют в некоторых алтайских языках, в частности в тюркских, временного значения и деление их на деепричастные формы настоящего и прошедшего времени не подсказывается фактическим материалом.

[155] В тюркских языках условная форма, как уже отмечалось выше, относится не к деепричастным, а к причастным формам.

[156] К инфинитивным формам глагола или, точнее, к именам действия в тюркских языках относятся, кроме форм на -таq, -tāk и -γи, -gū>-uw, -ūw>-u-ū, также формы на -yž -iž, особенно продуктивные в карлукских языках — узбекском и новоуйгурском.

[157] Более полными архитипами повелительно-желательной формы I л. ед. и мн. ч. в тюркских языках являлись: ед. ч. -γajtap, -gājtap и мн. ч.: -γajtuq, -gājlik.

^[58] Аффиксы повелительной формы 2 л. -quŋ, -qun, как справедливо отмечает автор, были постоянными формантами и только позже редуцировались и выпали из парадигмы повелительно-желательного наклонения в спряжении тюркских глаголов. Что касается происхождения этих аффиксов, то гипотеза Ж. Дени с тем уточнением, которое дает В. Л. Котвич, представляется весьма вероятной, хотя в соответствии со значением и общей структурой глагольных спрягаемых форм было бы вероятнее в формах на quŋ, -quun видеть исторически исчезнувшее причастие.

^[59] Хотя автор и сомневается в этом, основой повелительно-желательной формы 1 л. ед. и мн. ч. являлась, по-видимому, форма на -ʔaj, -gāj. Параллельные же диалектные формы, сохраняющие полностью аффикс -ʔaj, лишь подтверждают эту гипотезу.

^[60] Аффикс -lun в 1 л. мн. ч. повелительно-желательной формы восходит, по нашему мнению, к более сложному аффиксу -luyq-uyuz; это подтверждается тем, что в современном новоуйгурском языке сохранилась та же форма, но без аффикса лица, то есть -luyq (ср. bagaluyq «пойдемте-ка»).

^[61] Автор приводит примеры из тувинского al-ʔaj-lā-bān «конечно, возьму», raŋ-ʔaj-lā-sān «конечно, придешь», tuš-ʔaj-lā-saŋ, «встретишься» и из новоуйгурского языка al-aj-lu(q)la «возьмем же», которые подтверждают наличие элемента -luyq, -lak в форме желательного-повелительного наклонения.

^[62] И все же элемент -ip в 1 л. ед. ч. представляет собой рефлекс местоимения личного 1 л. Что же касается элемента -ip в чувашском и якутском для 3 л., то он имеет иное происхождение и связан с аффиксом -sup в других тюркских языках.

^[63] Возражения автора против гипотезы о единой природе причастий на -ʔaj и элемента -a, -aj в желательного-повелительных формах неубедительны. Фактический материал большинства тюркских языков подтверждает эту гипотезу.

^[64] Форма -ʔasaŋ в монгольском языке, возводимая к *-ʔa-su-ʔaj, имеет много общего с формами, приведенными в словаре Махмуда Кашгарского. Этот тип сложных аффиксов встречается и в современных тюркских языках, ср., например, желательную форму в тувинском языке bar-yuq-sa- «хотеть идти», biči-k-sā «хотеть писать», которая может иметь при себе многие аффиксы имени действия, причастий и деепричастий, например bar-yuq-sa-an, bar-yuq-sa-g. С этой формой связано и происхождение тюркской условной формы на -sa, -sā, которая восходит к более полному архитипу *-yuq-sa-g.

^[65] Первоначальной формой аффикса -t в тюркском настояще-будущем времени является не -tur, а turur, то есть причастие на -ur от глагола tur-.

[64] Аффикс настоящего времени -*ug*, -*ig* -*ūg*, -*īg*, как уже отмечалось выше, следует различать с аффиксом -*ag*, -*āg* и -*ug*, -*ig* будущего времени, так как первый из них сложился из сочетания деепричастия на -*a*, -*ā* и вспомогательного глагола *jat-* или *jogu-* в форме причастия на -*ag*, -*āg*.

[65] Теория о первичной структуре корня, якобы состоящего из *se* для основ *ba-*, *tu-*, *jo-* и пр., не доказана, поэтому для предположения о том, что эти корни состоят из основ *ba-*, *tu-*, *jo-* + аффикс причастия -*g*, нет достаточных оснований, тем более что, кроме этих корней вспомогательных глаголов, имеется еще *jat-* «лежать», который во многих тюркских языках имеет форму причастия *jatug*, точно так же как глаголы *āg-*, *tug* и др. имеют формы *āgūr*, *turug* и т. д.

[66] Предположения автора о первичной основе *ā-* для глагола «быть» *āg-* малоубедительны хотя бы потому, что в более древних тюркских языках форма *aorista* зарегистрирована не в сокращенном виде: *āg*, а в полном фонетическом оформлении: *āgūr*, более того, в сокращенном фонетическом оформлении *āg* форма *aorista* не имеет употребления ни в старых, ни в современных языках.

[67] То же следует сказать и о глаголе *tur-*, все производные которого, в том числе и застывшие образования, происходят от основы *tur-*, а не *tu-*, ср., например, *turmuş* «жизнь» и т. п.

[70] Если бы автор дал все словообразовательные парадигмы от корней *ā-*, *tu-*, *ba-*, *jo-* и обосновал их значение, мы, может быть, и согласились бы с его предположением о существовании в тюркском языке этих корней. Кроме того, факты наличия в большинстве этих основ долгих гласных (например, в туркменском языке) указывают на более сложный путь их фонетического развития (ср. туркм. *jo!* «дорога», *bāg* «есть, имеется», и др.).

[71] О происхождении аффикса -*du*, -*di* и о сближении его с аффиксами -*duq*, -*dik* и -*t* см. Н. А. Баскаков, Причастие на -*ды/ты* в тюркских языках, «Труды Московского института Востоковедения», т. 6, М., 1951, стр. 205—217.

[72] Предположение Ж. Дени об общности происхождения аффикса деепричастия -*a*, -*ā*, -*j* с аффиксом -*ya*, -*gā* и -*ya!*, -*gā!* является весьма вероятным. Что же касается семантической стороны этого вопроса, то категории глагола, связанные с видовыми оттенками желания и временными оттенками будущего времени, тоже тесно связаны между собой (см. Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, т. II, М.—Л., 1952, стр. 414—415).

[73] Здесь следовало бы разграничить два различных типа производных форм от глагола: а) отглагольные существительные, которые потеряли связь с понятием динамического признака, и б) имена действия, которые сохранили значение глагола.

[74]* В монгольских языках *daki* [~*daxi*] употребляется лишь в качестве своеобразного существительного-послелога со значением «раз» (при числительных и некоторых счетных словах, вне сочетания с которыми это слово не встречается), например: бур. *nege daxi* «один раз», *olox daxi* «много раз». В значении же наречия «снова» употребляется *dakiᠨ*, буквально «повторяя, возобновляя», ибо это *dakiᠨ* представляет собою форму слитного деепричастия от глагола *daki-* «повторять, возобновлять».

[75] Аффикс *-up, -ip* как продуктивная форма имени ныне широко употребляется в карачаево-балкарском языке.

[76] Более реальной в отношении происхождения послелога *᠒a* представляется гипотеза А. Зайончковского, так как, например, в алтайском (ойротском) языке послелоги *᠒a, ᠒ä* и *ru᠒a, pilä* в диалектах употребляются факультативно.

[77] Категория определенности и неопределенности в тюркских языках изучена слабо, и здесь автор прав в том отношении, что часто слова, выражающие определенные предметы в составе словосочетания и предложения, не имеют никаких морфологических показателей.

[78] Замечание В. Л. Котвича об отсутствии в алтайских языках глаголов «иметь, владеть» и «принадлежать, являться собственностью» очень точно характеризует эти языки как языки, сохранившие весьма древнюю структуру. Значения владения, кроме указанных автором средств выражения, передаются также еще сложной системой притяжательных местоимений.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Ашмарин — Н. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1897—1898.
- Басангов — Басангов Б., Русско-калмыцкий словарь, М., 1940.
- Баскаков, Насилов — Н. А. Баскаков, В. М. Насилов, Уйгурско-русский словарь, М., 1939.
- Батманов, Грамматика — И. А. Батманов, Грамматика киргизского языка, вып. I, 1. Введение, 2. Элементы фонетики, Фрунзе — Казань, 1939. Вып. II, Имена, Фрунзе, 1940. Вып. III, Типы отглагольных образований и их функции, Фрунзе, 1940.
- Батманов, Части речи — И. А. Батманов, Части речи в киргизском языке, Фрунзе, 1936.
- Бобровников — А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849.
- Богородицкий, Этюды — В. А. Богородицкий, Этюды по тюркскому языкознанию, Казань, 1933.
- Бойцова — А. Ф. Бойцова, Категория лица в эвенкийском языке, под ред. В. П. Андреевой-Георг, и В. И. Цинциус, Научно-исследовательская ассоциация народов Севера им. П. Г. Сидовича, М., 1940.
- Бурдуков — А. В. Бурдуков, Русско-монгольский словарь разговорного языка, Л., 1935.
- Василевич, Очерк — Г. М. Василевич, Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1940.
- Василевич, Словарь — Г. М. Василевич, Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь, М., 1940.
- Владимирцов, Сравн. гр. — Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.
- Владимирцов, Турецкие элементы — Б. Я. Владимирцов, Турецкие элементы в монгольском языке, ЗВОРАО, т. XX, 1911.
- Голстунский — К. Голстунский, Моголо-русский словарь, I — III, СПб., 1894—1898.
- Дмитриев, Гр. кумык. — Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, М. — Л., 1940.
- Дмитриев, Служ. имена — Н. К. Дмитриев, Служебные имена в турецком языке, «Советское языкознание», III, Л., 1937.

- Дмитриев, Гагауз.— Н. К. Д м и т р и е в, Гагаузские этюды, «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук», вып. I, 1939.
- Дмитриев, Ук. мест.— Н. К. Д м и т р и е в, Указательные местоимения в османском языке, ДАН СССР, В, 1926.
- Дмитриев, Строй — Н. К. Д м и т р и е в, Строй турецкого языка, Л., 1929.
- ДРАН — Доклады Российской Академии Наук.
- Дыренкова — Н. П. Д ы р е н к о в а, Грамматика ойротского языка, М.— Л., 1940 (Академия наук СССР, Институт языка и письменности народов СССР).
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, Петербург — Петроград.
- Захаров — И. З а х а р о в, Грамматика маньчжурского языка, СПб, 1879.
- ИРАН — Известия Российской Академии Наук.
- Катанов — Н. К а т а н о в, Опыт исследования урянхайского языка, Казань, 1900.
- Ковалевский — О. К о в а л е в с к и й, Монгольско-русско-французский словарь, I — III, Казань, 1844—1849.
- Козин — А. С. К о з и н, Сокровенное сказание, I, М.— Л., 1941.
- Котвич, Опыт² — Вл. К о т в и ч, Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, изд. 2, Прага, 1929.
- Мелиоранский — П. М е л и о р а н с к и й, Краткая грамматика казак-киргизского языка, I, II, СПб, 1894.
- Попов — А. П о п о в, Грамматика калмыцкого языка, Казань, 1879.
- Позднеев — А. П о з д н е е в, Калмыcko-русский словарь, СПб, 1911.
- Санжеев, Грамматические приемы — Г. Д. С а н ж е е в, Грамматические приемы в монгольских языках, «Труды Московского института востоковедения», 2, М., 1940.
- Юдахин — К. К. Ю д а х и н, Киргизско-русский словарь, М., 1940.

- AASF — Annales Academiae Scientiarum Fennicae.
- AM — Asia Maior, Leipzig.
- AO — Archiv orientální, Praha.
- ASAW — Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der sächsischen Akademie der Wissenschaften, Leipzig.
- AUL — Acta Universitet Latviensis, Riga.
- Bang — Gabain — W. B a n g u n d A. G a b a i n, Analytischer Index, SPAW, 1931.
- Cartren — Schifner — M. A l e x a n d e r C a s t r e n's, Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre, hrsg. von Anton S c h i e f n e r, Nordische Reison und Forschungen, СПб, 1856.
- CO — Collectanea Orientalia, Wilno — Lwów.

- Deny — J. Deny, Grammaire de la langue turque (dialect osmanli), Paris, 1921.
- Grønbech — R. Grønbech, Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936.
- Haenisch — E. Haenisch, Wörterbuch zu Manghol und Niuča Tobča'an, Leipzig, 1939.
- JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
- Kotwicz, Les Contributions — W. Kotwicz, Les Contributions aux études altaïques, I—III, RO, VII, 1931; IV—V, RO, XVI, 1936.
- Kotwicz, Les pronoms — W. Kotwicz, Les pronoms dans les langues altaïques, Kraków, 1936.
- KSz — Keleti Szemle, Budapest.
- MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung, Leipzig.
- PBO — Polski Biuletyn Orientalistyczny.
- Radloff, Die jak. Spr. — W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, St.-P., 1908.
- Ramstedt, Konjugation — G. I. Ramstedt, Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen; MSFOu, 19, 1902.
- RO — Rocznik Orientalistyczny, Kraków.
- SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse.
- T'P — T'oung Pao; Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie et les arts de l'Asie Orientale, Leiden.
- UJ — Ungarische Jahrbücher, Berlin.
- Zajączkowski, Sufiksy — A. Zajączkowski, Sufiksy imienne i czasownikowe w języku Zachodniokaraïmskim, Kraków, 1932.
- ZDMG — Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аз.— азербайджанский язык
 Алт.— алтайский язык (ранее именовавшийся ойротским)
 Баргуз.— баргузинский диалект тунгусского языка
 Башк.— башкирский язык
 Бурят.— бурят.-монгольский язык
 Гаг.— гагаузский язык
 Даг.— дагурский диалект монгольского языка
 Казан., казан.-тат.— казанский диалект татарского языка
 Казах.— казахский язык
 Калм.— калмыцкий язык
 Карагас.— карагасский язык
 Караим.— караимский язык
 Кашг.— кашгарский диалект новоуйгурского языка
 Кирг.— киргизский язык
 Койб.— койбальский диалект хакасского языка
 Куманд.— кумандинский диалект алтайского языка
 Кумык.— кумыцкий язык
 Кызыл.— кызыльский диалект хакасского языка
 Лам.— ламутский (эвенкийский) язык
 Маньч.— маньчжурский язык
 Могол.— язык моголов Афганистана
 Монг.— монгольский язык и монгольские языки
 Монгуор — язык монголов Западного Гансу
 Нан.— нанайский (гольдский) язык
 Негид.— негидальский язык
 Ойрат.— ойратский диалект монгольского языка
 Ордос.— диалект южномонгольской группы диалектов
 Ороч.— орочский язык
 Орхон.— язык орхонских надписей
 Саг.— сагайский диалект хакасского языка
 Солон.— солонский язык
 Тар.— таранчинский диалект новоуйгурского языка
 Тат.— татарский язык
 Тел.— телеутский диалект алтайского языка
 Тув.— тувинский язык (ранее именовавшийся сойотским и урянхайским)
 Тунг.— тунгусский (эвенкийский) язык и тунгусские языки
 Тур.— турецкий язык
 Тюрк.— тюркские языки
 Уд.— удэйский (удэгейский) язык
 Уйг.— уйгурский язык
 Ульч.— язык тунгусской народности ульча (ольча)
 Халх.— халха-монгольский язык
 Чаг.— чагайский язык
 Чув.— чувашский язык
 Якут.— якутский язык

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
От автора	19
I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	
Попытка пересмотра грамматической схемы алтайских языков	23
Слова, их строение и фонетическое развитие	30
Структура корней	33
Формы и происхождение суффиксов; их гнезда	46
Имя	60
Глагол	61
Наречия и частицы	63
Слова и части речи	65
Замечания о лабиальной ассимиляции	82
II. МОРФОЛОГИЯ	103
Имена	103
Существительные и прилагательные	103
Суффиксы степеней сравнения имен	103
Суффикс существительных: монг. -bçi, тунг. -ptun.	107
Монгольский суффикс существительных -du ~ -dü, -ji	107
Тюркский суффикс принадлежности -liŷ ~ -tig и его производные	109
Общеалтайский суффикс принадлежности -ki, -gi	117
Тюркский привативный суффикс -siz ~ -siz и его происхождение	123
Суффиксы без -z	126
Суффиксы с -r	133
Числительные	137
Тунгусские собирательные числительные	137
Монгольские числительные с суффиксом -çi	138
Местоимения	139

Тюркские указательные и личные местоимения	140
Усиление указательных местоимений	149
Местоимение 3 лица в тунгусских языках	151
Монгольское вопросительное местоимение <i>ali</i>	153
Тюркское указательное местоимение <i>bi</i> в монгольском	156
Притяжательные и предикативные суффиксы местоименного происхождения	159
Склонение	181
Общие замечания о склонении	181
Суффиксы склонения, происходящие от <i>ṣau</i>	191
<i>Глагол</i>	194
Глагольные основы	194
Общий обзор	194
Суффиксы глаголов, являющихся причиной действия или состояния	197
Суффиксы глаголов, обозначающие фазы действия или состояния	203
Суффиксы глаголов, обозначающих многократные действия	205
Суффиксы глаголов, выражающих степень проявления или способ совершения действия или состояния	209
Суффиксы глаголов, обозначающих направление движения	209
Суффиксы глаголов, обозначающих сходство: тюрк. <i>-si</i> , <i>-su</i> , монг. <i>-ṣi</i>	211
Суффикс дуративных глаголов <i>-a - -ā</i>	213
Суффикс глаголов, выражающих желание или возможность выполнения какого-либо действия: тюрк. <i>-a</i> , монг. <i>-ya</i>	218
Спряжение	221
Общий обзор	221
Общий перечень глагольных форм	222
Глагольные формы в роли сказуемого	222
Категории времени, числа и лица	236
Парадигмы тунгусского спряжения	238
Формы повелительного и желательного наклонений	250
Формы изъявительного наклонения	270
Причастия и деепричастия	276
<i>Наречия и частицы</i>	313
Наречия и наречные суффиксы	313
Общий обзор	313

Суффикс склоняемо-наречный -la ~ -lä (~ -lo)	318
Суффиксы наречий места -ta ~ -tä(-re) и др.	323
Монгольский архаический суффикс -γun ~ -gün	327
Тюркские суффиксы -düri, -dir, -dur, -düz	323
Вопросительные суффиксы	332
III. СИНТАКСИС	334
Множественное число	334
Прилагательные в роли сказуемого	336
Существительные в роли определения (изарет)	338
Категория обладания и принадлежности	342
Заключение	345
Примечания	354
Условные обозначения	365
Список сокращений	368

В. КОТВИЧ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПО АЛТАЙСКИМ
ЯЗЫКАМ

Редактор *Э. А. Намитокова*
Художник *А. Антонова*
Художественный редактор *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Л. М. Харьковская*
Корректоры *А. В. Кулагина* и *В. И. Курьянова*

Сдано в производство 31/III 1962 г.
Подписано к печати 23/VIII 1962 г.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 5,8$, бум. л. 19 печ. л.
Уч.-изд. л. 18. Изд. № 13/0215. Цена 1 р. 28 к.
Заказ № 2888.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28

